Agatha Christie

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ



Агата Кристи

Убийство в «Восточном экспрессе»
Убийство на поле для гольфа

Убийство в «Восточном экспрессе». Убийство на поле для гольфа

Агата Кристи

Аннотация
Агата Кристи. Убийство в «Восточном экспрессе». Убийство на поле для гольфа»
УБИЙСТВО. В. «ВОСТОЧНОМ ЭКСПРЕССЕ»
Часть I. ФАКТЫ
Глава 1. В ЭКСПРЕСС «ТАВРЫ». САДИТСЯ ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ ЛИЦО
Глава 2. ОТЕЛЬ «ТОКАТЛИАН»
Глава 3. ПУАРО ОТКАЗЫВАЕТ КЛИЕНТУ
Глава 4. КРИК В НОЧИ
Глава 5. ПРЕСТУПЛЕНИЕ
Глава 6. ЖЕНЩИНА?
Глава 7. ТРУП
Глава 8. ПОХИЩЕНИЕ ДЕЙЗИ АРМСТРОНГ
Часть II. ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЕЙ
Глава 1. ПОКАЗАНИЯ ПРОВОДНИКА. СПАЛЬНЫХ ВАГОНОВ
Глава 2. ПОКАЗАНИЯ СЕКРЕТАРЯ
Глава 3. ПОКАЗАНИЯ СЛУГИ
Глава 4. ПОКАЗАНИЯ ПОЖИЛОЙ АМЕРИКАНКИ

Глава 5. ПОКАЗАНИЯ ШВЕДКИ
Глава 6. ПОКАЗАНИЯ РУССКОЙ КНЯГИНИ
Глава 7. ПОКАЗАНИЯ ГРАФА И ГРАФИНИ АНДРЕНИ
Глава 8. ПОКАЗАНИЯ ПОЛКОВНИКА АРБЭТНОТА
Глава 9. ПОКАЗАНИЯ МИСТЕРА ХАРДМАНА
Глава 10. ПОКАЗАНИЯ ИТАЛЬЯНЦА
Глава 11. ПОКАЗАНИЯ МИСС ДЕБЕНХЭМ
Глава 12. ПОКАЗАНИЯ ГОРНИЧНОЙ
Глава 13. ПУАРО ПОДВОДИТ ИТОГИ
Глава 14. УЛИКИ: ОРУЖИЕ
Глава 15. БАГАЖ ПАССАЖИРОВ
Часть III. ЭРКЮЛЬ ПУАРО УСАЖИВАЕТСЯ. ПОУДОБНЕЕ И РАЗМЫШЛЯЕТ
Глава 1. КОТОРЫЙ?
Глава 2. ДЕСЯТЬ ВОПРОСОВ
Глава 3. НЕКОТОРЫЕ СУЩЕСТВЕННЫЕ ДЕТАЛИ
Глава 4. ПЯТНО НА ВЕНГЕРСКОМ ПАСПОРТЕ
Глава 5. ИМЯ КНЯГИНИ ДРАГОМИРОВОЙ
Глава 6. ВТОРАЯ БЕСЕДА. С ПОЛКОВНИКОМ АРБЭТНОТОМ
Глава 7. КТО ТАКАЯ МЭРИ ДЕБЕНХЭМ
Глава 8. НОВЫЕ УДИВИТЕЛЬНЫЕ ОТКРЫТИЯ
Глава 9. ПУАРО ПРЕДЛАГАЕТ ДВЕ ВЕРСИИ

УБИЙСТВО. НА ПОЛЕ ДЛЯ ГОЛЬФА
Глава 1. ПОПУТЧИЦА
Глава 2. «РАДИ ВСЕГО СВЯТОГО, ПРИЕЗЖАЙТЕ!»
Глава 3. ВИЛЛА «ЖЕНЕВЬЕВА»
Глава 4. ПИСЬМО, ПОДПИСАННОЕ «БЕЛЛА»
Глава 5. РАССКАЗ МАДАМ РЕНО
Глава 6. МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ
Глава 7. ТАИНСТВЕННАЯ МАДАМ ДОБРЭЙ
Глава 8. НЕЧАЯННАЯ ВСТРЕЧА
Глава 9. МОСЬЕ ЖИРО НАХОДИТ УЛИКИ
Глава 10. ГАБРИЭЛЬ СТОНОР
Глава 11. ЖАК РЕНО
Глава 12. ПУАРО ПРИПОДНИМАЕТ ЗАВЕСУ ТАЙНЫ
Глава 13. ДЕВУШКА С ТРЕВОЖНЫМ ВЗГЛЯДОМ
Глава 14. ВТОРОЙ ТРУП
Глава 15. ФОТОГРАФИЯ
Глава 16. ДЕЛО БЕРОЛЬДИ
Глава 17. РАССЛЕДОВАНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ
Глава 18. ЖИРО ДЕЙСТВУЕТ
Глава 19. Я НАПРЯГАЮ СВОИ СЕРЫЕ КЛЕТОЧКИ
Глава 20. ЕЩЕ ОДНО ПОРАЗИТЕЛЬНОЕ ОТКРЫТИЕ
Глава 21. ПУАРО ИЗЛАГАЕТ СВОЮ ВЕРСИЮ
Глава 22. Я ВЛЮБЛЯЮСЬ
Глава 23. НОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Глава 24. «СПАСИТЕ ЕГО!»
Глава 25. НЕОЖИДАННАЯ РАЗВЯЗКА
Глава 26. Я ПОЛУЧАЮ ПИСЬМО
Глава 27. РАССКАЗЫВАЕТ ЖАК РЕНО
Глава 28. КОНЕЦ ПОЕЗДКИ

Аннотация

Убийство в «Восточном экспрессе»

Находившийся в Стамбуле великий сыщик Эркюль Пуаро возвращается в Англию на знаменитом «Восточном экспрессе», в котором вместе с ним едут, кажется, представители всех возможных национальностей. Один из пассажиров, неприятный американец по фамилии Рэтчетт, предлагает Пуаро стать своим телохранителем, поскольку считает, что его должны убить. Знаменитый бельгиец отмахивается от этой абсурдной просьбы. А на следующий день американца находят мертвым в своем купе, причем двери закрыты, а окно открыто. Пуаро немедленно берется за расследование - и выясняет, что купе полно всевозможных улик, указывающих... практически на всех пассажиров «Восточного экспресса». Вдобавок поезд наглухо застревает в снежных заносах в безлюдном месте. Пуаро необходимо найти убийцу до того, как экспресс продолжит свой путь...

Убийство на поле для гольфа

Эркюль Пуаро получает письмо от южно-

американского миллионера с просьбой о помощи. Но Пуаро и Гастингс не успевают спасти несчастного месье Рено — его труп находят на поле для гольфа. Пуаро вынужден погрузиться в запутанную цепь событий, происходивших задолго до расследования, чтобы выйти на убийцу миллионера.

Агата Кристи
Убийство в «Восточном экспрессе». Убийство на поле для гольфа»

УБИЙСТВО
В
«ВОСТОЧНОМ ЭКСПРЕССЕ»

Часть I
ФАКТЫ
Глава 1
В ЭКСПРЕСС «ТАВРЫ» САДИТСЯ ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ ЛИЦО

Ранним морозным утром, в пять часов по местному времени, вдоль платформы сирийской станции Алеппо вытянулся состав, который железнодорожные справочники торжественно именовали экспресс «Тавры». Экспресс состоял из вагона-ресторана, одного спального и двух вагонов местного сообщения.

У входа в спальный вагон молоденький лейтенант французской армии во всем великолепии своего мундира разговаривал с человечком, по уши укутанным во всевозможные шарфы и кашне, из-под которых высовывались лишь красный носик и кончики грозно закрученных усов.

Стоял пронизывающий холод, и провожать почетного гостя было делом отнюдь не завидным, но лейтенант Дюбоск мужественно выполнял свой долг. Он сыпал изысканнейшими фразами на изящнейшем французском языке. Хотя

в чем дело, честно говоря, не понимал. Правда, по гарнизону, как бывает в подобных случаях, ходили какие-то слухи. А на генерала, того самого генерала, под началом которого служил лейтенант Дюбоск, стало все труднее угодить. И тогда откуда-то, чуть не из самой Англии, приехал этот бельгиец. Целую неделю весь гарнизон пребывал в непонятной тревоге. А потом пошло-поехало. Один весьма видный офицер покончил с собой, другой подал в отставку — и тревога отпустила военных, некоторые меры предосторожности были отменены. А генерал, тот самый, под началом которого служил лейтенант Дюбоск, словно помолодел лет на десять.

Дюбоск нечаянно подслушал обрывок разговора между «его» генералом и незнакомцем. «Вы спасли нас, мой друг, — прочувствованно говорил генерал, и его седые усы подрагивали. — Вы спасли честь французской армии, вы предотвратили кровопролитие! Не знаю, как и благодарить вас за то, что вы откликнулись на мою просьбу! Приехать в такую даль…»

На что незнакомец (его звали Эркюль Пуаро), как и полагается, отвечал: «Что вы, генерал, разве я мог забыть, что вы спасли мне жизнь?» Генерал в свою очередь, произнес какую-то подходящую

случаю фразу, отрицая свои заслуги, и в разговоре вновь замелькали Франция, Бельгия, слава, честь и всякое тому подобное, затем друзья сердечно обнялись, и разговор закончился.

О чем, собственно, шла речь, лейтенант так до сих пор и не понял, но как бы то ни было, почетное поручение проводить Пуаро на экспресс «Тавры» было возложено именно на него, и он выполнял его с пылом и рвением, приличествующими многообещающему молодому офицеру.

— Сегодня воскресенье, — говорил лейтенант Дюбоск, — завтра вечером, то есть в понедельник, вы будете в Стамбуле.

Он уже не первый раз высказывал это соображение. Впрочем, разговоры, которые ведутся перед отходом поезда, всегда изобилуют повторами.

— Совершенно верно, — согласился Пуаро.

— Вы, видимо, остановитесь в Стамбуле на несколько дней?

— Mais oui[1]. Мне не случалось бывать там. Было бы очень жаль проехать мимо, вот так. — И он выразительно щелкнул пальцами. — Я не спешу и могу посмотреть город.

---

[1] Примечания: 1

Ну конечно *(фр.).* В дальнейшем перевод французских выражений дается без пометки **(фр.).**

— La Sainte Sophie[2] удивительно красива, — сказал лейтенант Дюбоск, который в жизни не видел этого собора.

Свирепый порыв ветра заставил мужчин поежиться. Лейтенант Дюбоск украдкой бросил взгляд на часы. Без пяти пять — всего пять минут до отхода. Боясь, что гость перехватил этот взгляд, он поспешил заполнить паузу.

— В это время года мало кто путешествует, — сказал он, оглядев окна спального вагона.

— Вы, пожалуй, правы, — поддакнул Пуаро.

— Будем надеяться, что вас не застигнут заносы в Таврских горах.

— А такое возможно?

— Вполне. Правда, в этом году бог миловал.

— Что ж, будем надеяться на лучшее, — сказал Пуаро. — Какие сводки погоды из Европы, плохие?

— Очень. На Балканах выпало много снега.

— В Германии, как мне говорили, тоже.

— Eh bien[3], — чувствуя, что надвигается новая пауза, поспешно сказал лейтенант Дюбоск, — завтра вечером в семь сорок вы будете в

---

[2] Примечания: 2
Святая София.

[3] Примечания: 3
Ну что ж.

Константинополе.

— Да, — сказал мсье Пуаро и, из последних сил стараясь поддержать разговор, добавил: — Мне рассказывали, что Святая София поразительно красива.

— Видимо, просто великолепна.

В одном из купе поднялась шторка, и в окно выглянула молодая женщина.

— Ну что ж.

С тех самых пор, как Мэри Дебенхэм выехала в прошлый четверг из Багдада, она почти не спала. Не спала ни в поезде до Киркука, ни в комнатах отдыха пассажиров в Мосуле; не удалось ей выспаться и прошлой ночью в поезде. И теперь, устав лежать без сна в душном, жарко натопленном купе, она поднялась и выглянула в окно.

Это скорее всего Алеппо. Смотреть тут, конечно, не на что. Длинный, плохо освещенный перрон; где-то неподалеку яростно бранятся по-арабски. Двое мужчин под окном говорят по-французски. Один — французский офицер, другой — человечек с огромными усами. Губы ее тронула легкая улыбка. Это ж надо так закутаться! Должно быть, в Алеппо очень холодно! Вот почему в поезде так безбожно топят. Она попыталась опустить окно пониже, но оно не поддавалось.

Проводник спального вагона подошел к мужчинам.

— Поезд отправляется, — сказал он. — Мсье пора в вагон.

Человечек снял шляпу. Ну и голова — ни дать ни взять яйцо! И, несмотря на одолевавшие ее заботы, Мэри Дебенхэм улыбнулась. Потешный человечек! Таких коротышек обычно никто не принимает всерьез. Лейтенант Дюбоск произнес прощальную речь. Он подготовил ее заранее и приберегал до последнего момента. Речь продуманную и блистательную.

Не желая уступить ему, Пуаро отвечал в том же духе.

— En voiture, — сказал проводник.

Всем своим видом показывая, как ему жаль расставаться с лейтенантом, Пуаро поднялся в вагон. Проводник последовал за ним. Пуаро помахал рукой, лейтенант отдал честь. Поезд, неистово рванув, медленно покатил по рельсам.

— Enfin[4], — пробормотал Эркюль Пуаро.

— Брр… — поежился лейтенант Дюбоск — он только сейчас почувствовал, как продрог.

---

[4] Примечания: 4
Наконец-то.

— Voilà[5], мсье. — Проводник выразительным взмахом руки привлек внимание Пуаро к роскоши купе, особо отметив, как аккуратно и заботливо размещен багаж. — Чемоданчик, мсье, я поместил здесь.

Протянутая рука красноречиво намекала. Пуаро вложил в нее сложенную вдвое купюру.

— Merci[6], мсье. — Проводник быстро перешел к делу: — Билеты мсье у меня. Пожалуйте паспорт. Мсье, как я понимаю, выходит в Стамбуле?

— В эту пору года, наверное, мало пассажиров? — спросил Пуаро.

— Совершенно верно, мсье. Кроме вас, в вагоне всего два пассажира — оба англичане. Полковник из Индии и молодая англичанка из Багдада. Что еще угодно мсье?

Мсье заказал маленькую бутылку «Перрье».

Начинать путешествие в пять часов утра не слишком удобно. Надо как-то скоротать еще два часа до рассвета. Довольный тем, что успешно справился с щекотливой миссией, Пуаро забился в угол, свернулся клубочком и заснул с сознанием, что ему вряд ли придется выспаться.

---

[5] Примечания: 5
Вот.

[6] Примечания: 6
Спасибо.

Проснулся он уже в половине десятого и отправился в вагон-ресторан выпить кофе.

В вагоне-ресторане сидела всего одна посетительница, очевидно, та самая молодая англичанка, о которой упоминал проводник. Высокая, стройная брюнетка лет двадцати восьми. Держалась она непринужденно, и по тому, как она ела, как приказала официанту принести еще кофе, видно было, что она бывалая путешественница. Одета она была в темный дорожный костюм из какого-то тонкого материала — весьма уместный при здешней духоте.

Мсье Эркюль Пуаро от нечего делать исподтишка разглядывал англичанку.

«Решительная молодая женщина, — заключил он, — такая никогда не потеряет голову». У нее были непринужденные манеры и деловой вид. Ему, пожалуй, даже понравились ее строгие, правильные черты и прозрачная бледность кожи. Понравились волосы цвета воронова крыла, уложенные аккуратными волнами, и серые глаза, холодные и бесстрастные. «Но хорошенькой ее никак не назовешь, — решил он, — уж слишком она деловитая».

Вскоре в ресторан вошел еще один посетитель. Высокий мужчина не то за сорок, не то под

пятьдесят. Худощавый, загорелый, с седеющими висками.

«Полковник из Индии», — подумал Пуаро.

Вошедший поклонился девушке:

— Доброе утро, мисс Дебенхэм.

— Доброе утро, полковник Арбэтнот.

Полковник остановился около девушки, оперся о спинку стула по другую сторону столика.

— Вы не возражаете? — спросил он.

— Конечно, нет. Садитесь.

— Знаете, за завтраком не очень-то хочется разговаривать.

— Вот именно. Но не бойтесь, я не кусаюсь.

Полковник сел.

— Человек! — властно подозвал он официанта и заказал яйца и кофе.

Взгляд его задержался на Эркюле Пуаро, но тут же равнодушно скользнул дальше. Эркюль Пуаро — он хорошо знал англичан — прочел мысль полковника: «Всего-навсего паршивый иностранец!»

Англичане, как им и полагалось, почти не разговаривали. Они обменялись несколькими фразами, после чего девушка встала и вернулась в свое купе.

За обедом они снова сидели за одним столи-

ком и снова не замечали третьего пассажира. Теперь их разговор протекал более оживленно, чем во время завтрака. Полковник Арбэтнот рассказывал о Пенджабе и время от времени расспрашивал девушку о Багдаде, где, как выяснилось из разговора, она служила гувернанткой. Обнаружив в ходе беседы общих друзей, они сразу же оживились, стали менее чопорными. Вспоминали старину Томми такого-то и Джерри сякого-то. Полковник осведомился, едет ли мисс Дебенхэм прямо в Англию или остановится в Стамбуле.

— Нет, я не собираюсь останавливаться в Стамбуле.

— И вы об этом не жалеете?

— Я проделала такой же путь два года назад и провела тогда три дня в Стамбуле.

— Понятно. Что ж, должен сказать, я, со своей стороны, только рад этому: я ведь тоже не буду останавливаться в Стамбуле.

Он неловко поклонился и слегка покраснел.

«А наш полковник чувствителен к женским чарам», — подумал Эркюль Пуаро. Эта мысль его позабавила. Что ж, поездки по железной дороге способствуют романам не меньше морских путешествий.

Мисс Дебенхэм ответила, что ей это тоже очень приятно, но весьма сдержанным тоном.

Пуаро отметил, что полковник проводил ее до купе. Экспресс въехал в живописные Таврские горы. Когда в окне показались Киликийские ворота, Пуаро — он стоял неподалеку от англичан — услышал, как девушка со вздохом прошептала:

— Какая красота! Жаль, что я…

— Что вы — что?..

— Жаль, что я не могу наслаждаться ею!

Арбэтнот не ответил. На его квадратной челюсти заходили желваки.

— Видит бог, я много дал бы, чтобы избавить вас от этого.

— Тише, умоляю вас! Тише!

— Хорошо, хорошо! — Полковник метнул сердитый взгляд в сторону Пуаро и продолжал: — Мне неприятно, что вам приходится служить в гувернантках и быть на побегушках у сумасбродных мамаш и их капризных отпрысков.

Она весело засмеялась — обычная сдержанность покинула ее.

— Помилуйте, забитые гувернантки отошли в далекое прошлое. Уверяю вас, не я боюсь родителей, а они меня.

Они замолчали. Арбэтнот, по-видимому, застес-

нялся своего порыва.

«Интересная комедия здесь разыгрывается», — отметил Пуаро.

Это наблюдение он потом не раз вспоминал.

В Конью они прибыли поздно вечером, в половине двенадцатого. Англичане вышли на платформу размяться и теперь прохаживались взад-вперед по заснеженному перрону.

Пуаро довольствовался тем, что наблюдал за бурной жизнью станции в окошко. Однако минут через десять он решил, что и ему невредно подышать воздухом. Он тщательно оделся: облачился во всевозможные жилеты и пиджаки, обмотался шарфами и натянул на изящные ботинки калоши. Укутанный таким образом, он нетвердыми шагами спустился по лесенке, принялся мерить шагами перрон и так дошел до его конца.

Только по голосам он опознал две темные фигуры, смутно вырисовывающиеся в тени багажного вагона.

Говорил Арбэтнот:

— Мэри…

Девушка взволнованно прервала его:

— Нет, нет, не сейчас! Когда все будет кончено… Когда все будет позади… тогда…

Мсье Пуаро незаметно удалился. Он был озада-

чен: он едва узнал голос мисс Дебенхэм, всегда такой бесстрастной и деловитой.

«Любопытно», — сказал он про себя.

Назавтра ему показалось, что англичане поссорились. Они почти не разговаривали. Девушка казалась встревоженной. Под глазами у нее темнели синие круги.

В половине третьего поезд неожиданно остановился. Из окон выглядывали пассажиры. Небольшая группка людей, столпившихся возле рельсов, что-то показывала друг другу, тыча пальцами под вагон-ресторан.

Пуаро высунулся в окно, подозвал пробегавшего мимо проводника. Проводник объяснил, в чем дело. Пуаро втянул голову в вагон, повернулся и едва не толкнул при этом Мэри Дебенхэм, которая стояла за его спиной.

— В чем дело? — спросила она по-французски; голос ее прерывался от волнения. — Почему мы стоим?

— Пустяки, мадемуазель. Что-то загорелось под вагоном-рестораном. Ничего серьезного. Пожар уже погасили. Повреждение быстро устранят. Уверяю вас, никакой опасности нет.

Она небрежно махнула рукой, показывая, что пожар ее нисколько не пугает.

— Да, да, понимаю. Но сколько времени потеряно!

— Времени?

— Ну да, мы опоздаем…

— Вполне вероятно, — согласился Пуаро.

— Но я не могу опоздать! Поезд прибывает в Стамбул в шесть пятьдесят пять, а мне еще нужно пересечь Босфор и попасть на экспресс Симплон — Восток, который отходит в девять часов от другого берега. Если мы потеряем здесь час или два, я опоздаю на пересадку.

— Вполне вероятно, — согласился Пуаро. Он с любопытством наблюдал за ней. Рука ее на раме окна дрожала, губы тряслись. — Это так важно для вас, мадемуазель? — спросил он.

— Да. Очень важно. Я непременно должна попасть на этот поезд.

Она повернулась и пошла навстречу полковнику Арбэтноту, показавшемуся в конце коридора.

Опасения ее, однако, оказались напрасными. Не прошло и десяти минут, как поезд тронулся. Наверстав упущенное время, он прибыл в Хайдарпашу с опозданием всего на пять минут. Босфор в этот день бушевал — мсье Пуаро переправа далась нелегко. На пароходе он потерял из виду своих спутников и больше так и не встретился

с ними.

От Галатского моста он поехал прямо в отель «Токатлиан».

Глава 2
ОТЕЛЬ «ТОКАТЛИАН»

В «Токатлиане» Эркюль Пуаро заказал номер с ванной. Потом подошел к конторке и спросил швейцара, нет ли для него писем.

Его ждали три письма и телеграмма. Увидев телеграмму, он удивленно вскинул брови. Вот уж чего никак не ожидал!

Как обычно, неторопливо и аккуратно, Пуаро развернул бланк. Четко напечатанный текст гласил:

> «Неожиданно возникли осложнения, предсказанные Вами в деле Касснера, просим возвратиться».

— Voilà ce qui est embêtant![7] — пробормотал Пуаро раздраженно.

Он взглянул на часы.

---

[7] Примечания: 7
Какая досада!

— Мне придется выехать сегодня же, — сказал он швейцару. — В какое время уходит экспресс Симплон — Восток?

— В девять часов, мсье.

— Вы можете купить билет в спальный вагон?

— Разумеется, мсье. Зимой это не составляет никакого труда. Поезда почти пустые. Вы хотите ехать первым классом или вторым?

— Первым.

— Отлично. Куда едет мсье?

— В Лондон.

— Хорошо, мсье. Я возьму вам билет до Лондона и закажу место в спальном вагоне Стамбул — Кале.

Пуаро снова взглянул на часы. Было без десяти восемь.

— Я успею поужинать?

— Разумеется, мсье.

Пуаро кивнул. Он подошел к конторке администратора, отказался от номера и проследовал через холл в ресторан.

Пуаро заказывал обед, когда на его плечо легла рука.

— Ah! Mon vieux![8] — раздался голос у него за

---

[8] Примечания: 8
А! Старина!

спиной. — Вот уж кого не чаял увидеть!

Пуаро обернулся — приземистый пожилой толстяк с жестким ежиком волос радостно улыбался ему.

Пуаро вскочил:

— Мсье Бук!

— Мсье Пуаро!

Мсье Бук тоже был бельгиец, он служил директором Международной компании спальных вагонов; его знакомство с бывшим светилом бельгийской полиции уходило в глубь времен.

— А вы далеко заехали от дома, старина, — сказал мсье Бук.

— Расследовал одно небольшое дельце в Сирии.

— Вот оно что! И когда возвращаетесь домой?

— Сегодня же.

— Великолепно. Я тоже еду. Вернее, я еду только до Лозанны, у меня там дела. Вы, я полагаю, едете экспрессом Симплон — Восток?

— Да, я только что попросил достать мне купе. Рассчитывал пробыть здесь несколько дней, но неожиданно получил телеграмму — меня вызывают в Англию по важному делу.

— Ох уж эти дела! — вздохнул мсье Бук. — Зато вы теперь мировая знаменитость, мой друг!

— Да, кое-каких успехов мне удалось достичь, — сказал Пуаро, стараясь выглядеть скромно, что, однако, ему не удалось.

Бук засмеялся.

— Встретимся позже, — сказал он.

И Пуаро всецело сосредоточился на том, как бы уберечь от супа свои длинные усы. Справившись с этим, он в ожидании, пока ему принесут второе блюдо, стал разглядывать публику. В ресторане было всего человек пять-шесть, но из них Пуаро заинтересовался только двумя.

Они сидели неподалеку от него. Младший был симпатичный молодой человек лет тридцати, явно американец. Однако внимание маленького сыщика привлек не столько он, сколько его собеседник — мужчина лет шестидесяти, если не семидесяти. На первый взгляд у него была благодушная внешность типичного филантропа. Лысеющая голова, высокий лоб, улыбка, открывавшая два ряда неправдоподобно белых вставных зубов, — все, казалось, говорило о доброте. И только глаза — маленькие, глубоко посаженные, *лживые* — противоречили этому впечатлению. Впрочем, не они одни. Сказав что-то своему спутнику, старик оглядел комнату. Взгляд его на мгновение задержался на Пуаро,

и в нем неожиданно промелькнули недоброжелательство и непонятная тревога. Он тут же поднялся.

— Заплатите по счету, Гектор, — распорядился он. Голос у него был хрипловатый. В нем таилась какая-то странная, приглушенная угроза.

Когда Пуаро встретился со своим другом в вестибюле, американцы покидали отель. Портье сносил в машину чемоданы. Молодой человек присматривал за ним. Потом открыл стеклянную дверь и сказал:

— Все готово, мистер Рэтчетт.

Старик что-то буркнул и вышел.

— Что вы думаете об этой паре? — спросил Пуаро.

— Они американцы, — сказал мсье Бук.

— Это само собой разумеется. Я хотел спросить, как они вам понравились?

— Молодой человек показался мне симпатичным.

— А тот, второй?

— Сказать по правде, мой друг, он произвел на меня неприятное впечатление. Нет, он решительно мне не понравился. А вам?

Пуаро помедлил с ответом.

— Когда там, в ресторане, он прошел мимо ме-

ня, — сказал наконец Пуаро, — у меня появилось странное ощущение, словно мимо меня прошел дикий, вернее сказать, хищный зверь — понимаете меня? — настоящий хищник!

— Но вид у него самый что ни на есть респектабельный.

— Вот именно! Тело как клетка: снаружи все очень респектабельно, но сквозь прутья выглядывает хищник!

— У вас богатое воображение, старина, — сказал мсье Бук.

— Может быть, и так. Но я не могу отделаться от впечатления, что само зло прошло совсем рядом со мной.

— Вы про этого почтенного американца?

— Да, про этого почтенного американца.

— Что ж, — сказал мсье Бук жизнерадостно, — возможно, вы и правы. На свете так много зла.

Двери отворились, к ним подошел швейцар. Вид у него был озабоченный и виноватый.

— Это просто невероятно, мсье! — обратился он к Пуаро. — Все купе первого класса в этом поезде проданы.

— Как? — вскричал мсье Бук. — Сейчас? В мертвый сезон? Не иначе как едет группа журналистов или политическая делегация.

— Не могу знать, сэр, — почтительно вытянулся швейцар. — Но купе достать невозможно.

— Ну ничего, — обратился мсье Бук к Пуаро. — Не беспокойтесь, мой друг. Что-нибудь придумаем. На крайний случай мы оставляем про запас одно купе — купе номер шестнадцать. Проводник всегда придерживает его. — Он улыбнулся и взглянул на часы: — Нам пора.

На станции мсье Бука почтительно приветствовал проводник спального вагона, облаченный в коричневую форму:

— Добрый вечер, мсье. Вы занимаете купе номер один.

Он подозвал носильщиков, и те покатили багаж к вагону, на жестяной табличке которого значилось: СТАМБУЛ — ТРИЕСТ — КАЛЕ.

— Я слышал, у вас сегодня все места заняты?

— Нечто небывалое, мсье. Похоже, весь свет решил путешествовать именно сегодня.

— И тем не менее вам придется подыскать купе для этого господина. Он мой друг, так что можете отдать ему купе номер шестнадцать.

— Оно занято, мсье.

— Как? И шестнадцатое занято?

Они обменялись понимающими взглядами, и проводник — высокий мужчина средних лет, с

бледным лицом — улыбнулся:

— Я уже говорил, мсье, что у нас все до единого места заняты.

— Да что тут происходит? — рассердился мсье Бук. — Уж не конференция ли где-нибудь? Или едет делегация?

— Нет, мсье, чистая случайность. По простому совпадению все эти люди решили выехать именно сегодня.

Мсье Бук раздраженно щелкнул языком.

— В Белграде, — сказал он, — прицепят афинский вагон и вагон Бухарест — Париж, но в Белград мы прибудем только завтра вечером. Значит, вопрос в том, куда поместить вас на эту ночь. У вас нет свободного места в купе второго класса? — обратился он к проводнику.

— Есть одно место во втором классе, мсье…

— Ну так в чем же дело?

— Видите ли, туда можно поместить только женщину. Там уже едет одна немка — горничная нашей пассажирки.

— Как неудачно! — сказал мсье Бук.

— Не огорчайтесь, мой друг, — утешил его Пуаро. — Я могу поехать в обыкновенном вагоне.

— Ни в коем случае! — Мсье Бук снова повернулся к проводнику: — Скажите, все места

заняты?

— По правде сказать, одно место пока свободно, — не сразу ответил проводник.

— Продолжайте!

— Место номер семь в купе второго класса. Пассажир пока не прибыл, но остается еще четыре минуты до отхода поезда.

— Кто такой?

— Какой-то англичанин. — Проводник заглянул в список. — Некий А.М. Харрис.

— Хорошее предзнаменование, — сказал Пуаро. — Если я не забыл еще Диккенса, мистер Харрис[9] не появится.

— Отнесите багаж мсье на седьмое место, — приказал мсье Бук. — А если этот мистер Харрис появится, скажете ему, что он опоздал: мы не можем так долго держать для него место, — словом, так или иначе уладьте это дело. И вообще какое мне дело до мистера Харриса?

— Как вам будет угодно, — сказал проводник и объяснил носильщику, куда нести багаж. Потом, отступив на шаг, пропустил Пуаро в поезд. — В самом конце, мсье, — окликнул он, — ваше купе

---

[9] Примечания: 9

В романе Ч. Диккенса «Мартин Чезлвит» (1844) одна из героинь, Сара Гэмп, для подтверждения своей правоты ссылается на выдуманную ею подругу — некую миссис Харрис.

предпоследнее.

Пуаро продвигался довольно медленно: чуть не все отъезжающие толпились в коридоре. Поэтому он с регулярностью часового механизма то и дело извинялся. Наконец добравшись до отведенного ему купе, он застал там высокого молодого американца из отеля «Токатлиан» — тот забрасывал чемодан на полку.

При виде Пуаро он нахмурился.

— Извините, — сказал он. — Боюсь, что вы ошиблись. — И старательно повторил по-французски: — Je crois que vous avez une erreur.

Пуаро ответил по-английски:

— Вы мистер Харрис?

— Нет, меня зовут Маккуин. Я…

В этот момент за спиной Пуаро раздался виноватый, пресекающийся голос проводника:

— В вагоне больше нет свободных мест, мсье. Господину придется ехать в вашем купе.

С этими словами проводник опустил окно в коридор и начал принимать от носильщика багаж Пуаро.

Пуаро позабавили виноватые нотки в голосе проводника. Наверняка ему пообещали хорошие чаевые, если он больше никого не впустит в купе. Однако даже самые щедрые чаевые бессильны

помочь, если речь идет о приказе директора компании.

Закинув чемоданы на полку, проводник вынырнул из купе:

— Все в порядке, мсье. Ваше место седьмое, верхняя полка. Через минуту поезд отправляется. — Он кинулся в конец коридора.

Пуаро вернулся в купе.

— Где это видано, чтобы проводник сам втаскивал багаж! — заметил он весело. — Сказать — не поверят!

Попутчик улыбнулся. Он, судя по всему, справился с раздражением, видно, решил, что следует отнестись к этой неприятности философски.

— Поезд, как ни странно, набит до отказа, — сказал он.

Раздался свисток дежурного, потом долгий тоскливый паровозный гудок. Мужчины вышли в коридор.

На перроне прокричали:

— En voiture!

— Поехали, — сказал Маккуин.

Но они не тронулись с места. Свисток раздался вновь.

— Слушайте, сэр, — сказал вдруг молодой человек, — может, вы хотите ехать на нижней полке

— знаете ли, удобнее и все такое… Пожалуйста, мне совершенно все равно, где ехать.

«Приятный молодой человек», — подумал Пуаро.

— Нет, нет, что вы, — запротестовал он, — мне бы не хотелось вас стеснять…

— Право, мне совершенно…

— Но мне неловко…

Последовал обмен любезностями.

— Я проведу здесь всего одну ночь, — объяснил Пуаро. — В Белграде…

— Понятно. Вы сходите в Белграде?

— Не совсем так. Видите ли…

Вагон дернуло. Мужчины повернулись к окну — стали смотреть, как мимо них проплывает длинный, залитый огнями перрон.

«Восточный экспресс» отправился в трехдневное путешествие по Европе.

Глава 3
ПУАРО ОТКАЗЫВАЕТ КЛИЕНТУ

На другой день Эркюль Пуаро явился в вагон-ресторан к обеду с небольшим опозданием. Встал он рано, завтракал чуть не в полном одиночестве, потом все утро изучал записи по делу, из-за

которого его вызвали в Лондон. Своего спутника он почти не видел.

Мсье Бук — он уже сидел за столиком — приветственно помахал рукой, приглашая своего друга занять место напротив него. Вскоре Пуаро понял, за какой стол он попал, — его обслуживали первым и подавали самые лакомые блюда. Еда тут, надо сказать, была удивительно хороша.

Мсье Бук позволил себе отвлечь внимание от трапезы лишь тогда, когда они перешли к нежному сливочному сыру. Мсье Бук был уже на той стадии насыщения, когда тянет философствовать.

— Будь у меня талант Бальзака, — вздохнул он, — я бы обязательно описал вот это! — И он обвел рукой ресторан.

— Неплохая мысль, — сказал Пуаро.

— Вы со мной согласны? Кажется, такого в литературе еще не было. А между тем в этом есть своя романтика, друг мой. Посмотрите — вокруг нас люди всех классов, всех национальностей, всех возрастов. В течение трех дней эти совершенно чужие друг другу люди неразлучны — они спят, едят под одной крышей. Проходит три дня, они расстаются с тем, чтобы никогда больше не встретиться, и каждый идет своим путем.

— Однако, — сказал Пуаро, — представьте какой-нибудь несчастный случай…

— Избави бог, мой друг…

— Я понимаю, что, с вашей точки зрения, это было бы весьма нежелательно. И все же давайте хоть на минуту представим себе такую возможность. Предположим, что всех людей, собравшихся здесь, объединила, ну, скажем, к примеру, смерть.

— Не хотите ли еще вина? — предложил мсье Бук и поспешно разлил вино по бокалам. — Вы мрачно настроены, мой друг. Наверное, виновато пищеварение.

— Вы правы в одном, — согласился Пуаро, — мой желудок мало приспособлен к сирийской кухне.

Он отхлебнул вина. Откинулся на спинку стула и задумчиво окинул взглядом вагон. В ресторане сидели тринадцать человек, и, как верно подметил мсье Бук, здесь были представители самых разных классов и национальностей. Пуаро внимательно их разглядывал.

За столом напротив сидели трое мужчин. Ресторанный официант с присущим ему безошибочным чутьем распознал мужчин, путешествующих в одиночку, и собрал их за один столик.

Смуглый верзила итальянец смачно ковырял в зубах. Напротив него сидел тощий прилизанный англичанин с брюзгливым невозмутимым лицом типичного слуги из хорошего дома. Рядом с англичанином развалился огромный американец в пестром пиджаке — скорее всего коммивояжер.

— В нашем деле главное — размах, — говорил он зычным гнусавым голосом.

Итальянец, вытащив изо рта зубочистку, размахивал ею.

— Ваша правда. И я то же говорю, — сказал он.

Англичанин поглядел в окно и откашлялся. Пуаро перевел взгляд в глубь вагона. За маленьким столиком сидела прямая как палка, на редкость уродливая старуха. Однако уродство ее было странного характера — оно скорее завораживало и притягивало, чем отталкивало. Ее шею обвивали в несколько рядов нити очень крупного жемчуга, причем, как ни трудно было в это поверить, настоящего. Пальцы ее были унизаны кольцами. На плечи накинута соболья шуба. Элегантный бархатный ток никак не красил желтое жабье лицо.

Спокойно и вежливо, но в то же время властно она разговаривала с официантом:

— Будьте добры, позаботьтесь, чтобы мне в

купе поставили бутылку минеральной воды и большой стакан апельсинового сока. И распорядитесь, чтобы к ужину приготовили цыпленка — никакого соуса не нужно — и отварную рыбу.

Официант почтительно заверил ее, что все будет исполнено. Она милостиво кивнула ему и встала. Взгляд ее на мгновение остановился на Пуаро и с подлинно аристократической небрежностью скользнул по нему.

— Это княгиня Драгомирова, — шепнул ему мсье Бук, — она русская. Ее муж еще до революции перевел все свои капиталы за границу. Баснословно богата. Настоящая космополитка.

Пуаро кивнул. Он был наслышан о княгине Драгомировой.

— Незаурядный характер, — сказал мсье Бук. — Страшна как смертный грех, но умеет себя поставить. Вы согласны?

Пуаро был согласен.

За другим столиком, побольше, сидели Мэри Дебенхэм и еще две женщины. Высокая, средних лет особа в клетчатой блузе и твидовой юбке, с желтыми выцветшими волосами, собранными на затылке в большой узел, — прическа эта совершенно не шла к ее очкам и длинному добродушному лицу, в котором было что-то ове-

чье, — внимательно слушала третью женщину, толстую пожилую американку с симпатичным лицом. Та медленно и заунывно рассказывала что-то, не останавливаясь даже, чтобы перевести дух:

— И тут моя дочь и говорит: «Мы не можем применять в этой стране наши американские методы. Люди здесь от природы ленивые. Они просто не могут спешить». И тем не менее наш колледж достиг замечательных успехов. Там такие прекрасные учителя! Да, образование — великая вещь. Мы должны внедрять наши западные идеалы и добиться, чтобы Восток признал их. Моя дочь говорит…

Поезд нырнул в туннель. И заунывный голос стал не слышен.

Дальше за маленьким столиком сидел в полном одиночестве полковник Арбэтнот. Он не сводил глаз с затылка Мэри Дебенхэм. Теперь они сидели порознь. А ведь ничто не мешало им сидеть вместе. В чем же дело?

«Возможно, — подумал Пуаро, — на этом настояла Мэри Дебенхэм. Гувернантке приходится соблюдать осторожность. Ей нельзя пренебрегать приличиями. Девушке, которая должна зарабатывать себе на жизнь, приходится быть

благоразумной».

Он перевел взгляд на столики по другую сторону вагона. В дальнем конце, у самой стены, сидела немолодая женщина, одетая в черное, с крупным невыразительным лицом. «Немка или шведка, — подумал он. — По всей вероятности, та самая немка-горничная».

За следующим столиком мужчина и женщина оживленно разговаривали, наклонясь друг к другу. Несмотря на свободный твидовый костюм английского покроя, мужчина был явно не англичанин. И хотя Пуаро видел его только сзади, форма и посадка головы выдавали его континентальное происхождение. Рослый мужчина, хорошо сложенный. Внезапно он повернул голову, и Пуаро увидел его профиль. Очень красивый мужчина лет тридцати, с большими русыми усами.

Женщина, сидевшая напротив, казалась совсем юной — лет двадцати, не больше. Одета она была в облегающий черный костюм, белую английскую блузку; сдвинутая набок элегантная черная шляпка лишь чудом держалась на ее голове. Она была красива экзотической, непривычной красотой — матово-бледная кожа, огромные карие глаза, иссиня-черные волосы. Она кури-

ла сигарету в длиннющем мундштуке. Ногти на выхоленных руках были кроваво-красного цвета. Всего одно кольцо — большой изумруд, оправленный в платину, сверкал на ее пальце. Ее поведение свидетельствовало о кокетливом характере.

— Elle est jolie et chie[10], — пробормотал Пуаро. — Муж и жена, я угадал?

Мсье Бук кивнул.

— Кажется, они из венгерского посольства, — сказал он. — Красивая пара!

Кроме Пуаро, только Маккуин и его хозяин мистер Рэтчетт еще не кончили обедать. Последний сидел напротив Пуаро, и тот еще раз пригляделся к этому неприятному лицу, отметил обманчивое добродушие черт и злое выражение крошечных глазок. Мсье Бук, очевидно, заметил, как переменилось лицо его друга.

— Это вы на хищника смотрите? — спросил он. Пуаро кивнул.

Тут Пуаро принесли кофе, и мсье Бук встал. Он приступил к обеду несколько раньше и поэтому давно с ним расправился.

— Я иду к себе, — сказал он. — Приходите сразу

---

[10] Примечания: 10
Очень мила и какая элегантная.

после обеда поболтать.

— С удовольствием.

Пуаро не спеша выпил кофе и заказал ликер. Официант обходил столики — получал деньги по счету и складывал в коробочку. По вагону-ресторану разносился жалобный голос пожилой американки:

— Дочь мне говорит: «Приобрети книжку талонов на питание — и не будешь знать никаких забот». Как бы не так — никаких забот! А им, выходит, десять процентов чаевых надо давать да за минеральную воду платить — и вода еще какая-то подозрительная. Ни эвианской минеральной, ни виши у них нет — как это понимать?

— Они должны… э-э… как это по-английски… должны давать местная вода, — объяснила дама с овечьим лицом.

— Да, а я все равно этого не пойму. — Американка с отвращением посмотрела на лежащую перед ней кучку мелочи. — Вы посмотрите, чего он мне надавал! Это динары или нет? Какой-то у них сомнительный вид. Моя дочь говорит…

Мисс Дебенхэм отодвинула стул и, кивнув соседкам по столу, удалилась. Полковник Арбэтнот поднялся и вышел вслед за ней. За ним, собрав презренные динары, двинулась американка, а

за ней дама с овечьим лицом. Венгры ушли еще раньше, и теперь в ресторане остались только Пуаро, Рэтчетт и Маккуин. Рэтчетт сказал что-то своему секретарю, после чего тот поднялся и пошел к выходу. Рэтчетт тоже встал, но, вместо того чтобы последовать за Маккуином, неожиданно опустился на стул напротив Пуаро.

— У вас не найдется спичек? — спросил он. Голос у него был тихий и немного гнусавый. — Моя фамилия Рэтчетт.

Пуаро слегка поклонился, полез в карман, вытащил коробок и вручил его собеседнику. Рэтчетт взял коробок, но прикуривать не стал.

— Если не ошибаюсь, — сказал он, — я имею честь говорить с мистером Эркюлем Пуаро. Не так ли?

Пуаро снова поклонился:

— Совершенно верно, мсье.

Сыщик чувствовал, как сверлят его злобные глазки собеседника, — тот, казалось, оценивает его, прежде чем снова заговорить.

— У меня на родине, — сказал он наконец, — мы привыкли брать быка за рога. Мсье Пуаро, я хочу предложить вам одну работу.

Пуаро приподнял брови:

— Я весьма сузил круг своих клиентов, мсье. Те-

перь я берусь лишь за исключительные случаи.

— Я вполне вас понимаю. Но речь идет о больших деньгах, мсье Пуаро. — И повторил тихо и вкрадчиво: — Об очень больших деньгах.

Пуаро помолчал минуту-две, потом сказал:

— Какого рода работу вы хотите, чтобы я выполнил для вас, мистер… э… Рэтчетт?

— Мсье Пуаро, я богатый человек, даже очень богатый. А у людей в моем положении бывают враги. У меня есть враг.

— Только один?

— Что вы хотите этим сказать? — взвился Рэтчетт.

— Мсье, мой опыт подсказывает, что, когда у человека, как вы сами сказали, могут быть враги, одним врагом дело не ограничивается.

Ответ Пуаро как будто успокоил Рэтчетта.

— Я понимаю, что вы имели в виду, — сказал он. — Враг или враги — не это суть важно. Важно оградить меня от них и обеспечить мою безопасность.

— Безопасность?

— Моя жизнь в опасности, мсье Пуаро. Должен вам сказать, что я умею за себя постоять. — И он вытянул из кармана пиджака небольшой пистолет. — Я не дурак, и меня не захватишь врас-

плох, — продолжал он угрюмо. — Однако, мне думается, в таком случае имеет смысл подстраховаться. Я считаю, что вы именно тот человек, который мне нужен. И денег я не пожалею. Учтите, больших денег.

Пуаро задумчиво смотрел на Рэтчетта. Прошло несколько минут. Лицо великого сыщика было непроницаемо.

— Весьма сожалею, мсье, — сказал он наконец, — но никак не могу принять ваше предложение.

Рэтчетт понимающе на него посмотрел.

— Назовите вашу сумму, — предложил он.

Пуаро покачал головой:

— Вы меня не поняли, мсье. Я добился в своей профессии известного успеха. И заработал достаточно денег, чтобы удовлетворить не только мои нужды, но и мои прихоти. Так что теперь я беру лишь дела, представляющие для меня интерес.

— А у вас крепкая хватка, — сказал Рэтчетт. — Ну а двадцать тысяч долларов вас не соблазнят?

— Нет, мсье.

— Если вы хотите вытянуть из меня больше, этот номер не пройдет. Я знаю, что почем.

— Я тоже, мистер Рэтчетт.

— Чем же вас не устраивает мое предложение?

Пуаро встал.

— Не хотелось бы переходить на личности, но мне не нравитесь вы, мистер Рэтчетт, — сказал Пуаро и вышел из вагона.

Глава 4
КРИК В НОЧИ

Экспресс Симплон — Восток прибыл в Белград без четверти девять. Здесь предстояла получасовая стоянка, и Пуаро вышел на перрон. Однако гулял он очень недолго. Стоял сильный мороз, мела метель, навес над перроном служил плохой защитой, и Пуаро вскоре вернулся к своему вагону. Проводник — чтобы согреться, он изо всех сил бил в ладоши и топал ногами — обратился к Пуаро:

— Ваши чемоданы, мсье, перенесли в купе номер один, прежде его занимал мсье Бук.

— А где же мсье Бук?

— Он перебрался в афинский вагон — его только что прицепили.

Пуаро пошел разыскивать своего друга, но тот решительно отмахнулся от него:

— Что за пустяки! Так будет лучше. Ведь вы едете в Англию, и вам удобнее ехать до Кале без

пересадок. А мне и здесь очень хорошо. Вагон совсем пустой, я и грек-доктор — вот и все пассажиры. До чего мерзкая погода, мой друг! Говорят, такого снегопада не было уже много лет. Будем надеяться, что заносы нас не задержат. Должен вам признаться, меня они очень тревожат.

Ровно в 9.15 поезд тронулся. Вскоре Пуаро встал, пожелал мсье Буку спокойной ночи и вернулся в свой вагон, который был сразу за рестораном.

На второй день путешествия барьеры, разделявшие пассажиров, стали рушиться. Полковник Арбэтнот, стоя в дверях своего купе, разговаривал с Маккуином.

Увидев Пуаро, Маккуин оборвал разговор на полуслове. На лице его изобразилось живейшее изумление.

— Как же так? — воскликнул он. — Я думал, вы сошли. Вы же сказали, что сойдете в Белграде.

— Вы меня не так поняли, — улыбнулся Пуаро. — Теперь я вспоминаю: как раз когда мы заговорили об этом, поезд тронулся.

— Но как же… А ваш багаж — куда он делся?

— Его перенесли в другое купе, только и всего.

— Понимаю…

Он возобновил разговор с Арбэтнотом, и Пуаро прошел дальше.

За две двери от его купе пожилая американка миссис Хаббард разговаривала с похожей на овцу шведской дамой. Миссис Хаббард навязывала ей какой-то журнал:

— Нет, нет, берите, берите его, голубушка, у меня есть что читать. Ужасный холод, правда? — приветливо кивнула она Пуаро.

— Не знаю, как вас благодарить, — говорила шведка.

— Пустяки! Хорошенько выспитесь, и тогда утром у вас не будет болеть голова.

— Это все от простуды. Пойду приготовлю себе чашечку чаю.

— У вас есть аспирин? Вы уверены? А то у меня большие запасы. Спокойной ночи, голубушка.

Как только ее собеседница отошла, американка обратилась к Пуаро:

— Бедняга шведка. Насколько я понимаю, она работает в какой-то миссии — что-то там преподает. Добрейшее существо, жаль, что она так плохо говорит по-английски. Ей было очень интересно послушать о моей дочери.

Пуаро знал уже решительно все о дочери миссис Хаббард. Да и остальные пассажиры тоже — во всяком случае, те, которые понимали по-английски. Как они с мужем работают в большом

американском колледже в Смирне, и как миссис Хаббард в первый раз поехала на Восток, и какие неряшливые турки, и какие ужасные у них дороги!

Дверь соседнего купе отворилась. Из него вышел тощий и бледный лакей. Пуаро мельком увидел Рэтчетта — тот сидел на постели. При виде Пуаро лицо его почернело от злобы. Дверь тут же закрылась.

Миссис Хаббард отвела Пуаро в сторону.

— Знаете, я ужасно боюсь этого человека. Нет, нет, не лакея, а его хозяина. Тоже мне, хозяин! Мне он подозрителен. Моя дочь всегда говорит, что у меня очень развита интуиция. «Уж если мамочке кто не понравится, — говорит она, — значит, это неспроста». А этот человек мне сразу не понравился. И надо же чтобы он оказался моим соседом! Прошлой ночью я даже приставила к двери свои вещи. Мне показалось, он дергает дверную ручку. И знаете, я бы ничуть не удивилась, если бы он оказался убийцей, из тех самых, что орудуют в поездах. Может, это и глупые страхи, но я ничего не могу с собой поделать. Я его до смерти боюсь. Дочь мне говорила, что я и сама не замечу, как окажусь дома, а у меня на сердце все равно неспокойно. Может быть, это и глу-

пые страхи, но я чувствую, что вот-вот случится что-то ужасное. И как только этот симпатичный молодой человек может у него работать?

Навстречу им шли Маккуин и полковник Арбэтнот.

— Пойдемте ко мне, — говорил Маккуин, — у меня еще не стелили на ночь. Так вот, скажите мне откровенно, почему ваша политика в Индии…

Миновав их, мужчины скрылись в купе Маккуина.

Миссис Хаббард попрощалась с Пуаро.

— Пойду лягу, почитаю на сон грядущий, — сказала она. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Пуаро прошел в свое купе — оно было рядом с купе Рэтчетта. Разделся, лег в постель, почитал с полчаса и погасил свет.

Через несколько часов он проснулся — его словно подкинуло. Его разбудил громкий стон, почти крик, где-то рядом — это он помнил. И чуть ли не одновременно раздался звонок.

Пуаро сел на кровати, включил свет. Он заметил, что поезд стоит — наверное, на какой-то станции.

Крик взбудоражил его. Пуаро вспомнил, что

рядом с ним купе Рэтчетта. Он встал и приоткрыл дверь в коридор. Проводник, прибежавший из другого конца вагона, постучал в дверь Рэтчетта. Пуаро наблюдал за ним через щелку в двери. Проводник постучал второй раз. В это время зазвонил звонок и замигала лампочка еще на одной двери дальше по коридору. Проводник оглянулся.

За дверью соседнего купе сказали:

— Ce n'est rien. Je me suis trompe[11].

— Хорошо, мсье. — Проводник заторопился к двери, на которой зажглась лампочка.

С облегчением вздохнув, Пуаро лег и, перед тем как потушить свет, взглянул на часы. Было без двадцати трех час.

Глава 5
ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Ему не сразу удалось заснуть. Во-первых, мешало, что поезд стоит. Если это станция, то почему на перроне так тихо? В вагоне же, напротив, было довольно шумно. Пуаро слышал, как в соседнем купе возится Рэтчетт: звякнула затычка, в умывальник полилась вода; послышался плеск, и

[11] Примечания: 11
Не беспокойтесь. Я ошибся.

снова звякнула затычка. По коридору зашаркали шаги — кто-то шел в шлепанцах.

Пуаро лежал без сна, глядя в потолок. Почему на станции так тихо? В горле у него пересохло. Как нарочно, он забыл попросить, чтобы ему принесли минеральной воды. Пуаро снова посмотрел на часы. Четверть второго. Надо позвонить проводнику и попросить минеральной воды. Он потянулся было к кнопке, но его рука на полпути замерла: в окружающей тишине громко зазвенел звонок. Какой смысл: проводник не может одновременно пойти на два вызова.

Дзинь-дзинь-дзинь — надрывался звонок. Интересно, куда девался проводник? Звонивший явно нервничал.

Дзинь…

Пассажир уже не снимал пальца со звонка. Наконец появился проводник — его шаги гулко отдавались в пустом коридоре. Он постучал в дверь неподалеку от купе Пуаро. Послышались голоса: разубеждающий, извиняющийся — проводника и настойчивый и упорный — какой-то женщины. Ну конечно же, миссис Хаббард!

Пуаро улыбнулся. Спор — если это был спор — продолжался довольно долго. Говорила в основном миссис Хаббард, проводнику лишь изредка

удавалось вставить слово. В конце концов все уладилось. Пуаро явственно расслышал: «Bonne nuit[12], мадам», — и шум захлопнувшейся двери. Он нажал кнопку звонка.

Проводник незамедлительно явился. Он совсем запарился — вид у него был встревоженный.

— De 1'eau minérale, s'il vous plait[13].

— Bien[14], мсье.

Вероятно, заметив усмешку в глазах Пуаро, проводник решил излить душу:

— La dame américaine…[15]

— Что?

Проводник утер пот со лба:

— Вы не представляете, чего я от нее натерпелся! Заладила, что в ее купе скрывается мужчина, и хоть кол на голове теши. Вы только подумайте, мсье, в таком крохотном купе! — Он обвел купе рукой. — Да где ж ему там спрятаться? Спорю с ней, доказываю, что это невозможно, — все без

---

[12] Примечания: 12
Спокойной ночи.

[13] Примечания: 13
Принесите, пожалуйста, минеральной воды.

[14] Примечания: 14
Хорошо.

[15] Примечания: 15
Эта американская дама…

толку. Говорит, она проснулась и увидела у себя в купе мужчину. Да как же, спрашиваю, тогда он мог выйти из купе, да еще дверь за собой задвинуть на засов? И слушать ничего не желает. Как будто у нас и без нее не хватает забот. Заносы…

— Заносы?

— Ну да. Разве вы не заметили? Поезд давно стоит. Мы въехали в полосу заносов. Бог знает сколько мы еще здесь простоим! Я помню, однажды мы так простояли целую неделю.

— Где мы находимся?

— Между Виньковцами и Бродом.

— La, la![16] — сказал Пуаро раздраженно. Проводник ушел и вернулся с минеральной водой.

— Спокойной ночи, мсье.

Пуаро выпил воды и твердо решил уснуть.

Он уже почти заснул, когда его снова разбудили. На этот раз, как ему показалось, снаружи о дверь стукнулось что-то тяжелое.

Пуаро подскочил к двери, выглянул в коридор. Никого. Направо по коридору удалялась женщина в красном кимоно, налево сидел проводник на своей скамеечке и вел какие-то подсчеты на больших листах бумаги. Стояла мертвая тишина.

---

[16] Примечания: 16
Вот где!

«У меня определенно нервы не в порядке», — решил Пуаро и снова улегся в постель. На этот раз он уснул и проспал до утра.

Когда он проснулся, поезд все еще стоял. Пуаро поднял штору и посмотрел в окно. Огромные сугробы подступали к самому поезду. Он взглянул на часы — было начало десятого.

Без четверти десять аккуратный, свежий и, как всегда, расфранченный, Пуаро прошел в вагон-ресторан. Тут царило уныние.

Барьеры, разделявшие пассажиров, были окончательно сметены. Общее несчастье объединило их. Громче всех причитала миссис Хаббард:

— Моя дочь меня уверяла, что это самая спокойная дорога. Говорит, сядешь в вагон и выйдешь лишь в Париже. А теперь оказывается, что мы можем бог знает сколько здесь проторчать. А у меня пароход отправляется послезавтра. Интересно, как я на него попаду? Я даже не могу попросить, чтобы аннулировали мой билет. Просто ум за разум заходит, когда подумаешь об этом.

Итальянец сказал, что у него самого неотложные дела в Милане. Огромный американец посочувствовал: «Да, паршивое дело, мэм», — и выразил надежду, что поезд еще наверстает упущенное время.

— А моя сестра? Ее дети меня встречают, — сказала шведка и заплакала. — Я не могу их предупреждать. Что они будут думать? Будут говорить, с тетей было плохо.

— Сколько мы здесь пробудем? — спросила Мэри Дебенхэм. — Кто-нибудь может мне ответить?

Голос ее звучал нетерпеливо, однако Пуаро заметил, что в нем не слышалось той лихорадочной тревоги, как тогда, когда задерживался экспресс «Тавры».

Миссис Хаббард снова затараторила:

— В этом поезде никто ничего не знает. И никто ничего не пытается сделать. А чего еще ждать от этих бездельников-иностранцев? У нас хоть старались бы что-нибудь предпринять.

Арбэтнот обратился к Пуаро и заговорил, старательно выговаривая французские слова на английский манер:

— Vous etes un directeur de la ligne, je crois, monsieur. Vous pouvez nous dire…[17]

Пуаро, улыбнувшись, поправил его.

— Нет, нет, — сказал он по-английски, — вы ошибаетесь. Вы спутали меня с моим другом, мсье Буком.

---

[17] Примечания: 17

Насколько я понимаю, вы директор компании, мсье. Не можете ли вы сказать…

— Простите.

— Пожалуйста. Ваша ошибка вполне понятна. Я занимаю купе, где прежде ехал он.

Мсье Бука в ресторане не было. Пуаро огляделся, выясняя, кто еще отсутствует.

Отсутствовали княгиня Драгомирова и венгерская пара, а также Рэтчетт, его лакей и немка-горничная.

Шведка вытирала слезы.

— Я глупая, — говорила она. — Такая нехорошая плакать. Что бы ни случилось, все к лучше.

Однако далеко не все разделяли эти подлинно христианские чувства.

— Все это, конечно, очень мило, — горячился Маккуин, — но неизвестно, сколько еще нам придется здесь проторчать!

— И где мы, что это за страна, может кто-нибудь мне сказать? — чуть не плача, вопрошала миссис Хаббард.

Когда ей объяснили, что они в Югославии, она сказала:

— Чего еще ожидать от этих балканских государств?

— Вы единственный терпеливый пассажир, мадемуазель, — обратился Пуаро к Мэри Дебенхэм.

Она пожала плечами:

— А что еще остается делать?

— Да вы философ, мадемуазель!

— Для этого нужна отрешенность. А я слишком эгоистична. Просто я научилась не расходовать чувства попусту.

Казалось, она говорит скорее сама с собой, чем с Пуаро. На него она и не глядела. Взгляд ее был устремлен за окно, на огромные сугробы.

— У вас сильный характер, мадемуазель, — вкрадчиво сказал Пуаро. — Я думаю, из всех присутствующих вы обладаете самым сильным характером.

— Что вы! Я знаю человека, куда более сильного духом, чем я.

— И это…

Она вдруг опомнилась: до нее дошло, что она разговаривает с совершенно незнакомым человеком, к тому же иностранцем, с которым до этого утра не обменялась и десятком фраз. И засмеялась вежливо, но холодно:

— К примеру, хотя бы та старая дама. Вы, наверное, ее заметили. Очень уродливая старуха, но что-то в ней есть притягательное. Стоит ей о чем-нибудь попросить — и весь поезд бросается выполнять ее желание.

— Но точно так же бросаются выполнять же-

лания моего друга мсье Бука, — сказал Пуаро. — Правда, не потому, что он умеет властвовать, а потому, что он директор этой линии.

Мэри Дебенхэм улыбнулась.

Близился полдень. Несколько человек, и Пуаро в их числе, оказались в ресторане. При такой ситуации хотелось скоротать время в компании. Пуаро услышал немало нового о дочери миссис Хаббард и о привычках ныне покойного мистера Хаббарда, начиная с того момента, когда, встав поутру, этот почтенный джентльмен ел кашу, и кончая тем, когда он ложился спать, надев носки работы миссис Хаббард.

Пуаро слушал довольно сбивчивый рассказ шведки о задачах миссионеров, когда в вагон вошел проводник и остановился у его столика:

— Разрешите обратиться, мсье.

— Слушаю вас.

— Мсье Бук просит засвидетельствовать свое почтение и спросить, не будете ли вы столь любезны на несколько минут зайти к нему.

Пуаро встал, принес свои извинения шведке и вышел вслед за проводником.

Это был не их, а другой проводник — высокий, крупный блондин.

Миновав вагон Пуаро, они пошли в соседний

вагон. Постучавшись в купе, проводник пропустил Пуаро вперед. Они оказались не в купе мсье Бука, а в купе второго класса, выбранном, по-видимому, из-за его большого размера. Однако несмотря на это, оно было битком набито.

В самом углу восседал на скамеечке мсье Бук. В другом углу, возле окна, созерцал сугробы коренастый брюнет. В проходе, мешая пройти Пуаро, стояли рослый мужчина в синей форме (начальник поезда) и проводник спального вагона Стамбул — Кале.

— Мой дорогой друг, наконец-то! — воскликнул мсье Бук. — Входите, вы нам очень нужны.

Человек у окна подвинулся. Протиснувшись, Пуаро сел напротив своего друга. На лице мсье Бука было написано смятение. Несомненно, произошло нечто чрезвычайное.

— Что случилось? — спросил Пуаро.

— И вы еще спрашиваете! Сначала заносы и вынужденная остановка. А теперь еще и это!..

Голос мсье Бука прервался, а у проводника спального вагона вырвался сдавленный вздох.

— Что — и это?

— А то, что в одном из купе лежит мертвый пассажир — его закололи.

В спокойном голосе мсье Бука сквозило отча-

яние.

— Пассажир? Какой пассажир?

— Американец. Его звали… — Он заглянул в лежащие перед ним списки. — Рэтчетт… Я не ошибаюсь… Рэтчетт?

— Да, мсье, — сглотнул слюну проводник. Пуаро взглянул на проводника — тот был белее мела.

— Разрешите проводнику сесть, — сказал Пуаро, — иначе он упадет в обморок.

Начальник поезда подвинулся; проводник тяжело опустился на сиденье и закрыл лицо руками.

— Брр! — Пуаро вздрогнул. — Это не шутки!

— Какие тут шутки! Убийство уже само по себе бедствие первой величины. А к тому же, учтите еще, что и обстоятельства его весьма необычны. Мы застряли и можем простоять здесь несколько часов кряду. Да что там часов — дней! И еще одно обстоятельство: почти все страны направляют представителей местной полиции на поезда, проходящие по их территории, а в Югославии этого не делают. Вы понимаете, как все осложняется?

— Еще бы, — сказал Пуаро.

— И это не все. Доктор Константин — извините, я забыл вас представить: доктор Константин, мсье Пуаро. — Коротышка брюнет и Пуаро об-

менялись поклонами. — Доктор Константин считает, что смерть произошла около часу ночи.

— В подобных случаях трудно сказать точно, но, по-моему, можно со всей определенностью утверждать, что смерть произошла между полуночью и двумя часами.

— Когда мистера Рэтчетта в последний раз видели живым? — спросил Пуаро.

— Известно, что без двадцати час он был жив и разговаривал с проводником, — ответил мсье Бук.

— Это верно, — сказал Пуаро, — я сам слышал этот разговор. И это последнее, что известно о Рэтчетте?

— Да.

Пуаро повернулся к доктору, и тот продолжал:

— Окно в купе мистера Рэтчетта было распахнуто настежь, очевидно, для того, чтобы у нас создалось впечатление, будто преступник ускользнул через него. Но мне кажется, что окно открыли для отвода глаз. Если бы преступник удрал через окно, на снегу остались бы следы, а их нет.

— Когда обнаружили труп? — спросил Пуаро.

— Мишель!

Проводник подскочил. С его бледного лица не

сходило испуганное выражение.

— Подробно расскажите этому господину, что произошло, — приказал мсье Бук.

— Лакей этого мистера Рэтчетта постучал сегодня утром к нему в дверь, — сбивчиво начал проводник. — Несколько раз. Ответа не было. А тут час назад из ресторана приходит официант узнать, будет ли мсье завтракать. Понимаете, было уже одиннадцать часов. Я открываю дверь к нему своим ключом. Но дверь не открывается. Оказывается, она заперта еще и на цепочку. Никто не откликается. И оттуда тянет холодом. Окно распахнуто настежь, в него заносит снег. Я подумал, что пассажира хватил удар. Привел начальника поезда. Мы разорвали цепочку и вошли в купе. Он был уже… Ah, c'était terrible…[18]

И он снова закрыл лицо руками.

— Значит, дверь была заперта изнутри и на ключ, и на цепочку… — Пуаро задумался. — А это не самоубийство?

Грек язвительно усмехнулся.

— Вы когда-нибудь видели, чтобы самоубийца нанес себе не меньше дюжины ножевых ран? — спросил он.

---

[18] Примечания: 18
Ах, это было ужасно…

У Пуаро глаза полезли на лоб.

— Какое чудовищное зверство! — вырвалось у него.

— Это женщина, — впервые подал голос начальник поезда, — верьте моему слову, это женщина. На такое способна только женщина.

Доктор Константин в раздумье наморщил лоб.

— Это могла сделать только очень сильная женщина, — сказал он. — Я не хотел бы прибегать к техническим терминам — они только запутывают дело, но один-два удара, прорезав мышцы, прошли через кость, а для этого, смею вас уверить, нужна большая сила.

— Значит, преступление совершил не профессионал? — спросил Пуаро.

— Никак нет, — подтвердил доктор Константин. — Удары, судя по всему, наносились как попало и наугад. Некоторые из них — легкие порезы, не причинившие особого вреда. Впечатление такое, будто преступник, закрыв глаза, в дикой ярости наносил один удар за другим вслепую.

— C'est une femme[19], — сказал начальник поезда. — Они все такие. Злость придает им силы. — И он так многозначительно закивал, что все запо-

---

[19] Примечания: 19
Это женщина.

дозрили, будто он делился личным опытом.

— Я мог бы, вероятно, кое-что добавить к тем сведениям, которые вы собрали, — сказал Пуаро. — Мистер Рэтчетт вчера разговаривал со мной. Насколько я понял, он подозревал, что его жизни угрожает опасность.

— Значит, его кокнули — так, кажется, говорят американцы? — спросил мсье Бук. — В таком случае убила не женщина, а гангстер или опять же бандит.

Начальника поезда уязвило, что его версию отвергли.

— Если даже убийца и гангстер, — сказал Пуаро, — должен сказать, что профессионалом его никак не назовешь.

В голосе Пуаро звучало неодобрение специалиста.

— В этом вагоне едет один американец, — сообщил мсье Бук: он продолжал гнуть свою линию, — рослый мужчина, весьма вульгарный и до ужаса безвкусно одетый. Он жует резинку и, видно, понятия не имеет, как вести себя в приличном обществе. Вы знаете, кого я имею в виду?

Проводник — мсье Бук обращался к нему — кивнул:

— Да, мсье. Но это не мог быть он. Если бы он

вошел в купе или вышел из него, я бы обязательно это увидел.

— Как знать… Как знать… Но мы еще вернемся к этому. Главное теперь решить, что делать дальше. — И он поглядел на Пуаро.

Пуаро, в свою очередь, посмотрел на мсье Бука.

— Ну пожалуйста, друг мой, — сказал мсье Бук, — вы же понимаете, о чем я буду вас просить. Я знаю, вы всесильны. Возьмите расследование на себя. Нет, нет, бога ради, не отказывайтесь! Видите ли, для нас — я говорю о Международной компании спальных вагонов — это очень важно. Насколько бы все упростилось, если бы к тому времени, когда наконец появится югославская полиция, у нас было бы готовое решение! В ином случае нам грозят задержки, проволочки — словом, тысячи всяких неудобств. И кто знает — может быть, и серьезные неприятности для невинных людей?.. Но если вы разгадаете тайну, ничего этого не будет! Мы говорим: «Произошло убийство — вот преступник!»

— А если мне не удастся разгадать тайну?

— Друг мой, — зажурчал мсье Бук. — Я знаю вашу репутацию, знаю ваши методы. Это дело просто создано для вас. Для того чтобы изучить прошлое этих людей, проверить, не лгут ли они,

нужно потратить массу времени и энергии. А сколько раз я слышал от вас: «Для того чтобы разрешить тайну, мне необходимо лишь усесться поудобнее и хорошенько подумать». Прошу вас, так и поступите. Опросите пассажиров, осмотрите тело, разберитесь в уликах, и тогда… Словом, я в вас верю! Я убежден, что это не пустое хвастовство с вашей стороны. Так, пожалуйста, усаживайтесь поудобнее, думайте, шевелите, как вы часто говорили, извилинами, и вы узнаете все. — И он с любовью посмотрел на своего друга.

— Ваша вера трогает меня, — сказал Пуаро взволнованно. — Вы сказали, что дело это нетрудное. Я и сам прошлой ночью… Не стоит пока об этом упоминать. По правде говоря, меня дело заинтересовало. Всего полчаса назад я подумал, что нам придется изрядно поскучать в этих сугробах. И вдруг откуда ни возьмись готовая загадка!

— Значит, вы принимаете мое предложение? — нетерпеливо спросил мсье Бук.

— C'est entendu[20]. Я берусь за это дело.

— Отлично! Мы все к вашим услугам.

— Для начала мне понадобится план ваго-

---

[20] Примечания: 20
Договорились.

на Стамбул — Кале, где будет указано, кто из пассажиров занимал какое купе, и еще я хочу взглянуть на паспорта и билеты пассажиров.

— Мишель вам все принесет.

Проводник вышел из вагона.

— Кто еще едет в нашем поезде? — спросил Пуаро.

— В этом вагоне едем только мы с доктором Константином. В бухарестском — один хромой старик. Проводник его давно знает. Есть и обычные вагоны, но их не стоит брать в расчет, потому что их заперли сразу после ужина. Впереди вагона Стамбул — Кале идет только вагон-ресторан.

— В таком случае, — сказал Пуаро, — нам, видно, придется искать убийцу в вагоне Стамбул — Кале. — Он обратился к доктору: — Вы на это намекали, не так ли?

Грек кивнул:

— В половине первого пополуночи начался снегопад, и поезд стал. С тех пор никто не мог его покинуть.

— А раз так, — заключил мсье Бук, — убийца все еще в поезде. Он среди нас!

Глава 6
ЖЕНЩИНА?

— Для начала, — сказал Пуаро, — я хотел бы переговорить с мистером Маккуином. Не исключено, что он может сообщить нам ценные сведения.

— Разумеется. — Мсье Бук обратился к начальнику поезда: — Попросите сюда мистера Маккуина.

Начальник поезда вышел, а вскоре вернулся проводник с пачкой паспортов, билетов и вручил их мсье Буку.

— Благодарю вас, Мишель. А теперь, мне кажется, вам лучше вернуться в свой вагон. Ваши свидетельские показания по всей форме мы выслушаем позже.

— Хорошо, мсье.

Мишель вышел.

— А после того как мы побеседуем с Маккуином, — сказал Пуаро, — я надеюсь, господин доктор не откажется пройти со мной в купе убитого?

— Разумеется.

— А когда мы закончим осмотр…

Тут его прервали: начальник поезда привел Гектора Маккуина. Мсье Бук встал.

— У нас здесь тесновато, — приветливо сказал он. — Садитесь на мое место, мистер Маккуин, а мсье Пуаро сядет напротив вас — вот так. Освободите вагон-ресторан, — обратился он к начальнику поезда, — он понадобится мсье Пуаро. Вы ведь предпочли бы беседовать с пассажирами там, друг мой?

— Да, это было бы удобнее всего, — согласился Пуаро.

Маккуин переводил глаза с одного на другого, не успевая следить за стремительной французской скороговоркой.

— Qu'est-ce qu'il y a?.. — старательно выговаривая слова, начал он. — Pourquoi?..[21]

Пуаро властным жестом указал ему на место в углу. Маккуин сел и снова повторил:

— Pourquoi?.. — Но тут же, оборвав фразу, перешел на родной язык: — Что тут творится? Что-нибудь случилось? — И обвел глазами присутствующих.

Пуаро кивнул:

---

[21] Примечания: 21
В чем дело?.. Почему?..

— Вы не ошиблись. Приготовьтесь — вас ждет неприятное известие: ваш хозяин — мистер Рэтчетт — мертв!

Маккуин присвистнул. Глаза его заблестели, но ни удивления, ни огорчения он не выказал.

— Значит, они все-таки добрались до него?

— Что вы хотите этим сказать, мистер Маккуин?

Маккуин замялся.

— Вы полагаете, что мистер Рэтчетт убит? — спросил Пуаро.

— А разве нет? — На этот раз Маккуин все же выказал удивление. — Ну да, — после некоторой запинки сказал он. — Это первое, что мне пришло в голову. Неужели он умер во сне? Да ведь старик был здоров, как, как… — Он запнулся, так и не подобрав сравнения.

— Нет, нет, — сказал Пуаро. — Ваше предположение совершенно правильно. Мистер Рэтчетт был убит. Зарезан. Но мне хотелось бы знать, почему вы так уверены в том, что он был убит, а не просто умер.

Маккуин заколебался.

— Прежде я должен выяснить, — сказал он наконец, — кто вы такой? И какое отношение имеете к этому делу?

— Я представитель Международной компании спальных вагонов, — сказал Пуаро и, значительно помолчав, добавил: — Я сыщик. Моя фамилия Пуаро.

Ожидаемого впечатления это не произвело. Маккуин сказал только: «Вот как?» — и стал ждать, что последует дальше.

— Вам, вероятно, известна эта фамилия?

— Как будто что-то знакомое… Только я всегда думал, что это дамский портной[22].

Пуаро смерил его полным негодования взглядом.

— Просто невероятно! — возмутился он.

— Что невероятно?

— Ничего. Неважно. Но не будем отвлекаться. Я попросил бы вас, мистер Маккуин, рассказать мне все, что вам известно о мистере Рэтчетте. Вы ему не родственник?

— Нет. Я его секретарь, вернее, был его секретарем.

— Как долго вы занимали этот пост?

— Чуть более года.

— Расскажите поподробнее об этом.

— Я познакомился с мистером Рэтчеттом чуть

---

[22] Примечания: 22
Имеется в виду известный в ту пору модельер Пьер Пуаре.

более года назад в Персии…

— Что вы там делали? — прервал его Пуаро.

— Я приехал из Нью-Йорка разобраться на месте в делах одной нефтяной концессии. Не думаю, чтобы вас это могло заинтересовать. Мои друзья и я здорово на ней погорели. Мистер Рэтчетт жил в одном отеле со мной. Он повздорил со своим секретарем и предложил его должность мне. Я согласился. Я тогда был на мели и обрадовался возможности, не прилагая усилий, получить работу с хорошим окладом.

— Что вы делали с тех пор?

— Разъезжали. Мистер Рэтчетт хотел посмотреть свет, но ему мешало незнание языков. Меня он использовал скорее как гида и переводчика, чем как секретаря. Обязанности мои были малообременительными.

— А теперь расскажите мне все, что вы знаете о своем хозяине.

Молодой человек пожал плечами. На его лице промелькнуло замешательство.

— Это не так-то просто.

— Как его полное имя?

— Сэмюэл Эдуард Рэтчетт.

— Он был американским гражданином?

— Да.

— Из какого штата он родом?

— Не знаю.

— Что ж, тогда расскажите о том, что знаете.

— Сказать по правде, мистер Пуаро, я решительно ничего не знаю. Мистер Рэтчетт никогда не говорил ни о себе, ни о своей жизни там, в Америке.

— И как вы считаете, почему?

— Не знаю. Я думал, может быть, он стесняется своего происхождения. Так бывает.

— Неужели такое объяснение казалось вам правдоподобным?

— Если говорить начистоту — нет.

— У него были родственники?

— Он никогда об этом не упоминал.

Но Пуаро не отступался:

— Однако, мистер Маккуин, вы наверняка както объясняли это для себя.

— По правде говоря, объяснял. Во-первых, я не верю, что его настоящая фамилия Рэтчетт. Я думаю, он бежал от кого-то или от чего-то и потому покинул Америку. Но до недавнего времени он чувствовал себя в безопасности.

— А потом?

— Потом он стал получать письма, угрожающие письма.

— Вы их видели?

— Да. В мои обязанности входило заниматься его перепиской. Первое из этих писем пришло две недели назад.

— Эти письма уничтожены?

— Нет, по-моему, парочка у меня сохранилась, а одно, насколько мне известно, мистер Рэтчетт в ярости разорвал в клочки. Принести вам эти письма?

— Будьте так любезны.

Маккуин вышел. Через несколько минут он вернулся и положил перед Пуаро два замызганных листка почтовой бумаги.

Первое письмо гласило:

> «Ты думал надуть нас и надеялся, что это тебе сойдет с рук. Дудки, Рэтчетт, тебе от нас не уйти».

Подписи не было.

Пуаро поднял брови и, не сказав ни слова, взял второе письмо.

> «Рэтчетт, мы тебя прихлопнем вскорости. Знай, тебе от нас не уйти!»

Пуаро отложил письмо.

— Стиль довольно однообразный, — сказал Пу-

аро, — а вот о почерке этого никак не скажешь.

Маккуин воззрился на него.

— Вы не могли этого заметить, — сказал Пуаро любезно, — тут нужен опытный глаз. Письмо это, мистер Маккуин, писал не один человек, а два, если не больше. Каждый по букве. Кроме того, его писали печатными буквами, чтобы труднее было определить, кто писал. — Помолчав, он добавил: — Вы знали, что мистер Рэтчетт обращался ко мне за помощью?

— К вам?

Изумление Маккуина было настолько неподдельным, что Пуаро поверил молодому человеку.

— Вот именно, — кивнул Пуаро. — Рэтчетт был очень встревожен. Расскажите, как он вел себя, когда получил первое письмо?

Маккуин ответил не сразу.

— Трудно сказать. Он вроде бы посмеялся над ним, во всяком случае, из спокойствия оно его не вывело. Но все же, — Маккуин пожал плечами, — я почувствовал, что в глубине души он встревожен.

Пуаро опять кивнул.

— Мистер Маккуин, — неожиданно спросил он, — вы можете сказать без утайки, как вы отно-

сились к своему хозяину? Он вам нравился?

Гектор Маккуин помедлил с ответом.

— Нет, — сказал он наконец, — не нравился.

— Почему?

— Не могу сказать точно. Он был неизменно обходителен. — Секретарь запнулся, потом добавил: — Честно говоря, мсье Пуаро, мне он не нравился, и я ему не доверял. Я уверен, что он был человеком жестоким и опасным. Хотя должен признаться, подкрепить свое мнение мне нечем.

— Благодарю вас, мистер Маккуин. Еще один вопрос: когда вы в последний раз видели мистера Рэтчетта живым?

— Вчера вечером, около… — Он с минуту подумал. — Пожалуй, около десяти часов. Я зашел к нему в купе записать кое-какие указания.

— Насчет чего?

— Насчет старинных изразцов и керамики, которые он купил в Персии. Ему прислали совсем не те, что он выбрал. По этому поводу мы вели длительную и весьма утомительную переписку.

— И тогда вы в последний раз видели мистера Рэтчетта живым?

— Пожалуй, что так.

— А вы знаете, когда мистер Рэтчетт получил последнее из угрожающих писем?

— Утром того дня, когда мы выехали из Константинополя.

— Я должен задать вам еще один вопрос, мистер Маккуин. Вы были в хороших отношениях с вашим хозяином?

В глазах молодого человека промелькнули озорные искорки.

— От этого вопроса у меня, очевидно, должны мурашки по коже забегать. Но как пишут в наших детективных романах: «Вы мне ничего не пришьете» — я был в прекрасных отношениях с Рэтчеттом.

— Не откажите сообщить ваше полное имя и ваш адрес в Америке.

Секретарь продиктовал свое полное имя — Гектор Уиллард Маккуин — и свой нью-йоркский адрес.

Пуаро откинулся на спинку дивана.

— Пока все, мистер Маккуин, — сказал он. — Я был бы очень вам обязан, если бы вы некоторое время хранили в тайне смерть мистера Рэтчетта.

— Его лакей Мастермэн все равно об этом узнает.

— Скорее всего он уже знает, — недовольно сказал Пуаро. — Но если и так, проследите, чтобы он попридержал язык.

— Это совсем нетрудно. Он англичанин и, по его собственным словам, «с кем попало не якшается». Он невысокого мнения об американцах и вовсе низкого о представителях всех других национальностей.

— Благодарю вас, мистер Маккуин.

Американец ушел.

— Ну? — спросил мсье Бук. — Вы верите тому, что вам рассказал этот молодой человек?

— Мне показалось, что он говорил откровенно и честно. Будь он замешан в убийстве, он наверняка притворился бы, будто любил своего хозяина. Правда, мистер Рэтчетт не сообщил ему, что он старался заручиться моими услугами, но мне это обстоятельство не кажется подозрительным. Сдается, покойник отличался скрытным нравом.

— Значит, одного человека вы считаете свободным от подозрений? — бодро сказал мсье Бук.

Пуаро кинул на него полный укора взгляд.

— Нет, нет, я до последнего подозреваю всех, — сказал он. — И тем не менее должен признаться, что просто не могу себе представить, чтобы Маккуин — сама трезвость и осмотрительность — вдруг настолько вышел из себя, что нанес своей жертве не меньше дюжины ударов. Это не вяжется с его характером, никак не вяжется.

— Да… — Мсье Бук задумался. — Так мог поступить человек в припадке ярости, чуть ли не бешенства, что скорее наводит на мысль о латинянине или, как утверждает наш друг, начальник поезда, о женщине.

Глава 7
ТРУП

Пуаро в сопровождении доктора Константина прошел в соседний вагон и направился в купе, где лежал убитый. Подоспевший проводник открыл им дверь своим ключом.

Когда они вошли в купе, Пуаро вопросительно взглянул на своего спутника:

— В купе что-нибудь переставляли?

— Нет, ничего не трогали. При осмотре я старался не сдвинуть тела.

Кивнув, Пуаро окинул взглядом купе.

Прежде всего он обратил внимание на то, что купе совсем выстыло. Окно в нем было распахнуто настежь, а штора поднята.

— Брр… — поежился Пуаро. Доктор самодовольно улыбнулся.

— Я решил не закрывать окно, — сказал он.

Пуаро внимательно осмотрел окно.

— Вы поступили правильно, — объявил он. — Никто не мог покинуть поезд через окно. Вполне вероятно, что его открыли специально, чтобы натолкнуть нас на эту мысль, но если и так, снег разрушил планы убийцы. — Пуаро тщательно осмотрел раму. И, вынув из кармана маленькую коробочку, посыпал раму порошком. — Отпечатков пальцев нет, — сказал он. — Значит, раму вытерли. Впрочем, если бы отпечатки и были, это бы нам мало что дало. Скорее всего это оказались бы отпечатки Рэтчетта, его лакея и проводника. В наши дни преступники больше не совершают таких ошибок. А раз так, — продолжал он бодро, — окно вполне можно и закрыть — здесь просто ледник.

Покончив с окном, он впервые обратил внимание на распростертый на полке труп. Рэтчетт лежал на спине. Его пижамная куртка, вся в ржавых пятнах крови, была распахнута на груди.

— Сами понимаете, мне надо было определить характер ранений, — объяснил доктор.

Пуаро склонился над телом. Когда он выпрямился, лицо его скривилось.

— Малоприятное зрелище, — сказал он. — Убийца, должно быть, стоял тут и наносил ему удар за ударом. Сколько ран вы насчитали?

— Двенадцать. Одна или две совсем неглубокие, чуть ли не царапины. Зато три из них, напротив, смертельные.

Какие-то нотки в голосе доктора насторожили Пуаро. Он вперился в коротышку грека: собрав гармошкой лоб, тот недоуменно разглядывал труп.

— Вы чем-то удивлены, не правда ли? — вкрадчиво спросил Пуаро. — Признайтесь, мой друг, что-то вас озадачило?

— Вы правы, — согласился доктор.

— Что же?

— Видите эти две раны, — и доктор ткнул пальцем, — здесь и здесь. Нож прошел глубоко — перерезано много кровеносных сосудов… И все же… края ран не разошлись. А ведь из таких ран кровь должна была бы бить ручьем.

— Что из этого следует?

— Что когда Рэтчетту нанесли эти раны, он уже был какое-то время мертв. Но это же нелепо!

— На первый взгляд да, — сказал Пуаро задумчиво. — Хотя, конечно, убийца мог вдруг решить, что не добил свою жертву, и вернуться обратно, чтобы довести дело до конца, однако это слишком уж нелепо! А что еще вас удивляет?

— Всего одно обстоятельство.

— И какое?

— Видите вот эту рану, здесь, около правого плеча, почти под мышкой? Возьмите мой карандаш. Могли бы вы нанести такую рану?

Пуаро занес руку.

— Я вас понял. Правой рукой нанести такую рану очень трудно, едва ли возможно. Так держать нож было бы неловко. Но если нож держать в левой руке…

— Вот именно, мсье Пуаро. Эту рану почти наверняка нанесли левой рукой.

— То есть вы хотите сказать, что убийца — левша? Нет, дело обстоит не так просто. Вы со мной согласны?

— Совершенно согласен, мсье Пуаро. Потому что другие раны явно нанесены правой рукой.

— Итак, убийц двое. Мы снова возвращаемся к этому, — пробормотал сыщик. — А свет был включен? — неожиданно спросил он.

— Трудно сказать. Видите ли, каждое утро около десяти проводник выключает свет во всем вагоне.

— Это мы узнаем по выключателям, — сказал Пуаро.

Он обследовал выключатель верхней лампочки и ночника у изголовья. Первый был выключен.

Второй включен.

— Ну что ж, — задумчиво сказал он. — Разберем эту версию. Итак, Первый и Второй убийцы, как обозначил бы их великий Шекспир. Первый убийца закалывает свою жертву и, выключив свет, уходит из купе. Входит Второй убийца, но в темноте не замечает, что дело сделано, и наносит мертвецу по меньшей мере две раны. Что вы на это скажете?

— Великолепно! — вне себя от восторга, воскликнул маленький доктор.

Глаза Пуаро насмешливо блеснули.

— Вы так считаете? Очень рад. Потому что мне такая версия показалась противоречащей здравому смыслу.

— А как иначе все объяснить?

— Этот же вопрос и я задаю себе. Случайно ли такое стечение обстоятельств или нет? И нет ли еще каких-либо несообразностей, указывающих на то, что в этом деле замешаны двое?

— Я думаю, на ваш вопрос можно ответить утвердительно. Некоторые раны, как я уже указывал, свидетельствуют о слабой физической силе, а может, и о слабой решимости. Это немощные удары, слегка повредившие кожу. Но вот эта рана и вот эта… — Он ткнул пальцем. — Для таких уда-

ров нужна большая сила: нож прорезал мышцы.

— Значит, такие раны, по вашему мнению, мог нанести только мужчина?

— Скорее всего.

— А женщина?

— Молодая, здоровая женщина, к тому же спортсменка, способна нанести такие удары, особенно в припадке гнева. Но это, на мой взгляд, в высшей степени маловероятно.

Минуты две Пуаро молчал.

— Вы меня поняли? — нетерпеливо спросил врач.

— Еще бы. Дело проясняется прямо на глазах! Убийца — мужчина огромной физической силы, он же мозгляк, он же женщина, он же левша и правша одновременно. Да это же просто смешно! — И, неожиданно рассердившись, продолжил: — А жертва, как она ведет себя? Кричит? Оказывает сопротивление? Защищается?

Пуаро сунул руку под подушку и вытащил автоматический пистолет, который Рэтчетт показал ему накануне.

— Как видите, все патроны в обойме, — сказал он.

Они оглядели купе. Одежда Рэтчетта висела на крючках. На столике — его заменяла откидная

крышка умывальника — стояли в ряд стакан с водой, в котором плавала вставная челюсть, пустой стакан, бутылка минеральной воды, большая фляжка, пепельница с окурком сигары, лежали обуглившиеся клочки бумаги и две обгорелые спички.

Доктор понюхал пустой стакан.

— Вот почему Рэтчетт не сопротивлялся, — сказал он вполголоса.

— Его усыпили?

— Да.

Пуаро кивнул. Он держал спички и внимательно их разглядывал.

— Значит, вы все-таки нашли улики? — нетерпеливо спросил маленький доктор.

— Эти спички имеют разную форму, — объяснил Пуаро. — Одна из них более плоская. Видите?

— Такие спички в картонных обложках продают здесь, в поезде, — сказал доктор.

Пуаро обшарил карманы Рэтчетта, вытащил оттуда коробок спичек. И снова внимательно сравнил две спички.

— Толстую спичку зажег мистер Рэтчетт, — сказал он. — А теперь надо удостовериться, не было ли у него и плоских спичек тоже.

Но дальнейшие поиски не дали никаких результатов.

Пуаро рыскал глазами по купе. Казалось, от его пристального взгляда ничто не ускользает. Вдруг он вскрикнул, нагнулся и поднял с полу клочок тончайшего батиста с вышитой в углу буквой Н.

— Женский носовой платок, — сказал доктор. — Наш друг начальник поезда оказался прав. Тут замешана женщина.

— И для нашего удобства она оставила здесь свой носовой платок! — сказал Пуаро. — Точь-в-точь как в детективных романах и фильмах. А чтобы облегчить нам задачу, еще вышила на нем инициалы.

— Редкая удача! — радовался доктор.

— Вот как? — спросил Пуаро таким тоном, что доктор насторожился.

Но прежде чем тот успел задать вопрос, Пуаро быстро нагнулся и снова что-то поднял. На этот раз на его ладони оказался ершик для чистки трубок.

— Не иначе как ершик мистера Рэтчетта? — предположил доктор.

— В карманах мистера Рэтчетта не было ни трубки, ни табака, ни кисета.

— Раз так, это улика.

— Еще бы! Притом опять же подброшенная для нашего удобства. И заметьте, на этот раз улика указывает на мужчину. Да, улик у нас более чем достаточно. А кстати, что вы сделали с оружием?

— Никакого оружия мы не нашли. Убийца, должно быть, унес его с собой.

— Интересно почему? — задумался Пуаро.

— Ах! — вдруг вскрикнул доктор, осторожно обшаривавший пижамные карманы убитого. — Совсем упустил из виду. Я сразу распахнул куртку и поэтому забыл заглянуть в карманы.

Он вытащил из нагрудного кармана пижамы золотые часы. Их корпус был сильно погнут, стрелки показывали четверть второго.

— Вы видите? — нетерпеливо закричал доктор Константин. — Теперь мы знаем время убийства. Мои подсчеты подтверждаются. Я ведь говорил — между двенадцатью и двумя, скорее всего около часу, хотя точно в таких делах сказать трудно. И вот вам подтверждение — часы показывают четверть второго. Значит, преступление было совершено в это время.

— Не исключено, что так оно и было. Не исключено.

Доктор удивленно посмотрел на Пуаро:

— Простите меня, мсье Пуаро, но я не вполне

вас понимаю.

— Я и сам не вполне себя понимаю, — сказал Пуаро. — Я ничего вообще не понимаю, и, как вы могли заметить, это меня тревожит. — Он с глубоким вздохом склонился над столиком, разглядывая обуглившиеся клочки бумаги. — Мне сейчас крайне необходима, — бормотал он себе под нос, — старомодная шляпная картонка.

Доктор Константин совсем опешил, не зная, как отнестись к такому необычному желанию. Но Пуаро не дал ему времени на расспросы. Открыв дверь, он позвал из коридора проводника. Проводник не заставил себя ждать.

— Сколько женщин в вагоне?

Проводник посчитал на пальцах:

— Одна, две, три... Шесть, мсье. Пожилая американка, шведка, молодая англичанка, графиня Андрени, княгиня Драгомирова и ее горничная.

Пуаро подумал:

— У них у всех есть картонки, не правда ли?

— Да, мсье.

— Тогда принесите мне... дайте подумать... да, именно так, — принесите мне картонку шведки и картонку горничной. На них вся моя надежда. Скажете им, что они нужны для таможенного досмотра или для чего-нибудь еще, — словом,

что угодно.

— Не беспокойтесь, мсье, все обойдется как нельзя лучше: обеих дам сейчас нет в купе.

— Тогда поторапливайтесь.

Проводник ушел и вскоре вернулся с двумя картонками. Открыв картонку горничной, Пуаро тут же отбросил ее и взялся за картонку шведки. Заглянув в нее, он радостно вскрикнул и осторожно извлек шляпы — под ними оказались проволочные полушария.

— Вот что мне и требовалось! Такие картонки производили пять лет назад. Шляпка булавкой прикреплялась к проволочной сетке.

Пуаро ловко отцепил обе сетки, положил шляпы на место и велел проводнику отнести картонки назад. Когда дверь за ним закрылась, он повернулся к доктору:

— Видите ли, мой дорогой доктор, сам я не слишком полагаюсь на всевозможные экспертизы. Меня обычно интересует психология, а не отпечатки пальцев или сигаретный пепел. Однако в данном случае придется прибегнуть к помощи науки. В этом купе полным-полно улик, но как поручиться, что они не подложные?

— Я не вполне вас понимаю, мсье Пуаро.

— Ну что ж, приведу пример. Мы находим жен-

ский носовой платок. Кто его потерял, женщина? А может быть, мужчина, совершивший преступление, решил: «Пусть думают, что это — дело рук женщины. Я нанесу куда больше ран, чем нужно, причем сделаю это так, что будет казаться, будто некоторые из них нанесены человеком слабым и немощным, потом оброню на видном месте женский платок». Это один вариант. Но есть и другой. Предположим, что убийца — женщина. И тогда она нарочно роняет ершик для трубки, чтобы подумали, будто преступление совершил мужчина. Неужели мы можем всерьез предположить, будто два человека, мужчина и женщина, не сговариваясь, совершили одно и то же преступление и притом каждый из них был так небрежен, что оставил нам по улике? Не слишком ли много тут совпадений?

— А какое отношение имеет к этому картонка? — все еще недоумевая, спросил доктор.

— Сейчас расскажу. Так вот, как я уже говорил, все эти улики — часы, остановившиеся в четверть второго, носовой платок, ершик для трубки — могут быть и подлинными, и подложными. Этого я пока еще не могу определить. Но есть одна, на мой взгляд, подлинная улика, хотя и тут я могу ошибиться. Я говорю о плоской спичке, доктор. Я

уверен, что ее зажег не мистер Рэтчетт, а убийца. И зажег, чтобы уничтожить компрометирующую бумагу. А следовательно, в этой бумаге была какая-то зацепка, которая давала ключ к разгадке. И я попытаюсь восстановить эту записку и узнать, в чем же состояла зацепка.

Он вышел из купе и через несколько секунд вернулся с маленькой спиртовкой и щипцами для завивки.

— Это для усов, — объяснил Пуаро, тряхнув щипцами.

Доктор во все глаза следил за ним. Пуаро распрямил проволочные полушария, осторожно положил обуглившийся клочок бумаги на одно из них, другое наложил поверх и, придерживая оба полушария щипцами, подержал это сооружение над пламенем спиртовки.

— Кустарщина, что и говорить, — бросил он через плечо, — но будем надеяться, что она послужит нашим целям.

Доктор внимательно следил за действиями Пуаро. Проволочные сетки накалились, и на бумаге начали проступать еле различимые очертания букв. Буквы медленно образовывали слова — слова, написанные огнем. Клочок был очень маленький — всего три слова и часть четвертого:

«...мни маленькую Дейзи Армстронг».

— Вот оно что! — вскрикнул Пуаро.

— Вам это что-нибудь говорит? — спросил доктор.

Глаза Пуаро засверкали. Он бережно отложил щипцы.

— Да, — сказал он. — Теперь я знаю настоящую фамилию убитого. И знаю, почему ему пришлось уехать из Америки.

— Как его фамилия?

— Кассетти.

— Кассетти? — Константин наморщил лоб. — О чем-то эта фамилия мне напоминает. О каком-то событии несколько лет назад... Нет, не могу вспомнить... Какое-то шумное дело в Америке, не так ли?

— Да, — сказал Пуаро. — Вы не ошиблись. Это случилось в Америке. — Видно было, что он не склонен распространяться на эту тему. Оглядывая купе, он добавил: — В свое время мы этим займемся. А теперь давайте удостоверимся, что мы осмотрели все, что можно.

Он еще раз быстро и ловко обыскал карманы убитого, но не нашел там ничего, представляющего интерес. Попытался открыть дверь, ведущую в соседнее купе, но она была заперта с другой

стороны.

— Одного я не понимаю, — сказал доктор Константин, — через окно убийца не мог уйти, смежная дверь была заперта с другой стороны, дверь в коридор заперта изнутри и на ключ, и на цепочку. Как же тогда ему удалось удрать?

— Точно так же рассуждает публика в цирке, когда иллюзионист запихивает связанного по рукам и ногам человека в закрытый ящик и он исчезает.

— Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, — объяснил Пуаро, — что, если убийце нужно было уверить нас, будто он убежал через окно, он, естественно, должен был доказать нам, что иначе он выйти не мог. Это такой же трюк, как исчезновение человека из закрытого ящика. А наше дело — узнать, как был проделан этот трюк.

Пуаро задвинул на засов дверь, ведущую в соседнее купе.

— На случай, — пояснил он, — если достопочтенной миссис Хаббард взбредет в голову посмотреть на место преступления, чтобы описать потом это своей дочери. — Он снова огляделся вокруг. — Здесь нам, я полагаю, больше делать нечего. Вернемся к мсье Буку.

Глава 8
ПОХИЩЕНИЕ ДЕЙЗИ АРМСТРОНГ

Когда они вошли в купе мсье Бука, тот приканчивал омлет

— Я приказал сразу же подавать обед, — сказал он, — и потом поскорее освободить ресторан, чтобы мсье Пуаро мог начать опрос свидетелей. А нам троим я распорядился принести еду сюда.

— Отличная мысль. — Пуаро обрадовался.

Никто не успел проголодаться, поэтому обед отнял у них мало времени; однако мсье Бук решил заговорить о волнующем всех предмете, лишь когда они перешли к кофе.

— Ну и что? — спросил он.

— А то, что мне удалось установить личность убитого. Я знаю, почему ему пришлось бежать из Америки.

— Кто он?

— Помните, в газетах одно время много писали о ребенке Армстронгов? Так вот Рэтчетт — это и есть Кассетти, тот самый, убийца Дейзи Армстронг.

— Теперь припоминаю. Ужасная трагедия! Од-

нако я помню ее лишь в самых общих чертах.

— Полковник Армстронг был англичанин, кавалер ордена Виктории, но мать его была американка, дочь У.-К. Ван дер Холта, знаменитого уолл-стритского миллионера. Армстронг женился на дочери Линды Арден, самой знаменитой в свое время трагической актрисы Америки. Армстронги жили в Америке со своим единственным ребенком — маленькой девочкой, которую боготворили. Когда девочке исполнилось три года, ее похитили и потребовали за нее немыслимый выкуп. Не стану утомлять вас рассказом обо всех деталях дела. Перейду к моменту, когда родители, уплатив выкуп в двести тысяч долларов, нашли труп ребенка. Оказалось, что девочка была мертва по крайней мере две недели. Трудно описать всеобщее возмущение. Однако это еще не конец. Миссис Армстронг в скором времени должна была родить. От потрясения она преждевременно родила мертвого ребенка и умерла. Убитый горем муж застрелился.

— Боже мой, какая трагедия! Теперь я вспомнил, — сказал мсье Бук. — Однако, насколько я знаю, погиб и кто-то еще?

— Да, несчастная нянька, француженка или швейцарка по происхождению. Полиция была

убеждена, что она замешана в преступлении. Девушка плакала и все отрицала, но ей не поверили, и она в припадке отчаяния выбросилась из окна и разбилась насмерть. Потом выяснилось, что она никак не была причастна к преступлению.

— Подумать страшно! — ужаснулся мсье Бук.

— Примерно через полгода был арестован Кассетти, главарь шайки, похитившей ребенка. Шайка эта и раньше применяла такие методы. Если у них возникало подозрение, что полиция напала на их след, они убивали пленника, прятали тело и продолжали тянуть деньги у родственников до тех пор, пока преступление не раскрывалось. Скажу вам сразу, мой друг, девочку убил Кассетти, и в этом никаких сомнений нет. Однако благодаря огромным деньгам, которые он накопил, и тайной власти над разными людьми он сумел добиться того, что его оправдали, придравшись к какой-то формальности. Толпа все равно линчевала бы его, но он понял это и вовремя смылся. Теперь мне стало ясно и дальнейшее. Он переменил фамилию, уехал из Америки и с тех пор ушел на покой, путешествовал, стриг купоны.

— Какой изверг! — с отвращением сказал мсье Бук. — Я нисколько не жалею, что его убили.

— Разделяю ваши чувства.

— И все же незачем было убивать его в «Восточном экспрессе». Будто нет других мест.

Губы Пуаро тронула улыбка. Он понимал, что мсье Бук судит несколько предвзято.

— Сейчас для нас главное, — объяснил Пуаро, — выяснить, кто убил Кассетти: какая-нибудь соперничающая шайка, у которой с Кассетти могли быть свои счеты, или же это была личная месть. — И он рассказал, что ему удалось прочесть на обуглившемся клочке бумаги. — Если мое предположение верно, значит, письмо сжег убийца. Почему? Да потому, что в нем упоминалась фамилия Армстронг, которая дает ключ к разгадке.

— А кто-нибудь из Армстронгов остался в живых?

— Увы, этого я не знаю. Мне кажется, я где-то читал о младшей сестре миссис Армстронг.

Пуаро продолжал излагать выводы, к которым они с доктором пришли. При упоминании о сломанных часах мсье Бук заметно оживился:

— Теперь мы точно знаем, когда было совершено преступление.

— Да. Подумайте только — как удобно! — сказал Пуаро, и что-то в его голосе заставило обоих собеседников взглянуть на него с любопытством.

— Вы говорите, будто сами слышали, как Рэтчетт без двадцати час разговаривал с проводником?

Пуаро рассказал, как это было.

— Что ж, — сказал мсье Бук, — во всяком случае, это доказывает, что без двадцати час Кассетти, или Рэтчетт, как я буду его по-прежнему называть, был жив.

— Если быть совершенно точным, без двадцати трех час.

— Значит, выражаясь официальным языком, в ноль тридцать семь мистер Рэтчетт был еще жив. По крайней мере, один факт у нас есть.

Пуаро не ответил. Он сидел, задумчиво глядя перед собой.

В дверь постучали, и в купе вошел официант.

— Ресторан свободен, мсье, — сказал он.

— Мы перейдем туда. — Мсье Бук поднялся.

— Можно мне с вами? — спросил Константин.

— Ну конечно же, дорогой доктор. Если только мсье Пуаро не возражает.

— Нисколько. Нисколько.

После короткого обмена любезностями: «Apres vous, monsieur». — «Mais non, apres vous»[23] — они

---

[23] Примечания: 23

«После вас, мсье». — «Нет, нет, после вас».

вышли в коридор.

Часть II
ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЕЙ
Глава 1
ПОКАЗАНИЯ ПРОВОДНИКА СПАЛЬНЫХ ВАГОНОВ

В вагоне-ресторане все было подготовлено для допроса. Пуаро и мсье Бук сидели по одну сторону стола. Доктор — по другую. На столе перед Пуаро лежал план вагона Стамбул — Кале. На каждом купе красными чернилами было обозначено имя занимавшего его пассажира. Сбоку лежала стопка паспортов и билетов. Рядом разложили бумагу, чернила, ручку, карандаши.

— Все в порядке, — сказал Пуаро, — мы можем без дальнейших проволочек приступить к расследованию. Прежде всего, я думаю, нам следует выслушать показания проводника спального вагона. Вы, наверное, знаете этого человека. Что вы можете сказать о нем? Можно ли отнестись с доверием к его словам?

— Я в этом абсолютно уверен. Пьер Мишель служит в нашей компании более пятнадцати лет. Он француз, живет неподалеку от Кале. Человек

в высшей степени порядочный и честный. Но особым умом не отличается.

Пуаро понимающе кивнул:

— Хорошо. Давайте поглядим на него.

К Пьеру Мишелю отчасти вернулась былая уверенность, хотя он все еще нервничал.

— Я надеюсь, мсье не подумает, что это мой недосмотр, — испуганно сказал Мишель, переводя глаза с Пуаро на Бука. — Ужасный случай. Я надеюсь, мсье не подумает, что я имею к этому отношение?

Успокоив проводника, Пуаро приступил к допросу. Сначала он выяснил адрес и имя Мишеля, затем спросил, как давно он работает в этой компании и на этой линии в частности. Все это он уже знал и вопросы задавал лишь для того, чтобы разговорить проводника.

— А теперь, — продолжал Пуаро, — перейдем к событиям прошлой ночи. Когда мистер Рэтчетт пошел спать, в котором часу?

— Почти сразу же после ужина, мсье. Вернее, перед тем как мы выехали из Белграда. В то же время, что и накануне. Он велел мне, пока будет ужинать, приготовить постель, что я и сделал.

— Кто входил после этого в его купе?

— Его лакей, мсье, и молодой американец, его

секретарь.

— И больше никто?

— Нет, мсье, насколько мне известно.

— Отлично. Значит, вы видели или, вернее, слышали его в последний раз именно тогда?

— Нет, мсье. Вы забыли: он позвонил мне без двадцати час, вскоре после того, как поезд остановился.

— Опишите точно, что произошло.

— Я постучался в дверь, он отозвался — сказал, что позвонил по ошибке.

— Он говорил по-французски или по-английски?

— По-французски.

— Повторите в точности его слова.

— Ce n'est rien, je me suis trompe[24].

— Правильно, — сказал Пуаро. — То же самое слышал и я. А потом вы ушли?

— Да, мсье.

— Вы вернулись на свое место?

— Нет, мсье. Позвонили из другого купе, и я сначала пошел туда.

— А теперь, Мишель, я задам вам очень важный вопрос: где вы находились в четверть второго?

---

[24] Примечания: 24
Не беспокойтесь, я ошибся.

— Я, мсье? Сидел на скамеечке в конце вагона лицом к коридору.

— Вы в этом уверены?

— Ну конечно же... Вот только...

— Что — только?

— Я выходил в соседний вагон, в афинский, потолковать с приятелем. Мы говорили о заносах. Это было сразу после часа ночи. Точнее сказать трудно.

— Потом вы вернулись в свой вагон... Когда это было?

— Тогда как раз раздался звонок, мсье... Я помню, мсье, я уже говорил вам об этом. Меня вызывала американская дама. Она звонила несколько раз.

— Теперь и я припоминаю, — сказал Пуаро. — А после этого?

— После этого, мсье? Позвонили вы, и я принес вам минеральную воду. Еще через полчаса я постелил постель в другом купе — в купе молодого американца, секретаря мистера Рэтчетта.

— Когда вы пришли стелить постель, мистер Маккуин находился в купе один?

— С ним был английский полковник из пятнадцатого номера. Они разговаривали.

— Что делал полковник, когда ушел от Мак-

куина?

— Вернулся в свое купе.

— Пятнадцатое купе — оно ведь близко от вашей скамеечки, не так ли?

— Да, мсье, это второе купе от конца вагона.

— Постель полковника была уже постелена?

— Да, мсье. Я постелил ему, когда он ужинал.

— В котором часу они разошлись?

— Не могу точно сказать, мсье. Во всяком случае, не позже двух.

— А что потом?

— Потом, мсье, я просидел до утра на своей скамеечке.

— Вы больше не ходили в афинский вагон?

— Нет, мсье.

— А вы не могли заснуть?

— Не думаю, мсье. Поезд стоял, и поэтому меня не клонило ко сну, как обычно бывает на ходу.

— Кто-нибудь из пассажиров проходил по коридору в сторону вагона-ресторана или обратно? Вы не заметили?

Проводник подумал.

— Кажется, одна из дам прошла в туалет в дальнем конце вагона.

— Какая дама?

— Не знаю, мсье. Это было в дальнем конце

вагона, и я видел ее только со спины. На ней было красное кимоно, расшитое драконами.

Пуаро кивнул.

— А потом?

— До самого утра все было спокойно, мсье.

— Вы уверены?

— Да— Да, извините. Вы же сами, мсье, открыли дверь и выглянули в коридор!

— Отлично, мой друг, — сказал Пуаро. — Меня интересовало, помните вы об этом или нет. Между прочим, я проснулся от стука — что-то тяжелое ударилось о мою дверь. Как зы думаете, что бы это могло быть?

Проводник вытаращил на него глаза:

— Не знаю, мсье. Ничего такого не происходило. Это точно.

— Значит, мне снились кошмары, — не стал спорить Пуаро.

— А может, — сказал мсье Бук, — до вас донесся шум из соседнего купе?

Пуаро как будто не расслышал его слов. Вероятно, ему не хотелось привлекать к ним внимание проводника.

— Перейдем к другому пункту, — сказал он. — Предположим, убийца сел в поезд прошлой ночью. Вы уверены, что он не мог покинуть поезд

после того, как совершил преступление?

Пьер Мишель покачал головой.

— А он не мог спрятаться где-нибудь в поезде?

— Поезд обыскали, — сообщил мсье Бук, — так что вам придется отказаться от этой идеи, мой друг.

— Да и потом, — сказал Мишель, — если бы кто-нибудь прошел в мой вагон, я бы обязательно это заметил.

— Когда была последняя остановка?

— В Виньковцах.

— Во сколько?

— Мы должны были отправиться оттуда в одиннадцать пятьдесят восемь. Но из-за погоды вышли на двадцать минут позже.

— В ваш вагон можно пройти из других вагонов?

— Нет, мсье. После обеда дверь, соединяющая спальный вагон с остальным поездом, закрывается.

— А сами вы сходили с поезда в Виньковцах?

— Да, мсье. Я вышел на перрон и встал, как и положено, у лестницы, ведущей в поезд. Точно так же, как и все остальные проводники.

— А как обстоит дело с передней дверью, той, что около ресторана?

Проводник было опешил, но быстро нашелся:

— Наверняка кто-нибудь из пассажиров открыл ее — захотел посмотреть на сугробы.

— Возможно, — согласился Пуаро. Минуту-две он задумчиво постукивал по столу.

— Мсье не винит меня в недосмотре? — робко спросил проводник.

Пуаро благосклонно улыбнулся:

— Вам просто не повезло, мой друг. Кстати, пока не забыл, еще одна деталь: вы сказали, что звонок раздался в тот самый момент, когда вы стучали в дверь мистера Рэтчетта. Да я и сам это слышал. Из какого купе звонили?

— Из купе княгини Драгомировой. Она велела прислать к ней горничную.

— Вы выполнили ее просьбу?

— Да, мсье.

Пуаро задумчиво посмотрел на лежащий перед ним план вагона и кивнул.

— Пока этого достаточно, — сказал он.

— Благодарю вас, мсье.

Проводник поднялся, посмотрел на мсье Бука.

— Не огорчайтесь, — добродушно сказал директор, — вы ни в чем не виноваты.

Пьер Мишель, просияв, вышел из купе.

Глава 2
ПОКАЗАНИЯ СЕКРЕТАРЯ

Минуты две Пуаро пребывал в глубоком раздумье.

— Учитывая все, что нам стало известно, — сказал он наконец, — я считаю, настало время еще раз поговорить с Маккуином.

Молодой американец не заставил себя ждать.

— Как продвигаются дела? — спросил он.

— Не так уж плохо. Со времени нашего последнего разговора мне удалось кое-что установить... и в частности, личность мистера Рэтчетта.

В порыве любопытства Гектор Маккуин даже подался вперед.

— И кто же это? — спросил он.

— Как вы и подозревали, Рэтчетт — фамилия вымышленная. Под ней скрывался Кассетти — человек, организовавший самые знаменитые похищения детей, в том числе и нашумевшее похищение Дейзи Армстронг.

На лице Маккуина отразилось изумление, но оно тут же сменилось возмущением.

— Так это тот негодяй! — воскликнул он.

— Вы об этом не догадывались, мистер Маккуин?

— Нет, сэр, — твердо сказал американец. — Да я бы скорей дал отрубить себе правую' руку, чем стал работать у него.

— Ваше поведение выдает сильную неприязнь. Я угадал, мистер Маккуин?

— На то есть особые причины. Мой отец был прокурором, он вел этот процесс. Мне не раз случалось встречаться с миссис Армстронг, редкой прелести была женщина и удивительной доброты. Горе ее сломило. — Лицо Маккуина посуровело. — Если кто-нибудь и получил по заслугам, то это Рэтчетт, или как там его, Кассетти. Так ему и надо. Убить такого негодяя — святое дело.

— Вы говорите так, словно и сами охотно взяли бы на себя это святое дело.

— Вот именно. Да я... — Он запнулся, вспыхнул. — Похоже, что я сам даю на себя материал.

— Я бы скорее заподозрил вас, мистер Маккуин, если бы вы стали неумеренно скорбеть по поводу кончины вашего хозяина.

— Не думаю, чтобы я смог это сделать даже под страхом смерти, — мрачно сказал Маккуин. — Если вы не сочтете мое любопытство неуместным, ответьте, пожалуйста, как вам удалось, ну это

самое... установить личность Кассетти?

— По найденному в купе обрывку письма.

— А разве... Ну это самое... Неужели старик поступил так опрометчиво?..

— Как на это взглянуть, — заметил Пуаро.

Молодого человека его замечание явно озадачило. Он с недоумением посмотрел на Пуаро, пытаясь понять, что тот имеет в виду.

— Моя задача, — сказал Пуаро, — выяснить, что делали вчера все пассажиры без исключения. Никто не должен обижаться, понимаете? Это обычные формальности.

— Разумеется. Начинайте с меня, и я постараюсь, если, конечно, это удастся, очиститься от подозрений.

— Мне не нужно спрашивать номер вашего купе, — улыбнулся Пуаро, — вчера я был вашим соседом. Это купе второго класса, места номер шесть и семь. После того как я перешел в другое купе, вы остались там один.

— Совершенно верно.

— А теперь, мистер Маккуин, я прошу вас рассказать обо всем, что вы делали после того, как ушли из вагона-ресторана.

— Ничего нет проще. Я вернулся в купе, почитал, вышел погулять на перрон в Белграде, но тут

же замерз и вернулся в вагон. Поговорил немного с молодой англичанкой из соседнего купе. Потом у меня завязался разговор с англичанином, полковником Арбэтнотом, кстати, вы, по-моему, прошли мимо нас. Заглянул к мистеру Рэтчетту и, как вам уже сообщил, записал кое-какие его указания относительно писем. Пожелал ему спокойной ночи и ушел. Полковник Ар-бэтнот еще стоял в коридоре. Ему уже постелили, поэтому я пригласил его к себе. Заказал выпивку, мы опрокинули по стаканчику. Толковали о международной политике, об Индии и о наших проблемах в связи с теперешним финансовым положением и кризисом на Уолл-стрит. Мне, как правило, не очень-то по душе англичане — уж очень они чопорные, но к полковнику я расположился.

— Вы запомнили, когда он от вас ушел?

— Довольно поздно. Так, пожалуй, часа в два.

— Вы заметили, что поезд стоит?

— Конечно. Мы даже удивлялись — почему. Посмотрели в окно, увидели, что намело много снегу, но это нас не встревожило.

— Что было после того, как полковник Арбэтнот попрощался с вами?

— Он пошел в свое купе, а я попросил кондук-

тора постелить мне.

— Где вы находились, пока он стелил постель?

— Стоял в коридоре около своего купе и курил.

— А потом?

— Лег спать и проспал до утра.

— Вы выходили из поезда вчера вечером?

— Мы с Арбэтнотом решили было выйти размяться в этих, ну как их... Виньковцах. Но стоял собачий холод — начиналась метель. И мы вернулись в вагон.

— Через какую дверь вы выходили из поезда?

— Через ближайшую к моему купе.

— Ту, что рядом с вагоном-рестораном?

— Да.

— Вы не помните, засов был задвинут?

Маккуин задумался.

— Дайте вспомнить. Пожалуй, что да. Во всяком случае, сквозь ручку был продет какой-то прут. Вас это интересует?

— Да. Когда вы вернулись в вагон, вы задвинули прут обратно?

— Да нет... Кажется, нет. Я входил последним. Не помню точно. А это важно? — вдруг спросил он.

— Может оказаться важным. Так вот, мсье, насколько я понимаю, пока вы с полковником Арбэтнотом сидели в вашем купе, дверь в кори-

дор была открыта?

Гектор Маккуин кивнул.

— Скажите, пожалуйста, если, конечно, вы это помните, не проходил ли кто-нибудь по коридору после того, как мы отъехали от Виньковцов, но до того, как полковник ушел к себе?

Маккуин наморщил лоб:

— Один раз, кажется, прошел проводник — он шел от вагона-ресторана. И потом прошла женщина, но она шла к ресторану.

— Что за женщина?

— Не знаю. Я ее толком не разглядел. У нас как раз вышел спор с Арбэтнотом. Помню только, что за дверью промелькнули какие-то алые шелка. Я не присматривался, да и потом, я бы все равно не разглядел ее лица: я сидел лицом к ресторану, так что я мог видеть только ее спину, и то когда она прошла мимо двери.

Пуаро кивнул.

— Насколько я понимаю, она направлялась в туалет?

— Наверное.

— Вы видели, как она возвращалась?

— Кстати говоря, нет. Теперь я вспоминаю, что действительно не видел, как она возвращалась. Наверное, я просто ее не заметил.

— Еще один вопрос. Вы курите трубку, мистер Маккуин?

— Нет, сэр.

Пуаро с минуту помолчал.

— Ну что ж, пока все. А теперь я хотел бы поговорить со слугой мистера Рэтчетта. Кстати, вы с ним всегда путешествовали вторым классом?

— Он всегда. Я же обычно ехал в первом и по возможности в смежном с мистером Рэтчеттом купе: он держал почти весь багаж в моем купе, и вдобавок и я, и багаж были поблизости. Однако на этот раз все купе первого класса, за исключением того, которое он занимал, были раскуплены.

— Понимаю. Благодарю вас, мистер Маккуин.

Глава 3
ПОКАЗАНИЯ СЛУГИ

Американца сменил англичанин с непроницаемым землистого цвета лицом, которого Пуаро заприметил еще накануне. Он, как и положено слуге, остановился в дверях. Пуаро жестом предложил ему сесть.

— Вы, насколько я понимаю, слуга мистера Рэтчетта?

— Да, сэр.

— Как вас зовут?

— Эдуард Генри Мастермэн.

— Сколько вам лет?

— Тридцать девять.

— Где вы живете?

— Кперкенуэлл, Фрайар-стрит, 21.

— Вы слышали, что ваш хозяин убит?

— Да, сэр.

— Скажите, пожалуйста, когда вы в последний раз видели мистера Рэтчетта?

Слуга подумал:

— Вчера вечером, около девяти часов, если не позже.

— Опишите мне во всех подробностях ваше последнее свидание.

— Я, как обычно, пошел к мистеру Рэтчетту, сэр, чтобы прислуживать ему, когда он будет ложиться.

— Опишите подробно, в чем заключались ваши обязанности.

— Я должен был сложить и развесить его одежду, сэр. Положить челюсть в воду и проверить, есть ли у него все, что требуется.

— Он вел себя как обычно?

Слуга на мгновение задумался.

— Мне показалось, сэр, что он расстроен.

— Чем?

— Письмом, которое он читал. Он спросил, не я ли принес это письмо. Я, разумеется, сказал, что это сделал не я, но он обругал меня и потом всячески ко мне придирался.

— Это было для него нехарактерно?

— Да нет, он как раз был очень вспыльчивый. По любому поводу выходил из себя.

— Ваш хозяин принимал когда-нибудь снотворное?

Доктор Константин в нетерпении подался вперед.

— В поезде всегда, сэр. Он говорил, что иначе ему не уснуть.

— Вы знаете, какое снотворное он обычно принимал?

— Не могу сказать, сэр. На бутылке не было названия. Просто надпись: «Снотворное. Принимать перед сном».

— Он принял его вчера вечером?

— Да, сэр. Я налил снотворное в стакан и поставил на туалетный столик

— Вы сами не видели, как он его принимал?

— Нет, сэр.

— А что потом?

— Я спросил, не понадобится ли ему чего-ни-

будь еще, и осведомился, в какое время мистер Рэтчетт прикажет его разбудить. Он сказал, чтобы его не беспокоили, пока он не позвонит.

— И часто так бывало?

— Да, хозяин обычно звонил проводнику и посылал его за мной, когда собирался встать.

— Обычно он вставал рано или поздно?

— Все зависело от настроения, сэр. Иногда он вставал к завтраку, иногда только к обеду.

— Значит, вас не встревожило, что дело идет к обеду, а хозяин не послал за вами?

— Нет, сэр.

— Вы знали, что у вашего хозяина есть враги?

— Да, сэр, — невозмутимо ответил слуга.

— Откуда вам это было известно?

— Я слышал, как он разговаривал о каких-то письмах с мистером Маккуином, сэр.

— Вы были привязаны к хозяину, Мастермэн?

Лицо Мастермэна — если это только возможно — стало еще более непроницаемым, чем обычно.

— Мне не хотелось бы об этом говорить, сэр. Он был щедрым хозяином.

— Но вы его не любили?

— Скажем так: мне американцы вообще не по вкусу.

— Вы бывали в Америке?

— Нет, сэр.

— Вы читали в газетах о похищении ребенка Армстронгов?

Землистое лицо слуги порозовело.

— Конечно, сэр. Похитили маленькую девочку, верно? Ужасная история!

— А вы не знали, что главным организатором похищения был ваш хозяин, мистер Рэтчетт?

— Разумеется, нет, сэр. — В бесстрастном голосе слуги впервые прозвучало возмущение. — Не могу в это поверить, сэр.

— И тем не менее это так. А теперь перейдем к тому, что вы делали вчера ночью. Сами понимаете, что это обычные формальности. Что вы делали после того, как ушли от хозяина?

— Я передал мистеру Маккуину, сэр, что его зовет хозяин. Потом вернулся в свое купе и читал.

— Ваше купе...

— Я занимаю последнее купе второго класса, сэр, в том конце, где вагон-ресторан.

Пуаро поглядел на план.

— Понятно... А какое место вы занимаете?

— Нижнее, сэр.

— То есть четвертое?

— Да, сэр.

— С вами кто-нибудь еще едет?

— Да, сэр. Рослый итальянец.

— Он говорит по-английски?

— С грехом пополам, сэр, — презрительно сказал слуга. — Он живет в Америке, в Чикаго, насколько я понял.

— Вы с ним много разговаривали?

— Нет, сэр. Я предпочитаю читать.

Пуаро улыбнулся. Он живо представил себе, как этот джентльмен — «слуга для джентльменов» — пренебрежительно осаживает говорливого верзилу итальянца.

— А что вы читаете, разрешите полюбопытствовать? — спросил Пуаро.

— В настоящее время, сэр, я читаю роман «Пленник любви» миссис Арабеллы Ричардсон.

— Хорошая книга?

— Весьма занимательная, сэр.

— Ну что ж, продолжим. Вы вернулись в свое купе и читали «Пленника любви» до...

— Примерно в половине одиннадцатого, сэр, итальянец захотел спать. Пришел проводник и постелил нам.

— После этого вы легли и заснули?

— Лег, сэр, но не заснул.

— Почему? Вам не спалось?

— У меня разболелись зубы, сэр.

— Вот как! Это мучительно.

— В высшей степени.

— Вы что-нибудь принимали от зубной боли?

— Я положил на зуб гвоздичное масло, сэр, оно немного облегчило боль, но заснуть все равно не смог. Я зажег ночник над постелью и стал читать, чтобы немного отвлечься.

— Вы так и не уснули в эту ночь?

— Нет, сэр. Я задремал уже около четырех утра.

— А ваш сосед?

— Итальянец? Он храпел вовсю.

— Он не выходил из купе ночью?

— Нет, сэр.

— А вы?

— Нет, сэр.

— Вы что-нибудь слышали ночью?

— Да нет, сэр. То есть ничего необычного. Поезд стоял, поэтому было очень тихо.

Пуаро с минуту помолчал, потом сказал:

— Ну что ж, мы почти все выяснили. Вы ничем не можете помочь нам разобраться в этой трагедии?

— Боюсь, что нет. Весьма сожалею, сэр.

— А вы не знаете, ваш хозяин и мистер Маккуин ссорились?

— Нет-нет, сэр. Мистер Маккуин очень покла-

дистый господин.

— У кого вы служили, прежде чем поступить к мистеру Рэтчетту?

— У сэра Генри Томлинсона, сэр, он жил на Гроувенор-сквер.

— Почему вы ушли от него?

— Он уехал в Восточную Африку, сэр, и больше не нуждался в моих услугах. Но я уверен, сэр, что он не откажется дать обо мне отзыв. Я прожил у него несколько лет.

— Сколько вы прослужили у мистера Рэтчетта?

— Немногим больше девяти месяцев, сэр.

— Благодарю вас, Мастермэн. Да, кстати, что вы курите — трубку?

— Нет, сэр. Я курю только сигареты, недорогие сигареты, сэр.

— Спасибо. Пока все. — Пуаро кивком отпустил лакея.

Слуга встал не сразу — он явно колебался.

— Простите, сэр, но эта пожилая американка, она, что называется, вне себя; говорит, что знает досконально все про убийцу. Она очень взбудоражена, сэр.

— В таком случае, — Пуаро улыбнулся, — нам надо не мешкая поговорить с ней.

— Вызвать ее, сэр? Она уже давно требует, чтоб ее провели к начальству. Проводнику никак не удается ее успокоить.

— Пошлите ее к нам, мой друг, — сказал Пуаро, — мы выслушаем все, что она хочет сообщить.

Глава 4
ПОКАЗАНИЯ ПОЖИЛОЙ АМЕРИКАНКИ

Когда миссис Хаббард, запыхавшись, ворвалась в вагон, от возбуждения она еле могла говорить:

— Нет, вы мне скажите, кто тут главный? Я хочу сообщить властям нечто оч-чень, оч-чень важное. И если вы, господа... — Ее взгляд блуждал по купе.

Пуаро придвинулся к ней.

— Можете сообщить мне, мадам, — сказал он. — Только умоляю вас, садитесь.

Миссис Хаббард тяжело плюхнулась на сиденье напротив.

— Вот что я вам хочу рассказать. Вчера ночью в поезде произошло убийство, и убийца был в моем купе! — Она сделала эффектную паузу, чтобы ее сообщение оценили по достоинству.

— Вы в этом уверены, мадам?

— Конечно, уверена. Да вы что? Я, слава бо-

гу, еще не сошла с ума. Я вам расскажу все-все как есть. Так вот, я легла в постель, задремала и вдруг проснулась — в купе, конечно, темно, но я чувствую, что где-то тут мужчина! Я так перепугалась, что даже не закричала! Да вы и сами знаете, как это бывает. И вот лежу я и думаю: «Господи, смилуйся, ведь меня убьют!» Просто не могу вам передать, что я пережила! А все эти мерзкие поезда, думаю, сколько в них убийств происходит, в газетах только об этом и пишут. И еще думаю: «А моих драгоценностей ему не видать». Потому что я, знаете ли, засунула их в чулок и спрятала под подушку. Это, кстати, не очень удобно — спать жестковато, да вы сами знаете, как это бывает. Но я отвлеклась. Так вот... О чем я?

— Вы почувствовали, мадам, что в вашем купе находится мужчина.

— Да, так вот, лежу я с закрытыми глазами и думаю: «Что делать?» И еще думаю: «Слава богу, моя дочь не знает, в какой переплет я попала». А потом все же собралась с духом, нащупала рукой кнопку на стене — вызвать проводника. И вот жму я, жму, а никто не идет. Я думала, у меня сердце остановится. «Боже ты мой, — говорю я себе, — может, всех пассажиров уже перебили». А поезд стоит, и тишина такая — просто жуть! А

я все жму звонок и вдруг — слава тебе, господи! — слышу по коридору шаги, а потом стук в дверь. «Входите!» — кричу и включаю свет. Так вот, хотите верьте, хотите нет, а в купе ни души!

Миссис Хаббард явно считала этот момент драматической кульминацией своего рассказа, а отнюдь не развязкой, как остальные.

— Что же было потом, мадам?

— Так вот, я рассказала обо всем проводнику, а он, видно, мне не поверил. Видно, решил, что мне это приснилось. Я, конечно, заставила его заглянуть под полку, хоть он и говорил, что туда ни одному человеку ни за что не протиснуться. Конечно, и так ясно, что мужчина удрал; но он был

у меня в купе, и меня просто бесит, когда проводник меня успокаивает. Меня, слава богу, никто еще не называл вруньей, мистер... я не знаю вашего имени...

— Пуаро, мадам, а это мсье Бук, директор компании, и доктор Константин.

Миссис Хаббард с отсутствующим видом буркнула всем троим: «Приятно познакомиться» — и самозабвенно продолжала:

— Так вот, учтите, я, конечно, не стану говорить, будто я сразу во всем разобралась. Сначала я решила, что это мой сосед, ну, тот бедняга, которого

убили. Я велела проводнику проверить, заперта ли дверь между купе, и конечно же, засов не был задвинут. Но я сразу приняла меры. Приказала проводнику задвинуть засов, а как только он ушел, встала и для верности придвинула к двери еще и чемодан.

— В котором часу это произошло, миссис Хаббард?

— Не могу вам точно сказать. Я была так расстроена, что не посмотрела на часы.

— И как вы объясняете случившееся?

— И вы еще спрашиваете! Да, по-моему, это ясно как день! В моем купе был убийца. Ну кто же еще это мог быть?

— Значит, вы считаете, он ушел в соседнее купе?

— Откуда мне знать, куда он ушел! Я лежала зажмурившись и не открывала глаз.

— Значит, он мог удрать через соседнее купе в коридор?

— Не могу сказать. Я же говорю, что лежала с закрытыми глазами. — И миссис Хаббард судорожно вздохнула. — Господи, до чего я перепугалась! Если б только моя дочь знала...

— А вы не думаете, мадам, что до вас доносились звуки из соседнего купе — из купе убитого?

— Нет, не думаю. Мистер... как вас... Пуаро. Этот человек был в моем купе. О чем тут говорить, у меня ведь есть доказательства. — Миссис Хаббард торжественно вытащила из-под стола огромную сумку и нырнула в нее. Она извлекла из ее бездонных глубин два чистых носовых платка основательных размеров, роговые очки, пачку аспирина, пакетик глауберовой соли, пластмассовый тюбик ядовито-зеленых мятных лепешек, связку ключей, ножницы, чековую книжку, фотографию на редкость некрасивого ребенка, несколько писем, пять ниток бус в псевдовосточном стиле и, наконец, металлическую штучку, оказавшуюся при ближайшем рассмотрении пуговицей.

— Видите эту пуговицу? Ну так вот, это не моя пуговица. У меня таких нет ни на одном платье. Я нашла ее сегодня утром, когда встала. — И она положила пуговицу на стол.

Мсье Бук перегнулся через стол.

— Это пуговица с форменной тужурки проводника! — воскликнул он.

— Но ведь этому можно найти и естественное объяснение, — сказал Пуаро. — Эта пуговица, мадам, могла оторваться от тужурки проводника, когда он обыскивал купе или когда стелил вашу

постель вчера вечером.

— Ну как вы все этого не понимаете — словно сговорились! Так вот слушайте: вчера перед сном я читала журнал. Прежде чем выключить свет, я положила журнал на чемоданчик — он стоял у окна. Поняли?

Они заверили ее, что поняли.

— Так вот, проводник, не отходя от входной двери, заглянул под полку, потом подошел к двери в соседнее купе и закрыл ее; к окну он не подходил. А сегодня утром эта пуговица оказалась на журнале. Ну, что вы на это скажете?

— Я скажу, мадам, что это улика, — объяснил Пуаро.

Его ответ, похоже, несколько умиротворил американку.

— Когда мне не верят, я просто на стенку лезу, — объяснила она.

— Вы дали нам интересные и в высшей степени ценные показания, — заверил ее Пуаро. — А теперь не ответите ли вы на несколько вопросов?

— Отчего же нет? Охотно.

— Как могло случиться, что вы — раз вас так напугал Рэтчетт — не заперли дверь между купе?

— Заперла, — незамедлительно возразила миссис Хаббард.

— Вот как?

— Ну да, если хотите знать, я попросила эту шведку — кстати, добрейшую женщину — посмотреть, задвинут ли засов, и она уверила меня, что он задвинут.

— А почему вы сами не посмотрели?

— Я лежала в постели, а на дверной ручке висела моя сумочка для умывальных принадлежностей — она заслоняет засов.

— В котором часу это было?

— Дайте подумать. Примерно в половине одиннадцатого или без четверти одиннадцать. Она пришла ко мне узнать, нет ли у меня аспирина. Я объяснила ей, где найти аспирин, и она достала его из моего саквояжа.

— Вы все это время не вставали с постели?

— Нет. — Она неожиданно рассмеялась. — Бедняжка была в большом волнении. Дело в том, что она по ошибке открыла дверь в соседнее купе.

— Купе мистера Рэтчетта?

— Да. Вы знаете, как легко спутать купе, когда двери закрыты. Она по ошибке вошла к нему. И очень огорчилась. Он, кажется, захохотал и вроде бы даже сказал какую-то грубость. Бедняжка вся дрожала. «Я делал ошибка, — лепетала она. — Так стыдно — я делал ошибка. Какой нехороший

человек! Он говорил: «Вы слишком старый».

Доктор Константин прыснул. Миссис Хаббард смерила его ледяным взглядом:

— Приличный человек никогда не позволит себе сказать такое даме. Тут совершенно не над чем смеяться.

Доктор Константин поспешил извиниться.

— После этого вы слышали шум из купе мистера Рэтчет-та? — спросил Пуаро.

— Ну... почти нет.

— Что вы хотите этим сказать, мадам?

— Ну, — она запнулась, — он храпел.

— Ах так, значит, он храпел?

— Зверски. Накануне я глаз не сомкнула.

— А после того как вы так напугались из-за мужчины в вашем купе, вы больше не слышали его храпа?

— Как я могла слышать, мистер Пуаро, ведь он был мертв!

— Ах да, вы правы, — согласился Пуаро. Он явно смутился. — Вы помните похищение Дейзи Армстронг, миссис Хаббард? — спросил он.

— Еще бы! Конечно, помню. Подумать только, что этот негодяй, похититель, вышел сухим из воды и избежал наказания! Попадись он мне в руки...

— Он не избег наказания, мадам. Он умер. Умер вчера ночью.

— Уж не хотите ли вы сказать... — Миссис Хаббард даже привстала со стула.

— Вы угадали, мадам. Ребенка похитил Рэтчетт.

— Ну и ну!.. Я должна немедленно написать об этом дочери. Ведь я вам говорила вчера вечером, что у этого человека страшное лицо? Как видите, я оказалась права. Моя дочь всегда говорит: «Если мама кого подозревает, можете держать пари на последний доллар, что это плохой человек».

— Вы были знакомы с кем-нибудь из Армстронгов, миссис Хаббард?

— Нет, они вращались в высших кругах. Но мне рассказывали, что миссис Армстронг была женщиной редкой прелести и что муж ее обожал.

— Ну что ж, миссис Хаббард, вы оказали нам огромную помощь, поистине неоценимую. А теперь будьте любезны сообщить нам ваше полное имя.

— Охотно. Каролина Марта Хаббард.

— Запишите, пожалуйста, ваш адрес вот здесь.

Миссис Хаббард, не переставая трещать, выполнила просьбу Пуаро.

— Я просто прийти в себя не могу. Кассетти...

здесь, в этом поезде!.. Но мне он сразу показался подозрительным, правда, мистер Пуаро?

— Совершенно верно, мадам. Кстати, у вас есть красный шелковый халат?

— Господи, какой странный вопрос! Нет, конечно, у меня с собой два халата: розовый фланелевый, тепленький, очень удобный для поездок, и еще один — мне его подарила дочь — в восточном стиле из малинового шелка. Но скажите ради бога, почему вас интересуют мои халаты?

— Видите ли, мадам, вчера вечером некая особа в красном кимоно вошла или в ваше купе, или в купе мистера Рэтчетта. Как вы только что справедливо заметили, когда двери закрыты, их легко перепутать.

— Так вот, ко мне никакая особа в красном кимоно не входила.

— Значит, она вошла к мистеру Рэтчетту.

Миссис Хаббард поджала губы и кисло сказала:

— Меня этим не удивишь.

— Значит, вы слышали женский голос в соседнем купе? — обратился к ней Пуаро.

— Не понимаю, как вы догадались, мистер Пуаро? Ей-богу, не понимаю. По правде говоря, слышала.

— Почему же, когда я спрашивал вас, что слы-

шалось за соседней дверью, вы ответили, что оттуда доносился храп мистера Рэтчетта?

— Это чистая правда. Он действительно довольно долго храпел. Ну а потом... — вспыхнула миссис Хаббард — О таких вещах не принято говорить.

— Когда вы услышали женский голос?

— Не могу вам сказать. Я на минуту проснулась, услышала женский голос и поняла, что говорят в соседнем купе. Подумала: «Чего еще ожидать от такого человека? Ничего удивительного тут нет» — и снова уснула. Я бы ни за что не стала упоминать ни о чем подобном в присутствии троих незнакомых мужчин, если б вы не пристали ко мне с ножом к горлу.

— Это было до того, как вы почувствовали, что в вашем купе мужчина, или после?

— Вы снова повторяете ту же ошибку! Как могла бы эта женщина разговаривать с ним, если он был уже мертв?

— Извините, я, должно быть, кажусь вам очень глупым, мадам?

— Что ж, наверное, и вам случается ошибаться. Я просто в себя не могу прийти оттого, что моим соседом был этот мерзавец Кассетти. Что скажет моя дочь...

Пуаро любезно помог почтенной даме собрать пожитки в сумку и проводил ее к двери.

— Вы уронили платок, мадам, — окликнул он ее уже у выхода.

Миссис Хаббард посмотрела на протянутый ей крошечный квадратик батиста.

— Это не мой платок, мистер Пуаро. Мой платок при мне.

— Извините, мадам. Я думал, раз на нем стоит Н — начальная буква вашей фамилии — Hubbard...

— Любопытное совпадение, но тем не менее платок не мой. На моих стоят инициалы С.М.Н., и это практичные платки, а не никчемушные парижские финтифлюшки. Ну что толку в платке, в который и высморкаться нельзя?

И так как никто из мужчин не смог ответить на ее вопрос, миссис Хаббард торжествующе выплыла из вагона.

Глава 5
ПОКАЗАНИЯ ШВЕДКИ

Мсье Бук вертел в руках пуговицу, оставленную миссис Хаббард.

— Не могу понять, к чему здесь эта пуговица. Уж не означает ли это, что Пьер Мишель все же

замешан в убийстве? — Он замолк, но, так и не дождавшись ответа от Пуаро, продолжал: — Что вы скажете, мой друг?

— Эта штуковина наталкивает нас на самые разные предположения, — сказал Пуаро задумчиво. — Но прежде чем обсуждать последние показания, давайте вызовем шведку. — Он перебрал паспорта, лежавшие на столе. — А вот и ее паспорт: Грета Ольсон, сорока девяти лет.

Мсье Бук отдал приказание официанту, и вскоре тот привел пожилую даму с пучком изжелта-седых волос на затылке. В ее длинном добром лице было что-то овечье. Ее близорукие глаза вглядывались в Пуаро из-за очков, но никакого беспокойства она не проявляла.

Выяснилось, что она понимает по-французски, и поэтому разговор решили вести по-французски. Сначала Пуаро спрашивал ее о том, что было ему уже известно: о ее имени, возрасте, адресе. Потом осведомился о роде ее занятий.

Она сказала, что работает экономкой в миссионерской школе неподалеку от Стамбула. По образованию она медсестра.

— Вы, конечно, знаете, что произошло минувшей ночью, мадемуазель?

— Конечно. Это было ужасно! И американская

дама говорит, что убийца был у нее в купе.

— Насколько я понимаю, мадемуазель, вы последняя видели убитого живым?

— Не знаю. Вполне возможно. Я по ошибке открыла дверь в его купе. Мне было стыдно — такая неловкость!

— Вы его видели?

— Да, он читал книгу. Я тут же извинилась и ушла.

— Он вам что-нибудь сказал?

Достопочтенная дама залилась краской:

— Он засмеялся и что-то сказал. Я не разобрала, что именно.

— Что вы делали потом, мадемуазель? — спросил Пуаро, тактично переменив тему.

— Я пошла к американской даме, миссис Хаббард, попросить у нее аспирина, и она дала мне таблетку.

— Она вас просила посмотреть, задвинута ли на засов дверь, смежная с купе мистера Рэтчетта?

— Да.

— Засов был задвинут?

— Да.

— Что вы делали потом?

— Вернулась в свое купе, приняла аспирин, легла.

— Когда это было?

— Я легла без пяти одиннадцать. Перед тем как завести часы, я взглянула на циферблат, вот почему я могу сказать точно.

— Вы быстро уснули?

— Не очень. У меня перестала болеть голова, но я еще некоторое время лежала без сна.

— Когда вы уснули, поезд уже стоял?

— По-моему, нет. Мне кажется, когда я начала засыпать, мы остановились на какой-то станции.

— Это были Виньковцы. А теперь скажите, мадемуазель, какое ваше купе — вот это? — И Пуаро ткнул пальцем в план.

— Да, это.

— Вы занимаете верхнюю полку или нижнюю?

— Нижнюю. Место десятое.

— У вас есть соседка?

— Да, мсье, молодая англичанка. Очень милая и любезная. Она едет из Багдада.

— После того как поезд отошел от Виньковцов, она выходила из купе?

— Нет, это я знаю точно.

— Откуда вы знаете, ведь вы спали?

— У меня очень чуткий сон. Я просыпаюсь от

любого шороха. Чтобы выйти, ей пришлось бы спуститься с верхней полки, и я бы обязательно проснулась.

— А вы сами выходили из купе?

— Только утром.

— У вас есть красное шелковое кимоно, мадемуазель?

— Что за странный вопрос? У меня очень практичный трикотажный халат.

— А у вашей соседки, мисс Дебенхэм? Вы не можете сказать, какого цвета ее халат?

— Лиловый бурнус без рукавов, такие продаются на Востоке.

Пуаро кивнул.

— Куда вы едете? В отпуск? — перешел он на дружеский тон.

— Да, в отпуск домой. Но сначала я заеду на недельку в Лозанну — навестить сестру.

— Будьте любезны, напишите адрес вашей сестры и ее фамилию.

— С удовольствием. — Она написала на листке бумаги, протянутом ей Пуаро, фамилию и адрес сестры.

— Вы бывали в Америке, мадемуазель?

— Нет. Правда, я чуть было не поехала туда. Я должна была сопровождать одну больную даму,

но в последний момент поездку отменили, и я очень об этом сожалела. Американцы — хорошие люди. Они жертвуют много денег на больницы и школы. И очень практичные.

— Скажите, вы не слышали в свое время о похищении ребенка Армстронгов?

— Нет, а что?

Пуаро изложил обстоятельства дела. Грета Ольсон была возмущена. Седой пучок на ее затылке подпрыгивал от негодования.

— Просто не верится, что бывают такие злые люди. Это испытание нашей веры. Бедная мать! У меня сердце разрывается от жалости к ней.

Добрая шведка пошла к выходу, щеки ее пылали, в глазах стояли слезы.

Пуаро что-то деловито писал на листке бумаги.

— Что вы там пишете, мой друг? — спросил мсье Бук.

— Друг мой, методичность и аккуратность во всем — вот мой девиз. Я составляю хронологическую таблицу событий.

Кончив писать, он протянул бумагу мсье Буку.

* * *

«9.15 — поезд отправляется из Белграда.

Приблизительно в 9.40 — слуга уходит от Рэтчетта, оставив на столе снотворное.

Приблизительно в 10.00 — Маккуин уходит от Рэтчетта.

Приблизительно в 10.40 — Грета Ольсон видит Рэтчетта (она последняя видит его живым). N. B. Рэтчетт не спит — читает книгу.

0.10 — поезд отправляется из Виньковцов (с опозданием).

0.30 — поезд попадает в полосу снежных заносов.

0.37 — раздается звонок Рэтчетта. Проводник подходит к двери. Рэтчетт отвечает: «Ce n'est rien. Je me suis trompe».

Приблизительно в 1.17 — миссис Хаббард кажется, что у нее в купе находится мужчина. Она вызывает проводника».

Мсье Бук одобрительно кивнул.

— Все ясно, — сказал он.

— Вас здесь ничто не удивляет, ничто не кажется вам подозрительным?

— Нет. На мой взгляд, здесь все вполне ясно и четко. Очевидно, преступление совершено в 1.15. У нас есть такая улика, как часы, да и показания

миссис Хаббард это подтверждают. Я позволю себе высказать догадку. Спроси вы меня, мой друг, я бы сказал, что убил Рэтчетта итальянец. Он живет в Америке, более того, в Чикаго, потом, не забывайте, что нож — национальное оружие итальянцев, к тому же убийца не удовольствовался одним ударом.

— Это правда.

— В этом, и только в этом лежит разгадка тайны. Я уверен, что он был из одной шайки с Рэтчеттом. Кассетти — итальянская фамилия. Очевидно, Рэтчетт его «заложил», как говорят в Америке. Итальянец выследил его, засыпал угрожающими письмами, затем последовала зверская месть. Все очень просто.

Пуаро в раздумье покачал головой.

— Боюсь, что все не так просто, — пробормотал он.

— Я уверен, что это было именно так, — сказал мсье Бук, которому его теория нравилась все больше и больше.

— А что вы скажете о показаниях слуги, которому зубная боль не давала спать, — он клянется, что итальянец не выходил из купе?

— В этом вся загвоздка.

В глазах Пуаро сверкнула насмешка.

— Да, это весьма неудачно. У слуги мистера Рэтчетта болели зубы, и это опровергает вашу версию, зато помогает нашему другу итальянцу.

— Позже этому будет найдено объяснение, — сказал мсье Бук с завидной уверенностью.

Пуаро покачал головой.

— Нет-нет, тут все не так просто, — снова пробормотал он.

Глава 6
ПОКАЗАНИЯ РУССКОЙ КНЯГИНИ

— А теперь послушаем, что скажет об этой пуговице Пьер Мишель, — предложил Пуаро.

Позвали проводника. В его глазах они прочли вопрос. Мсье Бук откашлялся.

— Мишель, — сказал он, — вот пуговица от вашей тужурки. Ее нашли в купе американской дамы. Что вы на это скажете?

Проводник машинально провел рукой по пуговицам.

— У меня все пуговицы на месте, мсье. Вы ошибаетесь.

— Очень странно.

— Не могу знать, мсье.

Проводник был явно удивлен, но не выглядел

ни смущенным, ни виноватым.

Мсье Бук многозначительно сказал:

— Если учесть те обстоятельства, при которых эту пуговицу нашли, наверняка можно заключить, что ее потерял человек, находившийся прошлой ночью в тот момент, когда миссис Хаббард вам позвонила, в ее купе.

— Но там никого не было. Даме, должно быть, померещилось.

— Нет, ей не померещилось, Мишель. Убийца мистера Рэтчетта прошел через ее купе и обронил эту пуговицу.

Когда до Пьера Мишеля дошел смысл слов мсье Бука, он пришел в неописуемое волнение.

— Это неправда, мсье, неправда! — закричал он. — Вы обвиняете меня в убийстве? Меня? Но я не виновен! Я ни в чем не виновен! Чего ради я стал бы убивать мистера Рэтчетта — ведь я с ним никогда прежде не сталкивался?

— Где вы были, когда раздался звонок миссис Хаббард?

— Я уже говорил вам, мсье, — в соседнем вагоне, разговаривал с коллегой.

— Мы пошлем за ним.

— Пошлите, очень вас прошу, мсье, пошлите за ним

Пришедший проводник соседнего вагона не замедлил подтвердить показания Пьера Мишеля и добавил, что при их разговоре присутствовал еще и проводник бухарестского вагона. Они говорили о снежных заносах и проболтали уже минут десять, когда Мишелю послышался звонок. Он открыл дверь в свой вагон, и на этот раз все явственно услышали звонок. Звонили очень настойчиво. Мишель опрометью кинулся к себе.

— Теперь видите, мсье, что я не виновен! — потерянно твердил Мишель.

— А как вы объясните, что в купе оказалась эта пуговица?

— Не знаю, мсье. Не могу взять в толк. У меня все пуговицы на месте.

Двое других проводников тоже заявили, что они не теряли пуговиц и не заходили в купе миссис Хаббард.

— Успокойтесь, Мишель, — сказал мсье Бук, — и мысленно возвратитесь к тому моменту, когда, услышав звонок миссис Хаббард, побежали в свой вагон. Скажите, вы кого-нибудь встретили в коридоре?

— Нет, мсье.

— И никто не шел по коридору к вагону-ресторану?

— Опять-таки нет, мсье.

— Странно, — сказал мсье Бук.

— Не слишком, — возразил Пуаро, — это вопрос времени. Миссис Хаббард просыпается и обнаруживает у себя в купе мужчину. Минуту-две она лежит, боясь шелохнуться и зажмурившись. А что, если в это самое время мужчина выскользнул в коридор? Она вызывает проводника. Тот приходит не сразу. Он откликается только на третий или четвертый звонок. По-моему, убийце вполне хватило бы времени...

— Для чего? Для чего, друг мой? Вспомните, поезд со всех сторон окружают сугробы.

— У нашего таинственного убийцы два пути, — сказал Пуаро с расстановкой, — он может ретироваться в один из туалетов или скрыться в купе.

— Но ведь все купе заняты.

— Вот именно.

— Вы хотите сказать, он мог скрыться в своем собственном купе?

Пуаро кивнул.

— Да, все совпадает, — пробормотал мсье Бук. — В те десять минут, пока проводник отсутствует, убийца выходит из своего купе, входит в купе Рэтчетта, убивает его, запирает дверь изнутри

на ключ и на цепочку, выходит в коридор через купе миссис Хаббард, и к тому времени, когда проводник возвращается, он уже преспокойно сидит в своем собственном купе.

— Не так-то все просто, мой друг, — буркнул Пуаро. — То же самое скажет вам наш дорогой доктор.

Мсье Бук мановением руки отпустил проводников.

— Нам осталось опросить еще восемь пассажиров, — объявил Пуаро. — Пять пассажиров первого класса — княгиню Драгомирову, графа и графиню Андрени, полковника Арбэтнота и мистера Хардмана. И трех пассажиров второго класса — мисс Дебенхэм, Антонио Фоскарелли и горничную княгини — фрейлейн Шмидт.

— Кого мы вызовем первым — итальянца?

— Дался вам этот итальянец! Нет, мы начнем с верхушки. Не будет ли княгиня Драгомирова столь любезна уделить нам немного времени? Передайте ей нашу просьбу, Мишель.

— Передам, мсье, — сказал проводник, выходя.

— Передайте ей, что, если ее сиятельству неугодно прийти сюда, мы придем в ее купе! — крикнул ему вслед мсье Бук.

Однако княгиня Драгомирова не пожелала

воспользоваться этим любезным предложением. Вскоре она вошла в вагон-ресторан и, отвесив присутствующим легкий поклон, села напротив Пуаро. Ее маленькое жабье личико со вчерашнего дня еще сильнее пожелтело. Она была уродлива, тут двух мнений быть не могло, однако глаза ее, в довершение сходства с жабой, походили на драгоценные камни — темные, властные, они светились умом и энергией. Голос у нее был низкий, немного скрипучий, дикция очень четкая. Она решительно прервала цветистые излияния мсье Бука:

— В извинениях нет никакой нужды, господа. Насколько я знаю, в поезде произошло убийство. Вполне естественно, что вам необходимо опросить всех пассажиров. Я буду рада оказать вам посильную помощь.

— Вы очень любезны, мадам, — сказал Пуаро.

— Вовсе нет. Это мой долг. О чем вы хотите меня спросить?

— Ваше полное имя и адрес, мадам. Не хотите ли записать их?

Пуаро протянул княгине лист бумаги и карандаш, но она лишь махнула рукой.

— Напишите сами, — предложила она, — это несложно: Наталья Драгомирова, Париж, авеню

Клебера, 17.

— Вы едете из Константинополя домой, мадам?

— Да, я останавливалась там в австрийском посольстве. Со мной едет моя горничная.

— Будьте любезны, расскажите мне вкратце, что вы делали вчера вечером после ужина?

— Охотно. Еще из ресторана я послала проводника постелить мне постель. После ужина я сразу легла. До одиннадцати читала, потом выключила свет. Заснуть мне не удалось — меня мучает ревматизм. Без четверти час я вызвала горничную. Она сделала мне массаж и читала вслух до тех пор, пока я не задремала. Не могу точно сказать, сколько она у меня пробыла. Может быть, полчаса, а может быть, и дольше.

— Поезд к тому времени уже стоял?

— Да.

— Вы за это время не слышали ничего необычного, мадам?

— Нет.

— Как зовут вашу горничную?

— Хильдегарда Шмидт.

— Она давно у вас служит?

— Пятнадцать лет.

— Вы ей доверяете?

— Полностью. Она родом из поместья моего покойного мужа.

— Я полагаю, вы бывали в Америке, мадам?

Неожиданный поворот разговора удивил княгиню, она вскинула бровь:

— Неоднократно.

— Вы были знакомы с Армстронгами — семьей, где произошла известная трагедия?

— Это мои друзья, мсье. — В голосе старой дамы сквозило волнение.

— Следовательно, вы хорошо знали полковника Армстронга?

— Его я почти не знала, но его жена, Соня Армстронг, была моей крестницей. Я дружила с ее матерью, актрисой Линдой Арден. Замечательная актриса, одна из величайших трагических актрис мира. В ролях леди Макбет и Магды[25] ей не было равных. Я была не только ее поклонницей, но и близкой подругой.

— Она умерла?

— Нет, нет, но она живет в полном уединении. У нее очень хрупкое здоровье, и она почти не встает с постели.

— У нее, насколько мне помнится, была еще

---

[25] Примечания: 25

Героиня пьесы Гауптмана «Потонувший колокол» (1896).

одна дочь?

— Да, она гораздо моложе миссис Армстронг.

— Она жива?

— Разумеется.

— А где она?

Старуха кинула на Пуаро испытующий взгляд:

— Я должна спросить вас, почему вы задаете мне такие вопросы. Какое отношение они имеют к расследуемому вами убийству?

— А вот какое: убитый был причастен к похищению и гибели ребенка миссис Армстронг.

— Вот оно что! — Княгиня строго сдвинула брови, выпрямилась. — Раз так, я могу только приветствовать это убийство. Я надеюсь, вы поймете мою предвзятость.

— Вполне. А теперь вернемся к вопросу, на который вы не ответили. Где сейчас младшая дочь Линды Арден, сестра миссис Армстронг?

— Откровенно говоря, мсье, не знаю. Я потеряла из виду младшее поколение. Кажется, она несколько лет назад вышла замуж за англичанина и уехала в Англию, но его фамилия выпала у меня из памяти. — Княгиня помолчала, потом сказала: — Вы хотите спросить меня о чем-нибудь еще, господа?

— Еще один вопрос, мадам, на этот раз личного

свойства. Какого цвета ваш халат?

Княгиня снова вскинула бровь:

— Что ж, я верю, что вами руководит не праздное любопытство. У меня синий атласный халат.

— У нас больше нет к вам вопросов, мадам. Очень вам благодарен за то, что вы так охотно нам отвечали.

Унизанная кольцами рука пошевелилась. Княгиня встала, остальные поднялись вслед за ней, однако она не торопилась уходить.

— Извините меня, мсье, — сказала она, — но не откажите сообщить мне ваше имя. Ваше лицо мне знакомо.

— Эркюль Пуаро к вашим услугам, мадам.

Она помолчала.

— Эркюль Пуаро... — сказала она через какое-то время. — Теперь я вспомнила. Это рок. — И двинулась к двери. Держалась княгиня очень прямо, хотя видно было, что ходит она с трудом.

— Voila une grande dame[26], — заметил мсье Бук. — Что вы о ней думаете, мой друг?

Пуаро в ответ только покачал головой.

— Судьба, — повторил он. — Интересно, что она хотела этим сказать?

---

[26] Примечания: 26
Настоящая аристократка.

Глава 7
ПОКАЗАНИЯ ГРАФА И ГРАФИНИ АНДРЕНИ

Вслед за княгиней пригласили графа и графиню Андрени. И тем не менее граф пришел один. Вблизи было еще заметнее, как он красив, — широкоплечий, с тонкой талией, рослый. Если б не длинные усы и широкие скулы, в своем хорошо сшитом костюме он вполне мог бы сойти за англичанина.

— Итак, господа, чем могу служить? — спросил он.

— Видите ли, мсье, — сказал Пуаро, — сложившиеся обстоятельства обязывают нас опросить всех пассажиров.

— Конечно, конечно. — Граф был любезен. — Вполне понимаю вас! Однако боюсь, что мы с женой вряд ли вам поможем. Мы спали и ничего не слышали.

— Вы знаете, кто был убит?

— Я понял, что убили высокого американца с удивительно неприятным лицом. Он сидел вон за тем столиком. — И граф кивнул на стол, который

занимали Рэтчетт и Маккуин.

— Совершенно верно, мсье. Я хотел спросить, известна ли вам фамилия этого человека?

Вопросы Пуаро явно озадачили графа.

— Если вы хотите узнать его фамилию, посмотрите в паспорт: там все должно быть указано.

— В паспорте стоит фамилия Рэтчетт, но это не настоящая его фамилия, — объяснил Пуаро. — На самом деле это Кассетти, организатор многочисленных похищений и зверских убийств детей. — Он пристально наблюдал за графом, но на последнего его сообщение, по-видимому, не произвело никакого впечатления. Он удивился, не более того.

— Вот как! — сказал граф. — Это проливает свет на убийство. Очень своеобразная страна Америка.

— Вы, вероятно, бывали там, господин граф?

— Я прожил год в Вашингтоне.

— И вероятно, знали семью Армстронг?

— Армстронг, Армстронг... Что-то не припомню... Столько людей встречаешь!.. — Граф улыбнулся и пожал плечами. — Однако не будем отвлекаться, господа. Чем еще могу быть полезен?

— Скажите, граф, когда вы легли спать?

Пуаро украдкой взглянул на план. Граф и графиня Ан-дрени занимали смежные купе, места номер двенадцать и тринадцать.

— Мы попросили постелить постель в одном купе, а когда вернулись из вагона-ресторана, расположились в другом...

— Это было купе номер...

— Номер тринадцать. Мы играли в пикет. Часов в одиннадцать моя жена отправилась спать. Проводник постелил мне, я тоже лег и проспал до утра.

— Вы заметили, что поезд остановился?

— Я узнал об этом только утром.

— А ваша жена?

Граф улыбнулся:

— Моя жена в поезде всегда принимает снотворное. И вчера она тоже приняла свою обычную дозу трионала. — И, помолчав, добавил: — Очень сожалею, но ничем больше не могу вам помочь.

Пуаро протянул графу листок бумаги и карандаш:

— Благодарю вас, граф. Простая формальность, но тем не менее я попросил бы вас написать здесь ваше имя, фамилию и адрес.

Граф писал, тщательно выводя слова.

— Пожалуй, лучше будет написать мне самому,

— сказал он любезно. — Название моего родового поместья слишком сложно для людей, не знающих венгерский.

Граф отдал листок Пуаро и поднялся.

— Моей жене нет никакой необходимости приходить: она не знает ничего такого, о чем бы я вам не рассказал.

Глаза Пуаро хитро блеснули.

— Конечно, конечно, и все же мне бы очень хотелось задать один маленький вопросик графине.

— Уверяю вас, это совершенно бесполезно. — В голосе графа зазвучал металл.

Пуаро смущенно заморгал.

— Чистейшая формальность, — сказал он. — Но, понимаете ли, совершенно необходимая для моего отчета.

— Как вам будет угодно, — неохотно уступил граф. Коротко поклонился на иностранный манер и вышел из вагона.

Пуаро протянул руку за паспортом. Там были проставлены имя, фамилия графа и его титулы. Далее стояло: «...в сопровождении жены. Имя — Елена-Мария, девичья фамилия — Гольденберг, возраст — двадцать лет». Прямо на имени расползлось большое жирное пятно — очевидно,

след пальцев неаккуратного чиновника.

— Дипломатический паспорт, — сказал мсье Бук. — Мы должны быть крайне осторожны, мой друг, и никоим образом их не обидеть. Да и потом, что общего могут иметь с убийством такие люди?

— Не беспокойтесь, старина. Я буду сама тактичность. Ведь это чистейшая формальность.

Он понизил голос — в вагон вошла госпожа Андрени. Прелестная графиня явно робела.

— Вы хотели меня видеть, господа?

— Это чистейшая формальность, графиня. — Пуаро галантно встал навстречу даме и указал ей на место напротив. — Мы хотим спросить вас: может быть, вы видели или слышали прошлой ночью что-нибудь такое, что могло бы пролить свет на это убийство?

— Абсолютно ничего, мсье. Я спала.

— Но неужели вы не слышали, какая суматоха поднялась в соседнем купе? У американской дамы, вашей соседки, началась истерика, она чуть не оборвала звонок, вызывая проводника.

— Я ничего не слышала, мсье. Видите ли, я приняла снотворное.

— Понимаю. Не смею вас дольше задерживать. — Она поспешила подняться, но Пуаро остановил

ее: — Одну минуточку, скажите мне, ваше имя, девичья фамилия, возраст и так далее записаны здесь правильно?

— Да, мсье.

— В таком случае соблаговолите подписать это заявление.

Быстрым изящным наклонным почерком она расписалась: _Елена Андрени._

— Вы ездили с мужем в Америку, мадам?

— Нет, мсье. — Она улыбнулась и слегка покраснела. — Мы тогда еще не были женаты: мы обвенчались год назад.

— Вот как! Благодарю вас, мадам. Кстати, скажите, пожалуйста, ваш муж курит?

Графиня — она уже собралась уйти — удивленно посмотрела на Пуаро:

— Да.

— Трубку?

— Нет. Сигары и сигареты.

— Вот оно что! Благодарю вас.

Графиня явно медлила, ее глаза — красивые, темные, миндалевидные, с длинными черными ресницами, оттенявшими матовую бледность щек, — следили за ним. Губы ее, очень ярко накрашенные на иностранный манер, были слегка приоткрыты. В красоте молодой графини было

нечто необычайное, экзотическое.

— Почему вы меня об этом спросили?

— Мадам, — изящно взмахнул рукой Пуаро, — детективам приходится задавать всевозможные вопросы. Вот, к примеру, один из них: не могли бы вы мне сказать, какого цвета ваш халат?

Графиня удивленно посмотрела на него.

— У меня халат из золотистого шифона. А это так важно? — засмеялась она.

— Очень важно, мадам.

— Скажите, вы действительно сыщик? — спросила графиня.

— Да, мадам, ваш покорный слуга — сыщик.

— А я думала, что, пока мы едем по Югославии, полицейских в поезде не будет. Они появятся только в Италии.

— Я не имею никакого отношения к югославской полиции, мадам. Я сыщик международного класса.

— Вы служите Лиге Наций, мсье?

— Я служу миру, мадам. — Пуаро приосанился. — В основном я работаю в Лондоне, — продолжал он и спросил, переходя на английский: — Вы говорите по-английски?

— Отшень плохо! — У нее был прелестный акцент.

Пуаро снова поклонился:

— Не смею вас больше задерживать, мадам. Как видите, это было не так уж страшно.

Она улыбнулась, кивнула и вышла из вагона.

— Красивая женщина! — сказал мсье Бук одобрительно и вздохнул: — Однако этот разговор нам ничего не дал.

— Да, эта пара ничего не видела и не слышала.

— Но теперь мы пригласим наконец итальянца.

Пуаро ответил не сразу. Его внимание было поглощено жирным пятном на паспорте венгерского дипломата.

Глава 8
ПОКАЗАНИЯ ПОЛКОВНИКА АРБЭТНОТА

Пуаро тряхнул головой и вышел из глубокой задумчивости. Глаза его, встретившись с горящим любопытством взглядом мсье Бука, лукаво сверкнули.

— Дорогой друг, — сказал он, — видите ли, я стал, что называется, снобом! И поэтому считаю, что сначала необходимо заняться первым классом, а потом уже вторым. Так что теперь я думаю

пригласить импозантного полковника.

После нескольких вопросов выяснилось, что познания полковника во французском весьма ограниченны, и Пуаро перешел на английский. Уточнив имя полковника, его фамилию, домашний адрес и армейскую должность, Пуаро продолжал:

— Скажите, вы едете из Индии домой в отпуск или, как мы говорим, «en permission»?

Полковник Арбэтнот не проявил никакого интереса к тому, что и как называют презренные французишки, и ответил с подлинно британской краткостью:

— Да.

— Но вы не воспользовались судами Восточной линии?

— Нет.

— Почему?

— Я предпочел отправиться поездом по причинам личного характера. — «Что, получил? — говорил весь его вид. — Это тебя научит не приставать к людям, нахал ты этакий!»

— Вы ехали из Индии, нигде не останавливаясь?

— Я остановился на одну ночь в Уре и на три дня в Багдаде у старого приятеля — он служит

там, — сухо ответил полковник.

— Вы пробыли три дня в Багдаде. Насколько мне известно, эта молодая англичанка, мисс Дебенхэм, тоже едет из Багдада. Вы там с ней не встречались?

— Нет. Я познакомился с мисс Дебенхэм по дороге из Киркука в Ниссибин.

Пуаро наклонился к собеседнику и с нарочитым иностранным акцентом вкрадчиво сказал:

— Мсье, я хочу обратиться к вам с прошением. Вы и мисс Дебенхэм — единственные англичане в поезде. Мне необходимо знать ваше мнение друг о друге.

— В высшей степени неподобающая просьба, — холодно ответил полковник.

— Вовсе нет. Видите ли, преступление скорее всего совершила женщина. На теле убитого обнаружено двенадцать ножевых ран. Даже начальник поезда сразу сказал: «Это дело рук женщины». Так вот, какова моя первоочередная задача? Тщательнейшим образом разузнать все о пассажирках вагона Стамбул — Кале. Но англичанок понять очень трудно. Они такие сдержанные. Поэтому в интересах правосудия я обращаюсь за помощью к вам, мсье. Скажите мне, что вы думаете о мисс Дебенхэм? Что вы о ней знаете?

— Мисс Дебенхэм, — сказал полковник с чувством, — настоящая леди.

— Благодарю вас, — сказал Пуаро с таким видом, будто ему все стало ясно. — Значит, вы считаете маловероятным, что она замешана в преступлении?

— Абсолютно нелепое предположение, — ответил Арбэт-нот, — мисс Дебенхэм не была знакома с убитым. Впервые она увидела его здесь, в поезде.

— Она вам об этом говорила?

— Да. Она сразу обратила внимание на его неприятную внешность и поделилась этим впечатлением со мной. Если в убийстве замешана женщина, как вы считаете — без всяких, на мой взгляд, на то оснований, руководствуясь одними домыслами, — могу вас заверить, что мисс Дебенхэм тут совершенно ни при чем.

— Вас, видно, это очень волнует? — улыбнулся Пуаро.

Полковник Арбэтнот смерил его презрительным взглядом:

— Не понимаю, что вы хотите этим сказать.

Пуаро как будто смутился. Он опустил глаза и принялся ворошить бумаги.

— Мы отвлеклись, — сказал он. — Давайте пе-

рейдем к фактам. Преступление, как у нас есть основания полагать, произошло вчера ночью, в четверть второго. По ходу следствия нам необходимо опросить всех пассажиров поезда и узнать, что они делали в это время.

— Разумеется. В четверть второго я, если память мне не изменяет, разговаривал с молодым американцем — секретарем убитого.

— Вот как. Вы пришли к нему в купе или он к вам?

— Я к нему.

— Вы имеете в виду молодого человека по фамилии Маккуин?

— Да.

— Он ваш друг или просто знакомый?

— Я никогда раньше его не видел. Вчера мы случайно перекинулись парой фраз и разговорились. Вообще-то мне американцы не нравятся; как правило, мне трудно найти с ними общий язык.

Пуаро улыбнулся, вспомнив гневные тирады Маккуина против «чопорных британцев».

— Но этот молодой человек сразу расположил меня к себе. Хотя он где-то нахватался дурацких идей о том, как наладить дела в Индии: в этом беда всех американцев. Они идеалисты и к то-

му же сентиментальны. Его заинтересовало то, что я ему рассказывал об Индии, ведь я почти тридцать лет провел там. И меня заинтересовали его рассказы о финансовом кризисе в Америке. Потом мы перешли к международному положению. Я очень удивился, когда поглядел на часы и обнаружил, что уже четверть второго.

— Вы закончили разговор в четверть второго?

— Да.

— Что вы делали потом?

— Пошел в свое купе и лег.

— Ваша постель была уже постелена?

— Да.

— Ваше купе — вот оно, номер пятнадцать — предпоследнее в противоположном ресторану конце вагона?

— Да.

— Где находился проводник, когда вы возвращались к себе в купе?

— Он сидел в конце вагона за столиком. Между прочим, как раз в тот момент, когда я входил к себе, его вызвал Маккуин.

— Зачем?

— Я полагаю, чтоб тот постелил ему постель. Когда я сидел у него, постель не была постелена.

— А теперь, полковник, я прошу вас вспомнить:

когда вы разговаривали с Маккуином, кто-нибудь проходил мимо вас по коридору?

— Масса народу, должно быть, но я не следил за этим.

— Я говорю о последних полутора часах. Вы выходили в Виньковцах, верно?

— Да. Но всего на минуту. Стоял ужасный холод, мела метель, так что я был рад вернуться в эту душегубку, хотя вообще-то я считаю, что топят здесь непозволительно.

Мсье Бук вздохнул.

— На всех не угодишь, — сказал он. — Англичане открывают все окна, другие, наоборот, закрывают. Да, на всех не угодишь.

Ни Пуаро, ни Арбэтнот не обратили никакого внимания на его слова.

— А теперь, мсье, попытайтесь вернуться мыслями в прошлое, — попросил Пуаро. — Итак, на платформе холодно. Вы возвращаетесь в вагон. Располагаетесь в купе и закуриваете сигарету, а возможно, и трубку... — Пуаро запнулся.

— Я курил трубку, Маккуин — сигареты.

— Поезд отправляется. Вы курите трубку, обсуждаете положение дел в Европе, в мире. Уже поздно. Почти все легли. Кто-нибудь проходил мимо вас? Подумайте.

Арбэтнот сдвинул брови.

— Трудно сказать, — произнес он наконец, — видите ли, я за этим не следил.

— Но вы же военный. Вы должны отличаться особой наблюдательностью. Вы наверняка многое замечаете, так сказать, сами того не замечая.

Полковник снова подумал и покачал головой:

— Не могу сказать. Не помню, чтобы кто-нибудь проходил мимо, разве что проводник. Нет, погодите, кажется, проходила какая-то женщина.

— Вы ее видели? Какая женщина — молодая, старая?

— Я не видел ее. Не смотрел в ту сторону. Просто до меня донесся шорох и запах духов.

— Духов. Хороших духов?

— Да нет, скорее плохих. Такой, знаете ли, запах, что издалека шибает в нос. Но учтите, — торопливо продолжал полковник, — это могло быть и раньше. Видите ли, как вы сами сказали, такие вещи замечаешь, сам того не замечая. И вот в течение вечера я отметил про себя: «Женщина... Ну и духи!» Но когда она прошла, точно не могу сказать, хотя... скорее всего после Виньковцов.

— Почему?

— Помню, я почувствовал этот запах, как раз когда мы заговорили о пятилетке. Знаете, как

бывает, запах духов навел меня на мысль о женщинах, а с женщин я перекинулся на положение женщин в России. А я помню, что до России мы добрались уже к концу разговора.

— Вы можете определить, когда это было, более точно?

— Н-нет. Где-то перед концом нашего разговора, примерно за полчаса.

— После того как поезд остановился?

Полковник кивнул:

— Да. Я почти в этом уверен.

— Что ж, перейдем к другому вопросу. Вы бывали в Америке, полковник?

— Никогда. И не имею ни малейшей охоты туда ехать.

— Вы были знакомы с полковником Армстронгом?

— Армстронг... Армстронг... Я знал двух или трех Армстронгов. В шестидесятом полку служил Томми Армстронг — вы не о нем спрашиваете? Потом я знал Селби Армстронга — его убили на Сомме.

— Я спрашиваю о полковнике Армстронге. О том, что женился на американке. О том, чью дочь похитили и убили.

— А, припоминаю, читал об этом в газетах... Чу-

довищное преступление! Нет, я незнаком с ним. Хотя, конечно, слышал о нем. Тоби Армстронг. Славный малый. Общий любимец. Отлично служил. Награжден крестом Виктории.

— Человек, которого убили прошлой ночью, был виновен в гибели ребенка Армстронгов.

Лицо Арбэтнота посуровело.

— Я считаю, что этот негодяй получил по заслугам, хотя лично я предпочел бы, чтобы его повесили по приговору суда. Хотя в Америке, кажется, сажают на электрический стул?

— Следовательно, полковник Арбэтнот, вы за правосудие и против личной мести?

— Разумеется! Не можем же мы поощрять кровную месть или пырять друг друга кинжалами, как корсиканцы или мафия, — сказал полковник. — Говорите что хотите, а, по-моему, суд присяжных — система вполне разумная.

Пуаро минуту-другую задумчиво смотрел на полковника.

— Да, — сказал он, — я так и думал, что вы придерживаетесь такой точки зрения. Ну что ж, полковник, у меня больше нет вопросов. Скажите, а вы не помните ничего такого, что показалось бы вам прошлой ночью подозрительным или, скажем так, кажется вам подозрительным те-

перь, ретроспективно? Ну, хоть сущий пустяк?

Полковник Арбэтнот задумался.

— Нет. Ничего. Вот разве... — И он замялся.

— Пожалуйста, продолжайте, умоляю вас.

— Это же абсолютная чепуха, — сказал полковник неохотно, — но раз уж вы сказали — хоть сущий пустяк...

— Да— Да, продолжайте.

— Да нет, это действительно пустяк. Но раз уж вас так интересуют пустяки, скажу. Возвращаясь к себе, я заметил, что дверь следующего за моим купе, да вы знаете, последняя дверь по коридору...

— Знаю, дверь купе номер шестнадцать.

— Ну так вот, эта дверь была неплотно прикрыта. И сквозь щель украдкой выглядывал какой-то человек. Увидев меня, он тут же захлопнул дверь. Конечно, это абсолютная чепуха, но меня это удивило. Я хочу сказать, все открывают дверь и высовывают голову, когда им нужно выглянуть в коридор, но он делал это украдкой, как будто не хотел, чтобы его заметили. Поэтому я и обратил на него внимание.

— М— Да... — сказал Пуаро неуверенно.

— Я же вам говорил, это абсолютная чепуха, — засмущался Арбэтнот. — Но вы знаете, раннее

утро, тишина, и мне почудилось в этом что-то зловещее — настоящая сцена из детективного романа. Впрочем, все это ерунда. — Он встал. — Что ж, если я вам больше не нужен...

— Благодарю вас, полковник, у меня все.

Полковник ушел не сразу. Он явно перестал гневаться на паршивого французишку, посмевшего допрашивать британца.

— Так вот, что касается мисс Дебенхэм... — сказал он неловко. — Можете мне поверить: она тут ни при чем. Она pukka sahib[27]. — Полковник вспыхнул и ушел.

— Что значит pukka sahib? — полюбопытствовал доктор Константин.

— Это значит, — объяснил Пуаро, — что отец и братья мисс Дебенхэм обучались в тех же школах, что и полковник.

— Только и всего?.. — Доктор Константин был явно разочарован. — Значит, это не имеет никакого отношения к преступлению?

— Ни малейшего, — сказал Пуаро. Он ушел в свои мысли, рука его машинально постукивала по столу.

— Полковник Арбэтнот курит трубку, — вдруг

---

[27] Примечания: 27
Настоящая госпожа *(англ -инд.)*

вырвалось у него. — В купе Рэтчетта я нашел ершик для трубки. А мистер Рэтчетт курил только сигары.

— И вы думаете...

— Пока он один признался, что курит трубку. И он знал полковника Армстронга понаслышке, и не исключено, что знал его лично, хотя и отрицает это.

— Значит, вы считаете возможным...

Пуаро затряс головой:

— Нет-нет, это невозможно... никак невозможно... Чтобы добропорядочный, недалекий, прямолинейный англичанин двенадцать раз кряду вонзил в своего врага нож! Неужели вы, мой друг, не чувствуете, насколько это неправдоподобно?

— Это все психологические выкрутасы, — сказал мсье Бук.

— Психологию надо уважать. У нашего преступления свой почерк, и это никоим образом не почерк полковника Арбэтнота. А теперь, — сказал Пуаро, — допросим следующего свидетеля.

На этот раз мсье Бук не стал называть итальянца. Но он хотел, чтобы вызвали именно его.

Глава 9
ПОКАЗАНИЯ МИСТЕРА ХАРДМАНА

Последним из пассажиров первого класса вызвали мистера Хардмана — здоровенного огненно-рыжего американца, обедавшего за одним столом с итальянцем и лакеем.

Он вошел в вагон, перекатывая во рту жевательную резинку. На нем были пестрый клетчатый костюм и розовая рубашка, в галстуке сверкала огромная булавка. Его большое мясистое лицо с грубыми чертами казалось добродушным.

— Привет, господа, — сказал он. — Чем могу служить?

— Вы уже слышали об убийстве, мистер э... Хардман?

— Ага. — И он ловко перекатил резинку к другой щеке.

— Так вот, нам приходится беседовать со всеми пассажирами.

— Лично я не против. Наверное, без этого не обойтись.

Пуаро посмотрел на лежащий перед ним паспорт.

— Вы — Сайрус Бетман Хардман, подданный Соединенных Штатов, сорока одного года, коммивояжер фирмы по продаже лент для пишущих машинок?

— Так точно, это я.

— Вы едете из Стамбула в Париж?

— Верно.

— Причина поездки?

— Дела.

— Вы всегда ездите в первом классе, мистер Хардман?

— Да, сэр, — подмигнул американец, — мои путевые издержки оплачивает фирма.

— А теперь, мистер Хардман, перейдем к событиям прошлой ночи.

Американец кивнул.

— Что вы можете рассказать нам о них?

— Решительно ничего.

— Очень жаль. Но может быть, вы сообщите нам, мистер Хардман, что вы делали вчера после обеда?

Похоже, американец в первый раз не нашелся с ответом.

— Извините меня, господа, — сказал он после паузы, — но кто вы такие? Введите меня в курс дела.

— Это мсье Бук, директор компании спальных вагонов. А этот господин — доктор, он обследовал тело.

— А вы?

— Я — Эркюль Пуаро. Компания пригласила меня расследовать убийство.

— Слышал о вас, — сказал мистер Хардман. Минуту, от силы две он колебался. — Я думаю, лучше выложить все начистоту.

— Разумеется, вы поступите весьма благоразумно, изложив нам все, что вам известно, — сухо сказал Пуаро.

— Да я бы много чего вам наговорил, если б что знал. Но я ничего не знаю. Ровным счетом ничего, как я уже и говорил вам. А ведь мне полагается знать. Вот что меня злит. Именно мне и полагается все знать.

— Объяснитесь, пожалуйста, мистер Хардман.

Мистер Хардман вздохнул, выплюнул резинку, сунул ее в карман. В тот же момент весь его облик переменился. Водевильный американец исчез, на смену ему пришел живой человек. Даже гнусавый акцент, и тот стал более умеренным.

— Паспорт поддельный, а на самом деле я вот кто. — И он перебросил через стол визитную карточку.

Пуаро долго изучал карточку, и мсье Бук в нетерпении заглянул через плечо.

Мистер САЙРУС Б. ХАРДМАН.

Сыскное агентство Макнейла. Нью-Йорк.

Пуаро знал агентство Макнейла — одно из самых известных и уважаемых частных агентств Нью-Йорка.

— А теперь, мистер Хардман, — сказал он, — расскажите нам, что сие означает.

— Сейчас. Значит, дело было так. Я приехал в Европу — шел по следу двух мошенников, никакого отношения к этому убийству они не имели. Погоня закончилась в Стамбуле. Я телеграфировал шефу, получил распоряжение вернуться и уже было собрался в Нью-Йорк, как получил вот это.

Он протянул письмо. На фирменном листке отеля «Токатлиан».

> «Дорогой сэр, мне сообщили, что вы представитель сыскного агентства Макнейла. Зайдите, пожалуйста, в мой номер сегодня в четыре часа дня».

И подпись:

С. Э. Рэтчетт.

— Ну и что?

— Я явился в указанное время, и мистер Рэтчетт посвятил меня в свои опасения, показал парочку угрожающих писем.

— Он был встревожен?

— Делал вид, что нет, но, похоже, перепугался насмерть. Он предложил мне ехать в Париж тем же поездом и следить, чтобы его не пристукнули. И я, господа, поехал вместе с ним, но, несмотря на это, его все-таки пристукнули. Крайне неприятно. Такое пятно на моей репутации.

— Он вам сказал, что вы должны делать?

— Еще бы! Он все заранее обмозговал. Он хотел, чтобы я занял соседнее с ним купе, но с этим делом ничего не вышло. Мне удалось достать только купе номер шестнадцать, да и то с огромным трудом. По-моему, проводник хотел попридержать его. Но не будем отвлекаться. Осмотревшись, я решил, что шестнадцатое купе — отличный наблюдательный пункт. Впереди стамбульского спального вагона шел только вагон-ресторан, переднюю дверь на платформу ночью запирали на засов, так что, если б кому и вздумалось пробраться в вагон, он мог выйти только через заднюю дверь или через другой вагон, а значит, в

любом случае ему не миновать меня.

— Вам, по всей вероятности, ничего не известно о личности предполагаемого врага мистера Рэтчетта?

— Ну, как он выглядит, я знал. Мистер Рэтчетт мне его описал.

— Что? — спросили все в один голос.

— По описанию старика, это мужчина небольшого роста, — продолжал Хардман, — темноволосый, с писклявым голосом. И еще старик сказал, что вряд ли этот парень нападет на него в первую ночь пути. Скорее на вторую или на третью.

— Значит, кое-что он все-таки знал, — сказал мсье Бук.

— Во всяком случае, он знал куда больше, чем сообщил своему секретарю. — Пуаро задумался. — А он вам что-нибудь рассказал об этом человеке? Не говорил, к примеру, почему тот угрожал его жизни?

— Нет, об этом он умалчивал. Сказал просто, что этот парень гоняется за ним — хочет во что бы то ни стало его прикончить.

— Мужчина невысокого роста, темноволосый, с писклявым голосом, — задумчиво повторил Пуаро, направив пытливый взгляд на Хардмана. — Вы, конечно, знали, кто он был на самом деле?

— Кто, мистер?

— Рэтчетт. Вы его узнали?

— Не понимаю.

— Рэтчетт — это Кассетти, убийца ребенка Армстронгов.

Мистер Хардман присвистнул:

— Ну и ну! Вы меня ошарашили! Нет, я его не узнал. Я был на Западе, когда шел процесс. Его фотографии в газетах я, конечно, видел, но на них и родную мать не узнаешь. Не сомневаюсь, что многие хотели бы разделаться с Кассетти.

— А вы не знаете никого, имеющего отношение к делу Армстронгов, кто отвечал бы этому описанию — невысокого роста, темноволосый, с писклявым голосом?

Хардман думал минуты две.

— Трудно сказать. Ведь почти все, кто имел отношение к этому делу, умерли.

— Помните, в газетах писали о девушке, которая выбросилась из окна?

— Ага. Тут вы попали в точку. Она была иностранка. Так что, может, у нее и были родственники итальяшки. Но не забывайте, что за Рэтчеттом числились и другие дела, кроме ребенка Армстронгов. Он довольно долго занимался похищением детей. Так что не стоит сосредото-

чиваться на одном этом деле.

— У нас есть основания полагать, что это преступление связано с делом Армстронгов.

Мистер Хардман вопросительно прищурил глаз. Пуаро промолчал. Американец покачал головой.

— Нет, я ничего такого не припоминаю, — не сразу сказал он. — Но учтите: я не принимал участия в этом деле и мало что о нем знаю.

— Что ж, продолжайте, мистер Хардман.

— Мне, собственно, нечего рассказывать. Я высыпался днем, а ночью караулил. В первую ночь ничего подозрительного не произошло. Прошлой ночью тоже — так, по крайней мере, мне казалось. Я оставил дверь приоткрытой и держал коридор под наблюдением. Никто чужой не проходил мимо.

— Вы в этом уверены, мистер Хардман?

— Железно. Никто не входил в вагон снаружи, и никто не проходил из задних вагонов. За это я ручаюсь.

— А из вашего укрытия вам виден был проводник?

— Конечно. Ведь его скамеечка стоит почти впритык к моей двери.

— Он покидал свое место после Виньковцов?

— Это последняя остановка? Ну как же: его пару раз вызывали сразу после того, как поезд застрял. Потом он ушел в афинский вагон и пробыл там этак минут пятнадцать. Но тут кто-то стал названивать, и он примчался назад. Я вышел в коридор посмотреть, в чем дело, — сами понимаете, я несколько встревожился, — но оказалось, что звонила американка. Она закатила скандал проводнику — уж не знаю из-за чего. Я посмеялся и вернулся к себе. Потом проводник пошел в другое купе — понес кому-то бутылку минеральной. Потом уселся на скамеечку и сидел там, пока его не вызвали в дальний конец вагона стелить постель. Потом он до пяти часов утра не вставал с места.

— Он дремал?

— Не могу сказать. Не исключено, что и дремал.

Пуаро кивнул. Руки его механически складывали бумаги на столе в аккуратные стопочки. Он снова взял в руки визитную карточку.

— Будьте любезны, поставьте здесь свои инициалы, — попросил он.

Хардман расписался.

— Я полагаю, здесь, в поезде, никто не может подтвердить ваши показания и засвидетельство-

вать вашу личность, мистер Хардман?

— В поезде? Пожалуй, что нет. Вот разве молодой Маккуин. Я этого парня хорошо помню — часто встречал в кабинете его отца в Нью-Йорке, но вряд ли он меня выделил из множества других сыщиков и запомнил в лицо. Нет, мистер Пуаро, придется вам подождать и, когда мы пробьемся сквозь заносы, телеграфировать в Нью-Йорк. Но вы не беспокойтесь, я вам не вру. До скорого, господа. Приятно было с вами познакомиться, мистер Пуаро.

Пуаро протянул Хардману портсигар:

— Впрочем, вы, возможно, предпочитаете трубку?

— Нет, трубка — это не про нас.

Он взял сигарету и быстро вышел. Мужчины переглянулись.

— Вы думаете, он и в самом деле сыщик? — спросил доктор Константин.

— Безусловно. Он типичный сыщик, я их много повидал на своем веку. Потом, такую историю ничего не стоит проверить.

— Очень интересные показания, — сказал мсье Бук.

— Еще бы!

— Мужчина невысокого роста, темноволосый,

с писклявым голосом, — задумчиво повторил мсье Бук.

— Описание, которое ни к кому в поезде не подходит, — сказал Пуаро.

Глава 10
ПОКАЗАНИЯ ИТАЛЬЯНЦА

— А теперь, — Пуаро хитро улыбнулся, — порадуем мсье Бука и призовем итальянца.

Антонио Фоскарелли влетел в вагон-ресторан мягкой и неслышной, как у кошки, поступью. Лицо его сияло. У него было характерное лицо итальянца — смуглое, веселое.

По-французски он говорил правильно и бегло, с очень небольшим акцентом.

— Вас зовут Антонио Фоскарелли?

— Да, мсье.

— Вы, как я вижу, приняли американское подданство?

— Да, мсье. Так лучше для моих дел, — ухмыльнулся итальянец.

— Вы агент по продаже фордовских автомобилей?

— Да, видите ли...

И тут последовала пространная речь, к концу

которой присутствующие знали в мельчайших деталях все про деловые методы Фоскарелли, его поездки, доходы, его мнение об Америке и о большинстве стран Европы. Из итальянца не надо было вытягивать информацию — она лилась мощным потоком. Его простодушное лицо сияло от удовольствия, когда он наконец остановился и красноречивым жестом вытер лоб платком.

— Теперь вы видите, — сказал он, — я ворочаю большими делами. У меня все устроено на современный лад. Уж кто-кто, а я в торговле знаю толк.

— Значит, в последние десять лет вы часто бывали в Соединенных Штатах?

— Да, мсье. Как сегодня помню тот день, когда я впервые сел на корабль, — я ехал за тридевять земель, в Америку. Моя мама и сестренка...

Пуаро прервал поток воспоминаний:

— Во время вашего пребывания в США вы не встречались с покойным?

— Никогда. Но таких, как он, я хорошо знаю. Да— Да, очень хорошо. — И он выразительно щелкнул пальцами. — С виду они сама солидность, одеты с иголочки, но все это одна видимость. Мой опыт говорит, что убитый — настоящий преступник. Хотите верьте, хотите нет, а это так.

— Вы не ошиблись, — сухо сказал Пуаро — Под именем Рэтчетта скрывался Кассетти, знаменитый похититель детей.

— А что я вам говорил? В нашем деле надо уметь с одного взгляда понимать, с кем имеешь дело. Без этого нельзя. Да, только в Америке правильно поставлена торговля.

— Вы помните дело Армстронгов?

— Не совсем. Хотя фамилия мне знакома. Кажется, речь шла о девочке, совсем маленькой, так ведь?

— Да, трагическая история.

Итальянец в отличие от всех не разделял подобного взгляда.

— Что вы, такие вещи бывают сплошь и рядом, — сказал он философски. — В стране великой цивилизации, такой, как Америка...

Пуаро оборвал его:

— Вы встречались с членами семьи Армстронг?

— Да нет, не думаю. Хотя кто его знает. Приведу вам некоторые цифры. Только в прошлом году я продал...

— Мсье, прошу вас, ближе к делу.

Итальянец умоляюще воздел руки:

— Тысячу раз простите!

— А теперь расскажите мне по возможности точнее, что вы делали вчера вечером после ужина.

— С удовольствием. Я как можно дольше просидел здесь, в ресторане. Тут все-таки веселее. Говорил с американцем, соседом по столу. Он продает ленты для машинок. Потом возвратился в купе. Там пусто. Жалкий Джон Буль, мой сосед, прислуживал своему хозяину. Наконец он возвратился, как всегда, мрачный. Разговор не поддерживал, буркал только «да» и «нет». Неприятная нация — англичане, такие необщительные. Сидит в углу, прямой, будто палку проглотил, и читает книгу. Потом приходит проводник, разбирает наши постели.

— Места четыре и пять, — пробормотал Пуаро.

— Совершенно верно, последнее купе. Моя полка верхняя. Я забрался наверх, читал, курил. У этого заморыша англичанина, по-моему, болели зубы. Он достал пузырек с каким-то вонючим лекарством. Лежал на полке, охал. Скоро я заснул, а когда просыпался, всякий раз слышал, как англичанин стонал.

— Вы не знаете, он не выходил ночью из купе?

— Нет. Я бы услышал. Когда дверь открывается, из коридора падает свет. Думаешь, что это та-

моженный досмотр на границе, и машинально просыпаешься.

— Он говорил с вами о хозяине? Ругал его?

— Я уже вам сказал: он со мной ни о чем не говорил. Угрюмый тип. Молчит, будто в рот воды набрал.

— Что вы курите: трубку, сигареты, сигары?

— Только сигареты.

Итальянец взял предложенную Пуаро сигарету.

— Вы бывали в Чикаго? — спросил мсье Бук.

— Бывал, прекрасный город, но я лучше знаю Нью-Йорк, Вашингтон и Детройт. А вы бывали в Америке? Нет? Обязательно поезжайте, такая...

Пуаро протянул Фоскарелли листок бумаги:

— Распишитесь, пожалуйста, и напишите ваш постоянный адрес.

Итальянец поставил подпись, украсив ее множеством роскошных росчерков. Потом, все так же заразительно улыбаясь, встал.

— Это все? Я больше вам не нужен? Всего хорошего, господа. Хорошо бы поскорее выбраться из заносов. У меня деловое свидание в Милане... — Он грустно покачал головой. — Не иначе как упущу сделку.

Пуаро взглянул на своего друга.

— Фоскарелли долго жил в Америке, — заметил мсье Бук, — вдобавок он итальянец, а итальянцы вечно хватаются за нож. К тому же все они вруны. Я не люблю итальянцев

— Ca se voit[28]. — Пуаро улыбнулся. — Что ж, возможно, вы и правы, мой друг, но должен вам напомнить, что у нас нет никаких улик против этого человека.

— А где же ваша психология? Разве итальянцы не хватаются за нож?

— Безусловно, хватаются, — согласился Пуаро. — Особенно в разгар ссоры. Но мы имеем дело с преступлением совсем другого рода. Я думаю, оно было заранее обдумано и тщательно разработано. Тут виден дальний прицел И прежде всего это — как бы поточнее выразиться? — преступление, нехарактерное для латинянина. Оно свидетельствует о холодном, изобретательном, расчетливом уме, более типичном, как мне кажется, для англосакса. — Он взял со стола два последних паспорта. — А теперь, — сказал он, — вызовем мисс Мэри Дебенхэм.

---

[28] Примечания: 28
Оно и видно.

Глава 11
ПОКАЗАНИЯ МИСС ДЕБЕНХЭМ

Мэри Дебенхэм вошла в ресторан, и Пуаро снова убедился, что в свое время не ошибся в ее оценке.

На девушке были черный костюм и лиловато-серая блузка. Тщательно уложенная — волосок к волоску — прическа. И движения у нее были такие же продуманные, как прическа.

Она села напротив Пуаро и мсье Бука и вопросительно посмотрела на них.

— Вас зовут Мэри Хермиона Дебенхэм и вам двадцать шесть лет? — начал допрос Пуаро.

— Да.

— Вы англичанка?

— Да.

— Будьте любезны, мадемуазель, написать на этом листке ваш постоянный адрес.

Она написала несколько слов аккуратным, разборчивым почерком.

— А теперь, мадемуазель, что вы расскажете нам о событиях прошлой ночи?

— Боюсь, мне нечего вам рассказать. Я легла и

сразу заснула.

— Вас очень огорчает, мадемуазель, что в поезде было совершено преступление?

Девушка явно не ожидала такого вопроса. Зрачки ее едва заметно расширились.

— Я вас не понимаю.

— А ведь это очень простой вопрос, мадемуазель. Я могу повторить: вы огорчены тем, что в нашем поезде было совершено преступление?

— Я как-то не думала об этом. Нет, не могу сказать, чтобы меня это огорчило.

— Значит, для вас в преступлении нет ничего из ряда вон выходящего?

— Конечно, такое происшествие весьма неприятно. — Мэри Дебенхэм была невозмутима.

— Вы типичная англичанка, мадемуазель Вам чужды волнения.

Она улыбнулась:

— Боюсь, что не смогу закатить истерику, чтобы доказать вам, какая я чувствительная. К тому же люди умирают ежедневно.

— Умирают, да. Но убийства случаются несколько реже.

— Разумеется.

— Вы не были знакомы с убитым?

— Я впервые увидела его вчера за завтраком.

— Какое он на вас произвел впечатление?

— Я не обратила на него внимания.

— Он не показался вам человеком злым?

Она слегка пожала плечами:

— Право же, я о нем не думала.

Пуаро зорко взглянул на нее:

— Мне кажется, вы слегка презираете мои методы следствия. — В его глазах блеснул хитрый огонек. — Думаете, что англичанин повел бы следствие иначе. Он бы отсек все ненужное и строго придерживался фактов — словом, вел бы дело методично и организованно. Но у меня, мадемуазель, есть свои причуды. Прежде всего я присматриваюсь к свидетелю, определяю его характер и в соответствии с этим задаю вопросы. Несколько минут назад я допрашивал господина, который рвался сообщить мне свои соображения по самым разным вопросам. Так вот, ему я не позволял отвлекаться и требовал, чтобы он отвечал только «да» и «нет». За ним приходите вы. Я сразу понимаю, что вы человек аккуратный, методичный, не станете отвлекаться, будете отвечать коротко и по существу. А так как в нас живет дух противоречия, вам я задаю совершенно другие вопросы. Я спрашиваю, что вы чувствуете, что думаете? Вам не нравится этот метод?

— Извините за резкость, но мне он кажется пустой тратой времени. Предположим, вы узнаете, нравилось мне лицо мистера Рэтчетта или нет, но это вряд ли поможет найти убийцу.

— Вы знаете, кем на самом деле оказался Рэтчетт?

Она кивнула:

— Миссис Хаббард уже оповестила всех и вся.

— Ваше мнение о деле Армстронгов?

— Это чудовищное преступление.

Пуаро задумчиво посмотрел на девушку:

— Вы, мисс Дебенхзм, насколько мне известно, едете из Багдада?

— Да.

— В Лондон?

— Да.

— Что вы делали в Багдаде?

— Служила гувернанткой в семье, где двое маленьких детей.

— После отпуска вы возвратитесь на это место?

— Не уверена.

— Почему?

— Багдад слишком далеко. Я предпочла бы жить в Лондоне, если удастся подыскать подходящую вакансию.

— Понимаю. А я было решил, что вы собираетесь замуж.

Мисс Дебенхэм не ответила. Она подняла глаза и посмотрела на Пуаро в упор. «Вы слишком бесцеремонны», — говорил ее взгляд.

— Что вы думаете о вашей соседке по купе мисс Ольсон?

— Славная недалекая женщина.

— Какой у нее халат?

— Коричневый шерстяной. — В глазах мисс Дебенхэм промелькнуло удивление.

— А! Смею упомянуть и надеюсь, вы не сочтете меня нескромным, что по пути из Алеппо в Стамбул я обратил внимание на ваш халат — он лилового цвета, верно?

— Вы не ошиблись.

— У вас нет с собой еще одного халата, мадемуазель? Например, красного?

— Нет, это не мой халат.

Пуаро быстро наклонился к ней — он напоминал кошку, завидевшую мышь:

— Чей же?

Девушка, явно пораженная, отшатнулась:

— Не понимаю, что вы имеете в виду.

— Вы не сказали: «У меня нет такого халата». Вы говорите: «Это не мой» — значит, такой халат

есть, но не у вас, а у кого-то другого.

Она кивнула.

— У кого-то в поезде?

— Да.

— Чей же он?

— Я вам только что сказала. Я не знаю. Утром часов около пяти я проснулась, и мне показалось, что поезд давно стоит. Я открыла дверь, выглянула в коридор. Хотела посмотреть, что за станция. И тут увидела в коридоре фигуру в красном кимоно — она удалялась от меня.

— Вы не знаете, кто это? Какого цвета волосы у этой женщины — светлые, темные, седые?

— Не могу сказать. На ней был ночной чепчик, и потом, я видела только ее затылок.

— А какая у нее фигура?

— Довольно высокая и стройная, насколько я могу судить. Кимоно расшито драконами.

— Совершенно верно.

Минуту Пуаро хранил молчание. Потом забормотал себе под нос:

— Не понимаю. Ничего не понимаю. Одно с другим никак не вяжется. — Поднял глаза и сказал: — Не смею вас больше задерживать, мадемуазель.

— Вот как? — Она была явно удивлена, однако

поспешила встать, но в дверях заколебалась и вернулась обратно. — Эта шведка — как ее, мисс Ольсон? — очень встревожена. Она говорит, что вы ей сказали, будто она последней видела этого господина в живых. Она, вероятно, думает, что вы ее подозреваете. Можно, я скажу ей, что она напрасно беспокоится? Эта мисс Ольсон безобиднейшее существо — она и мухи не обидит. — И по губам мисс Дебенхэм скользнула улыбка.

— Когда мисс Ольсон отправилась за аспирином к миссис Хаббард?

— В половине одиннадцатого.

— Сколько времени она отсутствовала?

— Минут пять.

— Она выходила из купе ночью?

— Нет.

Пуаро повернулся к доктору:

— Рэтчетта могли убить так рано?

Доктор покачал головой.

— Ну что ж, я полагаю, вы можете успокоить вашу приятельницу, мадемуазель.

— Благодарю вас. — Она неожиданно улыбнулась на редкость располагающей к себе улыбкой. — Знаете, эта шведка очень похожа на овцу. Чуть что — сразу теряет голову и жалобно блеет. — Мисс Дебенхэм повернулась и вышла из вагона.

Глава 12
ПОКАЗАНИЯ ГОРНИЧНОЙ

Мсье Бук с любопытством взглянул на своего друга:

— Я не совсем вас понимаю, старина. Чего вы добиваетесь?

— Я искал трещину, мой друг.

— Трещину?

— Ну да, трещину в броне самообладания, в которую закована эта молодая дама. Мне захотелось поколебать ее хладнокровие. Удалось ли это? Не знаю. Но одно я знаю точно: она не ожидала, что я применю такой метод.

— Вы ее подозреваете, — сказал мсье Бук задумчиво. — Но почему? По-моему, эта прелестная молодая особа никак не может быть замешана в подобном преступлении.

— Вполне с вами согласен, — сказал доктор Константин. — Она очень хладнокровна. По-моему, она не стала бы кидаться на обидчика с ножом, а просто подала бы на него в суд.

Пуаро вздохнул:

— У вас обоих навязчивая идея, будто это непре-

думышленное, непреднамеренное убийство, и вам надо поскорее от нее избавиться. Что же касается моих подозрений относительно мисс Дебенхэм, на то есть две причины. Первая — случайно подслушанный мной разговор, о нем я пока еще вам не рассказывал. — И он передал любопытный разговор, подслушанный им по пути из Алеппо.

— Очень любопытно, — сказал мсье Бук, когда Пуаро замолчал. — Но его еще требуется истолковать. Если он означает именно то, что вы подозреваете, тогда и она, и этот чопорный англичанин замешаны в убийстве.

— Но это, — сказал Пуаро, — никак не подтверждается фактами. Понимаете, если бы они оба участвовали в убийстве, что бы из этого следовало? Что они постараются обеспечить друг другу алиби. Не правда ли? Однако этого не происходит. Алиби мисс Дебенхэм подтверждает шведка, которую та до сих пор и в глаза не видела, а алиби полковника — Маккуин, секретарь убитого. Нет, ваше решение слишком простое для такой загадки.

— Вы сказали, что у вас есть еще одна причина ее подозревать, — напомнил ему мсье Бук.

Пуаро улыбнулся:

— Но это опять чистейшая психология. Я спрашиваю себя: могла ли мисс Дебенхэм задумать такое преступление? Я убежден, что в этом деле участвовал человек с холодным и изобретательным умом. А мисс Дебенхэм производит именно такое впечатление.

Мсье Бук покачал головой:

— Думаю, вы все-таки ошибаетесь, мой друг. Не могу себе представить, чтобы эта молодая англичанка пошла на преступление.

— Ну что ж, — сказал Пуаро, взяв оставшийся паспорт, — теперь перейдем к последнему имени в нашем списке: Хильдегарда Шмидт, горничная.

Призванная официантом, она вскоре вошла в ресторан и почтительно остановилась у двери. Пуаро знаком пригласил ее сесть. Она села, сложила руки на коленях и спокойно приготовилась отвечать на вопросы. Она производила впечатление женщины до крайности флегматичной и в высшей степени почтенной, хотя, может быть, и не слишком умной.

С Хильдегардой Шмидт Пуаро вел себя совершенно иначе, чем с Мэри Дебенхэм. Он был сама мягкость и доброта. Ему, видно, очень хотелось, чтобы горничная поскорее освоилась. Попросив ее записать имя, фамилию и адрес, Пуаро

незаметно перешел к допросу. Разговор велся по-немецки.

— Мы хотим как можно больше узнать о событиях прошлой ночи, — сказал он. — Нам известно, что вы не можете сообщить ничего о самом преступлении, но вы могли услышать или увидеть что-нибудь такое, чему вы вовсе не придали значения, но что может представлять для нас большую ценность. Вы меня поняли?

Нет, она, видно, ничего не поняла.

— Я ничего не знаю, господин, — ответила она все с тем же выражением туповатого спокойствия на широком добродушном лице.

— Что ж, возьмем, к примеру, хотя бы такой факт: вы помните, что ваша хозяйка послала за вами прошлой ночью?

— Конечно, помню.

— Вы помните, когда это было?

— Нет, господин. Когда проводник пришел за мной, я спала.

— Понимаю. Ничего необычного в том, что за вами послали ночью, не было?

— Нет, господин. Госпоже по ночам часто требуются мои услуги. Она плохо спит.

— Отлично, значит, вам передали, что вас вызывает княгиня, и вы встали. Скажите, вы надели

халат?

— Нет, господин. Я оделась как полагается. Я бы ни за что не посмела явиться к госпоже княгине в халате.

— А ведь у вас очень красивый красный халат, правда?

Она удивленно уставилась на Пуаро:

— У меня синий фланелевый халат, господин.

— Вот как. Продолжайте. Я просто пошутил. Значит, вы пошли к княгине. Что вы делали у нее?

— Я сделала госпоже массаж, потом читала ей вслух. Я не очень хорошо читаю вслух, но ее сиятельство говорит, что это даже лучше: так она быстрей засыпает. Когда госпожа начала дремать, она отослала меня, я закрыла книгу и вернулась в свое купе.

— А во сколько это было, вы помните?

— Нет, господин.

— А скажите, как долго вы пробыли у княгини?

— Около получаса, господин.

— Хорошо, продолжайте.

— Сначала я принесла госпоже еще один плед из моего купе — было очень холодно, хотя вагон топили. Я укрыла ее пледом, и она пожелала мне

спокойной ночи. Налила ей минеральной воды. Потом выключила свет и ушла.

— А потом?

— Больше мне нечего рассказать, господин. Я вернулась к себе в купе и легла спать.

— Вы никого не встретили в коридоре?

— Нет, господин.

— А вы не встретили, скажем, даму в красном кимоно, расшитом драконами?

Немка выпучила на него кроткие голубые глаза:

— Что вы, господин! В коридоре был один проводник. Все давно спали.

— Но проводника вы все-таки видели?

— Да, господин.

— Что он делал?

— Он выходил из купе, господин.

— Что? Что? — накинулся на горничную мсье Бук. — Из какого купе?

Хильдегарда Шмидт снова переполошилась, и Пуаро бросил укоризненный взгляд на своего друга.

— Ничего необычного тут нет, — сказал он. — Проводнику часто приходится ходить ночью на вызовы. Вы не помните, из какого купе он вышел?

— Где-то посреди вагона, господин. За две-три двери от купе княгини.

— Так-так. Расскажите, пожалуйста, точно, где это произошло и как.

— Он чуть не налетел на меня, господин. Это случилось, когда я возвращалась из своего купе с пледом для княгини.

— Значит, он вышел из купе и чуть не налетел на вас? В каком направлении он шел?

— Мне навстречу, господин. Он извинился и прошел по коридору к вагону-ресторану. В это время зазвонил звонок, но, мне кажется, он не пошел на этот вызов. — Помедлив минуту, она продолжала: —.Но я не понимаю. Как же...

Пуаро поспешил ее успокоить.

— Мы просто выверяем время, мадам, — сказал он. — Это чистейшая формальность. Наверное, бедняге проводнику нелегко пришлось в ту ночь: сначала он будил вас, потом эти вызовы...

— Но это был вовсе не тот проводник, господин. Меня будил совсем другой.

— Ах вот как — другой? Вы его видели прежде?

— Нет, господин.

— Так! Вы его узнали, если б увидели?

— Думаю, да, господин.

Пуаро что-то прошептал на ухо мсье Буку. Тот

встал и пошел к двери отдать приказание.

Пуаро продолжал допрос все в той же приветливой и непринужденной манере:

— Вы когда-нибудь бывали в Америке, фрау Шмидт?

— Нет, господин. Мне говорили, это замечательная страна.

— Вы, вероятно, слышали, кем был убитый на самом деле, — слышали, что он виновен в смерти ребенка?

— Да, господин, слышала. Это чудовищное преступление — ужасный грех! И как Господь только допускает такое! У нас в Германии ничего подобного не бывает.

На глаза ее навернулись слезы.

— Да, это чудовищное преступление, — повторил Пуаро.

Он вытащил из кармана клочок батиста и показал его горничной:

— Это ваш платок, фрау Шмидт?

Все замолчали, женщина рассматривала платок. Через минуту она подняла глаза. Щеки ее вспыхнули:

— Что вы, господин! Это не мой платок.

— Видите, на нем стоит H — вот почему я подумал, что это ваш: ведь вас зовут Hildegarde.

— Ах, господин, такие платки бывают только у богатых дам. Они стоят бешеных денег. Это ручная вышивка. И скорее всего из парижской мастерской.

— Значит, это не ваш платок и вы не знаете, чей он?

— Я? О нет, господин.

Из всех присутствующих один Пуаро уловил легкое колебание в ее голосе.

Мсье Бук что-то горячо зашептал ему на ухо. Пуаро кивнул.

— Сейчас сюда придут три проводника спальных вагонов, — обратился он к женщине. — Не будете ли вы столь любезны сказать нам, кого из них вы встретили вчера ночью, когда несли плед княгине?

Вошли трое мужчин: Пьер Мишель, крупный блондин — проводник спального вагона Афины — Париж и грузный кряжистый проводник бухарестского вагона.

Хильдегарда Шмидт пригляделась к проводникам и решительно затрясла головой.

— Тут нет того человека, которого я видела вчера ночью, господин, — сказала она.

— Но в поезде нет других проводников. Вы, должно быть, ошиблись.

— Я не могла ошибиться, господин. Все эти проводники — высокие, рослые мужчины, а тот, кого я видела, — невысокого роста, темноволосый, с маленькими усиками. Проходя мимо, он извинился, и голос у него был писклявый, как у женщины. Я его хорошо разглядела, господин, уверяю вас.

Глава 13
ПУАРО ПОДВОДИТ ИТОГИ

— Невысокий темноволосый мужчина с писклявым голосом, — сказал мсье Бук.

Троих проводников и Хильдегарду Шмидт отпустили восвояси.

Мсье Бук в отчаянии развел руками:

— Ничего не понимаю, решительно ничего! Значит, этот враг Рэтчетта, о котором тот говорил, все-таки был в поезде? И где он теперь? Не мог же он просто испариться? У меня голова кругом идет. Скажите же что-нибудь, умоляю вас. Объясните мне, как невозможное стало возможным?

— Очень удачная формулировка, — сказал Пуаро. — Невозможное произойти не могло, а следовательно, невозможное оказалось возможным вопреки всему.

— Тогда объясните мне поскорее, что же произошло в поезде вчера ночью.

— Я не волшебник, мой дорогой. И озадачен не меньше вашего. Дело это продвигается очень странно.

— Оно нисколько не продвигается. Оно стоит на месте.

Пуаро покачал головой:

— Это не так. Мы немного продвинулись вперед. Кое-что мы уже знаем. Мы выслушали показания пассажиров...

— И что это нам дало? Ничего.

— Я бы так не сказал, мой друг.

— Возможно, я преувеличиваю. Конечно, и этот американец, Хардман, и горничная добавили кое-какие сведения к тому, что мы уже знаем. Вернее говоря, они еще больше запутали все дело.

— Не надо отчаиваться, — успокоил его Пуаро.

Мсье Бук накинулся на него:

— Тогда говорите — поделитесь с нами мудростью Эр-кюля Пуаро.

— Разве я вам не сказал, что озадачен не меньше вашего? Зато теперь мы можем приступить к разрешению проблемы. Мы можем расположить имеющиеся у нас факты по порядку и методически разобраться в них.

— Умоляю вас, мсье, продолжайте, — попросил доктор Константин.

Пуаро откашлялся и разгладил кусочек промокашки.

— Давайте разберемся в том, чем мы располагаем. Прежде всего нам известны некоторые бесспорные факты. Рэтчетт, или Кассетти, вчера ночью получил двенадцать ножевых ран и умер. Вот вам факт номер один.

— Не смею возражать, старина, не смею возражать, — сказал мсье Бук не без иронии.

Пуаро это ничуть не обескуражило.

— Я пока пропущу довольно необычные обстоятельства, которые мы с доктором Константином уже обсудили совместно, — невозмутимо продолжал он. — В свое время я к ним вернусь. Следующий, как мне кажется, по значению факт — это время совершения преступления.

— Опять-таки одна из немногих известных нам вещей, — прервал его мсье Бук. — Преступление было совершено сегодня в четверть второго. Все говорит за то, что это было именно так.

— Далеко не все. Вы преувеличиваете. Хотя, конечно, у нас имеется немалое количество фактов, подтверждающих эту точку зрения.

— Рад слышать, что вы признаете хотя бы это.

Пуаро невозмутимо продолжал, как будто его и не прерывали:

— Возможны три предположения. Первое — преступление совершено, как вы утверждаете, в четверть второго. Это подтверждают разбитые часы, показания миссис Хаббард и горничной Хильдегарды Шмидт. К тому же это совпадает с показаниями доктора Константина.

Второе предположение: убийство совершено позже, и стрелки на часах передвинуты, чтобы нас запутать.

Третье: преступление совершено раньше, и стрелки передвинуты по той же причине, что и выше.

Так вот, если мы примем первое предположение как наиболее вероятное и подкрепленное наибольшим числом показаний, мы должны будем считаться с некоторыми вытекающими из него фактами. Начнем хотя бы с того, что, если преступление было совершено в четверть второго, убийца не мог покинуть поезд. А значит, встает вопрос: где убийца? И кто он?

Для начала давайте тщательно разберемся во всех показаниях. В первый раз о существовании невысокого темноволосого мужчины с писклявым голосом мы услышали от Хардмана. Он

утверждает, будто Рэтчетт рассказал ему об этом человеке и поручил охранять себя от него. У нас нет никаких фактов, подтверждающих эти показания, и, следовательно, нам приходится верить Хардману на слово. Теперь разберемся во втором вопросе: тот ли человек Хардман, за которого он себя выдает, то есть действительно ли он сыщик нью-йоркского детективного агентства?

На мой взгляд, это дело прежде всего интересно тем, что мы лишены всех вспомогательных средств, к которым обычно прибегает полиция. Мы не можем проверить показания свидетелей. Нам приходится целиком полагаться на собственные заключения. Для меня лично это делает разгадку преступления еще более интересной. Никакой рутины. Только работа ума. И вот я спрашиваю себя: можем ли мы верить показаниям Хардмана, когда он говорит о себе? И решаю: можем. Я придерживаюсь того мнения, что мы можем верить в то, что Хардман рассказывает о себе.

— Вы полагаетесь на свою интуицию, — спросил доктор Константин, — или, как говорят американцы, на свой нюх?

— Вовсе нет. Я исследую все возможности. Хардман путешествует с фальшивым паспортом,

а значит, в любом случае подозрения прежде всего падут на него. Как только появится полиция, она в первую очередь задержит Хардмана и телеграфирует в Нью-Йорк, чтобы проверить его показания. Проверить личность большинства пассажиров представляется очень трудным — и в большинстве случаев этого не станут делать хотя бы потому, что они не дают никаких поводов для подозрений. Но в случае с Хардманом дело обстоит иначе. Он или тот, за кого себя выдает, или нет. Вот почему я считаю, что тут все должно быть в порядке.

— Вы считаете его свободным от подозрений?

— Вовсе нет. Вы меня не поняли. Откуда мне знать — у любого американского сыщика могут быть свои причины убить Рэтчетта. Я хочу только сказать, что Хардману можно верить, когда он рассказывает о себе. Рэтчетт вполне мог нанять его, и, по всей вероятности, хотя твердо уверенным тут быть нельзя, так оно и было. Если мы принимаем показания Хардмана на веру, тогда мы должны искать дальнейшее им подтверждение И мы находим его, хотя и несколько неожиданно, в показаниях Хильдегарды Шмидт. Проводник спального вагона, встреченный ею в коридоре, как две капли воды похож на описан-

ного Хардманом врага Рэтчетта. Можем ли мы подтвердить эти два рассказа? У нас есть пуговица, которую миссис Хаббард нашла в купе. Есть и еще одно дополнительное доказательство, хотя вы могли его и не заметить.

— Что же это?

— Оба — и полковник Арбэтнот, и Гектор Маккуин — упомянули, что проводник проходил мимо их купе. Они не придали этому значения. Но вспомните, господа: Пьер Мишель заявил, что он не вставал с места, за исключением тех случаев, которые были им специально оговорены, а ни в одном из этих случаев ему не нужно было проходить мимо купе, где сидели Арбэтнот и Маккуин. А следовательно, рассказ о невысоком темноволосом мужчине с писклявым голосом в форме проводника спальных вагонов подкрепляется свидетельскими показаниями четырех свидетелей, прямыми или косвенными.

— И еще одна небольшая деталь, — сказал доктор Константин. — Если Хильдегарда Шмидт говорит правду, тогда почему же настоящий проводник не упомянул, что видел ее, когда шел на вызов миссис Хаббард?

— Это, по-моему, вполне объяснимо. Когда он шел к миссис Хаббард, горничная была у своей

хозяйки. А когда горничная возвращалась к себе, проводник был в купе миссис Хаббард.

Мсье Бук с трудом дождался конца фразы.

— Да— Да, мой друг, — сказал он нетерпеливо. — Хотя я восхищаюсь вашей осмотрительностью и тем, как вы методически — шаг за шагом — идете к цели, все же осмелюсь заметить, что вы не коснулись главного. Все мы сошлись на том, что этот человек существует. Куда он делся? — вот в чем вопрос.

Пуаро неодобрительно покачал головой:

— Вы ошибаетесь. Ставите телегу впереди лошади. Прежде чем спросить себя: «Куда исчез этот человек?» — я задаюсь вопросом: «А существует ли на самом деле такой человек?» И знаете почему? Потому что, если бы этот человек не существовал, а если бы его просто выдумали, изобрели, насколько легче было бы ему исчезнуть. Поэтому я прежде всего стараюсь узнать, существует ли подобный человек во плоти.

— Ну а теперь, когда вы установили, что он существует, скажите, где же он?

— На это есть два ответа, мой друг. Или он прячется в поезде в таком неожиданном месте, что нам и в голову не приходит искать его там. Или он, так сказать, существует в двух лицах. То есть

он одновременно и тот человек, которого боялся мистер Рэтчетт, и кто-то из пассажиров поезда, так хорошо замаскированный, что Рэтчетт его не узнал.

— Блестящая мысль, — просиял мсье Бук. Однако тут же лицо его снова омрачилось. — Но есть одна неувязка...

Пуаро предвосхитил его слова:

— Рост этого человека, вы это хотели сказать? За исключением лакея мистера Рэтчетта все пассажиры: итальянец, полковник Арбэтнот, Гектор Маккуин, граф Андрени — высокого роста. Значит, у нас остается один лакей — не слишком подходящая кандидатура. Но тут возникает и другое предположение: вспомните писклявый, как у женщины, голос. У нас появляется возможность выбора. Это может быть и мужчина, переодетый женщиной, и женщина. Если одеть высокую женщину в мужской костюм, она кажется маленькой.

— Но ведь Рэтчетт должен был бы знать... — возразил мсье Бук.

— Вполне вероятно, он и знал. Вполне вероятно, что эта женщина уже покушалась на его жизнь, переодевшись для этой цели мужчиной. Рэтчетт мог догадаться, что она снова прибегнет к этому

трюку, и поэтому велел Хардману следить за мужчиной. Однако на всякий случай упомянул о писклявом, как у женщины, голосе.

— Вполне возможно, — сказал мсье Бук. — И все же...

— Послушайте, мой друг. Я думаю, пришло время рассказать вам о некоторых неувязках, подмеченных доктором Константином.

И Пуаро подробно рассказал мсье Буку о тех выводах, к которым они с доктором пришли, анализируя характер ранений. Мсье Бук застонал и схватился за голову.

— Понимаю, — сказал Пуаро сочувственно. — Отлично понимаю вас. Голова идет кругом, правда?

— Да ведь это настоящий кошмар! — завопил мсье Бук.

— Вот именно! Это нелепо, невероятно и попросту невозможно. И я то же самое говорю. И все же, мой друг, это так. А от фактов никуда не денешься.

— Но это безумие!

— Вот именно! Все это настолько невероятно, друг мой, что меня иногда преследует мысль, будто разгадка должна быть предельно проста... Впрочем, это только наитие, так сказать.

— Двое убийц, — застонал мсье Бук. — В «Восточном экспрессе»! — Он чуть не плакал.

— А теперь, — сказал Пуаро бодро, — дадим волю фантазии. Итак, прошлой ночью в поезде появляются двое таинственных незнакомцев. Проводник спальных вагонов, внешность которого описал Хардман, — его видели Хильдегарда Шмидт, полковник Арбэтнот и мистер Маккуин. И женщина в красном кимоно — высокая, стройная женщина, которую видели Пьер Мишель, мисс Дебенхэм, Маккуин, я и которую, если можно так выразиться, унюхал полковник Арбэтнот. Кто она? Все пассажирки, как одна, утверждают, что у них нет красного кимоно. Женщина эта тоже исчезает. Так вот, она и мнимый проводник — одно и то же лицо или нет? И где сейчас эти двое? И кстати, где форма проводника и красное кимоно?

— А вот это мы можем проверить. — Мсье Бук вскочил. — Надо обыскать багаж пассажиров.

Пуаро тоже встал:

— Я позволю себе сделать одно предсказание.

— Вы знаете, где эти вещи?

— Да, у меня есть наитие и на этот счет.

— Ну так говорите же, где?

— Красное кимоно вы обнаружите в багаже

одного из мужчин, а форму проводника спальных вагонов в багаже Хильдегарды Шмидт.

— Хильдегарды Шмидт? Значит, вы думаете...

— Совсем не то, что вы думаете. Я бы сказал так: если Хильдегарда Шмидт виновна, форму могут найти у нее в багаже, но если она невиновна — форма наверняка будет там.

— Но как же... — начал мсье Бук и остановился. — Что за шум? — воскликнул он. — Похоже, что сюда мчится паровоз.

Шум нарастал: пронзительные женские вопли чередовались с сердитыми возгласами. Дверь вагона распахнулась, и в ресторан ворвалась миссис Хаббард.

— Какой ужас! — кричала она. — Нет, вы подумайте только, какой ужас! В моей сумочке. Прямо в моей умывальной сумочке. Огромный нож, весь в крови.

Она покачнулась и упала без чувств на грудь мсье Бука.

Глава 14
УЛИКИ: ОРУЖИЕ

Мсье Бук не так учтиво, как энергично подхватил бесчувственную даму и посадил, переложив

ее голову со своей груди на стол. Доктор Константин кликнул официанта — тот немедленно примчался на помощь.

— Придерживайте ее голову, — сказал доктор, — и, если она придет в себя, дайте ей немного коньяку. Ясно? — И выбежал из комнаты вслед за остальными. Он живо интересовался преступлением, но никак не пожилыми дамами в обмороке.

Вполне вероятно, что суровое обращение помогло миссис Хаббард быстро прийти в себя. Спустя несколько минут она уже сидела вполне самостоятельно, потягивая коньяк из стакана, принесенного официантом, и без умолку трещала:

— Вы не представляете себе, какой это ужас. Нет, нет, вам этого не понять! Я всегда, с самого детства, была оч-чень, оч-чень чувствительной. От одного вида крови — брр... Да что говорить, меня еще теперь трясет, как вспомню!

Официант опять поднес ей стакан:

— Encore un peu?[29]

— Вы думаете, стоит выпить? Вообще-то я спиртного в рот не беру. Ни вина, ни коньяку в

---

[29] Примечания: 29
Еще немножко?

жизни не пила. И в семье у нас все трезвенники. Но из медицинских соображений... — И она снова отхлебнула из стакана.

Тем временем Пуаро и мсье Бук, а за ними, ни на шаг не отставая, доктор Константин мчались в купе миссис Хаббард.

Впечатление было такое, будто все до одного пассажиры высыпали в коридор. Проводник с перекошенным от отчаяния лицом старался водворить их в купе.

— Mais il n'y a rien a voir![30] — Он раздраженно повторял это соображение на разных языках.

— Разрешите пройти, — сказал мсье Бук, ловко раздвинул кругленьким животиком толпу пассажиров и вошел в купе. Пуаро протиснулся следом за ним.

— Очень рад, что вы пришли, мсье, — сказал проводник, вздохнув с облегчением. — Все, буквально все рвутся сюда. Эта американка так визжала, можно подумать, ее режут. Я тут же прибежал, а она визжит как ненормальная, кричит, что ей срочно нужно вас увидеть, несется по вагону, кого ни встретит, всем рассказывает, что с ней стряслось. — И, взмахнув рукой, добавил:

---

[30] Примечания: 30
Здесь нет ничего интересного!

— Вот он, мсье. Я ничего не трогал.

На ручке двери, ведущей в соседнее купе, висела прорезиненная сумочка в крупную клетку. Кинжал в псевдовосточном стиле — дешевая подделка с чеканной рукояткой и прямым сужающимся лезвием — лежал на полу под ней, там, где его и уронила миссис Хаббард. На клинке виднелись пятна, по виду напоминающие ржавчину.

Пуаро осторожно поднял кинжал.

— Да, — пробормотал он, — ошибки тут быть не может. Вот вам и недостающее оружие. Верно, господин доктор?

Доктор обследовал кинжал, осторожно держа его кончиками пальцев.

— Напрасно стараетесь, — сказал Пуаро. — На нем никаких отпечатков пальцев не будет, разве что отпечатки миссис Хаббард.

Осмотр оружия занял у доктора мало времени.

— Это тот самый кинжал, сомнений нет, — подтвердил он. — Им могла быть нанесена любая из этих ран.

— Умоляю вас, мой друг, не торопитесь с выводами.

Доктор удивился.

— В этом деле и так слишком много совпадений. Два человека решили прошлой ночью убить

мистера Рэтчетта. Было бы слишком невероятно, если бы каждый из них выбрал при этом и одинаковое оружие.

— Что до этого совпадения, то оно не столь невероятно, как может показаться, — сказал доктор. — Эти кинжалы в псевдовосточном стиле изготовляют большими партиями и сбывают на базарах Константинополя.

— Вы меня отчасти утешили, но лишь отчасти, — сказал Пуаро.

Он задумчиво посмотрел на ручку двери, снял с нее сумочку и подергал за ручку. Дверь не открылась. Дверной засов, расположенный сантиметров на тридцать выше ручки, был задвинут. Пуаро отодвинул засов и снова толкнул дверь — она не поддалась.

— Вы же помните, мы закрыли дверь с той стороны, — сказал доктор.

— Вы правы, — рассеянно согласился Пуаро. Похоже было, что мысли его витают где-то далеко. Лоб его избороздили морщины — судя по всему, он был озадачен.

— Все сходится, не так ли? — сказал мсье Бук. — Преступник решил выйти в коридор через это купе. Закрывая за собой дверь в смежное купе, он нащупал сумочку и сунул туда окровавленный

кинжал. Потом, не подозревая, что разбудил миссис Хаббард, преступник выскользнул через дверь, ведущую в коридор.

— Да, конечно. Очевидно, все так и было, как вы говорите, — пробормотал Пуаро.

Но лицо его все еще выражало недоумение.

— В чем дело? — спросил мсье Бук. — Что-то в этой версии вас не устраивает?

Пуаро быстро взглянул на него:

— А вы этого не заметили? Очевидно, нет. Впрочем, это сущая мелочь.

В купе заглянул проводник:

— Американская дама возвращается.

Вид у доктора Константина был виноватый: он сознавал, что обошелся с миссис Хаббард довольно бесцеремонно.

Но она и не думала его упрекать. Ее пыл был всецело направлен на другое.

— Я вам скажу прямо и без церемоний, — выпалила она, едва появившись в дверях. — Я в этом купе ни за что не останусь! Хоть вы меня озолотите, а я тут не засну!

— Но, мадам...

— Я знаю, что вы мне ответите, и я вам скажу сразу: я на это не пойду! Лучше просижу всю ночь в коридоре. — Она заплакала. — Знала бы моя

дочь, видела бы она, да она бы...

Пуаро решительно прервал ее:

— Вы меня не поняли, мадам. Ваша просьба вполне обоснованна. Ваш багаж немедленно перенесут в другое купе.

Миссис Хаббард отняла платок от глаз:

— Неужели? Мне сразу стало лучше. Но ведь в вагоне все купе заняты, разве что кто-нибудь из мужчин...

— Ваш багаж, мадам, — вмешался мсье Бук, — перенесут из этого вагона в другой. Вам отведут купе в соседнем вагоне — его прицепили в Белграде.

— Это просто замечательно! Я, конечно, не истеричка, но спать здесь, когда рядом, за стеной, труп... — Она вздрогнула. — Нет, это выше моих сил.

— Мишель! — крикнул мсье Бук. — Перенесите багаж дамы в любое свободное купе вагона Афины — Париж.

— Понятно, мсье. В такое же купе, как это? В купе номер три?

— Нет-нет, — быстро возразил Пуаро, прежде чем его друг успел ответить. — Я думаю, мадам лучше станет себя чувствовать, если ничто не будет ей напоминать прежнюю обстановку. Дайте

ей другое купе — номер двенадцать, например.

— Слушаюсь, мсье.

Проводник схватил багаж. Миссис Хаббард рассыпалась в благодарностях:

— Вы так добры ко мне, мсье Пуаро, вы проявили такую чуткость. Уверяю вас, я умею это ценить.

— Какие пустяки! Мы пройдем с вами и проследим, чтобы вас устроили поудобнее.

Миссис Хаббард в сопровождении троих мужчин отправилась в свое новое обиталище.

— Здесь очень хорошо, — сказала она, оглядевшись.

— Вам нравится? Видите, это купе ничем не отличается от вашего прежнего.

— Это правда... только здесь полка с другой стороны. Впрочем, это не имеет никакого значения: ведь поезда то и дело меняют направление. Так вот, я говорю дочери: «Я хочу ехать по ходу поезда», а она мне отвечает: «Что толку выбирать купе, если когда ложишься спать, поезд идет в одну сторону, а когда просыпаешься — в другую?» И она оказалась права. К примеру, вчера вечером в Белграде въезжали мы в одном направлении, а выезжали в другом.

— Но теперь, мадам, вы вполне довольны?

— Ну не сказала бы. Мы застряли в заносах, и никто ничего не делает, чтобы выбраться отсюда, а мой пароход отплывает послезавтра.

— Мадам, — сказал мсье Бук, — все мы в таком положении.

— Вы правы, — согласилась миссис Хаббард, — но ведь ни к кому из вас не врывался посреди ночи убийца.

— Одного я по-прежнему не могу понять, — сказал Пуаро, — как убийца мог попасть в ваше купе, если дверь в соседнее купе, как вы говорите, была задвинута на засов? Вы уверены, что засов был задвинут?

— Ну как же! Эта шведка проверила засов у меня на глазах.

— Попробуем воспроизвести всю сцену. Вы лежите на полке — вот так. Оттуда, как вы говорили, не видно, закрыта дверь или нет. Так?

— Да, не видно, потому что на ручке висела моя сумочка. О господи, теперь мне придется покупать новую сумочку! Мне делается дурно, как только взгляну на нее.

Пуаро поднял сумочку и повесил ее на ручку двери, ведущей в соседнее купе.

— Совершенно верно, — сказал он, — теперь мне все понятно: засов проходит прямо под руч-

кой, и сумочка его закрывает. С полки вам не было видно, закрыта дверь или нет.

— А я вам что говорила?

— Эта шведка, мисс Ольсон, стояла вот здесь — между вами и дверью. Она подергала засов и сказала вам, что дверь заперта.

— Совершенно верно.

— И все же она могла ошибиться, мадам. Вы сейчас поймете почему, — втолковывал ей Пуаро. — Засов представляет собой обыкновенный металлический брус — вот он. Если повернуть его вправо — дверь закрывается, влево — открывается. Возможно, она просто толкнула дверь, а так как дверь была закрыта с другой стороны, она и предположила, что дверь закрыта с вашей стороны.

— Ну что ж, и очень глупо.

— Мадам, добрые и услужливые люди далеко не всегда самые умные.

— Что правда, то правда.

— Кстати, мадам, вы ехали в Смирну этим же путем?

— Нет, я доехала на пароходе до Стамбула, там меня встретил друг моей дочери мистер Джонсон — прелестнейший человек, вам обязательно надо с ним познакомиться, — он показал мне Стамбул.

Город меня разочаровал — сплошные развалины. И всюду эти мечети, а в них заставляют надевать шлепанцы. Да, на чем, бишь, я остановилась?

— Вы говорили, что вас встретил мистер Джонсон.

— Да, он посадил меня на французское торговое судно — оно шло в Смирну, а там прямо на пристани меня уже ждал зять. Что скажет он, когда услышит об этом! Дочь уверяла меня, что так ехать всего проще и удобнее. «Сиди себе в купе до самого Парижа, — говорила она, — а там тебя встретит представитель американской туристической компании. О господи, как мне отказаться от билета на пароход? Ведь для этого нужно предупредить компанию? Нет, это просто ужасно... — И миссис Хаббард снова пустила слезу.

Пуаро — он уже ерзал на месте — поспешил прервать словоохотливую даму:

— Вы пережили такое потрясение, мадам. Мы попросим официанта принести вам чаю с печеньем.

— Я не так уж люблю чай, — сказала миссис Хаббард жалостно, — это англичане во всех случаях жизни пьют чай.

— Тогда кофе, мадам. Вам надо прийти в себя.

— От этого коньяка у меня закружилась голова.

Я, пожалуй, и в самом деле выпила бы кофе.

— Отлично. Вам надо поддержать свои упавшие силы.

— Господи, как вы смешно говорите!

— Но прежде всего, мадам, небольшая формальность. Вы разрешите обыскать ваш багаж?

— Для чего?

— Мы собираемся обыскать багаж всех пассажиров. Мне не хотелось бы об этом говорить, но вспомните о вашей сумочке.

— Господи помилуй! Еще один такой сюрприз — и мне конец.

Осмотр провели очень быстро. Багажа у миссис Хаббард было немного: шляпная картонка, дешевый чемодан и туго набитый саквояж. Вещи у нее были самые что ни на есть простые и незамысловатые, так что, если б миссис Хаббард не тормозила дела, поминутно подсовывая фотографии дочери и ее двоих довольно уродливых детей: «Малышки моей дочери. Правда, прелестные?», они справились бы с осмотром за две минуты.

Глава 15

БАГАЖ ПАССАЖИРОВ

Выдавив из себя пару любезных фраз и заверив миссис Хаббард, что ей подадут кофе, Пуаро и его спутники наконец отбыли восвояси.

— Ну что ж, для начала мы вытащили пустой номер, — сказал мсье Бук. — За кого примемся теперь?

— Я думаю, проще всего будет заходить во все купе по порядку. Следовательно, начнем с номера шестнадцатого — любезного мистера Хардмана.

Мистер Хардман — он курил сигару — встретил их как нельзя более приветливо:

— Входите, входите, господа, если, конечно, поместитесь. Здесь тесновато для такой компании.

Бук объяснил цель визита, и верзила сыщик понимающе кивнул:

— Я не против. По правде говоря, я уж было начал удивляться, почему вы не занялись этим раньше. Вот вам мои ключи. Не хотите ли обыскать мои карманы? Я к вашим услугам. Достать саквояжи?

— Их достанет проводник. Мишель!

Оба саквояжа мистера Хардмана быстро обследовали и возвратили владельцу. В них обнаружили разве что некоторый переизбыток спиртного.

Мистер Хардман подмигнул:

— На границах к багажу не слишком присматриваются. Особенно если дать проводнику на лапу. Я ему сразу всучил пачку турецких бумажонок — и до сих пор не имел неприятностей.

— А в Париже?

Мистер Хардман снова подмигнул:

— К тому времени, когда я доберусь до Парижа, все мое спиртное можно будет уместить в бутылочке из-под шампуня.

— Я вижу, вы не сторонник «сухого закона», мистер Хардман? — спросил, улыбаясь, мсье Бук.

— По правде говоря, «сухой закон» мне никогда не мешал, — сказал Хардман.

— Понятно. Ходите в подпольные забегаловки, — сказал мсье Бук, с удовольствием выговаривая последнее слово. — Эти специфические американские выражения, они такие выразительные, такие оригинальные.

— Мне бы хотелось съездить в Америку, — сказал Пуаро.

— Да, у нас вы научились бы передовым методам, — сказал Хардман. — Европу надо тормошить, не то она совсем закиснет.

— Америка, конечно, передовая страна, — подтвердил Пуаро, — тут я с вами согласен. И лично

мне американцы многим нравятся. Но должен сказать — хотя вы, наверное, сочтете меня старомодным, — что американки мне нравятся гораздо меньше, чем мои соотечественницы. Мне кажется, никто не может сравниться с француженкой или бельгийкой — они такие кокетливые, такие женственные.

Хардман на минутку отвернулся и взглянул на сугробы за окном.

— Возможно, вы и правы, мсье Пуаро, — сказал он, — но я думаю, что мужчины всегда предпочитают своих соотечественниц. — И он мигнул, будто снег слепил ему глаза. — Просто режет глаза, правда? — заметил он. — Как хотите, господа, а мне это действует на нервы: и убийство, и снег, и все прочее, а главное — бездействие. Слоняешься попусту, а время уходит. Я не привык сидеть сложа руки.

— Вы энергичны, как и подобает американцу, — улыбнулся Пуаро.

Проводник поставил вещи на полку, и они перешли в соседнее купе. Там в углу, попыхивая трубкой, читал журнал полковник Арбэтнот.

Пуаро объяснил цель их прихода. Полковник не стал возражать. Его багаж состоял из двух тяжелых кожаных чемоданов.

— Остальные вещи я отправил морем, — объяснил он.

Как большинство военных, полковник умел паковать вещи, поэтому осмотр багажа занял всего несколько минут. Пуаро заметил пакетик с ершиками для трубок.

— Вы всегда употребляете такие ершики? — спросил он.

— Почти всегда. Если удается их достать.

— Понятно, — кивнул Пуаро.

Ершики были как две капли воды похожи на тот, что нашли в купе убитого.

Когда они вышли в коридор, доктор Константин упомянул об этом обстоятельстве.

— И все-таки, — пробормотал Пуаро, — мне не верится. Не тот у него характер, а если мы это признаем, значит, мы должны признать, что он не может быть убийцей.

Дверь следующего купе была закрыта. Его занимала княгиня Драгомирова. Они постучались и в ответ услышали глубокое контральто княгини:

— Войдите.

Мсье Бук выступил в роли посредника. Вежливо и почтительно он объяснил цель их прихода.

Княгиня выслушала его молча: ее крохотное жабье личико было бесстрастно.

— Если это необходимо, господа, — сказала она спокойно, когда мсье Бук изложил просьбу Пуаро, — то не о чем и говорить. Ключи у моей горничной. Она вам все покажет.

— Ваши ключи всегда у горничной, мадам? — спросил Пуаро.

— Разумеется, мсье.

— А если ночью на границе таможенники потребуют открыть один из чемоданов?

Старуха пожала плечами:

— Это вряд ли вероятно, но в таком случае проводник приведет мою горничную.

— Значит, вы ей абсолютно доверяете, мадам?

— Я уже говорила вам об этом, — спокойно сказала княгиня. — Я не держу у себя людей, которым не доверяю.

— Да, — сказал Пуаро задумчиво, — в наши дни преданность не так уж часто встречается. Так что, пожалуй, лучше держать неказистую служанку, которой можно доверять, чем более шикарную горничную, элегантную парижанку, к примеру.

Темные проницательные глаза княгини медленно поднялись на него.

— На что вы намекаете, мсье Пуаро?

— Я, мадам? Ни на что.

— Да нет же. Вы считаете — не так ли? — что

моими туалетами должна была бы заниматься элегантная француженка?

— Это было бы, пожалуй, более естественно, мадам.

Княгиня покачала головой:

— Шмидт мне предана. — Последнее слово она особо подчеркнула. — А преданность — бесценна.

Прибыла горничная с ключами. Княгиня по-немецки велела ей распаковать чемоданы и помочь их осмотреть. Сама же вышла в коридор и стала смотреть в окно на снег. Пуаро вышел вместе с княгиней, предоставив мсье Буку обыскать багаж.

Княгиня с грустной улыбкой поглядела на Пуаро:

— А вас, мсье, не интересует, что у меня в чемоданах?

Пуаро покачал головой:

— Это чистая формальность, мадам.

— Вы в этом уверены?

— В вашем случае — да.

— А ведь я знала и любила Соню Армстронг. Что вы об этом думаете? Что я не стану пачкать рук убийством такого негодяя, как Кассетти? Может быть, вы и правы.

Минуту-две она молчала. Потом сказала:

— А знаете, как бы я поступила с таким человеком, будь на то моя воля? Я бы позвала моих слуг и приказала: «Засеките его до смерти и выкиньте на свалку!» Так поступали в дни моей юности, мсье.

Пуаро и на это ничего не ответил.

— Вы молчите, мсье Пуаро. Интересно знать, что вы думаете? — с неожиданной горячностью сказала княгиня.

Пуаро посмотрел ей в глаза:

— Я думаю, мадам, что у вас сильная воля, чего никак не скажешь о ваших руках.

Она поглядела на свои тонкие, обтянутые черным шелком, унизанные кольцами пальцы, напоминающие когти.

— Это правда, руки у меня очень слабые. И я не знаю, радоваться этому или огорчаться. — И, резко повернувшись, ушла в купе, где ее горничная деловито запаковывала чемоданы.

Извинения мсье Бука княгиня оборвала на полуслове.

— Нет никакой необходимости извиняться, мсье, — сказала она. — Произошло убийство. Следовательно, эти меры необходимы. Только и всего.

— Вы очень любезны, мадам.

Они откланялись — княгиня в ответ слегка кивнула. Двери двух следующих купе были закрыты. Мсье Бук остановился и почесал в затылке.

— Вот черт, это грозит неприятностями. У них дипломатические паспорта: их багаж досмотру не подлежит.

— Таможенному досмотру — нет, но когда речь идет об убийстве...

— Знаю. И тем не менее я бы хотел избежать международных осложнений...

— Не огорчайтесь, друг мой. Граф и графиня разумные люди и все поймут. Видели, как была любезна княгиня Драгомирова?

— Она настоящая аристократка. И хотя эти двое люди того же круга, граф показался мне человеком не слишком покладистым. Он был очень недоволен, когда вы настояли на своем и допросили его жену. А обыск разозлит его еще больше. Давайте, э-э... давайте обойдемся без них? Ведь в конце концов, какое они могут иметь отношение к этому делу? Зачем мне навлекать на себя ненужные неприятности?

— Не могу с вами согласиться, — сказал Пуаро. — Я уверен, что граф Андрени поступит разумно. Во всяком случае, давайте хотя бы попытаемся.

И прежде чем мсье Бук успел возразить, Пуаро громко постучал в дверь тринадцатого купе.

Изнутри крикнули: «Войдите!»

Граф сидел около двери и читал газету. Графиня свернулась клубочком в углу напротив. Под головой у нее лежала подушка — казалось, она спит.

— Извините, граф, — начал Пуаро. — Простите нас за вторжение. Дело в том, что мы обыскиваем багаж всех пассажиров. В большинстве случаев это простая — однако необходимая — формальность. Мсье Бук предполагает, что, как дипломат, вы вправе требовать, чтобы вас освободили от обыска.

Граф с минуту подумал.

— Благодарю вас, — сказал он. — Но мне, пожалуй, не хотелось бы, чтобы для меня делали исключение. Я бы предпочел, чтобы наши вещи обыскали точно так же, как багаж остальных пассажиров. Я надеюсь, ты не возражаешь, Елена? — обратился он к жене.

— Нисколько, — без малейших колебаний ответила графиня.

Осмотр произвели быстро и довольно поверхностно. Пуаро, видно, конфузился; он то и дело отпускал не имеющие отношения к делу замечания.

Так, например, поднимая синий сафьяновый чемодан с вытисненными на нем короной и инициалами графини, он сказал:

— На вашем чемодане отсырела наклейка, мадам.

Графиня ничего не ответила. Во время обыска она сидела, свернувшись клубочком, в углу и со скучающим видом смотрела в окно. Заканчивая обыск, Пуаро открыл шкафчик над умывальником и окинул беглым взглядом его содержимое — губку, крем, пудру и бутылочку с надписью «Трио-нал». После взаимного обмена любезностями сыскная партия удалилась.

За купе венгров шли купе миссис Хаббард, купе убитого и купе Пуаро, поэтому они перешли к купе второго класса. Первое купе — места десять и одиннадцать — занимали Мэри Дебенхэм (когда они вошли, она читала книгу) и Грета Ольсон (она крепко спала, но от стука двери вздрогнула и проснулась). Пуаро, привычно извинившись, сообщил дамам о том, что у них будет произведен обыск.

Шведка всполошилась, Мэри Дебенхэм осталась безучастной.

Пуаро обратился к шведке:

— С вашего разрешения, мадемуазель, прежде

всего займемся вашим багажом, после чего я бы попросил вас осведомиться, как чувствует себя наша миссис Хаббард. Мы перевели ее в соседний вагон, но она никак не может оправиться после своей находки. Я велел отнести ей кофе, но мне кажется, что она из тех людей, которым прежде всего нужен собеседник.

Добрая шведка тотчас же преисполнилась сочувствия. Да, да, она сразу пойдет к американке. Конечно, такое ужасное потрясение, а ведь бедная дама и без того расстроена и поездкой, и разлукой с дочерью. Ну конечно же, она немедленно отправится туда... ее чемодан не заперт... и она обязательно возьмет с собой нашатырный спирт.

Шведка опрометью кинулась в коридор. Осмотр ее пожитков занял мало времени. Они были до крайности убоги. Она, видно, еще не обнаружила пропажу проволочных сеток из шляпной коробки.

Мисс Дебенхэм отложила книгу и стала наблюдать за Пуаро. Она беспрекословно отдала ему ключи от чемодана, а когда чемодан был открыт, спросила:

— Почему вы отослали ее, мсье Пуаро?

— Отослал? Чтобы она поухаживала за амери-

канкой, для чего же еще?

— Отличный предлог, но тем не менее только предлог.

— Я вас не понимаю, мадемуазель.

— Я думаю, вы прекрасно меня понимаете, — улыбнулась она. — Вы хотели поговорить со мной наедине. Правда?

— Я ничего подобного не говорил, мадемуазель.

— И не думали? Да нет, вы об этом думали, верно?

— Мадемуазель, у нас есть пословица...

— Qui s'excuse s'accuse[31] — вы это хотели сказать? Признайте, что я не обделена здравым смыслом и наблюдательностью. Вы почему-то решили, будто мне что-то известно об этом грязном деле — убийстве человека, которого я никогда в жизни не видела.

— Чистейшая фантазия, мадемуазель.

— Нет, вовсе не фантазия. И мне кажется, мы тратим время попусту — скрываем правду, кружимся вокруг да около, вместо того чтобы прямо и откровенно перейти к делу.

— А вы не любите тратить время попусту? Вы

---

[31] Примечания: 31

Тот, кто оправдывается, обвиняет себя.

любите хватать быка за рога? Вам нравятся откровенность и прямота? Что ж, буду действовать с излюбленными вами прямотой и откровенностью и спрошу, что означают некоторые фразы, которые я случайно подслушал по пути из Сирии. В Конье я вышел из вагона, как говорят англичане, «порастянуть ноги». Было тихо, я услышал голоса — ваш и полковника. Вы говорили ему: «Сейчас не время. Когда все будет кончено... и это будет позади...» Что означали ваши слова, мадемуазель?

— Вы думаете, я имела в виду убийство? — спокойно спросила она.

— Здесь вопросы задаю я, мадемуазель.

Она вздохнула и задумалась.

— В этих словах был свой смысл, мсье, — сказала она через минуту, словно очнувшись от сна, — но какой — этого я вам сказать не могу. Могу только дать честное слово, что я и в глаза не видела Рэтчетта, пока не села в поезд.

— Так... Значит, вы отказываетесь объяснить эти слова?

— Да... Если вам угодно поставить вопрос так — отказываюсь. Речь шла об... об одном деле, которое я взялась выполнить.

— И вы его выполнили?

— Что вы хотите сказать?

— Вы его выполнили, верно?

— Какие основания у вас так думать?

— Послушайте меня, мадемуазель. Я напомню вам еще один случай. В тот день, когда мы должны были прибыть в Стамбул, поезд запаздывал. И это вас очень волновало, мадемуазель. Вы, обычно такая спокойная и сдержанная, потеряли всякое самообладание.

— Я боялась опоздать на пересадку.

— Так вы говорили. Но ведь «Восточный экспресс», мадемуазель, отправляется из Стамбула ежедневно. Даже если бы вы опоздали на поезд, вы задержались бы только на одни сутки.

Мэри Дебенхэм впервые проявила признаки нетерпения:

— Вы, кажется, не понимаете, что человека могут ждать друзья и его опоздание на сутки расстраивает все планы и может повлечь за собой массу неудобств.

— Ах так, значит, дело было в этом? Вас ждали друзья и вы не хотели причинить им неудобства?

— Вот именно.

— И все же это странно...

— Что странно?

— Мы садимся в «Восточный экспресс» — и снова опаздываем. На этот раз опоздание влечет за собой куда более неприятные последствия: отсюда нельзя ни послать телеграмму вашим друзьям, ни предупредить их по этому, как это по-английски... междуно... междуногородному телефону?

— По междугородному телефону, вы хотите сказать?

— Ну да.

Мэри Дебенхэм невольно улыбнулась:

— Вполне с вами согласна, это очень неприятно, когда не можешь предупредить своих ни телеграммой, ни по телефону.

— И все же, мадемуазель, на этот раз вы ведете себя совсем иначе. Вы ничем не выдаете своего нетерпения. Вы полны философского спокойствия.

Мэри Дебенхэм вспыхнула, закусила губу и посерьезнела.

— Вы мне не ответили, мадемуазель.

— Извините. Я не поняла, на что я должна отвечать.

— Чем вы объясните такую перемену в своем поведении, мадемуазель?

— А вам не кажется, что вы делаете из мухи

слона, мсье Пуаро?

Пуаро виновато развел руками:

— Таков общий недостаток всех сыщиков. Мы всегда ищем логику в поведении человека. И не учитываем смен настроения.

Мэри Дебенхэм не ответила.

— Вы хорошо знаете полковника Арбэтнота, мадемуазель?

Пуаро показалось, что девушку обрадовала перемена темы.

— Я познакомилась с ним во время этого путешествия.

— У вас есть основания подозревать, что он знал Рэт-четта?

Она покачала головой:

— Я совершенно уверена, что он его не знал.

— Почему вы так уверены?

— Он мне об этом говорил.

— И тем не менее, мадемуазель, на полу в купе убитого мы нашли ершик. А из всех пассажиров трубку курит только полковник.

Пуаро внимательно следил за девушкой. Однако на лице ее не отразилось никаких чувств.

— Чепуха. Нелепость, — сказала она, — никогда не поверю, что полковник Арбэтнот может быть замешан в преступлении, особенно таком мело-

драматичном, как это.

Пуаро и сам думал примерно так же, поэтому он чуть было не согласился с девушкой. Однако вместо этого сказал:

— Должен вам напомнить, мадемуазель, что вы недостаточно хорошо знаете полковника.

Она пожала плечами:

— Мне хорошо знакомы люди этого склада.

— Вы по-прежнему отказываетесь объяснить мне значение слов: «Когда это будет позади»? — спросил Пуаро подчеркнуто вежливо.

— Мне больше нечего вам сказать, — холодно ответила она.

— Это не имеет значения, — сказал Пуаро, — я сам все узнаю.

Он отвесил поклон и вышел из купе, закрыв за собой дверь.

— Разумно ли вы поступили, мой друг? — спросил мсье Бук. — Теперь она будет начеку, а следовательно, и полковник тоже будет начеку.

— Друг мой, когда хочешь поймать кролика, приходится запускать в нору хорька. И если кролик в норе — он выбежит. Так я и сделал.

Они вошли в купе Хильдегарды Шмидт. Горничная стояла в дверях, она встретила посетителей почтительно и совершенно спокойно. Пуаро

быстро осмотрел содержимое чемоданчика. Затем знаком приказал проводнику достать с полки большой сундук.

— Ключи у вас? — спросил он горничную.

— Сундук открыт, господин.

Пуаро расстегнул ремни и поднял крышку.

— Ага, — сказал он, обернувшись к мсье Буку. — Вы помните, что я вам говорил? Взгляните-ка сюда!

На самом верху сундука лежала небрежно свернутая коричневая форма проводника спальных вагонов.

Флегматичная немка всполошилась.

— Ой! — закричала она. — Это не мое! Я ничего подобного сюда не клала. Я не заглядывала в сундук с тех пор, как мы выехали из Стамбула. Поверьте мне, я вас не обманываю. — И она умоляюще переводила глаза с одного мужчины на другого.

Пуаро ласково взял ее за руку, пытаясь успокоить:

— Пожалуйста, не беспокойтесь. Мы вам верим. Не волнуйтесь. Я так же убежден в том, что вы не прятали форму, как и в том, что вы отличная кухарка. Ведь вы отличная кухарка, правда?

Горничная была явно озадачена, однако неволь-

но расплылась в улыбке:

— Это правда, все мои хозяйки так говорили. Я... — Она запнулась, открыла рот, и на лице ее отразился испуг.

— Не бойтесь, — сказал Пуаро. — У вас нет никаких оснований беспокоиться. Послушайте, я расскажу вам, как это произошло. Человек в форме проводника выходит из купе убитого. Он сталкивается с вами в коридоре. Он этого не ожидал. Ведь он надеялся, что его никто не увидит. Что делать? Необходимо куда-то девать форму, потому что если раньше она служила ему прикрытием, теперь может только выдать его.

Пуаро посмотрел на мсье Бука и доктора Константина, те внимательно слушали его.

— Поезд стоит среди сугробов. Метель спутала все планы преступника. Где спрятать форму? Все купе заняты. Впрочем, нет, не все: он проходит мимо открытого купе — там никого нет. Наверное, его занимает женщина, с которой он только что столкнулся в коридоре. Забежав в купе, он быстро сбрасывает форму и засовывает ее в сундук на верхней полке в надежде, что ее не скоро обнаружат.

— А что потом? — спросил мсье Бук.

— Над этим нам надо еще подумать. — Пуаро

многозначительно посмотрел на своего друга.

Он поднял тужурку. Третьей пуговицы снизу недоставало. Засунув руку в карман тужурки, Пуаро извлек оттуда железнодорожный ключ: такими ключами проводники обычно открывают купе.

— А вот вам и объяснение, почему наш проводник мог проходить сквозь закрытые двери, — сказал мсье Бук. — Вы зря спрашивали миссис Хаббард, была ее дверь закрыта или нет: этот человек все равно мог пройти через нее.

В конце-то концов, раз уж он запасся формой, отчего бы ему не запастись и железнодорожным ключом?

— В самом деле, отчего? — спросил Пуаро.

— Нам давно следовало об этом догадаться. Помните, Мишель еще сказал, что дверь в купе миссис Хаббард была закрыта, когда он пришел по ее вызову?

— Так точно, мсье, — сказал проводник, — поэтому я и подумал, что даме это померещилось.

— Зато теперь все проясняется, — продолжал мсье Бук. — Он наверняка хотел закрыть и дверь в соседнее купе, но, очевидно, миссис Хаббард зашевелилась, и это его спугнуло.

— Значит, — сказал Пуаро, — сейчас нам оста-

ется только найти красное кимоно.

— Правильно. Но два последних купе занимают мужчины.

— Все равно будем обыскивать.

— Безусловно! Ведь я помню, что вы говорили.

Гектор Маккуин охотно предоставил в их распоряжение свои чемоданы.

— Наконец-то вы за меня принялись. — Он невесело улыбнулся. — Я, безусловно, самый подозрительный пассажир во всем поезде. Теперь вам остается только обнаружить завещание, где старик оставил мне все деньги, и делу конец.

Мсье Бук недоверчиво посмотрел на секретаря.

— Шутка, — поспешил сказать Маккуин. — По правде говоря, он, конечно, не оставил бы мне ни цента. Я был ему полезен — языки, знаете ли, и всякая такая штука, — но не более того. Если говоришь только по-английски, да и то с американским акцентом, тебя того и гляди обжулят. Я и сам не такой уж полиглот, но в магазинах и отелях могу объясниться по-французски, по-немецки и по-итальянски.

Маккуин говорил несколько громче обычного. Хотя он охотно согласился на обыск, ему, видно, было несколько не по себе.

В коридор вышел Пуаро.

— Ничего не нашли, — сказал он, — даже завещания в вашу пользу и то не нашли.

Маккуин вздохнул.

— Просто гора с плеч, — усмехнулся он.

Перешли в соседнее купе. Осмотр пожитков верзилы итальянца и лакея не дал никаких результатов.

Мужчины остановились в конце коридора и переглянулись.

— Что же дальше? — спросил мсье Бук

— Вернемся в вагон-ресторан, — сказал Пуаро. — Мы узнали все, что можно. Выслушали показания пассажиров, осмотрели багаж, сами кое-что увидели. Теперь нам остается только хорошенько подумать.

Пуаро полез в карман за портсигаром. Портсигар был пуст.

— Я присоединюсь к вам через минуту, — сказал он. — Мне понадобятся сигареты. Дело это очень путаное и необычное. Кто был одет в красное кимоно? Где оно сейчас, хотел бы я знать. Есть в этом деле какая-то зацепка, какая-то деталь, которая ускользает от меня. Дело, повторяю, путаное, потому что его нарочно запутали. Сейчас мы все обсудим. Подождите меня одну минутку.

И Пуаро быстро прошел по коридору в свое

купе. Он помнил, что в одном из чемоданов у него лежат сигареты. Сняв с полки чемодан, он щелкнул замком. И тут же попятился, в изумлении таращась на чемодан.

В чемодане на самом верху лежало аккуратно свернутое красное кимоно, расшитое драконами.

— Ага, — пробормотал он, — вот оно что. Вызов. Что ж, принимаю его.

Часть III
ЭРКЮЛЬ ПУАРО УСАЖИВАЕТСЯ ПОУДОБНЕЕ И РАЗМЫШЛЯЕТ
Глава 1
КОТОРЫЙ?

Когда Пуаро вошел в вагон, мсье Бук и доктор Константин оживленно переговаривались. Вид у мсье Бука был подавленный.

— А вот и он, — сказал мсье Бук, увидев Пуаро, а когда тот сел рядом, добавил: — Если вы распутаете это дело, я и впрямь поверю в чудеса.

— Значит, оно не дает вам покоя?

— Конечно, не дает. Я до сих пор ничего в нем не понимаю.

— И я тоже. — Доктор с любопытством поглядел на Пуаро. — Честно говоря, я просто не представляю, что же нам делать дальше.

— Вот как.. — рассеянно заметил Пуаро. Он вынул портсигар, закурил. Глаза его отражали работу мысли. — Это-то меня и привлекает, — сказал он. — Обычные методы расследования нам недоступны. Скажем, мы выслушали показания этих людей, но как знать, говорят они правду

или лгут?

Проверить их обычными способами мы не можем, значит, нам надо самим изобрести способ их проверить. А это требует известной изобретательности ума.

— Все это очень хорошо, — сказал мсье Бук, — но вы же не располагаете никакими сведениями.

— Я вам уже говорил, что располагаю показаниями пассажиров, да и сам я тоже кое-что увидел.

— Показания пассажиров мало чего стоят. Мы от них ничего не узнали.

Пуаро покачал головой:

— Я не согласен с вами, мой друг. В показаниях пассажиров было несколько интересных моментов.

— Неужели? — недоверчиво спросил мсье Бук. — Я этого не заметил.

— Это потому, что вы плохо слушали.

— Хорошо, тогда скажите мне, что я пропустил?

— Я приведу только один пример — показания первого свидетеля, молодого Маккуина. Он, на мой взгляд, произнес весьма знаменательную фразу.

— Это о письмах.

— Нет, не о письмах. Насколько я помню, он

сказал так: «Мы разъезжали вместе. Мистеру Рэтчетту хотелось посмотреть свет. Языков он не знал, и это ему мешало. Я был у него скорее гидом и переводчиком, чем секретарем». — Он перевел взгляд с доктора на мсье Бука. — Как? Неужели вы так и не поняли? Ну, это уже непростительно, ведь всего несколько минут назад вам представился еще один случай проявить наблюдательность. Он сказал: «Если говоришь только по-английски, да и то с американским акцентом, тебя того и гляди обжулят».

— Вы хотите сказать... — все еще недоумевал мсье Бук.

— А вы хотите, чтоб я вам все разжевал и в рот положил? Хорошо, слушайте: мистер Рэтчетт не говорил по-французски. И тем не менее, когда вчера ночью проводник пришел по его вызову, ему ответили по-французски, что произошла ошибка и чтобы он не беспокоился. Более того, ответили, как мог ответить только человек, хорошо знающий язык, а не тот, кто знает по-французски всего несколько слов: «Ce n'est rien. Je me sms trompe»[32].

— Правильно! — воскликнул доктор Констан-

---

[32] Примечания: 32
Не беспокойтесь Я ошибся.

тин. — И как только мы не заметили! Я помню, что вы особо выделили эти слова, когда пересказывали нам эту сцену. Теперь я понимаю, почему вы не хотели брать в расчет разбитые часы. Ведь без двадцати трех минут час Рэтчетт был мертв...

— А значит, говорил не он, а его убийца! — эффектно закончил мсье Бук.

Пуаро предостерегающе поднял руку:

— Не будем забегать вперед! И прежде всего давайте в своих предположениях исходить только из того, что мы досконально знаем. Я думаю, мы можем с уверенностью сказать, что без двадцати трех час в купе Рэтчетта находилось постороннее лицо и что это лицо или было французом по национальности, или бегло говорило по-французски.

— Вы слишком осторожны, старина.

— Мы должны продвигаться вперед постепенно, шаг за шагом. У меня нет никаких доказательств, что Рэтчетт был в это время мертв.

— Но вспомните, вы же проснулись от крика.

— Совершенно верно.

— С одной стороны, — продолжал мсье Бук задумчиво, — это открытие не слишком меняет дело. Вы слышали, что в соседнем купе кто-то ходит. Так вот, это был не Рэт-четт, а другой человек. Наверняка он смывал кровь с рук, заметал

следы преступления, жег компрометирующее письмо. Потом он переждал, пока все стихнет, и, когда наконец решил, что путь открыт, запер дверь Рэтчетта изнутри на замок и на цепочку, открыл дверь, ведущую в купе миссис Хаббард, и выскользнул через нее. То есть все произошло именно так, как мы и думали, с той только разницей, что Рэтчетта убили на полчаса раньше, а стрелки часов передвинули, чтобы обеспечить преступнику алиби.

— Не слишком надежное алиби, — сказал Пуаро. — Стрелки показывают час пятнадцать, то есть именно то время, когда непрошеный гость покинул сцену преступления.

— Верно, — согласился мсье Бук, слегка смутившись. — Ну, хорошо, о чем говорят вам эти часы?

— Если стрелки были передвинуты, я повторяю — если, тогда время, которое они указывают, должно иметь значение. И естественно было бы подозревать всех, у кого есть надежное алиби именно на это время — на час пятнадцать.

— Согласен с вами, мсье, — сказал доктор. — Это вполне логично.

— Нам следует обратить внимание и на то, когда непрошеный гость вошел в купе? Когда ему представился случай туда проникнуть? У него

была только одна возможность сделать это — во время стоянки поезда в Виньковцах, если только он не был заодно с настоящим проводником. После того как поезд отправился из Виньковцов, проводник безвыходно сидел в коридоре, и, тогда как ни один из пассажиров не обратил бы внимания на человека в форме проводника, настоящий проводник обязательно заметил бы самозванца. Во время стоянки в Виньковцах проводник выходит на перрон, а значит, путь открыт.

— Следовательно, отталкиваясь от ваших прежних выводов, это должен быть один из пассажиров, — сказал мсье Бук. — Мы возвращаемся к тому, с чего начали. Который же из них?

Пуаро усмехнулся.

— Я составил список, — сказал он. — Если угодно, просмотрите его. Это, возможно, освежит вашу память.

Доктор и мсье Бук склонились над списком. На листках четким почерком были выписаны имена всех пассажиров в той последовательности, в какой их допрашивали.

1. *Гектор Маккуин:* американский подданный. Место №6. Второй класс.

Мотивы: могли возникнуть в процессе

общения с убитым.

Алиби: с 12 до 2 пополуночи (с 12 до 1.30 подтверждает полковник Арбэтнот; с 1.15 до 2 — проводник).

Улики: никаких.

Подозрительные обстоятельства: никаких.

2. *Проводник Пьер Мишель:* французский подданный.

Мотивы: никаких.

Алиби: с 12 до 2 пополуночи (Э. П. видел его в коридоре в 12.37 — в то же самое время, когда из купе Рэтчетта раздался голос. С 1 до 1.16 его алиби подтверждают два других проводника).

Улики: никаких.

Подозрительные обстоятельства: найденная нами форма проводника говорит скорее в его пользу, так как, судя по всему, была подкинута, чтобы подозрения пали на него.

3.*Эдуард Мастермэн:* английский подданный. Место №4. Второй класс.

Мотивы: могли возникнуть в процессе общения с убитым, у которого он служил лакеем.

Алиби: с 12 до 2 (подтверждается Антонио Фоскарелли).

Улики: никаких, за исключением того, что ему, единственному из мужчин в вагоне, подходит по размеру форма проводника. С другой стороны, он вряд ли хорошо говорит по-французски.

4. *Миссис Хаббард:* американская подданная. Место №3. Первый класс.

Мотивы: никаких.

Алиби: с 1 до 2 — никакого.

Улики, подозрительные обстоятельства: рассказ о мужчине, вторгшемся посреди ночи в ее купе, подтверждается показаниями Хардмана и горничной Шмидт.

5. *Грета Ольсон:* шведская подданная. Место №10. Второй класс.

Мотивы: никаких.

Алиби: с 12 до 2 (подтверждается Мэри Дебенхэм).

Примечание: последняя видела Рэтчетта живым.

6. *Княгиня Драгомирова:* натурализованная подданная Франции. Место №14. Первый класс.

Мотивы: была близким другом семьи Армстронг и крестной матерью Сони Армстронг.

Алиби: с 12 до 2 (подтверждается показаниями проводника и горничной).

Улики, подозрительные обстоятельства: никаких.

7. *Граф Андрени:* венгерский подданный. Дипломатический паспорт. Место №13. Первый класс.

Мотивы: никаких.

Алиби: с 12 до 2 (подтверждается проводником, за исключением краткого периода с 1 до 1.16).

8. *Графиня Андрени*: то же самое. Место №12.

Мотивы: никаких.

Алиби: с 12 до 2 пополуночи (приняла трионал и уснула. Подтверждается показаниями мужа. В шкафчике стоит пузырек с трионалом).

9. *Полковник Арбэтнот:* подданный Великобритании. Место №15. Первый класс.

Мотивы: никаких.

Алиби: с 12 до 2 пополуночи (разгова-

ривал с Маккуином до 1.30. Потом пошел к себе в купе и не выходил оттуда. Подтверждается показаниями Маккуина и проводника).

Улики, подозрительные обстоятельства: ершик для трубки.

10. *Сайрус Хардман:* американский подданный. Место №16. Первый класс.

Мотивы: неизвестны.

Алиби: с 12 до 2 пополуночи не выходил из купе (подтверждается показаниями Маккуина и проводника).

Улики, подозрительные обстоятельства: никаких.

11. *Антонио Фоскарелли:* подданный США (итальянского происхождения). Место №5. Второй класс.

Мотивы: неизвестны.

Алиби: с 12 до 2 пополуночи (подтверждается показаниями Эдуарда Мастермэна).

Улики, подозрительные обстоятельства: никаких, за исключением того, что убийство совершено оружием, которое мог бы применить, по мнению мсье Бука, человек его темперамента.

12. *Мэри Дебенхэм:* подданная Великобритании. Место №11. Второй класс.

Мотивы: никаких.

Алиби: с 12 до 2 пополуночи (подтверждается показаниями Греты Ольсон).

Улики, подозрительные обстоятельства: разговор, подслушанный Эркюлем Пуаро; ее отказ объяснять вышеупомянутый разговор.

13. *Хильдегарда Шмидт:* подданная Германии. Место №7. Второй класс.

Мотивы: никаких.

Алиби: с 12 до 2 пополуночи (подтверждается показаниями проводника и княгини Драгомировой).

После чего легла спать. Приблизительно в 12.38 ее разбудил проводник, и она пошла к своей хозяйке.

Примечание: показания пассажиров подтверждают показания проводника. Проводник утверждает, что никто не входил в купе Рэтчетта и не выходил из него с 12 до 1 (когда проводник ушел в соседний вагон) и с 1.15 до 2.

— Этот документ, как видите, — сказал Пуаро, — всего лишь краткий перечень тех показаний,

которые мы выслушали. Я их изложил по порядку для вящего удобства.

Мсье Бук, пожав плечами, вернул листок Пуаро.

— Ваш список нисколько не проясняет дела, — сказал он.

— Может, этот придется вам больше по вкусу? — Пуаро, чуть заметно улыбнувшись, вручил ему другой список.

Глава 2
ДЕСЯТЬ ВОПРОСОВ

На листке было написано:

«Необходимо выяснить следующее:

1. Платок с меткой Н. Кому он принадлежит?

2.Ершик для чистки трубки. Кто обронил его? Полковник или кто-то другой?

3. Кто был одет в красное кимоно?

4. Кто переодевался в форму проводника?

5. Почему стрелки часов указывают 1.15 пополуночи?

6. Было ли убийство совершено в это

время?

7. Раньше?

8. Позже?

9. Можем ли мы быть уверены, что в убийстве Рэтчетта участвовал не один человек?

10. Как же иначе можно объяснить характер ран?»

— Давайте посмотрим, что тут можно сделать, — сказал мсье Бук, которого явно подбодрил этот вызов его умственным способностям. — Начнем хотя бы с платка. И давайте будем придерживаться самой строгой системы.

— Безусловно, — закивал довольный Пуаро.

Между тем мсье Бук назидательно продолжал:

— Платок с меткой H[33] может принадлежать трем женщинам: миссис Хаббард, мисс Дебенхэм — ее второе имя Хермиона — и горничной Хильдегарде Шмидт.

— Так. А кому из этих трех вероятнее всего?

— Трудно сказать. По моему мнению, скорее всего мисс Дебенхэм. Вполне возможно, что ее называют не первым именем, а вторым. И потом,

---

[33] Примечания: 33

Английскому H (эйч) в русском произношении чаще всего соответствует Х.

она и без того у нас на подозрении. Ведь разговор, который вы, мой друг, подслушали, был, без сомнения, несколько странным, не говоря уже о том, что она отказалась его объяснить.

— Что касается меня, я голосую за американку, — сказал доктор. — Платок стоит целое состояние, а все знают, что американцы швыряются деньгами.

— Значит, вы оба исключаете горничную? — спросил Пуаро.

— Да. Она сама сказала, что такой платок может принадлежать только очень богатой женщине.

— Перейдем ко второму вопросу — ершику для трубки. Кто его обронил: полковник Арбэтнот или кто-нибудь другой?

— На это ответить труднее. Вряд ли англичанин прибегнет к кинжалу. Тут вы правы. Я склонен думать, что ершик уронил кто-то другой для того, чтобы бросить тень на долговязого англичанина.

— Как вы уже отметили, мсье Пуаро, — вставил доктор Константин, — две улики на одно преступление — в такую рассеянность как-то не верится. Я согласен с мсье Буком. Платок, так как никто не признает его своим, по всей вероятности, оставлен просто по недосмотру. Ершик же — явная

фальшивка. В подтверждение этой теории я хочу обратить ваше внимание на то, что полковник Арбэтнот, не выказав никакого смущения, признал, что курит трубку и употребляет ершики такого типа.

— Логично, — сказал Пуаро.

— Вопрос номер три: кто был одет в красное кимоно? — продолжал мсье Бук. — Должен признаться, что по этому вопросу у меня нет никаких соображений. А у вас, доктор Константин?

— Никаких.

— Значит, тут нам обоим придется признать свое поражение. А вот относительно следующего вопроса можно хотя бы порассуждать. Кто этот человек (мужчина или женщина), который переодевался в форму проводника спальных вагонов? Тут мы, во всяком случае, можем исключить целый ряд людей, на которых она бы попросту не налезла: на Хардмана, полковника Арбэтнота, Фоскарелли, графа Андрени и на

Гектора Маккуина — из-за большого роста; на миссис Хаббард, Хильдегарду Шмидт и Грету Ольсон — из-за полноты. Итак, остаются: лакей, мисс Дебенхэм, княгиня Драгомирова и графиня Андрени. Однако никто из них не вызывает подозрений. Грета Ольсон — в одном случае и

Антонио Фоскарелли — в другом клянутся, что ни мисс Дебенхэм, ни лакей не выходили из купе. Хильдегарда Шмидт утверждает, что княгиня находилась у себя, а граф Андрени уверяет, что его жена приняла снотворное. И выходит, что никто не надевал форму, а это и вовсе нелепо.

— Наверняка это был кто-то из последней четверки, — сказал доктор Константин. — Иначе придется признать, что посторонний прокрался в поезд и спрятался в укромном месте, а мы уже пришли к выводу, что это исключено.

Мсье Бук перешел к следующему вопросу:

— Номер пять: почему стрелки разбитых часов показывают час пятнадцать? У меня есть два объяснения. Или их перевел убийца, чтобы обеспечить себе алиби: он собирался тут же уйти из купе, но ему помешал шум в коридоре, — или... Подождите... подождите... Я вот-вот разрешусь идеей.

Пуаро и доктор почтительно ожидали, пока у мсье Бука в муках рождалась мысль.

— Додумался! — сказал наконец мсье Бук. — Часы переставил не убийца в форме проводника. Их переставил человек, которого мы назвали Вторым убийцей, — тот левша, или, другими словами, женщина в красном кимоно. Значит, дело

было так: она приходит на место преступления позже и передвигает стрелки часов назад, чтобы обеспечить себе алиби.

— Поздравляю! — воскликнул доктор Константин. — Отличная мысль!

— У вас получается, — сказал Пуаро, — что женщина в красном кимоно наносит Рэтчетту удар в темноте, не зная, что он уже мертв, и тем не менее она каким-то образом догадывается, что у него в пижамном кармане лежат часы, вынимает их, вслепую переводит стрелки назад и даже ухитряется сделать на часах нужную вмятину.

Мсье Бук неприязненно посмотрел на Пуаро.

— А вы можете предложить что-нибудь лучшее? — спросил он.

— В данный момент нет, — признался Пуаро. — И все же, — продолжал он, — мне кажется, никто из вас не заметил самого интересного в этих часах.

— Имеет ли к этому отношение вопрос номер шесть? — спросил доктор. — На вопрос, было ли совершено убийство в час пятнадцать, указанное часами время, я отвечаю: нет.

— Присоединяюсь к вам, — сказал мсье Бук. — Следующий вопрос: было ли убийство совершено раньше? Я отвечаю на него: да. Вы согласны со

мной, доктор?

Доктор кивнул.

— Однако на вопрос, было ли убийство совершено позже, тоже можно ответить утвердительно. Я принимаю вашу теорию, мсье Бук, и думаю, что мсье Пуаро ее тоже принимает, хотя и не хочет связывать себе руки раньше времени. Первый убийца пришел до часа пятнадцати, Второй — после часа пятнадцати. А так как одна из ран нанесена левой рукой, нам, наверное, следует выяснить, кто из пассажиров левша?

— Я уже кое-что сделал для этого, — сказал Пуаро. — Вы, должно быть, заметили, что я просил каждого пассажира написать свою фамилию или адрес. Для окончательных выводов тут нет оснований, потому что есть люди, которые одно делают левой рукой, другое — правой. Некоторые пишут правой рукой, а в гольф играют левой. Но все же кое-что это дает. Все пассажиры брали авторучку в правую, за исключением княгини Драгомировой — она отказалась писать.

— Княгиня Драгомирова! Да нет, это невозможно! — сказал мсье Бук.

— Сомневаюсь, чтобы у нее хватило сил для этого, — усомнился доктор Константин. — Та рана нанесена с большой силой.

— Значит, такой удар женщине не под силу?

— Нет, этого я не сказал бы. Но я думаю, что женщине пожилой и в особенности такой тщедушной и хрупкой, как княгиня Драгомирова, это не под силу.

— А может быть, тут сыграла роль сила духа, преодолевающая телесную немощь? — сказал Пуаро. — Княгиня — яркая личность, и в ней чувствуется огромная сила воли. Однако давайте на время оставим эту тему.

— Итак, вопросы номер девять и десять, — сказал доктор. — Можем ли мы с уверенностью утверждать, что в убийстве Рэтчетта участвовал один человек? Как иначе можно объяснить характер ран? С медицинской точки зрения я не вижу иного объяснения. Было бы чистейшей бессмыслицей предположить, что один и тот же человек сначала ударил Рэтчетта слабо, потом изо всех сил, сначала держал кинжал в левой руке, потом переложил его в правую и после этого еще добрых полчаса тыкал кинжалом в мертвое тело. Нет, нет, это противоречит здравому смыслу.

— Да, — сказал Пуаро. — Противоречит. А версия о двух убийцах, по-вашему, не противоречит здравому смыслу?

— Но ведь вы сами только что сказали: как же

иначе все объяснить?

Пуаро уставился в одну точку прямо перед собой.

— Именно об этом я и думаю, думаю непрестанно, — добавил он и уселся поудобнее в кресле. — Начиная с этого момента все расследования будут происходить вот здесь, — постучал он себя по лбу. — Мы обсудили этот вопрос со всех сторон. Перед нами факты, изложенные систематично и по порядку. Все пассажиры прошли перед нами и один за другим давали показания. Мы знаем все, что можно было узнать извне. — И он дружески улыбнулся мсье Буку. — Мы с вами, бывало, любили пошутить, что главное — это усесться поудобнее и думать, пока не додумаешься до истины, не так ли? Что ж, я готов претворить теорию в практику — здесь, у вас на глазах. Вам двоим я предлагаю проделать то же самое. Давайте закроем глаза и подумаем... Один, а может, и не один из пассажиров убил Рэтчетта. Так вот, кто из них его убил?

Глава 3

НЕКОТОРЫЕ СУЩЕСТВЕННЫЕ ДЕТАЛИ

Четверть часа прошло в полном молчании. Мсье Бук и доктор Константин поначалу следовали наставлениям Пуаро. Они пытались разобраться в путанице фактов и прийти к четкому, объясняющему все противоречия решению.

Мысль мсье Бука шла примерно таким путем:

«Безусловно, надо как следует подумать. Но ведь, по правде говоря, сколько можно думать... Пуаро определенно подозревает молодую англичанку. Явно ошибается. Англичанки слишком хладнокровные... А все потому, что они такие тощие... Но не буду отвлекаться. Похоже, что это не итальянец, а жаль... Уж не врет ли лакей, когда говорит, что Фоскарелли не выходил из купе? Но чего ради ему врать?

Англичан трудно подкупить — к ним не подступишься. Вообще все сложилось до крайности неудачно. Интересно, когда мы отсюда выберемся? Должно быть, какие-то спасательные работы все-таки ведутся. Но на Балканах не любят спешить... Пока они спохватятся, немало времени пройдет. Да и с их полицией не так-то просто договориться — они тут такие чванные, чуть что, лезут в бутылку: им все кажется, что к ним

относятся без должного почтения. Они раздуют это дело так, что не обрадуешься. Воспользуются случаем, раструбят во всех газетах...»

С этого момента мысли мсье Бука снова пошли многажды проторенным путем.

А доктор Константин думал:

«Любопытный человечек. Кто он, гений? Или шарлатан? Разгадает он эту тайну? Вряд ли. Нет, это невозможно. Дело такое запутанное... Все они, наверное, врут... Но и это ничего нам не дает... Если они все врут, это так же запутывает дело, как если бы они все говорили правду. А еще эти раны, тут сам черт ногу сломит. Было бы гораздо проще понять что к чему, если бы в него стреляли. Гангстеры всегда стреляют... Америка — любопытная страна. Хотелось бы мне туда съездить. Передовая страна. Прогресс везде и во всем. Дома надо будет обязательно повидаться с Деметриусом Загоне — он был в Америке и знает, что там и как. Интересно, что сейчас поделывает Зия? Если жена узнает...»

И доктор переключился на личные дела.

Эркюль Пуаро сидел неподвижно. Можно было подумать, что он спит. Просидев так четверть часа, он внезапно вскинул брови и вздохнул, пробормотав себе под нос:

— А почему бы и нет, в конце концов? А если так... ну да, если так, это все объясняет.

Глаза его широко открылись, загорелись зеленым, как у кошки, огнем.

— Так. Я все обдумал. А вы? — сказал он вполголоса.

Собеседники, погруженные в собственные мысли, от неожиданности вздрогнули.

— Я тоже думал, — смешался мсье Бук. — Но так и не пришел ни к какому выводу. В конце концов, раскрывать преступления — ваша профессия, а не моя.

— Я тоже со всей серьезностью думал над этим вопросом, — бессовестно сказал доктор, с трудом отрываясь от занимавших его воображение малопристойных картин. — У меня родилось множество самых разнообразных теорий, но ни одна из них меня полностью не удовлетворяет.

Пуаро одобрительно кивнул. Его кивок словно говорил: «Вы правы. Вам так и следовало сказать. Ваша реплика пришлась весьма кстати».

Он приосанился, выпятил грудь, подкрутил усы и с ухватками опытного оратора, который обращается к большому собранию, заговорил:

— Друзья мои, я тоже перебрал в уме все факты, рассмотрел показания пассажиров и пришел

к кое-каким выводам. У меня родилась некая теория, которая хотя еще и несколько расплывчата, но все же объясняет известные нам факты. Объяснение весьма необычное, и я не совсем в нем уверен. Чтобы проверить его, мне необходимо провести кое-какие опыты. Для начала я перечислю кое-какие детали, которые мне представляются существенными. Начну с замечания, которым обменялся со мной мсье Бук, когда мы в первый раз посетили вагон-ресторан. Он заметил, что здесь собрались представители самых разнообразных классов, возрастов и национальностей. А ведь в эту пору поезда обычно пустуют. Возьмите, к примеру, вагоны Афины — Париж и Бухарест — Париж — там едут по одному, по два пассажира, не больше. Вспомните, что один пассажир так и не объявился. А это, на мой взгляд, весьма знаменательно. Есть и другие детали, более мелкие, но весьма существенные. К примеру, местоположение сумочки миссис Хаббард, фамилия матери миссис Армстронг, сыскные методы мистера Хардмана, предположение Маккуина, что Рэтчетт сам сжег найденную им записку, имя княгини Драгомировой и жирное пятно на венгерском паспорте.

Собеседники уставились на Пуаро.

— Вам эти детали ничего не говорят? — спросил Пуаро.

— Абсолютно ничего, — честно признался мсье Бук.

— А вам, господин доктор?

— Я вообще не понимаю, о чем вы говорите.

Тем временем мсье Бук, ухватившись за единственную упомянутую его другом вещественную деталь, перебирал паспорта. Хмыкнув, он вытащил из пачки паспорт графа и графини Андрени и раскрыл его.

— Вы об этом говорили? О грязном пятне?

— Да. Это очень свежее жирное пятно. Вы обратили внимание, где оно стоит?

— Там, где приписана жена графа, точнее говоря, в начале ее имени. Впрочем, должен признаться, я все еще не понимаю, к чему вы ведете?

— Что ж, подойдем к вопросу с другого конца. Вернемся к платку, найденному на месте преступления. Как мы с вами недавно установили, метку Н могли иметь три женщины: миссис Хаббард, мисс Дебенхэм и горничная Хильдегарда Шмидт. А теперь взглянем на этот платок с другой точки зрения. Ведь это, мои друзья, очень дорогой

платок, objet de luxe[34] ручной работы, вышитый в парижской мастерской. У кого из пассажирок — если на минуту отвлечься от метки — может быть такой платок? Уж конечно, не у миссис Хаббард, женщины вполне почтенной, но никак не претендующей на элегантность. И не у мисс Дебенхэм, потому что англичанки ее круга обычно пользуются тонкими льняными платками, а не покупают батистовые фитюльки по двести франков штука. И уж конечно, не у горничной. Однако в поезде есть две женщины, у которых может быть такой платок. Давайте посмотрим, имеют ли они какое-то отношение к букве Н. Я говорю о княгине Драгомировой.

— Которую зовут Natalia, — язвительно вставил мсье Бук

— Вот именно. Ее имя, как я уже говорил, решительно наводит на подозрения. Вторая женщина — это графиня Андрени. И здесь нам сразу же бросается в глаза...

— Не нам, а вам...

— Отлично, значит, мне. На ее имени стоит жирное пятно. Простая случайность, скажете вы. Но вспомните, что ее имя Елена. Предположим,

---

[34] Примечания: 34
Предмет роскоши.

что ее зовут не Елена, а Helena. Большое H легко превратить в большое «E» и росчерком присоединить к нему маленькое «e», а затем, чтобы скрыть эти манипуляции, посадить на паспорт жирное пятно.

— Helena! — воскликнул мсье Бук. — А это мысль!

— И еще какая! Я ищу подтверждения своей догадке, хотя бы самого незначительного, и нахожу его. Во время обыска одна из наклеек на чемодане графини оказывается чуть влажной. Именно та, которая закрывает начало ее имени, вытисненного на крышке. Значит, наклейку отмочили и переклеили на другое место.

— Вы меня почти убедили, — сказал мсье Бук. — Но чтобы графиня Андрени... Да нет...

— Ах, старина, вы должны перестроиться и посмотреть на это дело с другой точки зрения. Подумайте, как должно было предстать это убийство миру. И не забывайте, что заносы разрушили изначальные планы убийцы. Давайте на минуту представим себе, что заносов нет и поезд следует по расписанию. Что бы произошло в таком случае? Убийство, по всей вероятности, открылось бы ранним утром на итальянской границе. Итальянская полиция выслушала бы почти те же

самые показания. Мистер Маккуин предъявил бы письма с угрозами, мистер Хардман изложил бы свою историю, миссис Хаббард также горела бы желанием рассказать, как ночью в ее купе проник мужчина, точно так же нашли бы пуговицу с форменной тужурки проводника. Но, как я думаю, две вещи от этого бы изменились: мужчина проник бы в купе миссис Хаббард до часу ночи, и форму проводника нашли бы в одном из туалетов...

— Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, что по плану это убийство должно было предстать как дело рук некоего неизвестного, забравшегося в поезд. Тогда предположили бы, что убийца сошел в Броде, куда поезд прибывает в ноль пятьдесят восемь. Кто-нибудь из пассажиров, вероятно, столкнулся бы в коридоре с незнакомым проводником, форма была бы брошена на видном месте — так, чтобы никаких сомнений не оставалось в том, как все было проделано. И никому и в голову не пришло бы подозревать пассажиров. Так, друзья мои, должно было предстать это убийство окружающему миру. Однако непредвиденная остановка смешала все карты. Вот почему убийца так долго оставался в купе со своей жертвой. Он ждал

отправления поезда. Потом он понял, что поезд дальше не пойдет. И ему пришлось менять планы на ходу, потому что теперь станет ясно, что убийца в поезде.

— Конечно, конечно, — нетерпеливо прервал его мсье Бук. — Это я понимаю. Но при чем тут платок?

— Я возвращаюсь к платку, но окольным путем. А сначала вы должны понять, что письма с угрозами придуманы для отвода глаз. Их целиком и полностью заимствовали из какого-нибудь стереотипного американского детектива. Это явная подделка. Они просто-напросто предназначались для полиции. Мы должны спросить себя: «Обманули ли эти письма Рэтчетта?» Судя по всему, мы скорее всего должны ответить на этот вопрос отрицательно: инструктируя Хардмана, Рэтчетт будто бы указал на вполне определенного врага, личность которого ему хорошо известна. Конечно, если принять рассказ Хардмана на веру. Однако мы знаем наверняка, что Рэтчетт получил всего одно письмо, и притом совершенно другого характера, — письмо с упоминанием о Дейзи Армстронг, клочок которого мы нашли в его купе. Если Рэтчетт раньше этого не понимал, письмо, несомненно, должно было ему объяснить, за что

ему собираются мстить. Это письмо, как я сразу сказал, не предназначалось для посторонних глаз. Убийца первым делом позаботился его уничтожить. И вот тут-то он прочитался во второй раз. В первый раз ему помешали заносы, во второй — то, что нам удалось восстановить текст на клочке сожженного письма. То, что эту записку так старались уничтожить, могло означать лишь одно: в поезде находится лицо, настолько близкое семейству Армстронг, что, если бы записку нашли, подозрение прежде всего пало бы именно на это лицо.

Теперь перейдем к двум найденным нами уликам. Не буду останавливаться на ершике. Мы уже достаточно говорили о нем. Перейдем прямо к платку. Проще всего предположить, что платок нечаянно обронила женщина, чье имя начинается с буквы Н, и что это улика, прямо устанавливающая ее участие в преступлении.

— Вот именно, — сказал доктор Константин. — Эта женщина обнаруживает, что потеряла платок, и принимает меры, чтобы скрыть свое имя.

— Не торопитесь! Я никогда не позволяю себе спешить с выводами.

— А у вас есть другая версия?

— Конечно, есть. К примеру, предположим, что

вы совершили преступление и хотите бросить тень на другое лицо. Между прочим, в поезде находится лицо, близкое к семье Армстронг. Предположим, что вы роняете на месте преступления платок, принадлежащий этой женщине... Ее начинают допрашивать, устанавливают, что она состоит в родстве с семьей Армстронг, — и вот вам, пожалуйста, и мотивы, и вещественное доказательство.

— В таком случае, — возразил доктор, — к чему вышеупомянутой особе, если она ни в чем не виновна, скрывать свою личность?

— Вы в самом деле так думаете? Такой ход мыслей часто бывает у суда. Но я хорошо знаю человеческую натуру, мой друг, и я должен вам сказать, что даже самые невинные люди теряют голову и делают невероятные глупости, если их могут заподозрить в убийстве. Нет, нет, и жирное пятно на паспорте, и переклеенная наклейка доказывают не вину графини Андрени, а лишь то, что по каким-то причинам она не хочет, чтобы мы установили ее личность.

— А какое отношение, по-вашему, она может иметь к Армстронгам? Ведь, по ее словам, она никогда не была в Америке.

— Вот именно, к тому же она плохо говорит

по-английски, и у нее очень экзотическая внешность, что она всячески подчеркивает. И тем не менее догадаться, кто она, очень несложно. Я только что упомянул о матери миссис Армстронг. Ее звали Линда Арден, она была прославленной актрисой, знаменитой исполнительницей шекспировских ролей. Вспомните «Как вам это понравится» — Арденский лес, Розалинду. Вот откуда произошла ее фамилия. Однако Линда Арден — имя, под которым она была известна всему миру, было ее псевдонимом. Ее фамилия могла быть и Гольденберг. Вполне вероятно, что в ее жилах текла еврейская кровь. Ведь в Америку эмигрировали люди самых разных национальностей. И я рискну предположить, господа, что младшая сестра миссис Армстронг, бывшая еще подростком в то время, когда произошла трагедия, и есть Хелена Гольденберг, младшая дочь Линды Арден, и что она вышла замуж за графа Андрени, когда он был атташе венгерского посольства в Вашингтоне.

— Однако княгиня Драгомирова уверяет, что младшая дочь Линды Арден вышла замуж за англичанина.

— Фамилию которого она запамятовала! Так вот, скажите, друзья мои, похоже ли это на прав-

ду? Княгиня Драгомирова любила Линду Арден, как большие аристократки любят больших актрис. Она была крестной матерью ее дочери. Могла ли она забыть фамилию человека, за которого вышла замуж младшая дочь актрисы? Не могла. Я думаю, мы не ошибемся, предположив, что княгиня Драгомирова солгала. Она знала, что Хелена едет в поезде, она видела ее. И, услышав, кем был на самом деле убитый, сразу поняла, что подозрение падет на Хелену. Вот почему, когда мы ее спросили о сестре Сони Армстронг, она не задумываясь солгала нам, сказав, что она-де не помнит, но ей кажется, что Хелена вышла замуж за англичанина, то есть увела нас как можно дальше от истины.

В вагон вошел официант и, подойдя к ним, обратился к мсье Буку:

— Не прикажете ли подать ужин, мсье? Как бы он не перестоял.

Мсье Бук посмотрел на Пуаро. Тот кивнул:

— Ради бога, пусть подают.

Официант скрылся в дверях. Послышался звонок, потом громкий голос официанта, выкликивавшего по-английски и по-французски:

— Первая очередь! Кушать подано!

Глава 4
ПЯТНО НА ВЕНГЕРСКОМ ПАСПОРТЕ

Пуаро сидел вместе с мсье Буком и доктором. Настроение у всех в ресторане было подавленное. Разговаривали мало. Даже миссис Хаббард была противоестественно молчалива. Садясь, она пробормотала:

— У меня сегодня кусок в горло не лезет. — После чего, поощряемая доброй шведкой, взявшей ее под свою опеку, отведала от всех блюд, которыми обносил официант.

Еще до ужина Пуаро, задержав за рукав метрдотеля, что-то прошептал ему на ухо. Доктор Константин легко догадался, о чем шла речь. Он заметил, что графу и графине Андрени все блюда подавали, как правило, в последнюю очередь, а потом еще заставили ждать счет. В результате граф и графиня поднялись последними. Когда они наконец двинулись к двери, Пуаро вскочил и пошел за ними следом.

— Прошу прощения, мадам, но вы уронили платок. — И он протянул графине крохотный клочок батиста с вышитой монограммой.

Графиня взяла платок, взглянула на него и вернула Пуаро:

— Вы ошиблись, мсье, это не мой платок.

— Не ваш? Вы в этом уверены?

— Абсолютно, мсье.

— И все же, мадам, на нем вышита метка Н — первая буква вашего имени.

Граф двинулся было к Пуаро, но тот не обратил на него никакого внимания. Он не сводил глаз с графини.

Смело глядя на него в упор, она ответила:

— Я вас не понимаю, мсье. Мои инициалы Е. А.

— Это неправда. Вас зовут Helena, а не Елена. Хелена Гольденберг, младшая дочь Линды Арден, — Хелена Гольденберг, сестра миссис Армстронг.

Наступила тягостная пауза. Г раф и графиня побледнели. А Пуаро сказал, на этот раз более мягко:

— Отрицать не имеет смысла. Ведь это правда, верно?

— По какому праву вы... — рассвирепел граф.

Жена оборвала графа, прикрыв ему рот ладошкой:

— Не надо, Рудольф. Дай мне сказать. Бесполезно отрицать — этот господин говорит правду, поэтому нам лучше сесть и обсудить все сообща.

— Голос ее совершенно переменился. Южная живость интонаций сохранилась, но дикция стала более четкой и ясной. Теперь она говорила как типичная американка.

Граф замолчал и, повинуясь жене, сел напротив Пуаро.

— Вы правы, мсье, — сказала графиня. — Я действительно Хелена Гольденберг, младшая сестра миссис Армстронг.

— Сегодня утром вы скрыли от меня этот факт, госпожа графиня.

— Верно.

— По правде говоря, все, что вы и ваш муж мне рассказали, оказалось сплошной ложью.

— Мсье! — вскипел граф.

— Не сердись, Рудольф. Мсье Пуаро выразился несколько резко, но он говорит правду.

— В этом виноват только я, — вмешался граф.

— Я рад, что вы сразу признались, мадам. А теперь расскажите мне, почему вы обманули меня и что понудило вас подделать имя в паспорте.

Хелена спокойно ответила:

— Вы, конечно, догадываетесь, мсье Пуаро, почему я, а вернее, мы так поступили. Убитый был виновен в смерти моей племянницы и моей сестры; он разбил сердце Сониного мужа. Три че-

ловека, которых я любила больше всего на свете и которые составляли мою семью, погибли!

В голосе ее звучала страсть: она была подлинной дочерью своей матери, чья пламенная игра трогала до слез переполненные зрительные залы.

— Из всех пассажиров, — продолжала она уже более спокойно, — наверное, только у меня была причина убить его.

— И все же вы не убили его, мадам?

— Я клянусь вам, мсье Пуаро, и мой муж тоже может вам поклясться, что, как бы мне ни хотелось убить этого негодяя, я и пальцем до него не дотронулась.

— И я, господа, клянусь честью, — сказал граф, — что прошлой ночью Хелена не выходила из купе. Она, как я уже говорил, приняла снотворное. Она не имеет никакого отношения к убийству.

Пуаро переводил взгляд с одного на другого.

— Клянусь честью, — повторил граф.

Пуаро покачал головой:

— И все же вы решились подделать в паспорте имя вашей жены?

— Мсье Пуаро, — пылко начал граф, — войдите в мое положение. Неужели вы думаете, мне легко было примириться с мыслью, что моя жена будет

замешана в грязном уголовном процессе? Я знаю, что она ни в чем не виновата, но Хелена верно сказала: ее сразу же заподозрили бы — только на том основании, что она сестра Сони Армстронг. Ее стали бы допрашивать, а возможно, и арестовали бы. И раз уж нам довелось попасть в один вагон с Рэтчеттом, я считал, что у нас есть только один выход. Не стану отрицать, мсье, я лгал вам, но не во всем: моя жена действительно не выходила из купе прошлой ночью.

Он говорил так убежденно, что ему трудно было не поверить.

— Я не говорю, мсье, что не верю вам, — с расстановкой сказал Пуаро. — Я знаю, что вы принадлежите к прославленному древнему роду. И я понимаю, что вам было бы крайне тяжело, если бы вашу жену привлекли к уголовному делу. В этом я вам вполне сочувствую. Но как же все-таки объяснить, что платок вашей жены оказался в купе убитого?

— Это не мой платок, — сказала графиня.

— Несмотря на метку Н?

— Да, несмотря на эту метку. Мои платки похожи на этот, но не совсем. Я, конечно, понимаю: вам трудно мне поверить, и тем не менее это не мой платок.

— Но, может быть, его нарочно подкинули в купе убитого, чтобы бросить на вас тень?

Улыбка приподняла краешки ее губ.

— Вы все же хотите, чтобы я признала этот платок своим? Поверьте, мсье Пуаро, это не мой платок, — серьезно убеждала она его.

— Но если платок этот не ваш, почему же тогда вы подделали паспорт?

— До нас дошло, что в купе убитого нашли платок с меткой Н, — сказал граф. — Прежде чем явиться к вам, мы все обсудили. Я указал Хелене, что, как только узнают ее имя, ее подвергнут строжайшему допросу. К тому же так просто было переделать Хелену на Елену и положить конец всем неприятностям.

— У вас, граф, все задатки преступника, — сухо заметил Пуаро. — Незаурядная изобретательность и никакого уважения к закону.

— Нет-нет, не надо так говорить! — взмолилась красавица графиня. — Мсье Пуаро, муж рассказал все как было. — Она перешла с французского на английский. — Я перепугалась, перепугалась насмерть, и, думаю, вы меня поймете. Мы пережили такой ужас — и ворошить все это снова... И потом, находиться под подозрением, а то и сесть в тюрьму... Я себя не помнила от страха. Неужели

вы нас не понимаете, мсье Пуаро?

Ее прекрасный голос, низкий, грудной, молил, упрашивал, недаром она была дочерью великой актрисы Линды Арден.

Пуаро строго посмотрел на нее:

— Для того чтобы я поверил вам, мадам, — а я не говорю, что не желаю вам верить, — вы должны мне помочь.

— Помочь вам?

— Мотивы этого преступления кроются в прошлом — в той трагедии, которая разрушила вашу семью и омрачила вашу юность. Поведите меня в это прошлое, мадам, и я найду там недостающее звено, которое объяснит мне все.

— Что я могу рассказать? Все участники трагедии мертвы. — Она печально повторила: — Мертвы. И Роберт, и Соня, и маленькая Дейзи. Прелестная кроха, милая, веселая, в кудряшках. Весь дом ее обожал.

— Но ведь погибла не только Дейзи, мадам? Если так можно выразиться, гибель Дейзи повлекла за собой еще одну гибель?

— Вы имеете в виду бедняжку Сюзанну? Я совсем забыла про нее. Полиция ее допрашивала. Они были убеждены, что Сюзанна виновна. Возможно, так оно и есть, но злого умысла тут не

было. Я думаю, бедняжка нечаянно выболтала кому-нибудь, когда Дейзи водят гулять. Сюзанна чуть не помешалась тогда — так боялась, что ее привлекут к ответственности. — Графиня вздрогнула. — Она не выдержала потрясения и выбросилась из окна. Какой ужас! — Графиня закрыла лицо руками.

— Кто она была по национальности, мадам?

— Француженка.

— Как ее фамилия?

— Страшно глупо, но я не могу вспомнить. Мы все звали ее Сюзанной. Такая хорошенькая хохотушка. Она очень любила Дейзи.

— Она была горничной при ребенке, не так ли?

— Да.

— А кто был няней?

— Дипломированная медсестра. Ее фамилия была Стренгельберг. Она тоже любила Дейзи... и мою сестру.

— А теперь, мадам, хорошенько подумайте, прежде чем ответить на вопрос. Кто-нибудь из пассажиров показался вам знакомым?

Она удивленно взглянула на него:

— Знакомым? Да нет.

— А княгиня Драгомирова?

— Ах она! Она конечно. Но я думала, вы имеете в виду людей, ну, словом, людей из того времени.

— Именно это я и имею в виду. А теперь подумайте хорошенько. С тех пор прошло несколько лет. За это время люди могли измениться.

Хелена глубоко задумалась.

— Нет, я уверена, что никого здесь не знаю, — сказала она наконец.

— Вы в то время были еще подростком... Неужели в доме не было женщины, которая руководила бы вашими занятиями, ухаживала за вами?

— О, конечно, у меня имелся кто-то вроде дуэньи, она была одновременно и моей гувернанткой, и Сониным секретарем. Англичанка, точнее, шотландка. Такая рослая рыжеволосая дама.

— Как ее фамилия?

— Мисс Фриботи.

— Она была молодая или старая?

— Мне она тогда казалась глубокой старухой. Но теперь я думаю, что ей было не больше сорока. Ну а прислуживала мне и следила за моими туалетами, конечно, Сюзанна.

— Кто еще жил в доме?

— Только слуги.

— Вы уверены, мадам, вполне уверены, что не

узнаете никого из пассажиров?

— Нет, мсье, — серьезно ответила она. — Никого.

Глава 5
ИМЯ КНЯГИНИ ДРАГОМИРОВОЙ

Когда граф и графиня ушли, Пуаро поглядел на своих соратников.

— Видите, — сказал он, — мы добились кое-каких успехов.

— Вы блестяще провели эту сцену, — от всего сердца похвалил его мсье Бук. — Но должен сказать вам, что мне и в голову не пришло бы заподозрить графа и графиню Ан-дрени. Должен признаться, что я считал их совершенно hors de combat[35]. Теперь, я полагаю, нет никаких сомнений в том, что Рэтчетта убила графиня. Весьма прискорбно. Надо надеяться, ее все же не приговорят к смертной казни? Ведь есть смягчающие обстоятельства. Наверное, дело ограничится несколькими годами тюремного заключения.

— Итак, вы совершенно уверены в том, что Рэтчетта убила она?

---

[35] Примечания: 35
Неспособными на это.

— Мой друг, какие могут быть сомнения? Я думал, что вы так мягко с ней разговариваете, чтобы не усложнять дела до тех пор, пока нас наконец не откопают и не подоспеет полиция.

— Значит, вы не поверили, когда граф поклялся вам своей честью, что его жена невиновна?

— Друг мой, это же так понятно. Что же ему еще оставалось делать? Он обожает свою жену. Хочет ее спасти. Он весьма убедительно клялся честью, как и подобает настоящему дворянину, но все равно это ложь, иначе и быть не может.

— А знаете ли, у меня есть нелепая идея, что это может оказаться правдой.

— Ну что вы! Вспомните про платок. Все дело в платке.

— Я не совсем уверен относительно платка. Помните, я вам всегда говорил, что у платка могут быть две владелицы.

— И все равно...

Мсье Бук умолк на полуслове. Дверь в дальнем конце вагона отворилась, и в ресторан вошла княгиня Драгомирова. Она направилась прямо к их столу, и все трое поднялись. Не обращая внимания на остальных, княгиня обратилась к Пуаро:

— Я полагаю, мсье, что у вас находится мой

платок.

Пуаро бросил торжествующий взгляд на своих собеседников.

— Вот этот, мадам? — И он протянул ей клочок батиста.

— Да, этот. Тут в углу моя монограмма.

— Но, княгиня, ведь тут вышита буква Н, — сказал мсье Бук, — а вас зовут Natalia.

Княгиня смерила его холодным взглядом:

— Правильно, мсье. Но мои платки всегда помечают русскими буквами. По-русски буква читается как N.

Мсье Бук несколько опешил. При этой суровой старухе он испытывал неловкость и смущение.

— Однако утром вы скрыли от нас, что этот платок принадлежит вам.

— Вы не спрашивали меня об этом, — отрезала княгиня.

— Прошу вас, садитесь, мадам, — сказал Пуаро.

Она вздохнула:

— Что ж, почему бы и не сесть. — Она села. — Пожалуй, не стоит затягивать этого дела, господа. Я знаю, теперь вы спросите: как мой платок оказался в купе убитого? Отвечу: не знаю.

— Вы действительно не знаете этого?

— Действительно.

— Извините меня, мадам, но насколько мы можем вам верить? — Пуаро говорил очень мягко.

Княгиня Драгомирова презрительно ответила:

— Вы говорите так, потому что я скрыла от вас, что Хелена Андрени — сестра миссис Армстронг?

— Да, вы намеренно ввели нас в заблуждение.

— Безусловно. И не задумываясь сделала бы это снова. Я дружила с матерью Хелены. А я, господа, верю в преданность своим друзьям, своей семье и своему сословию.

— И не верите, что необходимо всячески способствовать торжеству справедливости?

— Я считаю, что в данном случае справедливость, подлинная справедливость, восторжествовала.

Пуаро доверительно склонился к княгине:

— Вы должны войти в мое положение. Могу ли я вам верить, даже в случае с платком? А может быть, вы выгораживаете дочь вашей подруги?

— Я поняла вас. — Княгиня невесело улыбнулась. — Что ж, господа, в случае с платком истину легко установить. Я дам вам адрес мастерской в Париже, где я всегда заказываю платки. Покажите им этот платок, и они тут же скажут, что он был изготовлен по моему заказу больше года назад. Это мой платок, господа. — Она встала. — У

вас есть еще вопросы ко мне?

— Знала ли ваша горничная, мадам, что это ваш платок, когда мы показали его ей сегодня утром?

— Должно быть. Она его видела и ничего не сказала? Ну что ж, значит, и она умеет хранить верность. — Слегка поклонившись, княгиня вышла.

— Значит, все именно так и было, — пробормотал себе под нос Пуаро. — Когда я спросил горничную, известно ли ей, чей это платок, я заметил, что она заколебалась — не знала, признаться ли, что платок принадлежит ее хозяйке. Однако совпадает ли этот факт с моей основной теорией? Пожалуй, совпадает.

— Устрашающая старуха эта княгиня, — сказал мсье Бук.

— Могла ли она убить Рэтчетта? — обратился к доктору Пуаро.

Тот покачал головой:

— Те раны, что прошли сквозь мышцы, — для них нужна огромная сила, так что нечего и думать, будто их могло нанести столь тщедушное существо.

— А легкие раны?

— Легкие, конечно, могла нанести и она.

— Сегодня утром, — сказал Пуаро, — я заме-

тил, что у княгини сильная воля, чего никак не скажешь о ее руках. Это была ловушка. Мне хотелось увидеть, на какую руку она посмотрит — на правую или на левую. Она не сделала ни того ни другого, а посмотрела сразу на обе. Однако ответила очень странно. Она сказала: «Это правда, руки у меня слабые, и я не знаю, радоваться этому или огорчаться». Интересное замечание, не правда ли? Оно лишний раз убеждает меня в правильности моей версии преступления.

— И тем не менее мы по-прежнему не знаем, кто же нанес удар левой рукой.

— Верно. Между прочим, вы заметили, что у графа Ан-дрени платок торчит из правого нагрудного кармана?

Мсье Бук покачал головой. Он был по-прежнему сосредоточен на потрясающих открытиях последнего получаса.

— Ложь... и снова ложь, — ворчал он. — Просто невероятно, сколько лжи нам нагородили сегодня утром.

— Это лишь начало, — жизнерадостно сказал Пуаро.

— Вы так думаете?

— Я буду очень разочарован, если обманусь в своих ожиданиях.

— Меня ужасает подобное двоедушие, — сказал мсье Бук. — А вас, мне кажется, оно только радует, — упрекнул он Пуаро.

— В двоедушии есть свои преимущества, — сказал Пуаро. — Если припереть лгуна к стенке и сообщить ему правду, он обычно сознается — часто просто от удивления. Чтобы добиться своего, необходимо догадаться, в чем заключается ложь. А в этом деле я и вообще не вижу иного пути. Я по очереди обдумываю показания каждого пассажира и говорю себе: если такой-то и такой-то лгут, то в чем они лгут и по какой причине? И отвечаю: если — заметьте, если — они лгут, то это происходит по такой-то причине и в таком-то пункте. С графиней Андрени мой метод дал отличные результаты. Теперь мы испробуем его и на других пассажирах.

— А вдруг ваша догадка окажется неверной?

— Тогда по крайней мере один человек будет полностью освобожден от подозрений.

— Ах так! Вы действуете методом исключения.

— Вот именно.

— А за кого мы возьмемся теперь?

— За pukka sahib'а полковника Арбэтнота.

Глава 6
ВТОРАЯ БЕСЕДА С ПОЛКОВНИКОМ АРБЭТНОТОМ

Полковник Арбэтнот был явно недоволен, что его вызывают во второй раз. С темным, как туча, лицом усевшись напротив Пуаро, он спросил:

— В чем дело?

— Прошу извинить, что мне пришлось побеспокоить вас во второй раз, — сказал Пуаро, — однако мне кажется, вы еще не все нам сообщили.

— Вот как? По-моему, вы ошибаетесь.

— Для начала взгляните на этот ершик.

— Ну и что?

— Это ваш ершик?

— Не знаю. Я не ставлю меток на своих ершиках.

— А вам, полковник, известен тот факт, что лишь вы из пассажиров вагона Стамбул — Кале курите трубку?

— В таком случае возможно, что ершик мой.

— Вы знаете, где его нашли?

— Понятия не имею.

— В купе убитого.

Полковник поднял брови.

— Объясните нам, полковник, как ершик мог туда попасть?

— Если вы хотите спросить, не обронил ли я ершик в купе убитого, я отвечу: нет.

— Вы когда-нибудь заходили в купе мистера Рэтчетта?

— Я с ним и словом не перемолвился.

— Значит, вы с ним не разговаривали и вы его не убивали?

Полковник насмешливо вздернул брови:

— Если это и так, я вряд ли стал бы вас об этом оповещать. Но, кстати говоря, я его действительно не убивал.

— Ладно, — пробормотал Пуаро. — Впрочем, это не важно.

— Извините, не понял?

— Я сказал, что это не важно.

— Вот как! — Арбэтнот был явно ошарашен. Он с тревогой посмотрел на Пуаро.

— Дело, видите ли, в том, — продолжал Пуаро, — что ершик особого значения не имеет. Я сам могу придумать по меньшей мере одиннадцать блистательных объяснений тому, как он там оказался.

Арбэтнот вытаращил глаза.

— Я хотел поговорить с вами по совершенно другому вопросу, — продолжал Пуаро. — Мисс Дебенхэм, по всей вероятности, вам сказала, что я нечаянно услышал ваш разговор на станции Конья?

Арбэтнот промолчал.

— Она сказала вам: «Сейчас не время. Когда все будет кончено... Когда это будет позади». Вы знаете, о чем шла речь?

— Очень сожалею, мсье Пуаро, но я не могу ответить на ваш вопрос.

— Почему?

— По-моему, вам следует спросить у самой мисс Дебенхэм, что означали ее слова, — сухо ответил полковник.

— Я уже спрашивал.

— И она отказалась отвечать?

— Да.

— В таком случае, мне кажется, даже вам должно быть понятно, что я не пророну ни слова.

— Значит, вы храните тайну дамы?

— Если угодно, да.

— Мисс Дебенхэм сказала мне, что речь шла о ее личных делах.

— Раз так, почему бы вам не поверить ей на слово?

— А потому, полковник, что мисс Дебенхэм у нас вызывает сильные подозрения.

— Чепуха! — с горячностью заявил полковник.

— Нет, не чепуха.

— У вас нет никаких оснований ее подозревать.

— А тот факт, что мисс Дебенхэм служила секретарем-гувернанткой в доме Армстронгов во время похищения Дейзи Армстронг, — это, по-вашему, не основание?

На минуту в вагоне воцарилось молчание. Пуаро укоризненно покачал головой.

— Вот видите, — сказал он, — нам известно гораздо больше, чем вы думаете. Если мисс Дебенхэм невиновна, почему она скрыла этот факт? Почему она сказала мне, что никогда не была в Америке?

Полковник откашлялся:

— Но может быть, вы все-таки ошибаетесь?

— Я не ошибаюсь. Почему мисс Дебенхэм лгала мне?

Полковник Арбэтнот пожал плечами:

— Вам лучше спросить у нее. Я все-таки думаю, что вы ошибаетесь.

Пуаро громко кликнул официанта. Тот опрометью кинулся к нему.

— Спросите английскую даму, которая занимает одиннадцатое место, не соблаговолит ли она прийти сюда.

— Слушаюсь, мсье.

Официант вышел. Четверо мужчин сидели молча.

Лицо полковника, застывшее, бесстрастное, казалось вырезанной из дерева маской.

Официант вернулся:

— Дама сейчас придет, мсье.

— Благодарю вас.

Через одну-две минуты Мэри Дебенхэм вошла в вагон-ресторан.

Глава 7
КТО ТАКАЯ МЭРИ ДЕБЕНХЭМ

Непокрытая голова ее была вызывающе откинута назад. Отброшенные со лба волосы, раздутые ноздри придавали ей сходство с фигурой на носу корабля, отважно разрезающего бурные волны. В этот миг она была прекрасна.

Глаза ее мимолетно остановились на Арбэтноте.

— Вы хотели меня видеть? — обратилась она к Пуаро.

— Я хотел спросить вас, мадемуазель, почему вы обманули нас сегодня утром?

— Обманула? Не понимаю, о чем вы говорите.

— Вы скрыли, что жили в доме Армстронгов, когда там произошла трагедия. Вы сказали, что никогда не были в Америке.

От Пуаро не скрылось, что девушка вздрогнула, но она тут же взяла себя в руки.

— Это правда, — сказала она.

— Нет, мадемуазель, это ложь.

— Вы не поняли меня. Я хотела сказать: это правда, что я солгала вам.

— Ах так. Значит, вы не будете это отрицать?

Она криво улыбнулась:

— Конечно. Раз вы разоблачили меня, мне ничего другого не остается.

— Что ж, по крайней мере, вы откровенны, мадемуазель.

— Похоже, что мне ничего другого опять же не остается.

— Вот именно. А теперь, мадемуазель, могу ли я спросить у вас, почему вы скрыли от нас истину?

— По-моему, это самоочевидно, мсье Пуаро.

— Но не для меня, мадемуазель.

— Мне приходится самой зарабатывать на жизнь, — ответила она ему ровным и спокойным

тоном, однако в голосе ее проскользнула жесткая нотка.

— Вы хотите сказать...

Мэри Дебенхэм посмотрела ему прямо в глаза:

— Знаете ли вы, мсье Пуаро, как трудно найти приличное место и удержаться на нем? Как вы думаете, захочет ли обыкновенная добропорядочная англичанка нанять к своим дочерям гувернантку, замешанную в деле об убийстве, гувернантку, чьи имя и фотографии мелькают во всех английских газетах?

— Почему бы и нет, если вы ни в чем не виноваты?

— Виновата, не виновата... Да дело вовсе не в этом, а в огласке! До сих пор, мсье Пуаро, мне везло. У меня была хорошо оплачиваемая, приятная работа. И я не хотела рисковать своим положением без всякой необходимости.

— Осмелюсь предположить, мадемуазель, что мне лучше судить, была в том необходимость или нет.

Она пожала плечами.

— Например, вы могли бы помочь мне опознать некоторых людей.

— Кого вы имеете в виду?

— Возможно ли, мадемуазель, чтобы вы не

узнали в графине Андрени вашу ученицу, младшую сестру миссис Армстронг?

— В графине Андрени? Нет, не узнала. — Она покачала головой. — Хотите верьте, хотите нет, но я действительно ее не узнала. Видите ли, тогда она была еще подростком. С тех пор прошло больше трех лет. Это правда, что графиня мне кого-то напомнила, но кого, я не могла вспомнить. И потом, у нее такая экзотическая внешность, что я ни за что на свете не признала бы в ней ту американскую школьницу. Правда, я взглянула на нее лишь мельком, когда она вошла в ресторан. К тому же я больше внимания обратила на то, как она одета, чем на ее лицо. — Улыбка тронула ее губы. — С женщинами это случается. А потом... Потом мне было не до нее.

— Вы не откроете мне вашу тайну, мадемуазель? — мягко, но настойчиво сказал Пуаро.

— Я не могу. Не могу, — еле слышно сказала она. И вдруг закрыла лицо руками и, уронив голову на стол, заплакала навзрыд.

Полковник вскочил, неловко наклонился к девушке:

— Я... э-э... послушайте... — Он запнулся и, повернувшись, метнул свирепый взгляд на Пуаро: — Я вас сотру в порошок, грязный вы человечишка!

— Мсье! — возмутился мсье Бук.

Арбэтнот повернулся к девушке:

— Мэри, ради бога...

Она встала:

— Пустяки. Я успокоилась. Я вам больше не нужна, мсье Пуаро? Если я вам понадоблюсь, вы знаете, где меня найти. О господи, я веду себя как последняя идиотка! — И выбежала из вагона.

Арбэтнот последовал за ней не сразу.

— Мисс Дебенхэм не имеет никакого отношения к этому делу, решительно никакого, слышите? — накинулся он на Пуаро. — Если вы будете ее преследовать, вам придется иметь дело со мной. — Он поспешил вслед за девушкой и, гордо подняв голову, вышел из вагона.

— Люблю смотреть, как англичане сердятся, — сказал Пуаро. — Они такие забавные! Когда они гневаются, они перестают выбирать выражения.

Но мсье Бука не интересовали эмоциональные реакции англичан. Он был полон восхищения своим другом.

— Друг мой, вы неподражаемы! — восклицал он. — Еще одна потрясающая догадка. Это просто невероятно!

— Уму непостижимо! — восхищался доктор Константин.

— На сей раз это не моя заслуга. Мне и не пришлось догадываться: графиня Андрени сама рассказала мне практически все.

— Каким образом? Не может быть!

— Помните, я просил графиню описать ее гувернантку или компаньонку? Я уже решил для себя, что, если Мэри Дебенхэм причастна к делу Армстронгов, она должна была фигурировать в этом доме скорее всего в таком качестве.

— Пусть так, но ведь графиня Андрени описала вам женщину, ничем не напоминающую мисс Дебенхэм?

— Вот именно. Рослую, рыжеволосую женщину средних лет — словом, до того не похожую на мисс Дебенхэм, что это уже само по себе весьма знаменательно.

А потом ей потребовалось срочно придумать фамилию этой гувернантке, и тут она окончательно выдала себя из-за подсознательной ассоциации. Она, как вы помните, назвала фамилию Фриболи.

— Ну и что?

— Так вот, вы этого можете и не знать, но в Лондоне есть магазин, до недавних пор называвшийся «Дебенхэм и Фриболи». В голове графини крутится фамилия Дебенхэм, она лихорадочно

подыскивает другую фамилию, и естественно, что первая фамилия, которая приходит ей на ум, — Фрибоди. Тогда мне все стало ясно.

— Итак, она снова нам солгала? Почему она это сделала?

— Опять-таки из верности друзьям, очевидно. Должен сказать, что это усложняет все дело.

— Ну и ну! — вскипел мсье Бук. — Неужели здесь все лгут?

— А вот это, — сказал Пуаро, — мы сейчас узнаем.

Глава 8
НОВЫЕ УДИВИТЕЛЬНЫЕ ОТКРЫТИЯ

— Теперь меня уже ничем не удивить, — сказал мсье Бук. — Абсолютно ничем. Даже если все пассажиры поезда окажутся чадами и домочадцами Армстронгов, я и то нисколько не удивлюсь.

— Весьма глубокое замечание, — сказал Пуаро. — А вам бы хотелось услышать, что может нам сообщить итальянец — самый, по вашему мнению, подозрительный пассажир?

— Вы собираетесь преподнести нам еще одну из своих знаменитых догадок?

— Вы не ошиблись.

— Поистине просто сверхъестественное дело, — сказал доктор Константин.

— Ничуть, вполне естественное.

Мсье Бук в комическом отчаянии развел руками:

— Ну если уж оно кажется вам естественным, друг мой... — Он осекся: Пуаро попросил официанта пригласить Антонио Фоскарелли.

Огромный итальянец с настороженным видом вошел в вагон. Он озирался, как затравленный зверь.

— Что вам от меня нужно? — сказал он. — Я уже все сказал... Слышите — все! — И он ударил кулаком по столу.

— Нет, вы сказали нам далеко не все! — решительно оборвал его Пуаро. — Вы не сказали правды!

— Правды? — Итальянец кинул на Пуаро встревоженный взгляд. Он сразу сник, присмирел.

— Вот именно. Не исключено, что она мне и без того известна. Но если вы поговорите со мной начистоту, это сослужит вам добрую службу.

— Вы разговариваете точь-в-точь как американская полиция. От них только и слышишь: «Выкладывай все начистоту, выкладывай все начистоту», знакомая музыка.

— Вот как, значит, вы уже имели дело с нью-йоркской полицией?

— Нет-нет, что вы! Им не удалось найти никаких улик против меня, хотя, видит бог, они очень старались.

— Вы имеете в виду дело Армстронгов, не так ли? — спросил Пуаро спокойно. — Вы служили у них шофером?

Его глаза встретились с глазами итальянца. С Фоскарелли бахвальство как рукой сняло — казалось, из него выпустили весь воздух.

— Если вы и так все знаете, зачем спрашивать меня?

— Почему вы солгали нам сегодня утром?

— Из деловых соображений. Кроме того, я не доверяю югославской полиции. Они ненавидят итальянцев. От них справедливости не жди.

— А может быть, как раз наоборот, вы получили бы по справедливости?

— Нет, нет, я не имею никакого отношения к вчерашнему убийству. Я не выходил из купе. Зануда англичанин подтвердит мои слова. Я не убивал этого мерзавца Рэтчетта. У вас нет никаких улик против меня.

Пуаро, писавший что-то на клочке бумаги, поднял глаза и спокойно сказал:

— Отлично. Вы можете идти.

Фоскарелли тревожно переминался с ноги на ногу и не уходил.

— Вы же понимаете, что это не я... Что я не мог иметь никакого отношения к убийству.

— Я сказал: вы можете идти.

— Вы все сговорились! Хотите пришить мне дело из-за какого-то мерзавца, по которому давно электрический стул плачет. Просто позор, что он тогда избежал наказания. Вот если б я очутился на его месте... если б меня арестовали...

— Однако арестовали не вас. Вы же участвовали в похищении ребенка.

— Да что вы говорите! На эту малышку все нарадоваться не могли. Она звала меня Тонио. Залезет, бывало, в машину и держит руль, будто правит. Все ее обожали, весь дом! Даже до полиции под конец это дошло. Прелесть что за девчушка!

Голос его задрожал. На глаза навернулись слезы. Фоскарелли круто повернулся и быстро вышел из вагона.

— Пьетро! — позвал Пуаро. Официант подбежал к нему.

— Позовите шведскую даму — место десятое.

— Слушаюсь, мсье.

— Еще одна? — воскликнул мсье Бук. — Ах нет,

это невероятно. Нет, нет, и не говорите! Это просто невероятно.

— Друг мой, мы должны все узнать. Даже если в результате окажется, что у всех без исключения пассажиров были причины желать смерти Рэтчетта, мы должны их узнать. Ибо это единственный путь разгадать убийство.

— У меня голова идет кругом! — простонал мсье Бук.

Бережно поддерживая под руку, официант доставил плачущую навзрыд Грету Ольсон. Рухнув на стул напротив Пуаро, она зарыдала еще сильнее, сморкаясь в огромный носовой платок.

— Не стоит расстраиваться, мадемуазель, — потрепал ее по плечу Пуаро. — Скажите нам правду — вот все, что нам требуется. Ведь вы были няней Дейзи Армстронг.

— Верно... — сквозь слезы проговорила несчастная шведка. — Это был настоящий ангелочек — такая доверчивая, такая ласковая!.. Она знала в жизни только любовь и доброту, а этот злодей похитил ее... и мучил... А ее бедная мать... и другая малышка, которая так и не появилась на свет. Вам этого не понять... вы не видели... Ах, если бы вы тогда были там... если бы вы пережили эти ужасы... Нужно было сказать вам утром всю прав-

ду... Но я побоялась. Я так обрадовалась, что этот злодей уже мертв... что он не может больше мучить и убивать детей. Ах, мне трудно говорить... я не нахожу слов...

Рыдания душили ее.

Пуаро снова ласково потрепал ее по плечу:

— Ну, ну... успокойтесь, пожалуйста... я понимаю... я все понимаю... право же, все. Я больше ни о чем не буду вас спрашивать. Мне достаточно, что вы признали правду. Я все понимаю, право же.

Грета Ольсон, которой рыдания мешали говорить, встала и, точно слепая, стала ошупью пробираться к выходу. Уже в дверях она столкнулась с входившим в вагон мужчиной.

Это был лакей Мастермэн. Он подошел к Пуаро и, как обычно, спокойно и невозмутимо обратился к нему:

— Надеюсь, я вам не помешал, сэр. Я решил, что лучше прямо прийти к вам и поговорить начистоту. Во время войны я был денщиком полковника Армстронга, потом служил у него лакеем в Нью-Йорке. Сегодня утром я сказал вам неправду. Я очень сожалею об этом, сэр, и поэтому решил прийти к вам и повиниться. Надеюсь, сэр, вы не подозреваете Тонио. Старина Тонио, сэр, он

и мухи не обидит.

Я действительно могу поклясться, что прошлой ночью он не выходил из купе. Так что, сами понимаете, сэр, он никак не мог этого сделать. Хоть Тонио и иностранец, но он сама доброта — он вовсе не похож на тех итальянских головорезов, о которых пишут в газетах.

Мастермэн замолчал. Пуаро посмотрел на него в упор:

— Это все, что вы хотели нам сказать?

— Все, сэр.

Он еще минуту помедлил, но, видя, что Пуаро молчит, сконфуженно поклонился и, секунду поколебавшись, вышел из вагона так же незаметно и тихо, как вошел.

— Просто невероятно! — сказал доктор Константин. — Действительность оставляет позади детективные романы, которые мне довелось прочесть.

— Вполне согласен с вами, — сказал мсье Бук. — Из двенадцати пассажиров девять имеют отношение к делу Армстронгов. Что же дальше, хотел бы я знать? Или, вернее, кто же дальше?

— А я, пожалуй, могу ответить на ваш вопрос, — сказал Пуаро. — Смотрите, к нам пожаловал американский сыщик мистер Хардман.

— Неужели он тоже идет признаваться?

Пуаро еще и ответить не успел, а американец уже стоял у стола. Он понимающе подмигнул присутствующим и, усаживаясь, протянул:

— Нет, вы мне объясните, что здесь происходит? Настоящий сумасшедший дом.

Пуаро хитро на него посмотрел:

— Мистер Хардман, вы случайно не служили садовником у Армстронгов?

— У них не было сада, — парировал мистер Хардман, буквально истолковав вопрос.

— А дворецким?

— Манеры у меня неподходящие для дворецкого. Нет, я никак не связан с Армстронгами, но сдается мне, я тут единственное исключение. Как вы это объясните? Интересно, как вы это объясните?

— Это, конечно, несколько странно. — Пуаро был невозмутим.

— Вот именно, — поддакнул мсье Бук.

— А как вы сами это объясняете, мистер Хардман? — спросил Пуаро.

— Никак, сэр. Просто ума не приложу. Не может же так быть, чтобы все пассажиры были замешаны в убийстве, но кто из них виновен, ей-ей, не знаю. Как вы раскопали их прошлое — вот что

меня интересует.

— Просто догадался.

— Ну и ну!.. Да я теперь про вас на весь свет растрезвоню.

Мистер Хардман откинулся на спинку стула и восхищенно посмотрел на Пуаро.

— Извините, — сказал он, — но поглядеть на вас, в жизни такому не поверишь. Завидую, просто завидую, ей-ей.

— Вы очень любезны, мистер Хардман.

— Любезен не любезен, а никуда не денешься — вы меня обскакали.

— И тем не менее, — сказал Пуаро, — вопрос окончательно не решен. Можем ли мы с уверенностью сказать, что знаем, кто убил Рэтчетта?

— Я пас, — сказал мистер Хардман, — я в этом деле не участвую. Восхищаюсь вами, что да, то да, но и все тут. А насчет двух остальных вы еще не догадались? Насчет пожилой американки и горничной? Надо надеяться, хоть они тут ни при чем.

— Если только, — Пуаро улыбнулся, — мы не определим их к Армстронгам, ну, скажем, в качестве кухарки и экономки.

— Что ж, меня больше ничем не удивишь. — Мистер Хардман покорился судьбе. — Настоящий

сумасшедший дом, одно слово!

— Ах, друг мой, вы слишком увлеклись совпадениями, — сказал мсье Бук. — Не могут же все быть причастны к убийству.

Пуаро смерил его взглядом.

— Вы не поняли, — сказал он. — Совсем не поняли меня. Скажите, вы знаете, кто убил Рэтчетта?

— А вы? — парировал мсье Бук.

— Да, — кивнул Пуаро. — С некоторых пор — да. И это настолько очевидно, что я удивляюсь, как вы не догадались. — Он перевел взгляд на Хардмана и спросил: — А вы тоже не догадались?

Сыщик покачал головой. Он во все глаза глядел на Пуаро.

— Не знаю, — сказал он. — Я ничего не знаю. Так кто же из них укокошил старика?

Пуаро ответил не сразу.

— Я попрошу вас, мистер Хардман, — сказал он, чуть помолчав, — пригласить всех сюда. Существуют две версии этого преступления. Я хочу, когда все соберутся, изложить вам обе.

Глава 9

ПУАРО ПРЕДЛАГАЕТ ДВЕ ВЕРСИИ

Пассажиры один за другим входили в вагон-ресторан и занимали места за столиками. У всех без исключения на лицах были написаны тревога и ожидание. Шведка все еще всхлипывала, миссис Хаббард ее утешала:

— Вы должны взять себя в руки, голубушка. Все обойдется. Не надо так расстраиваться. Если даже среди нас есть этот ужасный убийца, всем ясно, что это не вы. Надо с ума сойти, чтобы такое на вас подумать! Садитесь вот сюда, а я сяду рядышком с вами, и успокойтесь, ради бога.

Пуаро встал, и миссис Хаббард замолкла.

В дверях с ноги на ногу переминался Пьер Мишель:

— Разрешите остаться, мсье?

— Разумеется, Мишель.

Пуаро откашлялся:

— Дамы и господа, я буду говорить по-английски, так как полагаю, что все вы в большей или меньшей степени знаете этот язык. Мы собрались здесь, чтобы расследовать убийство Сэмюэла Эдуарда Рэтчетта — он же Кассетти. Возможны две версии этого преступления. Я изложу вам обе и спрошу присутствующих здесь мсье Бука и докто-

ра Константина, какую они сочтут правильной.

Все факты вам известны. Сегодня утром мистера Рэтчетта нашли убитым — он был заколот кинжалом. Нам известно, что вчера в двенадцать тридцать семь пополуночи он разговаривал из-за двери с проводником и, следовательно, был жив. В кармане его пижамы нашли разбитые часы — они остановились в четверть второго. Доктор Константин — он обследовал тело — говорит, что смерть наступила между двенадцатью и двумя часами пополуночи. В половине первого, как все вы знаете, поезд вошел в полосу заносов. После этого покинуть поезд было невозможно.

Мистер Хардман — а он сыщик нью-йоркского сыскного агентства (многие воззрились на мистера Хардмана) — утверждает, что никто не мог пройти мимо его купе (купе номер шестнадцать в дальнем конце коридора) незамеченным.

Исходя из этого мы вынуждены заключить, что убийцу следует искать среди пассажиров вагона Стамбул — Кале. Так нам представлялось это преступление.

— То есть как? — воскликнул изумленный мсье Бук.

— Теперь я изложу другую версию, полностью исключающую эту. Она предельно проста. У

мистера Рэтчетта был враг, которого он имел основания опасаться. Он описал мистеру Хардману своего врага и сообщил, что покушение на его жизнь, если, конечно, оно произойдет, по всей вероятности, состоится на вторую ночь по выезде из Стамбула.

Должен вам сказать, дамы и господа, что Рэтчетт знал гораздо больше, чем говорил. Враг, как и ожидал мистер Рэтчетт, сел на поезд в Белграде или в Виньковцах, где ему удалось пробраться в вагон через дверь, которую забыли закрыть полковник Арбэтнот и мистер Маккуин, выходившие на перрон в Белграде. Враг этот запасся формой проводника спальных вагонов, которую надел поверх своего обычного платья, и вагонным ключом, который позволил ему проникнуть в купе Рэтчетта, несмотря на то что его дверь была заперта. Мистер Рэтчетт не проснулся — он принял на ночь снотворное. Человек набросился на Рэтчетта с кинжалом, нанес ему дюжину ударов и, убив, ушел из купе через дверь, ведущую в купе миссис Хаббард...

— Да, да, это так... — закивала миссис Хаббард.

— Мимоходом он сунул кинжал в умывальную сумочку миссис Хаббард. Сам того не подозревая, он обронил в купе пуговицу с формы проводни-

ка. Затем вышел из купе и пошел по коридору. Заметив пустое купе, он поспешно скинул форму проводника, сунул ее в чужой сундук и через несколько минут, переодетый в свой обычный костюм, со-

шел с поезда прямо перед его отправлением через ту же дверь рядом с вагоном-рестораном.

У пассажиров вырвался дружный вздох облегчения.

— А как быть с часами? — спросил мистер Хардман.

— Вот часы-то все и объясняют. Мистер Рэтчетт забыл перевести их на час назад, как ему следовало бы сделать в Царьброде. Часы его по-прежнему показывают восточноевропейское время, а оно на час опережает среднеевропейское. А следовательно, мистера Рэтчетта убили в четверть первого, а не в четверть второго.

— Это объяснение никуда не годится! — закричал мсье Бук. — А чей голос ответил проводнику из купе Рэтчетта в двенадцать тридцать семь, как вы это объясните? Говорить мог только Рэтчетт или его убийца.

— Необязательно. Это могло быть... ну, скажем... какое-то третье лицо. Предположим, что человек этот приходит к Рэтчетту поговорить и видит,

что он мертв. Нажимает кнопку, чтобы вызвать проводника, но тут у него, как говорится, душа падает в пятки, он пугается, что его обвинят в преступлении, и отвечает так, как если бы это говорил Рэтчетт.

— Возможно, — неохотно признал мсье Бук.

Пуаро посмотрел на миссис Хаббард:

— Вы что-то хотели сказать, мадам?

— Я и сама не знаю, что я хотела сказать. А как вы думаете, я тоже могла забыть перевести часы?

— Нет, мадам. Я полагаю, вы слышали сквозь сон, как этот человек прошел через ваше купе, а позже вам приснилось, что у вас кто-то в купе, и вы вскочили и вызвали проводника.

— Вполне возможно, — согласилась миссис Хаббард.

Княгиня Драгомирова пристально посмотрела на Пуаро:

— А как вы объясните показания моей горничной, мсье?

— Очень просто, мадам. Ваша горничная опознала ваш платок. И очень неловко старалась вас выгородить. Она действительно встретила человека в форме проводника, только гораздо раньше, в Виньковцах. Но сказала нам, что ви-

дела его часом позже, полагая, что тем самым обеспечивает вас стопроцентным алиби.

Княгиня кивнула:

— Вы все предусмотрели, мсье. Я... я восхищаюсь вами.

Наступило молчание. Но тут доктор Константин так хватил кулаком по столу, что все чуть не подскочили.

— Нет, нет, нет и нет! — закричал он. — Ваше объяснение никуда не годится! В нем тысяча пробелов. Преступление было совершено иначе, и мсье Пуаро это отлично знает.

Пуаро взглянул на него с интересом.

— Вижу, — сказал он, — что мне придется изложить и мою вторую версию. Но не отказывайтесь от первой столь поспешно. Возможно, позже вы с ней согласитесь.

Он снова обратился к аудитории:

— Есть и вторая версия этого преступления. Вот как я к ней пришел. Выслушав все показания, я расположился поудобней, закрыл глаза и стал думать. Некоторые детали показались мне достойными внимания. Я перечислил их моим коллегам. Кое-какие из них я уже объяснил — такие, как жирное пятно на паспорте, и другие. Поэтому я займусь оставшимися. Перво-

степенную важность, по-моему, представляет замечание, которым обменялся со мной мсье Бук, когда мы сидели в ресторане на следующий день по отъезде из Стамбула. Он сказал мне: «Какая пестрая компания!» — имея в виду, что здесь собрались представители самых разных классов и национальностей.

Я с ним согласился, однако позже, припомнив это его замечание, попытался представить: а где еще могло собраться такое пестрое общество? И ответил себе — только в Америке. Только в Америке могут собраться под одной крышей люди самых разных национальностей: итальянец-шофер, английская гувернантка, нянька-шведка, горничная-француженка и так далее. И это натолкнуло меня на мою систему «догадок»: то есть подобно тому, как режиссер распределяем роли, я стал подбирать каждому из пассажиров подходящую для него роль в трагедии семейства Армстронг. Такой метод оказался плодотворным.

Перебрав в уме еще раз показания пассажиров, я пришел к весьма любопытным результатам. Для начала возьмем показания мистера Маккуина. Первая беседа с ним не вызвала у меня никаких подозрений. Но во время второй он обронил небезынтересную фразу. Я сообщил ему,

что мы нашли записку, в которой упоминается о деле Армстронгов. Он сказал: «А разве...» — осекся и, помолчав, добавил: «Ну это самое... неужели старик поступил так опрометчиво?..»

Но я почувствовал, что он перестроился на ходу. Предположим, он хотел сказать: «А разве ее не сожгли?» Следовательно, Маккуин знал и о записке, и о том, что ее сожгли, или, говоря другими словами, он был убийцей или пособником убийцы. С этим все.

Перейдем к лакею. Он сказал, что его хозяин в поезде обычно принимал на ночь снотворное. Возможно, что и так. Но разве стал бы Рэтчетт принимать снотворное вчера? Под подушкой у него мы нашли пистолет, а значит, Рэтчетт был встревожен и собирался бодрствовать. Следовательно, и это ложь. Так что если он и принял наркотик, то лишь сам того не ведая. Но кто мог подсыпать ему снотворное? Только Маккуин или лакей.

Теперь перейдем к показаниям мистера Хардмана. Сведения, которые он сообщил о себе, показались мне достоверными, но методы, которыми он собирался охранять жизнь мистера Рэтчетта, были по меньшей мере нелепыми.

Имелся только один надежный способ защи-

тить Рэтчетта — провести ночь в его купе или где-нибудь в другом месте, откуда можно следить за дверью в его купе. Из показаний Хардмана выяснилось лишь одно: Рэтчетта не мог убить пассажир никакого другого вагона. Значит, круг замкнулся — убийцу предстояло искать среди пассажиров вагона Стамбул — Кале. Весьма любопытный и загадочный факт, поэтому я решил чуть погодя еще подумать над ним.

Вы все, наверное, знаете, что я случайно подслушал разговор между мисс Дебенхэм и полковником Арбэтнотом. Я обратил внимание, что полковник звал ее Мэри и, судя по всему, был с ней хорошо знаком. Но ведь мне представляли дело так, будто полковник познакомился с мисс Дебенхэм всего несколько дней назад, а я хорошо знаю англичан этого типа. Такой человек, даже если бы он и влюбился с первого взгляда, долго бы ухаживал за девушкой и не стал бы торопить события. Из чего я заключил, что полковник и мисс Дебенхэм на самом деле хорошо знакомы, но по каким-то причинам притворяются, будто едва знают друг друга.

Перейдем теперь к следующему свидетелю. Миссис Хаббард рассказала нам, что из постели ей не было видно, задвинут засов на двери, ведущей

в соседнее купе, или нет, и она попросила мисс Ольсон проверить это. Так вот, утверждение ее было бы верно, если бы она занимала купе номер два, четыре, двенадцать — словом, любое четное купе, потому что в них засов действительно проходит под дверной ручкой, тогда как в нечетных купе, и, в частности, в купе номер три, засов проходит над ручкой, и поэтому умывальная сумочка никак не может его заслонить. Из чего я не мог не сделать вывод, что такого случая не было, а значит, миссис Хаббард его выдумала.

Теперь позвольте мне сказать несколько слов относительно времени. Что же касается часов, меня в них заинтересовало лишь то, что их нашли в пижамном кармане Рэтчетта — месте, в высшей степени неудобном и неподходящем, особенно если вспомнить, что в изголовье приделан специальный крючочек для часов. Вот поэтому я не сомневался, что часы нарочно подложили в пижамный карман и подвели, а значит, преступление было совершено отнюдь не в четверть второго.

Следует из этого, что оно было совершено раньше? Или, чтобы быть абсолютно точным, без двадцати трех час? В защиту этого предположения мой друг мсье Бук выдвигает тот довод,

что как раз в это время меня разбудил громкий крик. Но ведь если Рэтчетт принял сильную дозу снотворного, он не мог кричать. Если бы он мог кричать, он мог бы и защищаться, а мы не обнаружили никаких следов борьбы.

Я вспомнил, что мистер Маккуин постарался обратить мое внимание, и не один раз, а дважды (причем во второй раз довольно неловко), на то, что Рэтчетт не говорил по-французски. Поэтому я пришел к выводу, что представление в двенадцать тридцать семь разыграли исключительно для меня!

О проделке с часами любой мог догадаться — к этому трюку часто прибегают в детективных романах. Они предполагали, что я догадаюсь о проделке с часами и, придя в восторг от собственной проницательности, сделаю вывод, что раз Рэтчетт не говорил по-французски, следовательно, в двенадцать тридцать семь из купе откликнулся не он. А значит, Рэтчетт к этому времени был уже убит. Но я уверен, что без двадцати трех минут час Рэтчетт, приняв снотворное, еще крепко спал.

И тем не менее их хитрость сыграла свою роль. Я открыл дверь в коридор. Я действительно услышал французскую фразу. И если б я оказался

непроходимо глуп и не догадался, что же все это значит, меня можно было бы ткнуть носом. В крайнем случае Маккуин мог пойти в открытую и сказать: «Извините, мсье Пуаро, но это не мог быть мистер Рэтчетт. Он не говорил по-французски». Так вот, когда же на самом деле было совершено преступление? И кто убийца?

Я предполагаю, но это всего лишь предположение, что Рэтчетта убили около двух часов, ибо, по мнению доктора, позже его убить не могли.

Что же касается того, кто его убил...

И он замолчал, оглядывая аудиторию. На недостаток внимания жаловаться не приходилось. Все взоры были прикованы к нему. Тишина стояла такая, что пролети муха, и то было бы слышно.

— Прежде всего мое внимание привлекли два обстоятельства, — продолжал Пуаро. — Первое: как необычайно трудно доказать вину любого отдельно взятого пассажира, и второе: в каждом случае показания, подтверждающие алиби того или иного лица, исходили от самого, если можно так выразиться, неподходящего лица. Так, например, Маккуин и полковник Арбэтнот, которые никак не могли быть прежде знакомы, подтвердили алиби друг друга. Так же поступили лакей-англичанин и итальянец, шведка и

английская гувернантка. И тогда я сказал себе: «Это невероятно, не могут же они все в этом участвовать!»

И тут, господа, меня осенило. Все до одного пассажиры были замешаны в убийстве, потому что не только маловероятно, но и просто невозможно, чтобы случай свел в одном вагоне стольких людей, причастных к делу Армстронгов. Тут уже просматривается не случай, а умысел. Я вспомнил слова полковника Арбэтнота о суде присяжных. Для суда присяжных нужно двенадцать человек — в вагоне едут двенадцать пассажиров. На теле Рэтчетта обнаружено двенадцать ножевых ран. И тут прояснилось еще одно обстоятельство, не дававшее мне покоя: почему сейчас, в мертвый сезон, вагон Стамбул — Кале полон?

Рэтчетту удалось избегнуть расплаты за свое преступление в Америке, хотя его вина была доказана.

И я представил себе самостийный суд присяжных из двенадцати человек, которые приговорили Рэтчетта к смерти и вынуждены были сами привести приговор в исполнение. После этого все стало на свои места.

Дело это представилось мне в виде мозаики, где каждое лицо занимало отведенное ему место. Все

было задумано так, что, если подозрение падало на кого-нибудь одного, показания остальных доказывали бы его непричастность и запутывали следствие. Показания Хардмана были необходимы на тот случай, если в преступлении заподозрят какого-нибудь чужака, который не сможет доказать свое алиби. Пассажиры вагона Стамбул — Кале никакой опасности не подвергались. Мельчайшие детали их показаний были заранее разработаны. Преступление напоминало хитроумную головоломку, сработанную с таким расчетом, что чем больше мы узнавали, тем больше усложнялась разгадка. Как уже заметил мсье Бук, дело это невероятное. Но ведь именно такое впечатление оно и должно было производить.

Объясняет ли эта версия все? Да, объясняет. Она объясняет характер ранений, потому что они наносились разными лицами. Объясняет подложные письма с угрозами — подложные, потому что они были написаны лишь для того, чтобы предъявить их следствию. Вместе с тем письма, в которых Рэтчетта предупреждали о том, что его ждет, несомненно, существовали, но Маккуин их уничтожил и заменил подложными.

Объясняет она и рассказ Хардмана о том, как Рэтчетт нанял его на службу, — от начала до кон-

ца вымышленный; описание мифического врага — «темноволосого мужчины невысокого роста с писклявым голосом» — весьма удобное описание, потому что оно не подходит ни к одному из проводников и может быть легко отнесено как к мужчине, так и к женщине.

Выбор кинжала в качестве орудия убийства может поначалу удивить, но по зрелом размышлении убеждаешься, что в данных обстоятельствах это выбор вполне оправданный. Кинжалом может пользоваться и слабый, и сильный, и от него нет шума. Я представляю, хотя могу и ошибиться, что все по очереди проходили в темное купе Рэтчетта через купе миссис Хаббард и наносили по одному удару. Я думаю, никто из них никогда не узнает, чей удар прикончил Рэтчетта.

Последнее письмо, которое, по-видимому, подложили Рэтчетту на подушку, сожгли. Не будь улик, указывающих, что убийство имело отношение к трагедии Армстронгов, не было бы никаких оснований заподозрить кого-нибудь из пассажиров. Решили бы, что кто-то проник в вагон, и вдобавок один, а может, и не один пассажир увидел бы, как «темноволосый мужчина небольшого роста с писклявым голосом» сошел с поезда в Броде, и ему-то и приписали бы убийство.

Не знаю точно, что произошло, когда заговорщики обнаружили, что эта часть их плана сорвалась из-за заносов. Думаю, что, наспех посовещавшись, они решили все-таки привести приговор в исполнение. Правда, теперь могли заподозрить любого из них, но они это предвидели и на такой случай разработали ряд мер, еще больше запутывающих дело. В купе убитого подбросили две так называемые улики — одну, ставящую под удар полковника Арбэтнота (у него было стопроцентное алиби и его знакомство с семьей Армстронг было почти невозможно доказать), и вторую — платок, ставящий под удар княгиню Драгомирову, которая благодаря своему высокому положению, хрупкости и алиби, которое подтверждали ее горничная и проводник, практически не подвергалась опасности. А чтобы еще больше запутать, нас направили по еще одному ложному следу — на сцену выпустили таинственную женщину в красном кимоно. И тут опять же все было подстроено так, чтобы я сам убедился в существовании этой женщины. В мою дверь громко постучали. Я вскочил, выглянул и увидел, как по коридору удаляется красное кимоно. Его должны были увидеть такие заслуживающие доверия люди, как мисс Дебенхэм,

проводник и Маккуин. Потом, пока я допрашивал пассажиров в ресторане, какой-то шутник весьма находчиво засунул красное кимоно в мой чемодан. Чье это кимоно, не знаю. Подозреваю, что оно принадлежит графине Андрени, потому что в ее багаже нашлось лишь изысканное шифоновое неглиже, которое вряд ли можно использовать как халат.

Когда Маккуин узнал, что клочок письма, которое они так тщательно сожгли, уцелел и что в нем упоминалось о деле Армстронгов, он тут же сообщил об этом остальным. Это обстоятельство сразу поставило под угрозу графиню Андрени, и ее муж поспешил подделать свой паспорт. Тут их во второй раз постигла неудача. Они договорились все, как один, отрицать свою связь с семейством Армстронг. Им было известно, что я не смогу проверить их показания, и они полагали, что я не буду вникать в детали, разве что кто-то из них вызовет у меня подозрения.

Осталось рассмотреть еще одну деталь. Если предположить, что я правильно восстановил картину преступления — а я верю, что именно так и есть, — из этого неизбежно следует, что проводник был участником заговора. Но в таком случае у нас получается не двенадцать присяжных, а

тринадцать. И вместо обычного вопроса: «Кто из этих людей виновен?» — передо мной встает вопрос: «Кто же из этих тринадцати невиновен?» Так вот, кто же этот человек?

И тут мысль моя пошла несколько необычным путем. Я решил, что именно та особа, которая, казалось бы, и должна была совершить убийство, не принимала в нем участия. Я имею в виду графиню Андрени. Я поверил графу, когда он поклялся мне честью, что его жена не выходила всю ночь из купе. И я решил, что граф Андрени, что называется, заступил на место жены.

А если так, значит, одним из присяжных был Пьер Мишель.

Чем же объяснить его участие? Он степенный человек, много лет состоит на службе в компании. Такого не подкупишь для участия в убийстве. А раз так, значит, Пьер Мишель должен иметь отношение к делу Армстронгов. Но вот какое, этого я не представлял. И тут я вспомнил о погибшей горничной — ведь она была француженкой. Предположим, что несчастная девушка была дочерью Пьера Мишеля.

И тогда объясняется все, включая и выбор места преступления. Чьи роли в этой трагедии оставались нам еще неясны?

Полковника Арбэтнота я представил другом Армстронгов. Он, наверное, воевал вместе с полковником. О роли Хиль-дегарды Шмидт в доме Армстронгов я догадался легко. Как гурман, я сразу чую хорошую кухарку. Я расставил фрейлейн Шмидт ловушку, и она не замедлила в нее попасть. Я сказал, что убежден в том, что она отличная кухарка. Она ответила: «Это правда, все мои хозяйки так говорили». Но когда служишь горничной, хозяйка не знает, хорошо ли ты готовишь.

Оставался еще Хардман. Я решительно не мог подыскать ему места в доме Армстронгов. Но я представил, что он мог быть влюблен во француженку. Я завел с ним разговор об обаянии француженок, и это произвело ожидаемое впечатление. У него на глазах выступили слезы, и он притворился, будто его слепит снег.

И наконец, миссис Хаббард. А миссис Хаббард, должен вам сказать, играла в этой трагедии весьма важную роль. Благодаря тому, что она занимала смежное с Рэтчеттом купе, подозрение должно было прежде всего пасть на нее. По плану никто не мог подтвердить ее алиби. Сыграть роль заурядной, слегка смешной американки, сумасшедшей матери и бабушки, могла лишь на-

стоящая артистка. Но ведь в семье Армстронгов была артистка — мать миссис Армстронг, актриса Линда Арден. — И Пуаро перевел дух.

И тут миссис Хаббард звучным, вибрирующим голосом, столь отличным от ее обычного голоса, мечтательно сказала:

— А мне всегда хотелось играть комедийные роли. Конечно, с умывальной сумочкой вышло глупо. Это еще раз доказывает, что нужно репетировать как следует. Мы разыграли эту сцену по дороге сюда, но, наверное, я тогда занимала четное купе. Мне в голову не пришло, что засовы могут помещаться в разных местах. — Она уселась поудобнее и поглядела в глаза Пуаро. — Вы знаете о нас все, мсье Пуаро. Вы замечательный человек. Но даже вы не можете представить себе, что мы пережили в тот страшный день. Я обезумела от горя, слуги горевали вместе со мной... полковник гостил тогда у нас. Он был лучшим другом Джона Армстронга.

— Джон спас мне жизнь в войну, — сказал Арбэтнот.

— И тогда мы решили — может быть, мы и сошли с ума, не знаю... но мы решили привести в исполнение смертный приговор, от которого Кассетти удалось бежать. Нас было тогда две-

надцать, вернее, одиннадцать — отец Сюзанны был, разумеется, во Франции. Сначала мы думали бросить жребий, кому убить Кассетти, но потом нашему шоферу Антонио пришла в голову мысль о суде присяжных. А Мэри разработала весь план в деталях с Гектором Маккуином. Он обожал Соню, мою дочь... Это он объяснил нам, как Кассетти с помощью денег улизнул от расплаты.

Немало времени ушло на то, чтобы осуществить наш план. Сначала нужно было выследить Рэтчетта. Это в конце концов удалось Хардману. Затем мы попытались определить на службу к Кассетти Гектора и Мастермэна или хотя бы одного из них. И это нам удалось. Потом мы посоветовались с отцом Сюзанны. Полковник Арбэтнот настаивал, чтобы нас было ровно двенадцать. Ему казалось, что так будет законнее. Он говорил, что ему претит орудовать кинжалом, но ему пришлось согласиться с тем, что это сильно упростит нашу задачу. Отец Сюзанны охотно к нам присоединился. Кроме Сюзанны, у него не было детей. Мы узнали от Гектора, что Рэтчетт вскоре покинет Восток и при этом обязательно поедет «Восточным экспрессом». Пьер Мишель работал на этом экспрессе проводником — такой случай нельзя было упустить. Вдобавок тем

самым исключалась возможность навлечь подозрения на людей, не причастных к убийству. Мужа моей дочери, конечно, пришлось посвятить, и он настоял на том, чтобы поехать с ней. Гектору удалось подгадать так, чтобы Рэтчетт выбрал для отъезда день, когда дежурил Мишель. Мы хотели скупить все места в вагоне Стамбул — Кале, но нам не повезло: одно купе было заказано. Его держали для директора компании. Мистер Харрис — это, конечно же, выдумка чистейшей воды. Видите ли, если бы в купе Гектора был посторонний, это нам очень помешало бы. Но в последнюю минуту появились вы... — Она запнулась. — Ну что ж, — продолжала она. — Теперь вы все знаете, мсье Пуаро. Что вы собираетесь предпринять? Если вы должны поставить в известность полицию, нельзя ли переложить всю вину на меня, и только на меня? Да, я охотно проткнула бы его кинжалом и двенадцать раз. Ведь он виновен не только в смерти моей дочери и внучки, но и в смерти другого ребенка, который мог бы жить и радоваться. Но и это еще не все. Жертвами Кассетти были многие дети и до Дейзи; у него могли оказаться и другие жертвы в будущем. Общество вынесло ему приговор: мы только привели его в исполнение. Зачем привлекать

к этому делу всех? Они все верные друзья — и бедняга Мишель... А Мэри и полковник Арбэтнот — ведь они любят друг друга...

Ее красивый голос эхом отдавался в переполненном вагоне — низкий, волнующий, хватающий за душу голос, многие годы потрясавший нью-йоркскую публику.

Пуаро посмотрел на своего друга:

— Вы директор компании, мсье Бук. Что вы на это скажете?

Мсье Бук откашлялся.

— По моему мнению, мсье Пуаро, — сказал он, — ваша первая версия была верной, совершенно верной. И я предлагаю, когда явится югославская полиция, изложить эту версию. Вы не возражаете, доктор?

— Разумеется, — сказал доктор Константин, — а что касается... э... медицинской экспертизы, мне кажется, я допустил в ней одну-две ошибки.

— А теперь, — сказал Пуаро, — я изложил вам разгадку этого убийства и имею честь откланяться.

УБИЙСТВО
НА ПОЛЕ ДЛЯ ГОЛЬФА

Глава 1
ПОПУТЧИЦА

Вероятно, многие помнят известный анекдот о том, как молодой автор, желая сразить наповал пресыщенного редактора, которого ничем уже не проймешь, сразу взял быка за рога и начал свой роман словами: «Черт побери! — воскликнула герцогиня».

Удивительное совпадение, но история, которая приключилась со мною, имеет очень похожее начало. Правда, юная леди, с уст которой сорвалось упомянутое мною энергическое выражение, явно не принадлежала к титулованным особам.

Стояло самое начало июня. Закончив дела в Париже, я возвращался утренним поездом в Лондон, где мы с моим старым другом Эркюлем Пуаро, удалившимся от дел бельгийским сыщиком, снимали квартиру.

Экспресс Париж — Кале[36] был на удивление пуст. В купе, кроме меня, находился всего один пассажир, которого я едва приметил краем глаза,

---

[36] Примечания: 36

Кале — город во Франции на проливе Па-де-Кале, отделяющем Францию от Англии.

озабоченно пересматривая свой багаж, наспех упакованный в гостинице. Но вот поезд тронулся, и тут мой попутчик, вернее, попутчица весьма решительно напомнила о своем присутствии. Вскочив с места, она опустила стекло и высунулась наружу, потом, со стуком водворив его на место, громко выпалила: «Черт подери!»

Вообще-то по нынешним временам я несколько старомоден, считаю, например, что женщине не пристало расставаться с исконными женскими добродетелями. Терпеть не могу нынешних нервических молодых особ, которые только и знают, что дергаются под музыку джаз-банда, дымят, точно паровоз, и изъясняются так, что могут вогнать в краску торговок с Биллингсгейта[37].

Я бросил не слишком приветливый взгляд на хорошенькую головку, лихо увенчанную маленькой красной шляпкой. Довольно дерзкая девица! Густые черные завитки скрывали уши. Вряд ли ей было больше семнадцати, несмотря на толстый слой пудры, покрывавшей ее лицо, и губы, накрашенные не просто ярко, а что называется вырви глаз.

Нимало не смущаясь, она ответила на мой

---

[37] Примечания: 37
Биллингсгейт — большой рыбный рынок в Лондоне.

взгляд и скорчила презрительную гримаску.

— Скажите на милость! Почтенный джентльмен, кажется, шокирован! — воскликнула она, адресуясь к воображаемой публике. — Прошу прощения! Дурной тон и всякое такое... но, ей-богу, я не виновата! Представляете, куда-то делась моя сестра, моя единственная сестра!

— Вот как? — вежливо осведомился я. — Право, мне очень жаль!

— Он нас осуждает, — заметила девушка. — Осуждает и меня, и мою сестру. И это уже совсем несправедливо, ведь он ее даже не видел.

Я хотел было возразить ей, но она и рта не дала мне открыть:

— Ни слова более! Никто меня не любит! Я удалюсь в пустыню и буду жить, акридами питаясь![38] О-о-о! О, горе мне, о, горе!

Она спряталась за французским юмористическим журналом огромного формата. Но не прошло и минуты, как я заметил, что девушка поверх журнала украдкой кидает на меня любопытные взгляды. Как я ни крепился, мне не удалось сдержать улыбки. Тогда и она, отбросив журнал, разразилась веселым смехом.

---

[38] Примечания: 38

Фразеологическое выражение, означающее скудно, впроголодь питаться (акриды — род съедобной саранчи).

— Я так и думала — вы не такой зануда, каким показались мне вначале! — воскликнула она.

Незнакомка смеялась так заразительно, что и я невольно тоже расхохотался, хотя словечко, которым она наградила меня, было не слишком лестно.

— Ну вот! Мы и подружились! — объявила дерзкая девчонка. — Скажите, вы огорчены, что моя сестра...

— Я безутешен!

— Смотрите, какой добренький!

— Однако позвольте мне закончить мою мысль. Я хотел сказать, хоть я и безутешен, надеюсь, я как-нибудь примирюсь с ее отсутствием, — заметил я, отвешивая легкий поклон.

В ответ на мои слова эта абсолютно непредсказуемая особа нахмурилась и покачала головой.

— Ну, хватит! Мне больше нравится, как вы изображаете благородное негодование. Не нашего, мол, круга. И тут вы совершенно правы, хотя имейте в виду, в наше время не так все просто. Не каждый отличит даму полусвета от герцогини. Ну вот, кажется, я снова шокировала вас! И откуда вы такой взялись, ну просто допотопный тип. А впрочем, мне это даже нравится. Я ведь моту поладить с каким-нибудь снобом и похлеще вас.

Но вот кого терпеть не могу, так это нахалов! Они меня просто в бешенство приводят.

Она решительно тряхнула головой.

— Интересно, какая вы в бешенстве? — с улыбкой спросил я.

— О, сущий черт! Могу натворить что угодно! Однажды чуть по физиономии не врезала одному типу. И поделом ему!

— Пожалуйста, — взмолился я, — не впадайте в бешенство в моем присутствии.

— Обещаю. Вообще-то вы мне с первого взгляда понравились. Правда, вид у вас был ужасно неприступный, никогда бы не подумала, что мы так славно разговоримся.

— Вот и ошиблись. А теперь расскажите мне немного о себе.

— Чего рассказывать? Я актриса. Нет, совсем не то, что вы думаете. Я с шести лет на арене — кувыркаюсь.

— Прошу прощения, не понял, — сказал я озадаченно.

— Вы что, не видели детей-акробатов?

— Ах вот оно что!

— Родилась в Америке, но почти все время живу в Англии. Сейчас мы подготовили новое выступление...

— Мы?

— Ну да, мы с сестрой. Песни, танцы, репризы, ну и немного акробатики. Словом, совсем новый жанр, публику бьет наповал. Надеемся, сборы будут...

Доверчиво подавшись ко мне, моя новая знакомая пустилась рассуждать о предмете, в котором я был совершенный профан. Однако неожиданно для самого себя я обнаружил, что девушка вызывает у меня все больший интерес. Меня забавляло в ней необычное сочетание ребячливости и женственности. Вопреки явному желанию казаться этакой опытной, искушенной особой, способной постоять за себя, в ней проглядывало детское простодушие и наивная решимость во что бы то ни стало преуспеть в своем деле.

Тем временем мы миновали Амьен, который слишком живо напоминал мне о недавнем прошлом[39]. Моя спутница каким-то шестым чувством поняла, что творится в моей душе.

— Войну вспоминаете, да?

Я кивнул.

---

[39] Примечания: 39

Амьен — город на севере Франции на реке Сомма, где во время Первой мировой войны в августе 1918 года англо-французские войска провели крупную наступательную операцию против немецких армий, которая привела к поражению Германии и ее последующей капитуляции.

— Участвовали в сражениях?

— Еще как! Был ранен, ну а потом, после Соммы, меня демобилизовали. Теперь я что-то вроде личного секретаря у одного члена парламента.

— Вот это да! Интересно, должно быть?

— Ну, не сказал бы. Делать там решительно нечего. Мои обязанности отнимают у меня не более двух часов в день. Весьма нудная работа. Просто не знаю, что бы я делал, если бы не нашел занятие, которое меня очень увлекает.

— Упаси господи! Неужто вы коллекционируете жуков?

— Да нет, успокойтесь! Я снимаю квартиру с одним очень интересным человеком. Он бельгиец, бывший детектив. Сейчас в Лондоне занимается частным сыском, непревзойденный специалист в этом деле. Поистине, это самый удивительный человек, какого мне приходилось встречать. Он не раз распутывал такие дела, где полиция оказывалась совершенно бессильна.

Моя хорошенькая спутница слушала, широко раскрыв глаза.

— До чего же интересно, правда? Я просто обожаю преступления. Ни одного детективного фильма не пропускаю, а уж когда случаются убийства, меня не оторвешь от газет.

— Слышали о деле в Стайлзе? — спросил я.

— Постойте, там почтенная старушка, которую отравили? Где-то в Эссексе?

Я кивнул.

— Ну так вот, это первое крупное дело Пуаро. Если бы не он, убийцу ни за что бы не нашли. Да, здесь он показал себя непревзойденным профессионалом.

Сев на любимого конька, я пустился вспоминать подробности этого запутанного дела, не преминув особенно ярко обрисовать его неожиданное и триумфальное завершение. Девушка слушала мой рассказ затаив дыхание. Мы были так поглощены разговором, что не заметили, как поезд прибыл в Кале.

Я подозвал носильщиков, и мы спустились на платформу. Девушка протянула мне руку:

— Прощайте, обещаю следить за своей речью.

— Позвольте хотя бы проводить вас на пароход?

— Нет, мне не на пароход. Подожду еще, может, моя сестра все же объявится. Но все равно спасибо.

— Как, неужели мы никогда больше не увидимся! И вы не скажете мне даже вашего имени? — вскричал я, видя, что девушка уходит.

Она оглянулась и, смеясь, бросила через плечо:

— Сандрильона![40]

Я и не подозревал в ту минуту, при каких обстоятельствах мне снова приведется встретиться с нею.

[40] Примечания: 40

Имя героини народной сказки о Золушке в версии французского писателя Ш.Перро (1628—1703)..

Глава 2
«РАДИ ВСЕГО СВЯТОГО, ПРИЕЗЖАЙТЕ!»

На следующее утро в пять минут десятого я вошел в нашу общую гостиную, где мы обычно завтракали. Мой друг Пуаро, отличавшийся необыкновенной пунктуальностью, как раз разбивал скорлупу второго яйца.

Увидев меня, он просиял.

— Надеюсь, хорошо спали? Пришли в себя от этой ужасной болтанки на море? Удивительно, вы сегодня явились к завтраку почти вовремя. Pardon, у вас галстук сбился. Позвольте, я поправлю.

Кажется, я уже где-то описывал наружность Эркюля Пуаро. Начать с того, что он необыкновенно мал ростом — пять футов и четыре дюйма, яйцеобразная голова, обычно немного склоненная набок; глаза, в которых в минуты возбуждения мелькает зеленая искорка; жесткие, воинственно торчащие усы; величавый, исполненный гордого достоинства вид. Одет всегда с иголочки и выглядит весьма элегантно. Невероятный аккуратист.

Во всем без исключения. Небрежно завязанный галстук, загнувшийся уголок воротничка или ничтожная пылинка на одежде причиняют ему невыносимые страдания, если только он лишен возможности немедленно и собственноручно навести должный порядок. Порядок и методичность — вот два идола, которым он поклоняется. Он всегда испытывал легкое презрение к вещественным уликам, таким, скажем, как следы или пепел от сигареты, утверждая, что сами по себе они ни в коей мере не могут помочь расследованию. Постукивая по своей яйцеобразной голове, он, бывало, говорил с забавным самодовольством: «Настоящая работа совершается здесь, внутри, серыми клеточками. Никогда не забывайте о серых клеточках, mon ami»[41].

Я подсел к столу и небрежно заметил в ответ, что назвать «ужасным» короткое, не более часа, морское путешествие из Кале в Дувр[42], пожалуй, было бы с моей стороны сильным преувеличением.

— А что почта, нет ли чего-нибудь занятного?

---

[41] Примечания: 41

Мой друг *(фр.)*.

[42] Примечания: 42

Дувр — город и порт в Великобритании в графстве Кент у пролива Па-де-Кале, ближайший к европейскому берегу.

— осведомился я.

Пуаро разочарованно покачал головой.

— Правда, писем я еще не читал, да и то сказать, что может быть интересного в наши дни? Великие преступления, разгадка которых требует безупречно организованной работы ума, где они?

И он поник головой с таким унылым видом, что я невольно расхохотался.

— Не падайте духом, Пуаро, удача еще улыбнется вам. Прочтите письма — как знать, вдруг какое-нибудь занятное дело замаячит на горизонте?

Пуаро улыбнулся и, взяв маленький изящный нож для разрезания бумаг, которым неизменно пользовался, вскрыл несколько конвертов, лежавших подле его тарелки.

— Счет. Еще один. Кажется, к старости я становлюсь мотом. А! Послание от Джеппа.

— Да? — Я навострил уши.

Инспектор Джепп из Скотленд-Ярда уже не раз подкидывал нам интересные дела.

— Всего лишь благодарность (в его обычной манере) за то, что я немного помог ему в деле Эберистуайта — указал верное направление расследования. Рад, что мог быть полезен ему.

Пуаро неторопливо продолжал просматривать корреспонденцию.

— Предлагают прочесть лекцию местным бойскаутам[43]. Графиня Форфэнок будет весьма признательна, если я навещу ее, предварительно позвонив по телефону. Наверняка опять болонка пропала! Так, а вот и последнее. Ого!..

Я вскинул глаза, сразу уловив перемену в его голосе. Пуаро внимательно вчитывался в письмо. Минуту спустя он протянул листок мне.

— Что-то не совсем обычное, mon ami. Прочтите сами.

Письмо было написано на бумаге иностранного образца отчетливым, характерным почерком:

Вилла «Женевьева»,
Мерлинвиль-сюр-Мер,
Франция

Дорогой сэр, крайне нуждаясь в помощи детектива, я по причинам, которые объясню вам позже, не желаю прибегать к услугам полиции. Будучи много наслышан о ваших недюжинных способностях и

[43] Примечания: 43

Организация детей и юношества (с 8 до 20 лет), возникшая в Англии в 1908 году и проповедующая христианские моральные ценности, здоровый образ жизни, патриотизм, физическое развитие.

крайней осмотрительности, уверен, что могу положиться на вашу сдержанность. Не решаясь доверить все обстоятельства моего дела бумаге, могу сообщить лишь, что некие секретные сведения, которыми я располагаю, заставляют меня ежечасно опасаться за свою жизнь. Убежден, что неминуемая беда нависла надо мною, и потому умоляю вас не медлить. В Кале вас будет ждать автомобиль, прошу только телеграфировать время прибытия. Буду чрезвычайно обязан, если вы сможете оставить дела, которыми сейчас занимаетесь, и целиком посвятить себя моим интересам. Готов выплатить вам необходимую компенсацию. Вероятно, я буду нуждаться в вашей помощи довольно длительное время, ибо может случиться, что вам придется поехать в Сантьяго, где я в свое время провел несколько лет. Предоставляю вам самому назвать сумму вознаграждения, с которой я заранее согласен.

Еще раз заверяю вас, что дело не терпит отлагательств.

С совершенным почтением

П.Т. Рено.

Внизу, под подписью, видно наспех, нацарапали приписку, которую с трудом можно было разобрать:

«Ради всего святого, приезжайте!»

Я вернул письмо Пуаро, чувствуя, как сердце забилось у меня в груди.

— Ну, наконец-то! — воскликнул я. — Безусловно, это что-то из ряда вон выходящее.

— Возможно, — сказал Пуаро в раздумье.

— Вы, конечно, поедете, — продолжал я.

Пуаро кивнул. Он сидел, целиком уйдя в свои мысли, потом, видно приняв решение, бросил взгляд на часы. Лицо его было чрезвычайно серьезно.

— Итак, мой друг, не будем терять времени. Впрочем, экспресс «Континенталь» отправляется от вокзала Виктория[44] в одиннадцать часов, так что можно не волноваться. Минут десять мы еще можем поговорить. Вы ведь поедете со мной,

---

[44] Примечания: 44

Вокзал Виктория — крупный лондонский вокзал, откуда отправляются поезда к портам на южном побережье Англии.

n'est-ce pas?[45]

— Да, но...

— Вы же говорили, что в ближайшие полмесяца не понадобитесь вашему шефу.

— Да, верно. Но этот мосье Рено ясно дал понять, что его дело чрезвычайно конфиденциально.

— Не тревожьтесь. С мосье Рено я все улажу. Кстати, это имя мне как будто знакомо.

— Есть, например, известный южноамериканский миллионер Рено. Может быть, это он и есть?

— Без сомнения. Тогда понятно, почему он упоминает Сантьяго. Сантьяго — в Чили, а Чили — в Южной Америке! О! Вот мы все и выяснили! А вы обратили внимание на постскриптум? Вам он не показался странным?

Я задумался.

— Видимо, когда мосье Рено писал письмо, он еще владел собою, а последние четыре слова черкнул в порыве отчаяния.

В ответ Пуаро решительно покачал головой.

— Ошибаетесь, мой друг. Разве вы не видите, что письмо написано яркими, черными чернилами, а постскриптум — совсем бледными?

---

[45] Примечания: 45
Не так ли? *(фр.)*

— Ну и что же? — спросил я озадаченно.

— Mon Dieu[46], mon ami, напрягите же свои серые клеточки! Разве не понятно? Мосье Рено написал письмо. Не промокнув чернила, он внимательно перечитал его. Потом, отнюдь не в порыве отчаяния, а совершенно обдуманно он приписал эти последние слова и только тут промокнул письмо.

— Зачем?

— Parbleu![47] Да чтобы они произвели на меня такое же сильное впечатление, как на вас.

— Вот как?

— Mais oui[48]. Он хочет заручиться моим согласием. Он перечел письмо и остался недоволен. Решил, что получилось недостаточно убедительно.

Пуаро помолчал, потом вкрадчиво заговорил, и глаза его сверкнули зеленым огнем, который неизменно указывал, что мой друг охвачен азартом:

— Итак, mon ami, именно потому, что постскрип-

---

[46] Примечания: 46
Бог мой *(фр.).*

[47] Примечания: 47
Черт побери! *(фр.)*

[48] Примечания: 48
Ну конечно же *(фр.).*

тум сделан не в порыве отчаяния, а спокойно и хладнокровно, мосье Рено крайне необходимо мое присутствие и мы должны отправиться в путь немедленно.

— Мерлинвиль, — пробормотал я задумчиво. — Сдается мне, я что-то слышал о нем.

Пуаро кивнул.

— Да, это небольшой, но модный курорт где-то между Булонью[49] и Кале. Вероятно, у мосье Рено есть дом в Англии?

— Да, помнится, в Ратленд-Гейте. И большое поместье где-то в Хартфордшире[50]. Но вообще-то я мало что знаю о нем, он ведь не общественный деятель. Думаю, что он ворочает в Сити[51] крупными делами, связанными с Южной Америкой, и что бывает в Чили и Аргентине.

— Ну да ладно, все это мы сможем узнать у него самого. Что ж, давайте собираться в дорогу — упакуем самое необходимое и закажем такси до вокзала Виктория.

---

[49] Примечания: 49

Булонь — город и порт на западе Франции у пролива Па-де-Кале.

[50] Примечания: 50

Хартфордшир — графство в Англии недалеко от Лондона.

[51] Примечания: 51

Сити — самоуправляющийся административный район в восточной части Лондона, один из крупнейших финансовых и коммерческих центров мира.

В одиннадцать часов мы уже отбыли в Дувр. Перед отходом поезда Пуаро отправил мосье Рено телеграмму, в которой уведомлял о времени нашего прибытия в Кале.

На пароходе я счел за лучшее не нарушать уединение моего друга. Погода стояла великолепная, и море было спокойное, точно пресловутая тихая заводь, поэтому, когда мы сходили с парохода в Кале, я ничуть не удивился, увидев улыбку на лице Пуаро. Однако тут нас ждало разочарование — нас не встречали, и обещанного автомобиля не было, правда, Пуаро предположил, что телеграмму просто еще не успели получить.

— Ничего, наймем автомобиль, — бодро заявил он.

Не прошло и нескольких минут, как мы уже тряслись в самой старой и дребезжащей колымаге, какую только можно себе вообразить, по направлению к Мерлинвилю.

Я чувствовал необычайный подъем, между тем как Пуаро поглядывал на меня довольно сурово.

— Ваша веселость не к добру, Гастингс. «Фей»[52], как говорят шотландцы.

— Какая чепуха! Вы, стало быть, не разделяете

---

[52] Примечания: 52
Предвещающий несчастье *(шотл.).*

мои чувства?

— Нисколько. Напротив, я испытываю страх.

— Страх?

— Да. У меня дурные предчувствия. Боюсь, je ne sais quo[53].

Пуаро так мрачно изрек это, что я невольно поддался его настроению.

— У меня такое ощущение, — медленно проговорил он, — что нам предстоит серьезное дело, запутанное и опасное. Во всяком случае, разобраться будет нелегко.

Я хотел было порасспросить его, но тут мы как раз въехали в Мерлинвиль, который и впрямь оказался небольшим курортным городишком, и притормозили, чтобы разузнать дорогу к вилле «Женевьева».

— Все время прямо, мосье, через весь город. Вилла «Женевьева» примерно в полумиле от него. Вы ее сразу увидите. Большая вилла, смотрит на море.

Поблагодарив прохожего, мы пустились в путь, и вот город уже позади. У развилки нам снова пришлось остановиться. По дороге плелся крестьянин, и мы стали ждать, пока он приблизится,

---

[53] Примечания: 53
Сам не знаю чего *(фр.)*

чтобы узнать, куда нам свернуть. У самой дороги, правда, стояла небольшая вилла, но она была столь ветха и неказиста, что ее никак нельзя было принять за виллу «Женевьева». Пока мы ждали, калитка маленькой виллы отворилась, и на дорогу вышла девушка.

Тем временем крестьянин поравнялся с нами, и шофер высунулся в окошко, чтобы расспросить его.

— Вилла «Женевьева»? Направо, мосье, тут рукой подать. Да вы сразу увидите ее за поворотом.

Шофер поблагодарил его, и мы двинулись дальше. А я не мог глаз оторвать от девушки. Она стояла, держась рукой за калитку, и смотрела нам вслед. Девушка была так хороша, что ее всякий бы заметил, не говоря уж обо мне, искреннем поклоннике женской красоты. Очень высокая, сложена как юная богиня, непокрытая золотистая головка сверкает в солнечных лучах — готов поклясться, это было самое прелестное создание, какое мне доводилось видеть в своей жизни. Я чуть не свернул шею, оглядываясь на нее, пока наша колымага тряслась по ухабистой дороге.

— Боже мой, Пуаро! — вскричал я. — Вы видели эту юную богиню?

Пуаро поднял брови.

— Ça commence[54], — пробормотал он. — Вы уже успели высмотреть богиню!

— Но, черт возьми, разве она не богиня?

— Не знаю, не заметил.

— Но вы же ее видели!

— Mon ami, редко случается, когда два разных человека видят одно и то же. Вы, например, увидели богиню, а я... — Он помедлил.

— Что?

— А я увидел девушку с тревожным взглядом, — мрачно закончил Пуаро.

Тут как раз мы подъехали к высоким зеленым воротам и оба издали возглас удивления: полицейский весьма внушительного вида поднял руку, преградив нам путь:

— Сюда нельзя, мосье.

— Нам необходимо видеть мосье Рено! — вскричал я. — Он ждет нас. Это ведь его вилла, да?

— Да, но...

Пуаро подался вперед.

— Но что?

— Мосье Рено убит сегодня утром.

---

[54] Примечания: 54
Ну, начинается! *(фр.)*

Глава 3
ВИЛЛА «ЖЕНЕВЬЕВА»

Я и глазом не успел моргнуть, как Пуаро уже выскочил из автомобиля. Глаза его возбужденно сверкали.

— Что? Вы говорите, убит? Когда? Каким образом?

Полицейский важно выпрямился.

— На вопросы отвечать не положено, мосье.

— Понятно. — Пуаро на минуту задумался. — Комиссар полиции, я полагаю, здесь?

— Да, мосье.

Пуаро, достав свою визитную карточку, набросал на ней несколько слов.

— Voila[55]. Пожалуйста, немедленно передайте это комиссару.

Полицейский взял карточку и, обернувшись назад, свистнул. Тут же подошел еще один полицейский, которому и была вручена записка. Через несколько минут плотный коротышка с огромными усами торопливо вышел из ворот. Полицейский, взяв под козырек, отошел в сторону.

---

[55] Примечания: 55
Вот! *(фр.)*

— Мой дорогой мосье Пуаро! — вскричал незнакомец. — Счастлив видеть вас. Вы как нельзя более кстати.

Пуаро просиял.

— Мосье Бекс! Как я рад! Это мой друг капитан Гастингс, англичанин, — представил он меня. — А это мосье Люсьен Бекс.

Мы церемонно раскланялись, и мосье Бекс снова обратился к Пуаро:

— Mon vieux[56], ведь мы виделись в последний раз в девятьсот девятом, в Остенде[57]. Вам что-нибудь известно о мосье Рено?

— Думаю, не смогу сообщить вам ничего полезного. Вы знаете, что меня сюда вызвали?

— Нет. Кто вас вызвал?

— Мосье Рено. Видимо, он догадывался, что кто-то покушается на его жизнь. К несчастью, он обратился ко мне слишком поздно.

— Sacre tonnerre![58] — воскликнул Бекс. — Значит, он знал, что его хотят убить! Это совершенно меняет дело! Однако давайте войдем в дом.

---

[56] Примечания: 56
Старина *(фр.).*

[57] Примечания: 57
Остенде — морской курорт на северо-западе Бельгии.

[58] Примечания: 58
Черт побери! *(фр.)*

Он распахнул ворота, и мы направились к дому. Мосье Бекс продолжал:

— Надо немедленно сообщить об этом следователю мосье Отэ. Он только что закончил осмотр места преступления и приступает к опросу свидетелей.

— Когда было совершено преступление? — спросил Пуаро.

— Тело нашли сегодня утром около девяти часов. Из слов мадам Рено и медицинского заключения следует, что смерть наступила, вероятно, около двух часов ночи. Прошу вас, входите.

Мы поднялись по ступеням, ведущим к парадной двери. В холле сидел еще один полицейский. Увидев комиссара, он встал.

— Где мосье Отэ? — спросил его Бекс.

— В гостиной, мосье.

Мосье Бекс отворил левую дверь, и мы вошли. Мосье Отэ и его помощник сидели, склонившись, у большого круглого стола. Когда мы вошли, они подняли головы и взглянули на нас. Комиссар представил нас и объяснил, как мы здесь оказались.

Следователь мосье Отэ был высок, сухопар, с пронзительным взглядом темных глаз и аккуратно подстриженной седой бородкой, которую

имел обыкновение слегка поглаживать во время беседы. У камина стоял пожилой, немного сутулый человек, которого нам представили как доктора Дюрана.

— Поразительно, — сказал мосье Отэ, выслушав рассказ комиссара. — Письмо у вас с собой, мосье?

Пуаро протянул ему письмо, и следователь погрузился в чтение.

— Хм! Он пишет о какой-то тайне. Досадно, что он ничего не объяснил. Мы весьма обязаны вам, мосье Пуаро. Надеюсь, вы окажете нам честь и поможете расследовать это дело, если, конечно, у вас нет более неотложных дел в Лондоне.

— Я намерен остаться здесь, господин следователь. К несчастью, я прибыл слишком поздно и не смог предотвратить смерть мосье Рено, однако почитаю своим долгом найти убийцу.

В ответ следователь поклонился.

— Это делает вам честь, мосье Пуаро. Мадам Рено, без сомнения, также пожелает воспользоваться вашими услугами. С минуты на минуту должен прибыть мосье Жиро из парижской Сюртэ[59]. Уверен, вы окажетесь полезны друг

---

[59] Примечания: 59

Сюртэ — традиционное название французской уголовной полиции.

другу в этом расследовании. А пока, надеюсь, вы не откажетесь присутствовать при допросе свидетелей. Само собой, если вам потребуется какая-либо помощь, вы ее немедленно получите.

— Благодарю, мосье. Вы ведь понимаете, что я пока в полном неведении. Мне абсолютно ничего не известно.

Мосье Отэ подал знак комиссару, и тот начал рассказ:

— Сегодня утром Франсуаза, старая служанка, спустившись в холл, чтобы заняться своей обычной работой, увидела, что парадная дверь приоткрыта. Она всполошилась — может, в доме побывали воры? — и бросилась в столовую.

Убедившись, что серебро на месте, она успокоилась, решила, что хозяин, наверное, встал пораньше и вышел прогуляться.

— Прошу прощения, мосье, у него была такая привычка?

— Нет, но старуха Франсуаза, да и многие другие тоже, считает, что англичане все ненормальные и от них можно ожидать чего угодно. Горничная Леони, молодая девушка, войдя, как всегда, к своей госпоже, чтобы разбудить ее, в ужасе обнаружила, что мадам Рено связана и во рту у нее кляп. Почти в ту же минуту пришли с сообщени-

ем, что найдено уже остывшее тело мосье Рено, убитого ударом ножа в спину.

— Где?

— Где! Вот тут мы и сталкиваемся с самым загадочным обстоятельством этого дела. Мосье Рено лежал ничком возле вырытой могилы.

— Что?

— Да, возле свежевырытой могилы, в нескольких ярдах от живой изгороди, окружающей виллу.

— И он был мертв... Когда же наступила смерть?

На этот вопрос ответил доктор Дюран:

— Я осмотрел тело сегодня утром, в десять часов. Смерть наступила, должно быть, не менее чем семь, а то и десять часов назад.

— Гм! Значит, между полуночью и тремя часами ночи.

— Совершенно верно. Судя по словам мадам Рено, это случилось после двух часов ночи, что еще более суживает временной интервал. Смерть, должно быть, была мгновенной. Версия самоубийства, естественно, отпадает.

Пуаро кивнул, и комиссар снова заговорил:

— Насмерть перепуганные служанки развязали мадам Рено. Она была ужасно слаба, почти без

сознания от боли, которую причинили ей веревки. Как выяснилось, двое незнакомцев в масках ворвались в спальню, засунули ей в рот кляп и связали, а мосье Рено силой куда-то увели. Все это нам с ее слов передали слуги. Узнав о смерти мужа, мадам Рено испытала сильнейшее нервное потрясение. Доктор Дюран, прибыв на место происшествия, сразу дал ей успокоительное, и мы были лишены возможности допросить ее. Будем надеяться, что сон подкрепит ее, она придет в себя и сможет вынести такое тяжкое испытание, как допрос.

Комиссар помолчал.

— Кто еще живет в доме?

— Старуха Франсуаза, экономка, она служила здесь еще у прежних владельцев виллы «Женевьева». Затем две молодые девушки — сестры Дениз и Леони Улар. Родители их, весьма почтенные люди, живут в Мерлинвиле, у них там дом. Кроме того, есть еще шофер, которого мосье Рено привез из Англии, но он сейчас в отпуске. Ну, и, наконец, сама мадам Рено и ее сын, мосье Жак Рено. Он в отъезде.

Пуаро наклонил голову. Мосье Отэ громко позвал:

— Маршо!

Появился полицейский.

— Позовите сюда Франсуазу.

Полицейский взял под козырек и удалился, но тут же вернулся в сопровождении испуганной Франсуазы.

— Ваше имя Франсуаза Аррише?

— Да, мосье.

— Давно ли вы служите на вилле «Женевьева»?

— Одиннадцать лет, сначала у мадам виконтессы[60], а потом, когда она этой весной продала виллу, я согласилась остаться здесь и служу теперь господину английскому милорду. Кто бы мог подумать...

Следователь перебил ее:

— Конечно, конечно. А теперь, Франсуаза, скажите мне, кто обычно запирает на ночь парадную дверь?

— Я, мосье. Всегда сама проверяю.

— И вчера вечером тоже?

— Да, я заперла ее, как обычно.

— Вы уверены?

— Клянусь всеми святыми, мосье.

— В котором часу это было?

---

[60] Примечания: 60

Виконт — дворянский титул в некоторых странах Западной Европы, в частности во Франции, средний между бароном и графом.

— Как всегда, мосье, в половине одиннадцатого.

— А где были все остальные в это время? Они что, уже легли спать?

— Мадам уже ушла к себе, Дениз и Леони поднялись наверх со мною вместе, а мосье все еще сидел у себя в кабинете.

— Значит, если кто-нибудь и мог отпереть дверь, так только сам мосье Рено?

Франсуаза пожала своими широкими плечами.

— Да разве стал бы он отпирать ее? Ведь того и гляди влезут воры или убийцы! Хорошенькое дело! Мосье не сумасшедший, чтобы отпирать дверь. Вот разве что когда он провожал даму...

— Даму? Какую даму? — нетерпеливо перебил ее следователь.

— Ну как какую? Даму, которая к нему приходила.

— Значит, у него вчера была дама?

— Ну да, мосье, и не только вчера, она часто приходила.

— Кто она? Вы ее знаете?

Франсуаза бросила на него хитрый взгляд.

— Откуда мне знать? — буркнула она. — Ведь не я ее вчера впускала.

— Ах так! — рявкнул следователь и стукнул кулаком по столу. — Шутить с полицией вздумали, да? Сию минуту назовите мне имя женщины, которая приходила к мосье Рено по вечерам!

— Полиция... полиция, — проворчала Франсуаза. — Вот уж не думала, что придется иметь дело с полицией. Да ладно, знаю я, кто она. Это мадам Добрэй.

Комиссар ахнул от неожиданности и даже подался вперед, всем своим видом выражая крайнее изумление.

— Мадам Добрэй? Вилла «Маргерит», что тут рядом?

— А я что говорю. Очень даже приятная дамочка.

Старуха презрительно вскинула голову.

— Мадам Добрэй, — бормотал комиссар. — Просто немыслимо!

— Voila, — проворчала Франсуаза. — Вот и говори вам после этого правду.

— Да нет, что вы, — поспешил ее успокоить следователь. — Нас просто удивило ваше сообщение, вот и все. Мадам Добрэй и мосье Рено, они что же, э-э?.. — Тут он деликатно замялся. — А? Наверное, так и было?

— Откуда мне знать? Впрочем, что ж тут уди-

вительного? Мосье ведь был milord anglais — tres riche[61] а мадам Добрэй, она еле концы с концами сводила, но tres chic[62], хотя они с дочерью живут очень скромно. Но меня не проведешь, это женщина с прошлым! Теперь она, правда, уже в летах, но, ma foi[63], еще хоть куда! Сама не раз видела, как мужчины на нее заглядываются. А в последнее время она — все в городе это заметили — в расходах не стесняется, видно, денежки-то завелись. А ведь было время, каждую копейку считали.

Франсуаза тряхнула головой с видом совершенной уверенности в своей правоте.

Мосье Отэ в задумчивости поглаживал бородку.

— А мадам Рено, — заговорил он наконец, — как она относилась к этой... дружбе?

Франсуаза пожала плечами.

— Она ведь всегда уж такая вежливая, такая обходительная... Говорят, она ничего и не подозревает. И все-таки сердце-то, оно ведь все

---

[61] Примечания: 61
Английский милорд — очень богатый *(фр.).*

[62] Примечания: 62
Очень шикарная *(фр.).*

[63] Примечания: 63
Ей-ей *(фр.).*

чувствует, как вы думаете, мосье? День ото дня мадам все худеет да бледнеет у меня на глазах. Теперь уж она совсем не та, что месяц назад, когда они приехали сюда. Мосье тоже очень изменился. Точно его что-то мучило. И нервный стал — вот-вот сорвется. А чему тут удивляться — такие странные отношения... Ни выдержки, ни благоразумия. Одно слово — style anglais[64].

Я от возмущения аж подпрыгнул на стуле, но следователь как ни в чем не бывало продолжал допрос, не удостоив внимания выпад Франсуазы.

— Так вы говорите, мосье Рено сам проводил мадам Доброй? Значит, она ушла?

— Да, мосье. Я слышала, как они вышли из кабинета и подошли к парадной двери. Мосье пожелал ей доброй ночи и запер дверь.

— В котором часу это было?

— Минут двадцать пять одиннадцатого, мосье.

— А когда мосье Рено пошел спать, вы не знаете?

— Минут через десять после нас. Эта лестница такая скрипучая, всегда слышно, когда кто-нибудь поднимается или спускается.

— Что же было потом? Ночью вы ничего не

---

[64] Примечания: 64
Английские манеры *(фр.)*.

слышали?

— Совсем ничего, мосье.

— Кто из прислуги раньше всех спустился вниз утром?

— Я, мосье. И сразу увидела распахнутую дверь.

— А окна, они все были закрыты?

— Да, мосье. Все было в порядке, ничего подозрительного.

— Хорошо, Франсуаза, можете идти.

Старуха зашаркала к дверям. На пороге она обернулась.

— Скажу вам одну вещь, мосье. Эта мадам Доброэй скверная женщина! Да-да, мы, женщины, лучше знаем друг друга. Это недостойная особа, попомните мои слова.

Покачивая головой с важным видом, Франсуаза удалилась.

— Леони Улар, — вызвал следователь.

Леони появилась на пороге, заливаясь слезами, чуть ли не в истерике. Но мосье Отэ оказался на высоте и весьма ловко справился с рыдающей девицей. Она только и твердила о том, как увидела связанную мадам с кляпом во рту, но зато уж живописала эту сцену с истинным драматизмом. Ночью же она, как и Франсуаза, ничего не

слышала.

Потом пришла очередь ее сестры Дениз, которая подтвердила, что хозяин, мосье Рено, разительно изменился в последнее время.

— С каждым днем он становился все угрюмее, потерял аппетит. Всегда был в дурном настроении.

У Дениз была своя версия преступления:

— Тут и думать нечего, с ним расправилась мафия! Эти двое в масках, кто они, как вы думаете? Ужас что творится в мире!

— Возможно, вы и правы, — невозмутимо заметил следователь. — А теперь скажите мне, милочка, это вы вчера рткрывапи дверь мадам Добрэй?

— Не вчера, мосье, а позавчера.

— А как же Франсуаза сказала, что мадам Добрэй была здесь вчера?

— Нет, мосье. Действительно, вчера мосье Рено посетила дама, но это была вовсе не мадам Добрэй.

Удивленный следователь выспрашивал и так и этак, но Дениз твердо стояла на своем. Она прекрасно знает мадам Добрэй. Та дама, что приходила вчера, правда, тоже брюнетка, но ниже ростом и гораздо моложе. Переубедить девушку

было невозможно.

— Вам раньше приходилось видеть эту даму?

— Нет, мосье, — сказала она и добавила неуверенно: — И еще, мне кажется, она англичанка.

— Англичанка?

— Да, мосье. Она спросила мосье Рено на очень хорошем французском, но акцент... пусть самый легкий, всегда выдает иностранцев. К тому же, когда они выходили из кабинета, они говорили по-английски.

— И вы слышали, о чем они говорили? Я хочу сказать, вы поняли что-нибудь?

— О, я хорошо говорю по-английски, — с гордостью ответила Дениз. — Правда, эта дама говорила слишком быстро, и я не ухватила смысла, но последние слова мосье Рено, которые он сказал, открывая дверь, я поняла.

Девушка помолчала, потом старательно, с трудом выговаривая слова, произнесла по-английски:

— Да-а... да-а... но, рати боога, идите сечас!

— Да, да, но, ради бога, сейчас уходите! — повторил следователь.

Он отпустил Дениз и, поразмыслив немного, снова вызвал Франсуазу. Он спросил ее, не могла ли она ошибиться, точно ли мадам Добрэй

приходила вчера. И тут Франсуаза выказала удивительное упрямство. Вот именно что мадам Добрэй была здесь вчера. И сомневаться тут нечего, конечно, это была она. А Дениз просто-напросто выставляется тут перед вами, voila tout[65]. И про иностранную даму она все сама сочинила. Хочет показать, что тоже не лыком шита — английский знает! Наверное, мосье и вообще ничего не говорил по-английски, а если и говорил, это ничего не доказывает, ведь мадам Добрэй отлично болтает по-английски, а с мосье и мадам Рено она только по-английски и разговаривает.

— А мосье Жак, сын мосье Рено, — он здесь часто бывает — так он вообще еле-еле говорит по-французски.

Следователь не стал спорить с Франсуазой, он только поинтересовался шофером и узнал, что как раз вчера мосье Рено отпустил Мастерса. Вероятно, ему не понадобится автомобиль, сказал мосье, и шофер может взять отпуск.

Тут я заметил, что Пуаро недоуменно нахмурился — лоб его над переносицей прорезала глубокая морщина.

— В чем дело? — прошептал я.

---

[65] Примечания: 65
Вот и все *(фр.)*

Он нетерпеливо тряхнул головой.

— Прошу прощения, мосье Бекс, надо полагать, мосье Рено и сам умел водить автомобиль?

Комиссар вопросительно посмотрел на Франсуазу, и она тотчас без колебаний ответила:

— Нет, сам мосье не водил автомобиль.

Пуаро еще больше нахмурился.

— Объясните же мне, что вас так тревожит, — нетерпеливо попросил я.

— Как вы не понимаете? Ведь в письме мосье Рено предлагал выслать автомобиль за мной в Кале.

— Может быть, он хотел нанять автомобиль, — предположил я.

— Возможно. Однако зачем нанимать, если у него есть собственный? И почему именно вчера он отправил шофера в отпуск, так неожиданно и поспешно? Может быть, он по какой-то причине нарочно хотел услать его отсюда до нашего приезда?

Глава 4
ПИСЬМО, ПОДПИСАННОЕ «БЕЛЛА»

Франсуаза вышла из комнаты. Следователь задумчиво барабанил пальцами по столу.

— Итак, мосье Бекс, — заговорил он наконец, — у нас имеются два взаимоисключающих показания. Кому мы должны больше верить — Франсуазе или Дениз?

— Дениз, — решительно заявил комиссар. — Ведь именно она впустила незнакомку. Франсуаза стара и упряма, к тому же явно питает неприязнь к мадам Добрэй. И кроме того, ведь мы с вами знаем, что у Рено была связь с другой женщиной.

— Tiens[66], — спохватился мосье Отэ. — Ведь мы совсем забыли сообщить мосье Пуаро вот об этом.

Он принялся рыться в бумагах на столе, нашел среди них письмо и протянул моему другу.

— Это письмо, мосье Пуаро, мы обнаружили в кармане плаща убитого.

Пуаро развернул письмо. Оно было написано

---

[66] Примечания: 66
Ах, да. *(фр.)*

по-английски, странным, неустоявшимся почерком, бумага местами затерлась и смялась.

«Мой бесценный!

Отчего ты так долго не пишешь мне? Ведь ты все еще любишь меня, как прежде, да? Твои письма в последнее время стали совсем другие — холодные и чужие, а потом это долгое молчание. Ты меня пугаешь. Вдруг ты разлюбил меня! Нет, это невозможно, я просто глупая девчонка, вечно придумываю бог весть что! Но если ты и правда разлюбил меня, я не знаю, что сделаю — убью себя, наверное! Не могу жить без тебя! Порой мне кажется, что у тебя другая женщина. Если так, пусть она не попадается мне на глаза... и ты тоже! Я скорее убью тебя, но не дам ей завладеть тобой! Я так решила!

Но что это, какой романтический бред я несу! Ты любишь меня, и я люблю тебя — да, люблю, люблю, люблю!

Обожающая тебя Белла».

Ни адреса, ни даты в письме не было. Пуаро с мрачным видом вернул его комиссару.

— И вы полагаете, что?..

Следователь только пожал плечами.

— Вероятно, мосье Рено попал в сети к этой англичанке, Белле. Потом он приезжает сюда, встречает мадам Добрэй и затевает с ней интрижку. Он остывает к прежней возлюбленной, и она начинает что-то подозревать. В ее письме содержатся недвусмысленные угрозы. На первый взгляд дело кажется даже слишком простым. Ревность! Ведь мосье Реноубит ударом в спину, а это явно свидетельствует о том, что преступление совершила женщина, так ведь, мосье Пуаро?

Пуаро кивнул.

— Удар в спину — да... но вот могила! Это же такая тяжелая работа. Женщине просто не под силу, мосье. Тут поработал мужчина.

— Да, да, вы совершенно правы. Как мы не подумали об этом! — пылко согласился комиссар.

— Вот я и говорю, — продолжал мосье Отэ, — на первый взгляд дело совсем простое, но... эти двое в масках, письмо, которое вы получили от мосье Рено, — все это никак не укладывается в единую схему. Тут мы имеем дело с рядом обстоятельств, не имеющих никакой связи с известными нам фактами. Ну а письмо, посланное вам, мосье Пуаро... Допускаете вы, что оно как-то соотносится с этой самой Беллой и ее угрозами?

Пуаро покачал головой.

— Едва ли. Такой человек, как мосье Рено, который вел жизнь, полную приключений и опасностей, да не где-нибудь, а в Южной Америке, неужели он стал бы просить защитить его от женщины?

Следователь с готовностью закивал головой.

— Совершенно с вами согласен. Стало быть, объяснение этому письму нам следует искать...

— В Сантьяго, — закончил фразу комиссар. — Я немедленно телеграфирую в полицию Сантьяго и запрошу все данные, так или иначе касающиеся мосье Рено: его любовные связи, деловые операции, друзья, враги — словом, все до мелочей. Думаю, это даст нам ключ к загадочному убийству.

И комиссар оглядел нас, ища одобрения и поддержки.

— Великолепно! — с чувством воскликнул Пуаро. — Скажите, а нет ли других писем от этой самой Беллы среди вещей мосье Рено?

— Нет. Разумеется, первое, что мы сделали, — просмотрели документы в его кабинете, но ничего интересного не нашли. Видимо, он самым тщательным образом привел все в порядок. Единственное, что наводит на размышление, так это

его странное завещание. Вот оно.

Пуаро пробежал документ глазами.

— Так. Тысячу фунтов наследует некий мистер Стонор. Кто он, кстати?

— Это секретарь мосье Рено. Он живет в Англии, но раза два приезжал сюда.

— Все остальное без всяких оговорок наследует его любимая жена Элоиза. Составлено довольно небрежно, но оформлено по всем правилам. Засвидетельствовано двумя служанками — Дениз и Франсуазой. Так всегда делают.

Пуаро отдал завещание мосье Отэ.

— Может быть, — начал Бекс, — вы не обратили внимания...

— На дату? — спросил Пуаро, и глаза его озорно сверкнули. — Ну конечно же, обратил. Две недели назад. Возможно, именно тогда он впервые почувствовал, какая опасность ему грозит. Довольно часто состоятельные люди умирают, не оставив завещания, ибо не думают о том, что смерть может подстерегать их на каждом шагу. Однако делать преждевременные выводы — весьма опасно. Во всяком случае, из завещания мосье Рено следует, что он питал искреннюю любовь и расположение к своей жене. Несмотря на любовные интрижки.

— Так-то оно так, — произнес мосье Отэ с сомнением в голосе, — но с сыном мосье Рено, похоже, обошелся несправедливо, ведь он поставил его в полную зависимость от матери. Если она снова выйдет замуж и ее муж будет иметь власть над нею, парень может не получить ни гроша из отцовских денег.

— Людям вообще свойствен эгоцентризм. Мосье Рено, вероятно, вообразил, что его вдова уже никогда больше не выйдет замуж. Ну а что касается сына, возможно, это весьма разумная предосторожность — оставить деньги в руках матери. Сынки богачей — известные повесы.

— Может быть, вы и правы. А теперь, мосье Пуаро, вы, конечно, хотели бы осмотреть место преступления. К сожалению, тело убрали, но, разумеется, были сделаны фотографии в разных ракурсах. Вам их принесут, как только они будут готовы.

— Благодарю, мосье, вы очень любезны.

Комиссар поднялся из-за стола:

— Прошу вас следовать за мной, господа. — Он отворил дверь и отвесил церемонный поклон Пуаро, пропуская его вперед.

Пуаро со свойственной ему галантностью отступил назад и поклонился комиссару.

— Прошу вас, мосье.

— Только после вас, мосье.

Наконец им обоим все-таки удалось протолкнуться в холл.

— А там, очевидно, его кабинет, hein?[67] — спросил вдруг Пуаро, кивнув на одну из дверей.

— Да. Хотите осмотреть?

Комиссар отворил дверь. Мы вошли.

Комната, которую мосье Рено выбрал для себя, хоть и небольшая, была меблирована с большим вкусом и очень уютна. У окна письменный стол с многочисленными ящичками и отделениями для бумаг, камин, перед ним глубокие кожаные кресла и круглый стол с книгами и свежими журналами.

Пуаро помедлил минуту, рассматривая комнату, потом подошел к креслам, провел рукой по спинкам, взял журнал со стола, осторожно провел пальцем по полке дубового буфета. Лицо его выразило совершенное удовлетворение.

— Что, пыли нет? — спросил я лукаво.

Он улыбнулся мне в ответ, оценив мое знание его маленьких слабостей.

— Ни пылинки, топ ami\ А жаль, на этот раз

---

[67] Примечания: 67
Не так ли? *(фр.)*

— жаль!

Его острый ястребиный взгляд мигом облетел комнату.

— А! — произнес он вдруг со вздохом облегчения. — Коврик перед камином завернулся! — С этими словами Пуаро нагнулся, чтобы расправить его.

Внезапно у него вырвалось удивленное восклицание, и он быстро выпрямился. В руке у него был маленький обрывок розовой бумаги.

— Что во Франции, что в Англии, — сказал он, — везде одно и то же — прислуга ленится выметать из-под ковров.

Бекс взял у него из рук бумажку, а я подошел поближе, чтобы рассмотреть ее.

— Догадываетесь, Гастингс, что это, а?

Я озадаченно помотал головой, но характерный розовый цвет бумаги что-то мне напоминал.

Оказалось, комиссар соображает быстрее меня.

— Обрывок чека! — вскричал он.

На клочке размером около двух квадратных дюймов чернилами было написано «Дьювин».

— Bien[68], — сказал Бекс. — Этот чек был выписан на имя некоего Дьювина или же подписан

---

[68] Примечания: 68
Так! *(фр.)*

им.

— Скорее первое, мне кажется, — сказал Пуаро. — Ибо, если я не ошибаюсь, это почерк мосье Рено.

Догадка Пуаро подтвердилась, когда мы сравнили его с завещанием, лежащим на столе.

— Боже мой, — удрученно пробормотал комиссар, — не могу понять, как я проглядел этот чек!

Пуаро засмеялся.

— Отсюда мораль — всегда заглядывай под коврики! Мой друг Гастингс может подтвердить: малейший непорядок в чем бы то ни было — для меня сущая пытка. Когда я увидел загнувшийся край коврика, я сказал себе: «Tiens![69] Сбился, когда отодвинули кресло». А что, если наша добрая Франсуаза недоглядела, подумал я, и там что-нибудь да найдется.

— Франсуаза?

— Ну или Дениз, Леони, все равно, тот, кто убирал комнату. Судя по тому, что пыли нет, убирали явно сегодня. Эти наблюдения позволяют представить себе, что здесь произошло. Вчера — вероятно, вечером — мосье Рено выписывает чек на имя некоего Дьювина. Потом чек рвут и

---

[69] Примечания: 69
Смотри-ка! *(фр.)*

клочки бросают на пол, а сегодня утром...

Не успел Пуаро договорить, а мосье Бекс уже нетерпеливо дергал шнур звонка.

Тут же явилась Франсуаза: да, на полу валялись бумаги. Куда она их дела? Конечно же, бросила в печь на кухне. Куда ж еще?

Выразив жестом крайнюю степень отчаяния, Бекс отпустил ее. Внезапно лицо его просветлело, он бросился к столу. И вот он уже листает чековую книжку покойного. И снова жест отчаяния — корешок последнего чека не заполнен.

— Мужайтесь! — воскликнул Пуаро, похлопывая его по спине. — Мадам Рено наверняка сможет пролить свет на этого таинственного Дьювина.

Комиссар немного приободрился.

— Да, правда. Ну что ж, продолжим.

Когда мы выходили из кабинета, Пуаро спросил как бы между прочим:

— А что, мосье Рено вчера вечером принимал свою гостью здесь, а?

— Да, именно здесь, а как вы узнали?

— А вот как — с помощью этого пустяка. Я нашел его на спинке кресла. — Двумя пальцами Пуаро держал длинный черный волос — женский волос!

Мосье Бекс вывел нас через заднюю дверь к

небольшому сараю, примыкающему к дому, достал из кармана ключ и отпер его.

— Тело здесь. Как раз перед вашим приездом мы перенесли его сюда; фотограф ведь уже все отснял.

Он распахнул дверь, и мы вошли. Убитый лежал на полу. Мосье Бекс проворно сдернул с трупа простыню. Мосье Рено был среднего роста, худощавый и стройный. Выглядел он лет на пятьдесят, волосы черные, с сильной проседью, лицо тщательно выбрито, нос длинный, тонкий, довольно близко посаженные глаза; кожа сильно загорелая, как у человека, который большую часть жизни провел под тропическим солнцем, зубы оскалены, и на мертвом лице застыло выражение крайнего изумления и ужаса.

— По его лицу сразу видно, что удар был нанесен неожиданно, — заметил Пуаро.

Он с величайшей осторожностью перевернул тело. На светлом песочного цвета плаще как раз между лопатками расплылось круглое темное пятно с продолговатым разрезом посередине. Пуаро принялся внимательно разглядывать тело.

— Что вы думаете по поводу орудия убийства?

— А что тут думать, нож просто-напросто торчал в ране.

Комиссар снял с полки стеклянную банку. Внутри я увидел небольшой нож с черной ручкой и узким блестящим лезвием вроде тех, которыми разрезают бумагу. В длину нож был не более десяти дюймов. Пуаро осторожно потрогал испачканное кровью острие.

— Ого! Да он преострый! Подумать только, такой маленький, хорошенький ножичек — и орудие убийства!

— К сожалению, мы не нашли на нем отпечатков пальцев, — сокрушенно сообщил мосье Бекс. — Очевидно, убийца был в перчатках.

— Ну разумеется, — небрежно заметил Пуаро. — Теперь даже в Сантьяго преступники осведомлены о таких мерах предосторожности. Что уж говорить о европейцах — тут любой непрофессионал знает не меньше нас с вами. А все эти газетчики раззвонили по всему свету о Бертильоновой системе[70]. Однако все равно я удивлен, что на ноже нет отпечатков. Ведь так заманчиво оставить чьи-то чужие отпечатки! А уж как полиция обрадуется. — Он покачал головой. — Боюсь,

---

[70] Примечания: 70

Бертильон А. (1853—1914) — французский криминалист, разработавший систему приемов судебной идентификации личности, включавшую словесный портрет, описание особых примет и др и применявшуюся полицией во всех странах до начала XX века

убийство совершил человек, для которого порядок и система — пустые слова, а быть может, он просто очень спешил. Впрочем, поглядим.

Пуаро снова повернул покойника на спину.

— Вижу, под плащом нет ничего, кроме нижнего белья, — заметил он.

— Да, следователь тоже отметил эту странность.

В этот момент кто-то постучал в дверь, которую мы заперли за собой, когда вошли в сарай. Бекс пошел отпирать. Это оказалась Франсуаза. С жадным любопытством она пыталась заглянуть внутрь.

— Ну, что там еще? — нетерпеливо буркнул Бекс.

— Мадам послала сказать, что ей уже гораздо лучше и она может говорить с господином следователем.

— Прекрасно, — обрадовался мосье Бекс. — Уведомьте мосье Отэ и передайте мадам, что мы сейчас будем.

Пуаро все медлил, глядя на убитого. Я даже подумал было, уж не собирается ли он дать клятву, что не успокоится, пока не найдет убийцу. Но, против ожидания, он не сказал ничего торжественного или значительного. Весьма обыденно

и просто он произнес несколько слов, которые показались мне до смешного неуместными в этот момент:

— Слишком уж длинный плащ он носил.

Глава 5
РАССКАЗ МАДАМ РЕНО

Мосье Отэ уже ожидал нас в холле, и мы все вместе, возглавляемые Франсуазой, двинулись вверх по лестнице. Пуаро поднимался как-то странно, зигзагами, чем немало меня озадачил. Заметив мое удивление, он подмигнул мне.

— Еще бы служанкам не слышать, как мосье Рено поднимался, — шепотом сказал он. — Ступеньки скрипят все до единой, от такого скрипа и мертвый проснется!

На лестничную площадку выходил также узкий боковой коридор.

— Здесь комнаты прислуги, — пояснил нам Бекс.

Нас же повели по широкому коридору. Франсуаза остановилась у последней двери справа и тихо постучала.

Слабый голос пригласил нас войти. Комната была просторная, солнечная, с окнами на море, которое синело и искрилось всего в какой-нибудь четверти мили от дома.

На кушетке высоко в подушках лежала рослая

женщина весьма примечательной наружности. Подле нее с озабоченным видом сидел доктор Дюран. Хотя мадам Рено была далеко не молода и ее некогда черные волосы сверкали серебром, в ней чувствовалась незаурядная личность, волевая и решительная. Словом, как говорят французы, une maotresse femme[71].

Она поздоровалась с нами легким, исполненным достоинства кивком.

— Прошу садиться, господа.

Мы сели в кресла, помощник следователя устроился за круглым столом.

— Надеюсь, мадам, — начал мосье Отэ, — вы сможете рассказать нам, что произошло ночью, если, разумеется, это не слишком тяжело для вас.

— Нет-нет, мосье. Ведь дорога каждая минута. Эти подлые убийцы должны быть пойманы и наказаны.

— Благодарю вас, мадам. Думаю, для вас будет менее утомительно, если я буду задавать вопросы, а вы ограничитесь только ответами на них. В котором часу вы легли спать вчера?

— В половине десятого, мосье. Я была очень утомлена.

---

[71] Примечания: 71
Сильная женщина *(фр.).*

— А ваш муж?

— По-моему, час спустя.

— Не показалось ли вам, что он расстроен или, может быть, взволнован?

— Нет, не более, чем обычно.

— Что же случилось потом?

— Мы спали. Проснулась я оттого, что кто-то зажал мне рот. Я пыталась закричать, но не смогла. Их было двое, и оба — в масках.

— Вы не могли бы описать их, мадам?

— Один очень высокий, с длинной черной бородой, другой — небольшого роста, коренастый, тоже с бородой, только рыжеватой. Оба в шляпах, надвинутых на самые глаза.

— Гм! — задумчиво произнес следователь. — Что-то многовато бород получается.

— Вы думаете, они накладные?

— Боюсь, что да, мадам. Но, прошу вас, продолжайте.

— Тот, что поменьше ростом, держал меня. Сначала он засунул мне в рот кляп, потом связал руки и ноги. Другой сторожил моего мужа. Он схватил с туалетного столика нож для разрезания бумаги, острый как бритва, и приставил его к груди мосье Рено. Когда коротышка связал меня, они оба занялись моим мужем, заставили его встать

и вывели в гардеробную. Я едва не потеряла сознание от ужаса, но все же отчаянно старалась хоть что-нибудь услышать.

Они говорили так тихо, что я ничего не могла разобрать. Но язык мне знаком, это ломаный испанский, распространенный в некоторых странах Южной Америки. Мне показалось, они сначала требовали что-то у моего мужа, потом, видно, разозлились и стали говорить громче. По-моему, высокий сказал: «Ты ведь знаешь, что нам нужно. Документы! Секретные документы! Где они?» Что ответил муж, я не слышала, только второй злобно прошипел: «Лжешь! Мы знаем, они у тебя. Где ключи?»

Потом я услышала, как они выдвигают ящики. Видите ли, в гардеробной мужа есть сейф, где он обычно держит наличные деньги, довольно крупные суммы. Леони говорит, что они вытряхнули все из сейфа, забрали деньги, но, видимо, того, за чем охотились, не нашли. Потом, слышу, высокий, проклиная все на свете, велит мужу одеваться. Но тут, видно, какой-то шум в доме спугнул их, и они втолкнули полуодетого мосье Рено в спальню.

— Pardon, — прервал ее Пуаро, — а другого выхода из гардеробной нет?

— Нет, мосье, там только одна дверь — в спальню. Они погнали моего мужа к двери — впереди коротышка, а последним высокий с ножом в руке. Поль пытался вырваться, подойти ко мне. В глазах его было отчаяние. «Мне надо поговорить с ней!» — крикнул он им, а мне сказал: «Ничего страшного, Элоиза. Только не пугайся. К утру я вернусь». Он старался говорить спокойно, но в его глазах был ужас, я видела. Потом они вытолкали его за дверь, и высокий сказал: «Только пикни попробуй — и тебе конец». Потом, — продолжала мадам Рено, — я, должно быть, потеряла сознание. Очнулась, только когда Леони растирала мне руки и уговаривала выпить немного бренди.

— Мадам Рено, — сказал следователь, — как вы думаете, что искали убийцы?

— Понятия не имею, мосье.

— Не замечали ли вы, что вашего мужа что-то тревожит?

— Да, я видела, что он очень переменился в последнее время.

— Как давно?

Мадам Рено подумала.

— Наверное, дней десять.

— Не раньше?

— Возможно, и раньше. Но я ничего не заме-

чала.

— А вы не пробовали расспрашивать его?

— Да, один раз, но он ответил как-то очень уклончиво. Тем не менее я была совершенно уверена, что он страшно о чем-то тревожится. Но он не хотел открыться, и, понимая это, я старалась делать вид, что ничего не замечаю.

— Было ли вам известно, что мосье Рено прибег к услугам детектива?

— Детектива? — воскликнула мадам Рено, видимо очень удивленная.

— Да, вот этого джентльмена — мосье Эркюля Пуаро. — Пуаро вежливо поклонился. — Он прибыл сегодня по вызову вашего мужа.

Достав письмо, которое мосье Рено отправил Пуаро, следователь подал его мадам Рено.

Она прочла его с неподдельным изумлением.

— Я и понятия не имела. Очевидно, Поль был уверен, что ему грозит опасность.

— А теперь, мадам, я прошу вас ответить мне совершенно откровенно. Когда ваш муж жил в Южной Америке, не случилось ли с ним чего-нибудь, что могло бы пролить свет на это дело?

Мадам Рено глубоко задумалась, но потом отрицательно покачала головой.

— Не знаю, что и сказать. Конечно, у мужа было

много недоброжелателей — ему многие завидовали, но ничего особенного я не могу припомнить. Возможно, что-то и было, только мне об этом ничего не известно.

Следователь разочарованно погладил свою бородку.

— Не могли бы вы сказать, в котором часу произошло нападение?

— Конечно, я отчетливо помню, как часы на камине пробили два раза.

И мадам Рено кивнула на часы с восьмидневным заводом, в дорогом кожаном футляре, стоящие посередине каминной полки.

Пуаро подошел к камину и принялся внимательно их разглядывать, потом кивнул, видимо вполне удовлетворенный результатами осмотра.

— А вот еще одни часы, — воскликнул мосье Бекс, — наручные, их, видно, смахнули с туалетного столика. Стекло, правда, вдребезги. Преступникам невдомек, что это может обернуться уликой против них.

Он осторожно собрал осколки.

Внезапно мосье Бекс замер.

— Mon Dieu! — невольно вырвалось у него.

— В чем дело?

— Стрелки показывают семь часов!

— Что?! — воскликнул в свою очередь следователь.

Однако Пуаро, находчивый, как всегда, взял часы из рук растерявшегося комиссара, поднес их к уху и улыбнулся.

— Ну да, стекло разбито, но часы идут.

Услышав столь простое объяснение, все облегченно вздохнули. Однако следователь не успокоился:

— Но, позвольте, ведь сейчас еще нет семи?

— Да, только пять минут шестого, — спокойно заметил Пуаро. — Вероятно, эти часы спешат, не так ли, мадам?

Мадам Рено нахмурилась, не зная, что ответить.

— Да, они спешат, — сказала она. — Правда, я не думала, что так сильно.

Следователь, нетерпеливо махнув рукой, прервал обсуждение темы разбитых часов и продолжил допрос:

— Мадам, парадная дверь была приоткрыта. Наверняка убийцы проникли в дом через нее, и, однако, — никаких следов взлома. Вы могли бы объяснить почему?

— Вероятно, муж выходил вечером погулять и, возвратившись, забыл запереть дверь.

— По-вашему, это возможно?

— Вполне. Он был очень рассеян.

Говоря это, мадам Рено слегка сдвинула брови, похоже, рассеянность покойного порой раздражала ее.

— Думаю, у нас есть основания сделать одно немаловажное заключение, — вмешался вдруг комиссар. — Убийцы предложили мосье Рено одеться, стало быть, место, где, как они предполагали, запрятаны интересующие их бумаги, должно находиться далеко отсюда.

Следователь кивнул в знак согласия.

— Несомненно. Однако и не слишком далеко, ведь мосье Рено сказал, что к утру вернется.

— Когда отходит последний поезд из Мерлинвиля? — спросил Пуаро.

— В двадцать три пятьдесят в одном направлении и в ноль семнадцать — в другом, но, скорее всего, у них был автомобиль.

— Конечно, — согласился Пуаро, который, казалось, был чем-то озабочен.

— А ведь у нас, пожалуй, есть шанс напасть на их след, — воодушевляясь, снова заговорил следователь, — вряд ли автомобиль с двумя иностранцами остался незамеченным. Это же замечательно, мосье Бекс.

Но, тут же согнав с лица довольную улыбку и вновь став серьезным, Отэ обратился к мадам Рено:

— Еще один вопрос. Вам говорит что-нибудь фамилия Дьювин?

— Дьювин? — задумчиво повторила мадам Рено. — Нет, я не знаю никого с такой фамилией.

— Может быть, ваш муж когда-нибудь ее упоминал, не помните?

— Нет, никогда.

— Нет ли у вас знакомых по имени Белла?

Следователь так и впился глазами в мадам Рено, стараясь уловить в ее лице признаки замешательства или смятения. Но мадам Рено покачала головой с совершенно невозмутимым видом. И мосье Отэ снова принялся задавать вопросы:

— Известно ли вам, что вчера вечером у вашего мужа был посетитель?

На щеках мадам Рено выступил легкий румянец, что не укрылось от глаз следователя.

— Нет, кто это был? — ответила она, сохраняя тем не менее совершенное спокойствие.

— Дама.

— В самом деле?

Однако следователь, казалось, удовольствовался тем, что услышал, и не стал продолжать

расспросы. Едва ли, подумал он, мадам Добрэй имеет отношение к убийству, а расстраивать мадам Рено без веских к тому оснований ему не хотелось.

Он посмотрел на комиссара, тот согласно кивнул. Тогда мосье Отэ встал, прошел в другой конец комнаты и принес стеклянную банку, которую мы видели в сарае. Вынув оттуда нож, он обратился к мадам Рено.

— Мадам, узнаете это? — спросил он как можно мягче.

Она негромко вскрикнула:

— Конечно, это мой кинжальчик.

Увидев на нем пятна, она отшатнулась, глаза ее расширились от ужаса:

— Это что — кровь?

— Да, мадам. Вашего мужа убили этим оружием. — Он быстро убрал нож с глаз долой. — Уверены ли вы, что это тот самый нож, который лежал ночью на вашем туалетном столике?

— О да. Это подарок моего сына. Во время войны[72] он служил в авиации. Он был слишком молод, и ему пришлось прибавить себе два года, чтобы его взяли. — Чувствовалось, что мадам

---

[72] Примечания: 72

Имеется в виду Первая мировая война 1914—1918 годов.

Рено гордится своим сыном. — Ножик сделан из авиационной стали, и сын подарил мне его в память о войне.

— Понимаю, мадам. Перейдем теперь к другому вопросу. Где сейчас ваш сын? Необходимо немедленно телеграфировать ему.

— Жак? В данное время он на пути в Буэнос-Айрес[73].

— То есть?

— Да. Вчера муж телеграфировал ему. Сначала он отправил Жака в Париж, а вчера выяснилось, что ему необходимо немедленно ехать в Южную Америку. Из Шербура[74] как раз вчера вечером отошел пароход в Буэнос-Айрес, и муж телеграфировал Жаку, чтобы он постарался успеть на него.

— Не знаете ли вы, какие дела у вашего сына в Буэнос-Айресе?

— Мне об этом ничего не известно, мосье, знаю только, что оттуда он должен ехать в Сантьяго.

— Сантьяго! Опять Сантьяго! — в один голос вскричали мосье Отэ и мосье Бекс.

Упоминание о Сантьяго поразило и меня, а Пуаро, воспользовавшись замешательством,

---

[73] Примечания: 73
Буэнос-Айрес — столица Аргентины.

[74] Примечания: 74
Шербур — город и порт во Франции у пролива Ла-Манш.

подошел к мадам Рено. Все это время он стоял, мечтательно глядя в окно, и я даже не был уверен, следит ли он за тем, что происходит. Он молча поклонился мадам Рено, потом сказал:

— Pardon, мадам, не позволите ли взглянуть на ваши руки?

Слегка удивившись, мадам Рено выполнила его просьбу. На запястьях были видны глубокие ссадины — следы от веревок. Пока Пуаро рассматривал руки мадам Рено, я наблюдал за ним и заметил, что огонь возбуждения, горевший в его глазах, погас.

— Представляю, как вам больно, — сказал он, а я подумал, что мой друг, кажется, опять чем-то удручен.

Между тем следователь спохватился и заспешил:

— Надо немедленно связаться по радио с молодым мосье Рено. Нам крайне необходимо узнать все об этой его поездке в Сантьяго. — И, подумав, добавил: — К тому же, будь он здесь, мы могли бы избавить вас от лишних страданий, мадам.

Мосье Отэ многозначительно умолк.

— Вы имеете в виду опознание трупа? — глухо спросила мадам Рено.

Следователь молча склонил голову.

— Не тревожьтесь, мосье. У меня хватит сил вынести все, что потребуется. Я готова сделать это прямо сейчас.

— О, и завтра не поздно, уверяю вас...

— Нет, я хочу покончить с этим, — сказала она тихо, и судорога боли исказила ее лицо. — Не будете ли так любезны, доктор, позвольте опереться на вашу руку.

Доктор поспешил к ней на помощь, кто-то накинул плащ на плечи мадам Рено, и мы стали медленно спускаться по лестнице. Мосье Бекс бросился вперед и отворил дверь сарая. Мадам Рено подошла и остановилась на пороге. Она была очень бледна, но полна решимости. Прикрыв лицо рукой, она сказала:

— Минутку, мосье, я соберусь с силами.

Потом она опустила руку и взглянула на покойного.

И тут поразительное самообладание, с которым она держалась все время, оставило ее.

— Поль! — вскрикнула она. — Мой муж! О боже!

Она пошатнулась и без чувств упала на пол.

Пуаро мгновенно бросился к ней, приподнял веко, пощупал пульс. Убедившись, что мадам Рено действительно в глубоком обмороке, он отошел в

сторону и, схватив меня за руку, воскликнул:

— Болван, какой же я болван, мой друг! Я просто потрясен! В голосе мадам Рено было столько любви и горя! Моя версия оказалась совершенно несостоятельной. Eh bien![75] Придется начать все заново!

[75] Примечания: 75
Ну что ж! *(фр.)*

Глава 6
МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Доктор и мосье Отэ понесли бесчувственную мадам Рено в дом. Комиссар провожал их взглядом, сокрушенно качая головой.

— Pauvre femme[76], этого удара она не вынесла. Да, да, ничего не поделаешь. Ну что ж, мосье Пуаро, может быть, осмотрим место, где было совершено преступление?

— Если вас не затруднит, мосье Бекс.

Мы вернулись в дом и вышли на улицу через парадную дверь. Проходя мимо лестницы, ведущей наверх, Пуаро с сомнением покачал головой.

— Не верю, что служанки ничего не слышали. Ступени скрипят так, что и мертвый проснется, к тому же, заметьте, спускались трое!

— Но ведь была глубокая ночь. Видно, все они крепко спали.

Однако Пуаро все качал головой, похоже, мое объяснение ничуть его не убедило. Дойдя до поворота аллеи, он оглянулся на дом.

— Почему мы думаем, что они вошли через

---

[76] Примечания: 76
Бедная женщина *(фр.)*.

дверь? Ведь они не знали, что она не заперта, и могли влезть в окно.

— Но все окна первого этажа закрыты железными ставнями, — возразил комиссар.

Пуаро показал на одно из окон второго этажа.

— Это ведь окно спальни, да? Смотрите, вот по этому дереву можно в два счета добраться до окна.

— Возможно, вы правы, — согласился комиссар. — Но тогда на клумбе должны быть следы.

Справедливость его слов была очевидна. По обеим сторонам ступеней, ведущих к парадной двери, на больших овальных клумбах алела герань. К дереву, о котором говорил Пуаро, не подойдешь, не наступив на клумбу.

— Правда, погода стоит сухая, — продолжал комиссар, — на аллее и на дорожках следов не видно, но рыхлая, влажная земля на клумбе — совсем другое дело.

Пуаро принялся внимательно разглядывать клумбу. Мосье Бекс оказался прав, земля была совершенно ровной: ни ямки, ни углубления, ни вмятины.

Пуаро кивнул, как бы удовлетворенный осмотром, и мы уже отошли было, но вдруг он устремился к другой клумбе и стал ее рассматривать.

— Мосье Бекс! — позвал он. — Поглядите, здесь полно следов!

Комиссар подошел к нему и улыбнулся.

— Мой дорогой мосье Пуаро, совершенно верно — это следы садовника, его огромных, подбитых гвоздями сапог. Впрочем, это не имеет никакого значения, ведь с этой стороны нет дерева, и, следовательно, влезть в окно второго этажа невозможно.

— Да, правда, — заметил Пуаро, явно расстроенный. — Стало быть, вы считаете, что эти следы ничего не значат?

— Ровным счетом ничего.

И тут, к моему великому изумлению, Пуаро многозначительно произнес:

— Не согласен с вами. Сдается мне, эти следы — пока самая важная улика из всего, что мы видели.

Мосье Бекс промолчал, пожав плечами. Он был слишком вежлив, чтобы откровенно выложить, что он думает по этому поводу.

— Ну что ж, продолжим? — предложил он.

— Конечно. А этими следами я могу заняться и позже, — охотно согласился Пуаро.

Мосье Бекс пошел не к воротам, куда вела подъездная аллея, а круто свернул на боковую

тропинку, обсаженную кустарником, которая, полого поднимаясь, огибала дом справа. Неожиданно тропинка вывела нас на небольшую площадку, откуда открывался вид на море. Здесь стояла скамейка и неподалеку от нее — ветхий сарай. В нескольких шагах отсюда шла аккуратная линия низенького кустарника, ограничивающая владения виллы. Мосье Бекс продрался сквозь кусты, и мы оказались на довольно широкой поляне. Я с удивлением огляделся вокруг.

— Постойте, да ведь это же площадка для гольфа.

Бекс кивнул.

— Она, правда, еще не доделана, — пояснил он. — Надеялись в следующем месяце ее закончить. Один из рабочих как раз и обнаружил здесь труп сегодня рано утром.

У меня внезапно перехватило дыхание. Чуть левее я заметил длинную узкую яму и рядом с нею... лежащее ничком тело! Сердце у меня в груди так и подпрыгнуло — неужели еще один труп! Но комиссар тут же развеял наваждение: он подошел к «трупу» и раздраженно крикнул:

— И куда глядит полиция? Ведь я строго-настрого приказал никого сюда не пускать без особого разрешения.

Джентльмен, лежащий на земле, повернул голову и небрежно бросил:

— Да есть, есть у меня это самое разрешение.

И он неспешно поднялся на ноги.

— Мой дорогой мосье Жиро! — вскричал комиссар. — А я и не знал, что вы уже прибыли. Господин следователь ждет не дождется вас.

Пока комиссар держал речь, я с любопытством разглядывал мосье Жиро. Я так много слышал о знаменитом сыщике парижской Сюртэ, и вот наконец мне довелось увидеть его. На вид ему было лет тридцать, рост — высокий, волосы и усы — темно-рыжие, военная выправка. Он держался довольно вызывающе, и видно было, что сознание собственной значительности просто распирает его. Бекс представил нас, отрекомендовав Пуаро как собрата по профессии. Искра любопытства зажглась в глазах сыщика.

— Наслышан о вас, мосье Пуаро, — сказал он. — Вы ведь были весьма заметной личностью в прежние времена. Но теперь у нас в криминалистике совсем иные методы.

— Хотя преступления по большей части все те же, — деликатно заметил Пуаро.

Я сразу понял, что Жиро испытывает к нам явную неприязнь. Видимо, его задело, что рассле-

дованием занимается кто-то еще, я чувствовал, что если ему посчастливится обнаружить важные улики, то он, вероятно, постарается скрыть их от нас.

— Господин следователь... — снова начал Бекс.

Но Жиро грубо перебил его:

— Плевать мне на господина следователя! Главное сейчас — успеть все сделать здесь, пока еще светло. Ведь осталось каких-нибудь полчаса. Об этом деле мне уже все известно, мои люди до утра перероют весь дом, но что касается улик, то их следует искать именно здесь, на этом месте. Это ваши полицейские затоптали тут все? Я-то думал, они теперь хоть немного поумнели.

— Конечно, поумнели. Ведь следы, которые вызвали ваше неудовольствие, оставили рабочие, обнаружившие тело.

В ответ мосье Жиро презрительно фыркнул.

— Я нашел следы там, где все трое продирались через кусты, но преступники — хитрые бестии. Удалось различить только следы мосье Рено, а свои они затерли. Мало того, что на такой твердой сухой земле все равно почти ничего не разглядишь, так они еще и подстраховались.

— Вещественные улики, — сказал Пуаро. — Именно это вы ищете, а?

Жиро в недоумении уставился на него.

— Ну, разумеется.

Легкая улыбка тронула губы Пуаро. Ему явно хотелось высказаться, но он сдержался. Он нагнулся и принялся рассматривать лопату.

— Ею и была вырыта могила — ясно как день, — заметил Жиро. — Но это мало что дает нам. Ведь это лопата из дома мосье Рено, а тот, кто рыл, был в перчатках. Вот они.

Он ткнул ботинком туда, где лежала пара испачканных землей перчаток.

— Перчатки тоже принадлежат мосье Рено или, по крайней мере, его садовнику. Говорю вам, эти парни все предусмотрели — ни одного промаха. Мосье Рено убит его собственным ножом, а могила вырыта его собственной лопатой. Убийцы полагают, что не оставили следов! Но мы еще посмотрим, кто кого. Всегда что-нибудь да остается! И я это найду!

Однако Пуаро, очевидно, заинтересовало что-то совсем другое, а именно короткий обрубок свинцовой трубы, лежащий рядом с лопатой. Он осторожно коснулся его пальцем.

— А эта штучка тоже принадлежала убитому? — спросил он, и мне почудилась легкая насмешка в его вопросе.

Жиро пожал плечами, давая понять, что не знает, да и знать не хочет.

— Небось давно здесь валяется. Во всяком случае, меня этот обрубок не интересует.

— А вот меня очень даже интересует, — промурлыкал Пуаро.

Ему просто охота позлить этого парижского выскочку, подумал я. И, кажется, ему это удалось. Мосье Жиро отвернулся, бросив довольно грубо, что не желает терять времени

попусту, и, нагнувшись, снова принялся разглядывать что-то на земле.

А Пуаро, словно внезапно осененный какой-то догадкой, продрался сквозь кустарник на территорию виллы и подергал дверь сарайчика.

— Заперто, — бросил Жиро через плечо. — Там садовник держит всякий хлам, ничего интересного. Лопату взяли не здесь, а в сарае с инструментами, что возле дома.

— Изумительно, — с восторгом шепнул мне Пуаро. — Он здесь не более получаса, но все уже разнюхал! Великий человек! Нет сомнений, Жиро — крупнейший из современных сыщиков!

Признаюсь честно, хоть мне и не нравился этот самый Жиро, он произвел на меня довольно сильное впечатление. Казалось, энергия бьет в нем

ключом. Тогда как Пуаро до сих пор еще никак не проявил себя. Это меня задевало. Его почему-то очень занимали какие-то глупости, пустяки, не имеющие к делу никакого отношения. Вот и тут в эту самую минуту он вдруг спросил:

— Мосье Бекс, скажите, прошу вас, что это за белая линия, которой очерчена могила? Это дело рук полицейских?

— Нет, мосье Пуаро, полиция здесь ни при чем. Таким образом на площадках для гольфа обычно указывают место, где будет так называемое «препятствие».

— Препятствие? — Пуаро обратился ко мне: — Это неправильной формы яма, заполненная песком с бортиком с одной стороны, да?

Я кивнул.

— Мосье Рено, конечно, играл в гольф?

— Да, он был отличным игроком. Именно благодаря ему и его щедрым пожертвованиям устраивалась эта площадка. И при составлении проекта его слово было решающим.

Пуаро рассеянно кивнул, а потом вдруг заметил:

— Не слишком-то удачное место они выбрали для могилы, ведь как раз здесь должны были рыть яму для «препятствия», а раз так, значит,

тело сразу обнаружили бы.

— Верно! — торжествующе воскликнул Жиро. — Это как раз и доказывает, что преступники не из местных. Блестящий пример косвенной улики.

— Так-то оно так, — сказал Пуаро с сомнением. — Однако местные тоже могли бы зарыть здесь тело, но только в одном случае — если бы они хотели, чтобы его нашли! Нелепость какая-то, правда?

Но Жиро даже не потрудился ответить.

— Да-а, — повторил Пуаро как-то разочарованно. — Да... конечно... Нелепость!

Глава 7
ТАИНСТВЕННАЯ МАДАМ ДОБРЭЙ

Когда мы возвращались к дому, мосье Бекс, извинившись, что оставляет нас, поспешил, как он выразился, немедленно уведомить мосье Отэ о факте прибытия мосье Жиро. А сам мосье Жиро определенно обрадовался, когда Пуаро заявил, что уже посмотрел все, что хотел. Мы ушли, а мосье Жиро все еще ползал на четвереньках, дотошно осматривая и ощупывая каждый сантиметр, и я невольно восхитился им. Пуаро, видимо, угадал мои мысли и, когда мы остались одни, заметил не без сарказма:

— Ну, наконец-то вы познакомились с сыщиком, который вызывает у вас восхищение. Человек-ищейка! Что, я не прав?

— Во всяком случае, он хоть что-то делает, — возразил я довольно дерзко. — Уж если остались улики, не сомневайтесь — он их отыщет. А вы...

— Eh bien! А я уже кое-что нашел! Кусок трубы, например.

— Какая чепуха, Пуаро. Вы же понимаете, что эта труба не имеет к делу никакого отношения. Я

говорю о мельчайших уликах, которые неизбежно приведут нас к убийцам.

— Mon ami, улика — всегда улика, будь она длиной в два фута или в два миллиметра! Почему улики непременно должны быть микроскопическими? Какие романтические бредни! А что до свинцовой трубы, так это Жиро внушил вам, что она не имеет отношения к делу. Нет, нет, ни слова более. Пусть Жиро ищет свои улики, а я буду думать. Этот случай кажется простым, однако... однако, топ ami, многое меня здесь настораживает! Вы спросите почему. Во-первых, часы, которые уходят на два часа вперед. Затем еще целый ряд мелочей, которые не стыкуются друг с другом. Например, если убийцы хотели просто отомстить мосье Рено, они убили бы его, когда он спал, и дело с концом. Почему они так не сделали?

— Но ведь они хотели получить какие-то документы? — напомнил я.

Пуаро брезгливо стряхнул пылинку с рукава.

— Ну, и где же эти «документы»? Предположительно, где-то довольно далеко, ибо убийцы заставили мосье Рено одеться. Однако труп найден совсем близко от дома, почти в пределах слышимости. Или еще — неужели по чистой случайности орудие убийства, этот кинжальчик,

будто нарочно оказался под рукой?

Он помолчал, нахмурившись, потом снова заговорил:

— Почему служанки ничего не слышали? Их что, снотворным опоили? Может быть, был сообщник? Может быть, именно он проследил, чтобы парадная дверь была отперта? Интересно, как...

Тут он круто остановился. Мы подошли как раз к аллее перед домом. Пуаро неожиданно обратился ко мне:

— Друг мой, я намерен вас удивить и... порадовать! Ваши упреки не оставили меня равнодушным! Будем изучать следы!

- Где?

— Вот тут, на клумбе, справа. Мосье Бекс говорит, это следы садовника. Проверим, не ошибается ли он. Смотрите, вот и сам садовник идет сюда со своей тачкой.

И впрямь пожилой садовник катил по аллее тележку с рассадой. Пуаро подозвал его, и он, опустив тачку, прихрамывая, подошел к нам.

— Вы хотите попросить у него сапог и сравнить его с отпечатком, да? — спросил я, затаив дыхание. Моя вера в Пуаро начала возрождаться. Раз он сказал, что следы на этой клумбе необычайно

важны, стало быть, так и есть.

— Точно, — ответил Пуаро.

— А что он подумает? Наверное, ему это покажется странным?

— Он вообще ничего не подумает, вот увидите.

Нам пришлось замолчать, так как старик уже подошел к нам.

— Вы звали меня, мосье?

— Да. Вы ведь давно здесь служите, не так ли?

— Двадцать четыре года, мосье.

— Вас зовут...

— Огюст, мосье.

— Я просто в восторге от этих чудных гераней. Право, они превосходны. И давно посажены?

— Довольно давно, мосье. Но, конечно, чтобы клумба всегда имела вид, надо подсаживать свежие цветы, а те, что отцвели, срезать, да еще не лениться и выкапывать старые кустики.

— Кажется, вы вчера посадили несколько новых кустиков, да? Вот там, в середине, и на другой клумбе тоже?

— У мосье острый глаз. Пройдет день-два, и они приживутся. Вчера вечером я посадил по десять новых на каждую клумбу. Мосье знает, конечно, что нельзя сажать, когда палит солнце.

Видно, Огюсту очень польстило, что Пуаро так

интересуется цветами, и он охотно разговорился.

— Какой великолепный цветок! Вон там, — сказал Пуаро. — Вы не могли бы срезать его для меня?

— Охотно, мосье.

Старик ступил на клумбу и бережно срезал цветок, который так понравился моему другу.

Пуаро рассыпался в благодарностях, и Огюст вернулся к своей тачке.

— Ну, видите? — сказал с улыбкой Пуаро, нагнувшись к клумбе и рассматривая след сапога, подбитого гвоздями. — Все очень просто.

— А я и не сообразил...

— Что можно не разуваться? Не желаете пошевелить мозгами, а зря. Ну, как отпечаток? Что скажете?

Я принялся внимательно разглядывать клумбу.

— Все следы на этой клумбе оставлены его сапогами, — изрек я наконец после усердного изучения объекта.

— Вы так думаете! Eh bien! Я согласен с вами, — отозвался Пуаро, но как-то безразлично, словно мысли его были заняты уже чем-то другим.

— Во всяком случае, — заметил я, — поздравляю: теперь у вас одним заскоком меньше.

— Mon Dieu! Что за выражение! Что это значит?

— Просто я хотел сказать, что вы можете наконец расстаться с вашей навязчивой идеей по поводу этих следов.

Однако Пуаро, к моему удивлению, покачал головой.

— О нет, топ ami. Теперь наконец я на верном пути. Правда, я еще блуждаю в потемках, но, как я намекнул уже мосье Бексу, эти следы — самое важное и интересное во всей истории! Бедняга Жиро! Не удивлюсь, если он вообще их не заметит.

В этот момент парадная дверь отворилась, и по ступенькам крыльца спустились мосье Отэ с комиссаром.

— Ах, мосье Пуаро, а мы вас как раз разыскиваем, — сказал следователь. — Становится поздно, а я хотел бы еще нанести визит мадам Добрэй. Она, конечно, весьма удручена смертью мосье Рено, но, может быть, нам повезет и мы от нее получим ключ к разгадке этой трагедии. Возможно, мосье Рено именно ей доверил тайну, которую скрывал от жены. Ведь он был так страстно увлечен мадам Добрэй. Уж нам-то с вами известно, что в таких случаях даже самые сильные и твердые из нас

теряют голову.

Мы молча присоединились к ним. Впереди шли Пуаро со следователем, а мы с комиссаром немного поотстали.

— Не сомневаюсь, что в основном Франсуаза рассказала нам все как было, — сообщил он мне доверительно. — Я тут навел кое-какие справки по телефону. Оказывается, за последние шесть недель, то есть с тех пор, как мосье Рено поселился в Мерлинвиле, на банковский счет мадам Добрэй трижды поступали крупные суммы денег. В общей сложности двести тысяч франков!

— Господи! Да ведь это же около четырех тысяч фунтов! — подсчитал я.

— Совершенно верно. Да, мосье Рено, вероятно, совсем потерял голову. Остается выяснить, доверил ли он ей эти секретные документы. Следователь преисполнен надежд, но я не разделяю его настроений.

Беседуя, мы шли по тропе по направлению к развилке, где днем останавливался наш автомобиль. Тут-то я и сообразил, что вилла «Маргерит», где обитает таинственная мадам Добрэй, это и есть тот самый домик, откуда появилась девушка, поразившая меня своей красотой.

— Мадам Добрэй живет здесь уже много лет,

— сказал комиссар, кивнув в сторону дома. — Живет тихо и скромно. Кажется, у нее нет ни друзей, ни родственников, только те знакомые, с кем она поддерживает отношения здесь, в Мерлинвиле. Она никогда не говорит о своем прошлом, о муже. Неизвестно даже, жив ли он. Понимаете, ее окружает какая-то тайна.

Я кивнул, мое любопытство росло.

— А... ее дочь? — отважился спросить я наконец.

— Прекрасная молодая девушка! Скромная, набожная, словом, все как полагается. Жаль ее, ведь она-то может и не знать ничего о прошлом своей семьи, но тот, кто захочет предложить ей руку и сердце, вправе рассчитывать, что его посвятят в семейные дела, и тогда... — Тут комиссар с сомнением пожал плечами.

— Но ведь это не ее вина! — воскликнул я, чувствуя, как во мне закипает гнев.

— Разумеется, но что вы хотите? Обычно мужчины очень щепетильны, когда дело касается родственников будущей жены.

Мне пришлось воздержаться от возражений, ибо мы уже подошли к двери. Мосье Отэ позвонил. Прошло несколько минут, потом мы услышали шаги, и дверь отворилась. На пороге

стояла та самая юная богиня, которая поразила мое воображение. Когда она увидела нас, кровь отхлынула от ее лица, оно покрылось мертвенной бледностью, а глаза расширились от страха. Было очевидно, что она до смерти напугана!

— Мадемуазель Добрей, — начал мосье Отэ, снимая шляпу. — Бесконечно сожалею, что пришлось побеспокоить вас, но закон требует... понимаете ли... Передайте поклон вашей матушке. Не соблаговолит ли она уделить мне несколько минут?

Девушка на мгновение замерла. Ее левая рука была прижата к груди, точно она силилась унять бешено колотящееся сердце. Потом, овладев собой, она тихо сказала:

— Пойду узнаю. Входите, пожалуйста...

Она вошла в комнату налево, и мы услышали ее тихий шепот. Затем другой голос, похожий на голос девушки, но с твердыми нотками, проскальзывающими в певучей интонации, сказал:

— Ну, разумеется. Проси их.

Минуту спустя мы оказались лицом к лицу с таинственной мадам Добрей.

Ростом она была пониже дочери, но округлые формы ее фигуры пленяли очарованием цветущей зрелости. Волосы, не золотистые, как у дочери, а темные, были разделены строгим

пробором, что придавало ей некое сходство с Мадонной[77]. Глаза, полуприкрытые тяжелыми веками, сияли голубизной. Заметно было, что она уже не молода, хотя прекрасно сохранилась и не утратила обаяния, которое не зависит от возраста.

— Вы хотели видеть меня, мосье? — спросила она.

— Да, мадам. — Мосье Отэ кашлянул. — Я расследую дело о смерти мосье Рено. Вы, наверное, уже слышали об этом?

Она молча наклонила голову. В лице ее не дрогнул ни один мускул.

— Мы хотели бы просить вас, если позволите... э-э... пролить свет на обстоятельства дела.

— Меня? — спросила она, крайне удивленная.

— Да, мадам. У нас есть основания предполагать, что вы имели обыкновение по вечерам навещать покойного мосье Рено. Так ли это?

Легкий румянец выступил у нее на щеках, но ответила она совершенно невозмутимо:

— Полагаю, вы не вправе задавать мне подобные вопросы!

— Но мы ведь расследуем убийство, не забы-

---

[77] Примечания: 77

Мадонна — итальянское название Богородицы, матери Иисуса Христа (букв.: «моя госпожа»).

вайте об этом, мадам.

— Ну и что же? Я не имею к этому ни малейшего отношения.

— Мы пока вас ни в чем не обвиняем, мадам. Однако вы хорошо знали покойного. Говорил ли он вам, что ему грозит опасность?

— Нет, никогда.

— Не рассказывал ли он вам о своей жизни в Сантьяго? Не упоминал ли о том, что у него там есть враги?

— Нет.

— Стало быть, вы ничем нам не поможете?

— Боюсь, что нет. В самом деле, я даже не понимаю, почему вам вздумалось прийти ко мне. Разве его жена не может ответить на ваши вопросы? — В ее голосе слышалась легкая ирония.

— Мадам Рено рассказала нам все, что могла.

— Ах! — воскликнула мадам Добрэй. — Представляю себе...

— Что представляете, мадам?

— Да нет, ничего.

Следователь смотрел на нее. Он понимал, что, в сущности, он ведет поединок и перед ним — соперник, причем весьма достойный.

— Стало быть, вы утверждаете, что мосье Рено не поверял вам своих тайн?

— Почему вы считаете, что он должен был что-то поверять мне?

— А потому, мадам, — сказал мосье Отэ нарочито жестко, — что мужчины порой открывают любовницам то, чего никогда не скажут женам.

— О! — Она в ярости вскочила, глаза ее метали молнии. — Вы оскорбляете меня! Да еще в присутствии дочери! Не желаю больше разговаривать с вами. Сделайте милость, оставьте мой дом!

Итак, лавры победителя достались, безусловно, мадам Добрэй. Мы покидали виллу «Маргерит» точно кучка пристыженных школьников. Следователь что-то раздраженно бубнил себе под нос. Пуаро, кажется, глубоко задумался. Внезапно он встрепенулся и спросил мосье Отэ, нет ли здесь поблизости приличного отеля.

— Неподалеку есть небольшая гостиница «Отель де Бэн». Всего в нескольких сотнях ярдов по этой дороге. Так что вам будет очень удобно. Надеюсь, утром увидимся.

— Да, благодарю вас, мосье Отэ.

Обменявшись любезностями, мы разошлись. Пуаро и я направились к Мерлинвилю, а мосье Отэ и мосье Бекс вернулись на виллу «Женевьева».

— Полицейская система во Франции достойна

восхищения, — сказал Пуаро, глядя им вслед. — Да они же о каждом знают всю подноготную, их осведомленность просто невероятна. Судите сами, мосье Рено прожил здесь чуть больше шести недель, а им уже все известно — и каковы его вкусы, и чем он занимался. Мы и глазом не успели моргнуть, как они выдали нам все сведения о мадам Добрэй — и какой у нее счет в банке, и какие суммы денег внесены, и когда она их вложила! Учредив институт досье[78], они, несомненно, сделали великое дело. Что там такое? — С этими словами Пуаро резко обернулся назад.

Кто-то торопливо бежал вслед за нами. Оказалось, это Марта Добрэй.

— Прошу прощения, — с трудом выдохнула она. — Мне... Я не должна была... я знаю. Только не говорите ничего матушке. Ходят слухи, что мосье Рено перед смертью вызвал детектива? Это правда? Это вас он вызвал?

— Да, мадемуазель, — сказал Пуаро мягко. — Именно так. Но как вы узнали об этом?

— Это Франсуаза. Она сказала нашей Амели, — объяснила Марта, порозовев от смущения.

Пуаро поморщился.

---

[78] Примечания: 78

Досье — собрание документов, сведений, относящихся к какому-нибудь лицу, делу (спец.).

— Вот и попробуйте сохранить секретность! Но это неважно. Ну, мадемуазель, так что же вы хотели узнать?

Девушка замялась. Видно было, что ей смертельно хочется задать вопрос, но страх удерживает ее. Наконец тихо, почти шепотом она спросила:

— Уже... кого-то подозревают?

Пуаро бросил на нее пронзительный взгляд и уклончиво ответил:

— Пока подозревают многих, мадемуазель.

— Ну да, понимаю... но... кого-нибудь в особенности?

— А почему вы спрашиваете?

Вопрос, казалось, испугал девушку. И тотчас я вспомнил, что сказал о ней Пуаро утром. «Девушка с тревожным взглядом».

— Мосье Рено всегда так хорошо относился ко мне, — сказала она наконец. — Естественно, меня интересует...

— Понимаю, — сказал Пуаро. — Ну что ж, мадемуазель, пока наибольшее подозрение вызывают двое.

— Двое?

Я мог бы поклясться, что в ее голосе прозвучали одновременно и удивление и облегчение.

— Их имена неизвестны, но есть основания полагать, что они чилийцы из Сантьяго. Ах, мадемуазель, видите, что делают со мной молодость и очарование! Я выдал вам профессиональную тайну!

Девушка мило улыбнулась и застенчиво поблагодарила Пуаро.

— Мне нужно бежать. Матап меня, наверное, уже хватилась.

Она повернулась и быстро побежала по дороге, прекрасная, точно юная Атланта[79]. Я уставился ей вслед.

— Mon ami, — сказал Пуаро со свойственной ему мягкой иронией, — мы что, так и простоим тут всю ночь? Конечно, я понимаю — вы увидели прелестную девушку и потеряли голову, но все же...

Я рассмеялся и извинился перед моим другом.

— Но она и в самом деле изумительно хороша, Пуаро. При виде такой красоты не грех и голову потерять.

Тут, к моему удивлению, Пуаро с самым серьезным видом покачал головой.

— Ах, mon ami, держитесь-ка вы подальше от

---

[79] Примечания: 79

Атланта — согласно древнегреческой легенде, прекрасная девушка, искусная бегунья, давшая обет выйти замуж только за того, кто сумеет ее обогнать в состязании по бегу.

Марты Добрэй. Эта девушка... не для вас. Послушайте старика Пуаро!

— Как! — закричал я — Ведь комиссар говорил, что она столь же добродетельна, сколь и прекрасна. Сущий ангел!

— Иные отпетые преступники, которых я знавал, имели ангельскую наружность, — назидательно заметил Пуаро. — Психология преступника и лик Мадонны не такое уж редкое сочетание.

— Пуаро! — в ужасе возопил я. — Нет! Подозревать это невинное дитя? Невозможно!

— Ну-ну! С чего вы так разволновались? Я ведь не сказал, что подозреваю ее. Однако, согласитесь, ее настойчивое желание разузнать подробности несколько подозрительно.

— В данном случае я более прозорлив, чем вы, — сказал я. — Не за себя она тревожится, а за мать.

— Друг мой, — отвечал Пуаро, — как всегда, вы ничего не понимаете. Мадам Добрэй отлично может сама о себе позаботиться, ее дочери нечего о ней тревожиться. Вижу, что раздражаю вас, но рискну тем не менее повториться. Не заглядывайтесь на эту девушку. Она не для вас! Я, Эркюль

Пуаро, говорю вам это. Sacre![80] Вспомнить бы,

---

[80] Примечания: 80
Черт побери! *(фр.)*

где я видел ее лицо!

— Чье лицо? — удивленно спросил я. — Дочери?

— Да нет, матери.

Заметив удивление в моем взгляде, он многозначительно кивнул.

— Да-да, именно матери. Это было давно, когда я еще служил в бельгийской полиции. Собственно, ее я никогда прежде не видел, но я видел ее фотографию... в связи с каким-то делом. Мне даже кажется...

— Что?

— Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, дело было связано с убийством!

Глава 8
НЕЧАЯННАЯ ВСТРЕЧА

Раннее утро следующего дня застало нас на вилле «Женевьева». На этот раз стоявший у ворот грозный страж не препятствовал нам. Мало того, он весьма почтительно взял под козырек, и мы проследовали к дому. Леони, горничная, как раз спускалась по лестнице и, кажется, была расположена немного поболтать.

Пуаро справился о здоровье мадам Рено.

Леони покачала головой.

— Совсем убита горем, бедняжка! Ничего в рот не берет, ну ни крошки! Бледная, как привидение. Просто сердце разрывается смотреть на нее Вот уж я бы не стала так убиваться по мужу, который изменял мне с другой женщиной!

Пуаро сочувственно покачал головой.

— Конечно, конечно, но что вы хотите? Сердце любящей женщины готово многое простить. И все же — неужели они не ссорились в последние месяцы?

Леони снова покачала головой:

— Никогда, мосье. Никогда не слышала, чтобы

мадам перечила мосье или упрекала его, — никогда! У нее и характер и нрав просто ангельский... не то что у мосье.

— Вот как? Стало быть, мосье был не ангел?

— Что вы! Когда он гневался, весь дом ходуном ходил. А уж когда они поссорились с мосье Жаком — та foi. Их было слышно на рыночной площади, так они орали!

— В самом деле? — удивился Пуаро. — И когда же это они так ссорились?

— О, как раз перед тем, как мосье Жаку ехать в Париж. Он чуть не опоздал на поезд. Он выскочил из библиотеки, схватил саквояж, который оставил в холле. Автомобиль был в ремонте, вот ему и пришлось бежать на станцию. Я как раз вытирала пыль в гостиной и видела, как он выскочил: лицо белое-белое, а на щеках аж красные пятна выступили. Ох и злой же он был!

Видно, Леони и самой рассказ доставлял немалое удовольствие.

— А о чем же они спорили?

— Ох, чего не знаю, того не знаю, — снова затараторила Леони. — Правда, крик стоял на весь дом, но уж очень громко и быстро они говорили, это ведь как надо знать по-английски, чтобы понять их! Мосье потом весь день ходил мрачнее

тучи! Не знали, как и подойти к нему!

Тут наверху хлопнула дверь, и Леони сразу замолкла.

— Ой, меня ведь ждет Франсуаза! — спохватилась она, вспомнив наконец о своих обязанностях. — И вечно она ворчит, эта старуха.

— Одну минутку, мадемуазель. Скажите, пожалуйста, следователь здесь?

— Они ушли в гараж посмотреть на автомобиль. Мосье комиссар думает, что им могли воспользоваться в ту ночь.

— Quelle idee![81] — пробормотал Пуаро, когда девушка удалилась.

— Вы хотите присоединиться к ним?

— Вовсе нет. Подождем их в гостиной. Надеюсь, хоть там прохладно. Сегодня с утра так и печет.

Однако такое безмятежное времяпрепровождение отнюдь меня не прельщало.

— Если вы ничего не имеете против... — сказал я неуверенно.

— Нисколько. Желаете начать собственное расследование, а?

— Да нет... Мне просто хотелось бы взглянуть на мосье Жиро, если он где-нибудь поблизости.

---

[81] Примечания: 81
Ну и мысль! *(фр.)*

Интересно, как он продвинулся.

— Человек-ищейка, — пробормотал Пуаро, откидываясь в мягком кресле и закрывая глаза. — Сделайте одолжение, мой друг. Аи revoir[82].

Я не спеша вышел из дому через парадную дверь. И в самом деле, было довольно жарко. Я свернул на тропинку, по которой мы шли накануне. Мне хотелось самому хорошенько осмотреть место преступления. Однако я пошел не прямо к нему, а свернул в кусты, так чтобы выйти на поле для гольфа несколько правее. Кустарник здесь был значительно гуще, и мне пришлось с трудом продираться сквозь него. Я действовал столь энергично, что, вырвавшись наконец из его цепких объятий, с размаху налетел на девушку, которая стояла спиной к живой изгороди.

Она сдавленно вскрикнула, что было вполне естественно, но и у меня невольно вырвался возглас удивления — незнакомка оказалась моей попутчицей Сандрильоной!

Мы изумленно уставились друг на друга.

— Это вы! — в один голос воскликнули мы с ней.

---

[82] Примечания: 82
До свидания *(фр.)*.

Девушка первой пришла в себя.

— Вот так штука! — сказала она. — Что вы здесь делаете?

— А вы? — не растерялся я.

— Когда я с вами распрощалась позавчера, вы, точно пай-мальчик, спешили домой, в Англию.

— А когда я с вами распрощался, — возразил я, — вы, как пай-девочка, спешили домой вместе со своей сестрой. Кстати, как поживает ваша сестра?

Она одарила меня улыбкой, блеснув прелестными зубками.

— Как это мило с вашей стороны вспомнить о моей сестре! Благодарю, с ней все в порядке.

— Она здесь, с вами?

— Она осталась в городе, — ответила кокетка, задрав хорошенький носик.

— Не верю я ни в какую сестру, — засмеялся я. — Это же просто вылитая миссис Харрис![83]

— А вы помните, как зовут меня? — спросила она с улыбкой.

— Сандрильона. Но, может быть, вы все же назовете мне ваше настоящее имя, а?

---

[83] Примечания: 83

Некая не существовавшая в действительности особа, имя которой постоянно упоминала миссис Гэмп, персонаж романа «Жизнь и приключения Мартина Чезлвита» Ч.Диккенса.

Глядя мне в глаза с лукавой улыбкой, она покачала головой.

— А почему вы здесь, тоже не скажете?

— О-о! Представьте себе — отдыхаю, или вы полагаете, что артистам это не по карману?

— Дорогой курорт на морском побережье во Франции?

— Не так уж он дорог. Надо только уметь устроиться.

Я пристально посмотрел на нее.

— И все-таки еще позавчера у вас и в мыслях не было ехать сюда!

— Жизнь порой преподносит нам разные неожиданности, — назидательно изрекла Сандрильона. — Ну вот, я, кажется, достаточно рассказала о себе, и хватит с вас! Пай-мальчики не должны быть слишком любопытны. А вот вы все еще не сказали, что вы-то тут делаете?

— Помните, я говорил вам, что у меня есть близкий друг — детектив?

— Ну и что же?..

— Вы, наверное, слышали о преступлении здесь... на вилле «Женевьева»...

Она уставилась на меня. Глаза у нее сделались огромные и круглые.

— Вы что, хотите сказать... вы здесь в связи с

этим?

Я кивнул. Сомнений быть не могло — мне сильно повезло. По тому, как она смотрела на меня, я понял, что сразу вырос в ее глазах. Некоторое время она молчала, не сводя с меня взгляда. Потом решительно тряхнула головой.

— Ну, это просто потрясающе! Проводите меня туда. Хочу своими глазами увидеть все эти ужасы.

— То есть как это?

— Именно так, как вы слышали. Господи, разве я не говорила вам, я ведь просто помешана на преступлениях? Я уже несколько часов тут вынюхиваю. И надо же, такое везенье! Прямо на вас налетела! Идемте же, покажите мне все поскорее.

— Послушайте... подождите минутку... Я не могу. Туда никого не пускают. Такие строгости...

— Но ведь вы и ваш друг, вы же шишки там, правда?

Мне не хотелось признаваться, что уж я-то совсем не «шишка».

— Не понимаю, почему вы так рветесь туда, — заметил я нерешительно. — И что, собственно, вы хотите увидеть?

— О, все! Место, где это случилось, орудие убий-

ства, самого покойника, отпечатки пальцев, ну и все остальное. Какая удача привалила! Оказаться прямо на месте убийства! Такие впечатления, мне их на всю жизнь хватит.

Я отвернулся от нее — меня слегка подташнивало. Во что превратились женщины в наше время? Кровожадность этой юной особы вызывала у меня отвращение.

— Не понимаю, чего вы задаетесь? Подумаешь, нежности какие! — заговорила вдруг юная леди. — Хватит вам важничать! Когда вас пригласили сюда, вы что, тоже нос воротили — грязное, мол, дело, прошу меня не впутывать и все такое, да?

— Нет, но...

— А если бы вы здесь отдыхали, как я, например, неужели вам не захотелось бы все самому выведать? Уверена, еще как захотелось бы.

— Но я ведь мужчина. А вы... вы — девушка.

— По-вашему, если я девушка, значит, должна прыгать на стул и визжать при виде мыши. Ну и представления у вас, допотопные какие-то. Но все-таки вы отведете меня туда, правда? Понимаете, это, может быть, очень важно для меня.

— Каким образом?

— Вы же знаете, репортеров туда не пускают. А я могла бы за эту сенсацию сорвать хороший куш

в одной газетке. Вы даже не представляете, сколько они платят за такие вот секретные сведения.

Я мучился сомнениями. Но тут она вложила мне в руку свои маленькие нежные пальчики.

— Ну пожалуйста... Очень вас прошу.

Я сдался. Честно признаться, роль экскурсовода в данном случае представлялась мне даже не лишенной приятности.

Сначала мы пошли к тому месту, где было обнаружено тело. Там дежурил полицейский. Узнав меня, он почтительно взял под козырек и не стал задавать никаких вопросов по поводу моей спутницы. Вероятно, он счел мое присутствие достаточно веским поручительством за нее. Я объяснил Сандрильоне, как было найдено тело. Она внимательно выслушала мой рассказ, временами перебивая его весьма неглупыми вопросами. Потом мы направились к вилле. Я шел, осторожно оглядываясь, ибо, по правде говоря, не испытывал большого желания встретиться с кем бы то ни было. Я провел девушку сквозь кустарник, и мы вышли к сарайчику позади дома. Я вспомнил, что накануне вечером, заперев дверь, мосье Бекс оставил ключ от сарая полицейскому Маршо, «на случай, если он потребуется мосье Жиро». Весьма вероятно, подумал я, что мосье

Жиро вернул ключ Маршо. Спрятав девушку в кустах, так чтобы ее не было видно с тропинки, я вошел в дом. Маршо дежурил у дверей гостиной, откуда неясно доносились чьи-то голоса.

— Мосье желает видеть мосье Отэ? Он в гостиной. Снова допрашивает Франсуазу.

— Нет-нет, — поспешно заговорил я. — Он мне не нужен. Но я хотел бы взять ключ от сарая, если, конечно, это не нарушит инструкций.

— Ну, конечно, мосье. — И он достал ключ. — Вот он. Мосье Отэ приказал оказывать вам всяческое содействие. Вернете ключ, когда покончите с вашими делами, хорошо?

— Ну, разумеется.

Приятное волнение охватило меня при мысли, что по крайней мере в глазах Маршо я был фигурой почти столь же значительной, как сам Пуаро. Девушка ждала меня. Увидев в моих руках ключ, она даже вскрикнула от восторга.

— Значит, вам удалось получить его?

— Разумеется, — холодно отозвался я. — Но помните: то, что я сейчас делаю, — грубое нарушение инструкций.

— Да вы просто душка, я этого никогда не забуду. Идемте же. Им ведь не видно нас из дома, правда?

— Подождите минутку, — сказал я, удерживая ее. — Я не буду мешать вам, если вы и впрямь хотите войти туда. Но стоит ли это делать? Подумайте! Вы ведь уже видели место преступления и могилу, вы знаете все подробности убийства. Неужели не достаточно? Имейте в виду — зрелище вам предстоит неприятное, да что там — отвратительное.

С минуту она смотрела на меня взглядом, значение которого я не берусь растолковать. Потом засмеялась.

— Да ведь мне только и подавай всякие ужасы, — сказала она. — Пойдемте.

Мы молча подошли к сараю. Я отпер дверь, и мы вошли. Я приблизился к телу и, помня, как это делал вчера Бекс, осторожно стянул простыню. Из уст девушки вырвался сдавленный стон. Я обернулся и посмотрел на нее. Лицо ее было искажено страхом, от радостного возбуждения не осталось и следа. Что ж — она пренебрегла моим советом и теперь расплачивается за свое легкомыслие. Я не испытывал к ней жалости. Пусть выдержит это испытание до конца. Я осторожно повернул тело.

— Видите, — сказал я, — его убили ударом в спину.

Едва слышно она произнесла:

— Чем?

Я кивнул на стеклянную банку.

— Вот этим кинжалом.

Девушка внезапно пошатнулась и осела на пол. Я бросился к ней.

— Вам плохо. Идемте скорее. Такие зрелища не для вас.

— Воды, — прошептала она. — Скорее. Воды.

Я со всех ног бросился в дом. Мне повезло, служанок не было поблизости, не замеченный никем, я налил в стакан воды, добавил из походной фляжки несколько капель бренди и вернулся в сарай. Девушка лежала в той же позе. Но несколько глотков бренди с водой возымели прямо-таки волшебное действие.

— Уведите меня отсюда... о, скорее, скорее! — твердила она, вся дрожа.

Поддерживая под руку, я вывел ее на свежий воздух. Выходя, она затворила за собой дверь, потом перевела дух.

— Ну вот, уже лучше. О, это ужасно! И зачем вы только пустили меня туда.

Это прозвучало так по-женски, что я не мог сдержать улыбки. В глубине души я был даже доволен тем, что ей стало дурно. Видимо, она

не такая уж бессердечная, как я думал. В конце концов, она ведь еще почти дитя, и любопытство ее, видимо, просто от легкомыслия.

— Я как мог старался удержать вас, вы же знаете, — мягко сказал я.

— Конечно, знаю. Ну а теперь — до свидания.

— Постойте, вам нельзя так уйти... одной. Вы еще слабы. Я провожу вас в город. И не спорьте.

— Чепуха. Уже все прошло.

— А если вы снова потеряете сознание? Нет, я провожу вас.

Она упорно противилась этому. Но я, однако, настоял на своем, и она позволила проводить ее почти до самого города. Мы снова шли по той же тропинке, мимо могилы, а потом окольным путем вышли на дорогу. Когда стали попадаться первые лавки, она остановилась и протянула мне руку.

— До свидания, спасибо, что проводили.

— Вы уверены, что хорошо себя чувствуете?

— Да, совершенно. Спасибо. Надеюсь, у вас не будет неприятностей из-за меня?

Я заверил ее, что все в порядке.

— Ну, прощайте.

— Аи revoir, — поправил я. — Вы ведь здесь живете, значит, мы еще увидимся.

Она одарила меня ослепительной улыбкой.

— Хорошо, пусть так. Аи revoir.

— Подождите, вы даже не сказали мне ваш адрес.

— О, я живу в «Отель дю Фар», это небольшая, но вполне приличная гостиница. Загляните ко мне завтра.

— Непременно, — отвечал я, вероятно, с несколько излишней поспешностью.

Я постоял, пока она не скрылась из виду, а потом направился к вилле «Женевьева». Я вспомнил, что не запер дверь сарая. К счастью, никто этого не заметил. Я повернул в замке ключ, вынул его и отдал полицейскому. Тут мне вдруг пришло в голову, что хоть Сандрильона и дала мне свой адрес, имени-то ее я так и не узнал.

Глава 9
МОСЬЕ ЖИРО НАХОДИТ УЛИКИ

В гостиной я застал следователя, деловито допрашивающего старика садовника. Здесь же были Пуаро и комиссар, которые приветствовали меня вежливым поклоном и улыбками. Я тихонько сел в кресло. Мосье Отэ проявлял чудеса усердия, он был немыслимо кропотлив и дотошен, однако старания его оказались напрасны, ему не удалось извлечь из свидетеля ничего мало-мальски существенного.

Огюст признал, правда, что перчатки, найденные на месте преступления, принадлежат ему. Он надевал их, когда приходилось ухаживать за примулой, которая, как известно, иногда бывает ядовитой. Он не помнит, когда в последний раз надевал их. Нет, конечно, он их не хватился. Где они обычно лежат? Да то здесь, то там. Лопата всегда стоит в сарайчике с инструментами. Запирается ли он? Конечно, запирается. Где хранится ключ от него? Parbleu[84], торчит в двери, само собой. Что там красть-то. Кто ж знал, что объявятся

---

[84] Примечания: 84
Черт возьми *(фр)*.

какие-то бандиты или убийцы. Когда вилла принадлежала мадам виконтессе, ничего подобного не случалось.

Мосье Отэ отпустил наконец старика, и тот заковылял к двери, ворча что-то себе под нос. Вспомнив, с каким необъяснимым упорством Пуаро проявлял интерес к следам на клумбе, я так и сверлил взглядом старика Огюста, когда он давал свои показания. То ли он и впрямь никак не замешан в преступлении, подумал я, то ли это непревзойденный актер. Когда он уже ступил за порог, внезапная догадка поразила меня.

— Извините, мосье Отэ, — воскликнул я, — вы позволите задать ему один вопрос?

— Ну, разумеется, мосье.

Заручившись поддержкой следователя, я обратился к Огюсту:

— Где вы держите свои, сапоги?

— На ногах, — проворчал старик. — Где ж еще?

— Куда вы их ставите на ночь?

— Под кровать.

— А кто их чистит?

— Никто. Зачем их чистить? Что мне, щеголять в них, что ли? По воскресеньям я надеваю другие, а так... — Он пожал плечами.

Обескураженный, я только развел руками.

— Ну что ж, — сказал следователь, — не слишком-то мы продвинулись. Разумеется, трудно что-либо предпринять, пока не придет ответ из Сантьяго. Не знает ли кто-нибудь, где Жиро? Право, он не слишком-то учтив! У меня большое желание послать за ним и...

— Нет нужды посылать за мной.

Мы все вздрогнули, услышав этот спокойный голос. Жиро стоял под открытым окном и смотрел на нас.

Он легко вскочил на подоконник, спрыгнул на пол и подошел к столу.

— Вот и я, к вашим услугам. Прошу прощения, что немного опоздал.

— Ну что вы, ничуть! — смущенно заверил его следователь.

— Разумеется, я всего-навсего сыщик, — продолжал Жиро. — В допросах ничего не смыслю. Однако позволю себе заметить, на вашем месте я бы вел допрос при закрытых окнах. А так можно запросто подслушать, что здесь происходит. Но это так, между прочим.

Мосье Отэ покраснел от гнева. Не требовалось особой проницательности, чтобы заметить, что следователь мосье Отэ и сыщик мосье Жиро не испытывают друг к другу особой симпатии. С

самого начала между ними то и дело случались мелкие стычки. Вероятно, иначе и быть не могло. Жиро считал, что все следователи — болваны, и мосье Отэ, относившегося к своей особе и к своим служебным обязанностям с большим почтением, естественно, оскорбляла бесцеремонность столичного детектива.

— Eh bien, мосье Жиро, — начал следователь довольно раздраженно. — Уж вы-то наверняка зря времени не теряли! Может быть, вы сразу и имена убийц назовете, а? Неплохо бы узнать и место, где они скрываются!

Пропустив его выпад мимо ушей, мосье Жиро сказал:

— Во всяком случае, мне известно, откуда они прибыли.

Он достал что-то из кармана и выложил на стол. Мы столпились вокруг. Перед нами лежал самый обычный окурок и незажженная спичка. Сыщик резко обернулся к Пуаро.

— Что вы тут видите? — спросил он довольно грубо.

Краска бросилась мне в лицо, но Пуаро был невозмутим.

Он пожал плечами.

— Окурок сигареты и спичку.

— Это вам говорит о чем-нибудь?

Пуаро развел руками.

— Ровным счетом ни о чем.

— А! — воскликнул довольный Жиро. — Вы даже не рассмотрели эти предметы. А ведь это не обыкновенная спичка — по крайней мере, у нас в стране таких нет. А вот в Южной Америке такие спички — дело обычное. Мне повезло — она незажженная, в противном случае ее происхождение нельзя было бы определить. Очевидно, один из преступников выбросил окурок и зажег другую сигарету, выронив при этом спичку из коробка.

— Где же другая спичка? — спросил Пуаро.

— Какая спичка?

— Та, с помощью которой он зажег сигарету. Ее вы тоже нашли?

— Нет.

— Может быть, вы не слишком усердно искали?

— Не слишком усердно?! — Казалось, сыщик вот-вот взорвется, но усилием воли он сдержался. — Понимаю, вы любите пошутить, мосье Пуаро. Но как бы то ни было — есть ли спичка, нет ли, достаточно и окурка. Эта сигарета из Южной Америки, видите, здесь особая лекарственная лакричная бумага.

Пуаро кивнул, а комиссар сказал:

— Окурок и спичка могли принадлежать мосье Рено. Не забывайте, всего два года как он вернулся из Южной Америки.

— Нет, — уверенно сказал детектив. — Я уже осмотрел вещи мосье Рено. И сигареты и спички у него совсем другие.

— Удивительно, — заговорил Пуаро, — убийцы не запаслись ни орудием убийства, ни перчатками, ни лопатой — все будто специально было приготовлено для них здесь. Вам это не кажется странным?

Жиро снисходительно улыбнулся.

— Разумеется, это странно, однако все легко объяснить, если принять мою версию.

— Ага! — сказал мосье Отэ. — Сообщник в доме!

— Или вне его, — заметил Жиро с загадочной улыбкой.

— Но ведь кто-то впустил преступников в дом. Не можем же мы предположить, что дверь случайно оказалась незапертой? Не слишком ли большое везение?

— Нет, дверь открыли, но ведь ее могли открыть и снаружи, если у кого-то был ключ.

— И у кого же он мог быть?

Жиро пожал плечами.

— Тот, у кого есть ключ, никогда добровольно не признается в этом. Впрочем, его мог иметь и не один человек. Мосье Жак Рено, например. Он сейчас, правда, на пути в Южную Америку, но вполне вероятно, что он мог потерять свой ключ или у него этот ключ выкрали. Потом — садовник, он же служит здесь много лет. У какой-нибудь из молоденьких служанок наверняка есть возлюбленный. Снять слепок с ключа и выточить по нему новый — плевое дело. Словом, возможностей не счесть. Есть и еще одна особа, которая, по-моему, наверняка должна иметь ключ.

— Кто же это?

— Мадам Добрэй, — сказал сыщик.

— О! — воскликнул следователь. — Стало быть, вы и о ней знаете?

— Я знаю все, — невозмутимо изрек Жиро.

— Готов поклясться, что есть один факт, о котором вы не слышали, — сказал мосье Отэ, радуясь, что и он может щегольнуть осведомленностью. Он единым духом выложил все, что знал о таинственной ночной гостье и о чеке, выписанном на имя Дьювин, а напоследок протянул мосье Жиро письмо с подписью «Белла».

— Все это крайне интересно, но моя версия

остается в силе.

— И какова же ваша версия?

— Пока не время ее оглашать. Ведь я еще только начинаю расследование.

— У меня имеется к вам один вопрос, мосье Жиро, — сказал вдруг Пуаро. — Ваша версия объясняет, как дверь была открыта. Но вот почему ее оставили незапертой — об этом ваша версия умалчивает. Уходя, преступники, естественно, должны были запереть дверь, разве не так? Если бы, например, как это порою случается, к дому подошел полицейский, чтобы убедиться, что все спокойно, преступников могли тотчас обнаружить и схватить.

— Черт возьми, да они забыли. Простая оплошность, ручаюсь.

И тут Пуаро, к моему удивлению, почти слово в слово произнес то, что мы с мосье Бексом уже слышали от него накануне:

— Я не согласен с вами. Дверь оставили открытой то ли умышленно, то ли по необходимости, и любая версия, в которую этот факт не укладывается, обязательно окажется ошибочной.

Мы все в изумлении воззрились на Пуаро. Ведь представив такие неопровержимые улики, как окурок и спичка, Жиро посрамил его, думал я, да

и сам Пуаро как будто не отрицал этого. И вот, пожалуйста, ничуть не бывало: как всегда, очень довольный собой, мой друг поучает самого Жиро, не испытывая при этом ни малейшей робости.

Сыщик подкрутил усы, насмешливо поглядывая на Пуаро.

— Стало быть, вы не согласны со мной? Хорошо, тогда прошу — ваши соображения. Итак, мы вас слушаем.

— Видите ли, тут есть одно обстоятельство, которое представляется мне весьма значительным. Скажите, мосье Жиро, вы не усматриваете в этом деле чего-то очень знакомого? Оно вам ни о чем не напоминает?

— Знакомого? Не напоминает ли чего? Погодите, погодите... Впрочем, нет, не думаю.

— Значит, не помните, — спокойно сказал Пуаро. — А ведь некое преступление, удивительно похожее на это, уже было однажды совершено.

— Когда? Где?

— Вот этого, к сожалению, не могу сейчас сказать, но вспомню непременно. Я-то надеялся, что вы мне подскажете.

Жиро недоверчиво хмыкнул.

— Таких дел, где фигурируют преступники в масках, полно. Разве все их упомнишь? Все пре-

ступления более или менее схожи между собой.

— Но ведь существует же такое понятие, как индивидуальный почерк. — Пуаро, неожиданно взяв менторский тон, обратился к нам ко всем: — Я говорю о психологии преступления. Мосье Жиро, конечно же, известно, что каждый преступник имеет свой особый метод. Расследуется, скажем, случай ограбления, и нередко можно довольно точно представить себе портрет преступника на основании тех приемов, которыми он пользуется. (Джепп наверняка подтвердил бы вам мои слова, Гастингс.) Человек мыслит стереотипами, и неважно, живет ли он в рамках закона или преступает его, он действует соответственно своему характеру. Сколько бы он ни совершил преступлений, все они будут как две капли походить друг на друга. Классический случай — некий англичанин избавляется от своих жен, топя их в ванне[85]. Придумай он что-то другое, ему, вероятно, и по сей день удавалось бы избежать наказания. Но над ним тяготеет один из всеобщих законов человеческой психологии: преступник уверен — то, что сошло ему с

[85] Примечания: 85

Имеется в виду нашумевшее дело некоего Джорджа Джозефа Смита, который с целью завладения наследством избавился поочередно от трех своих жен, топя их в ванне.

рук однажды, удастся и второй раз, и третий. В результате он расплачивается за тривиальность своего мышления.

— Что же из всего этого следует? — усмехнулся Жиро.

— А то, что если перед вами два преступления, весьма схожие по замыслу и исполнению, то за ними обоими обычно стоит один и тот же автор. Я ищу этого автора, мосье Жиро, и я найду его. Ключ к разгадке — в психологии преступника. Вы много чего знаете об окурках и спичках, мосье Жиро, а я, Эркюль Пуаро, знаю человеческую психологию.

На Жиро эти доводы, похоже, не произвели ни малейшего впечатления.

— Вот еще один факт, — продолжал Пуаро, — над которым стоит призадуматься. Часики мадам Рено на следующий день после убийства ушли вперед на два часа.

Мосье Жиро воззрился на него.

— Возможно, они всегда спешат?

— Говорят, действительно спешат.

— Ну, тогда все в порядке.

— И все равно, два часа — это уж слишком, — негромко заметил Пуаро. — А еще ведь эти следы на клумбе.

Он кивнул на открытое окно. Жиро устремился к окну.

— Но здесь нет никаких следов!

— Да, — невозмутимо отвечал Пуаро, поправляя стопку книг на столе. — Там их действительно нет.

Ярость исказила черты мосье Жиро. Пуаро, конечно, издевается над ним. Он двинулся было к ненавистному бельгийцу, но тут дверь отворилась, и Маршо доложил:

— Мосье Стонор, секретарь, только что прибыл из Англии. Он может войти?

Глава 10
ГАБРИЕЛЬ СТОНОР

Человек, который вошел в гостиную, мог поразить любое воображение. Необыкновенно высокий, атлетического сложения, с бронзовым от загара лицом и шеей, он разительно выделялся среди всех собравшихся. По сравнению с ним даже Жиро выглядел слабым и анемичным. Познакомившись с ним ближе, я понял, что Габриель Стонор — совершенно необыкновенная личность. Англичанин по рождению, он исколесил весь земной шар. Он охотился в Африке, путешествовал по Корее, владел ранчо в Калифорнии, занимался коммерцией в Полинезии.

Его зоркий взгляд безошибочно выделил из собравшихся мосье Отэ.

— Полагаю, вы ведете следствие по этому делу? Рад познакомиться, сэр. Какое чудовищное преступление! Как мадам Рено? Как она перенесла этот удар? Для нее это ужасное потрясение.

— Ужасно, ужасно, — сказал мосье Отэ. — Позвольте представить — мосье Бекс, комиссар полиции, мосье Жиро из Сюртэ. Этот джентльмен

— мосье Эркюль Пуаро. Мосье Рено вызвал его, но мосье Пуаро прибыл слишком поздно, непоправимое уже свершилось. Друг мосье Пуаро — капитан Гастингс.

Стонор с интересом посмотрел на Пуаро.

— Он что, правда вызвал вас?

— Стало быть, вы не знали, что мосье Рено намеревался вызвать детектива? — удивился мосье Бекс.

— Нет, не знал. Однако эта новость нисколько меня не удивляет.

— Почему?

— Старик был здорово напуган. Причина, правда, мне неизвестна. Он не посвящал меня в эти дела, мы с ним никогда о них не говорили. Но напуган он был насмерть.

— Гм' И у вас нет никаких соображений на этот счет? — спросил мосье Отэ.

— Именно так, сэр.

— Извините, мосье Стонор, но мы должны соблюсти некоторые формальности. Ваше имя?

— Габриель Стонор.

— Давно ли вы служите секретарем у мосье Рено?

— Около двух лет, с тех пор, как он приехал из Южной Америки. Я познакомился с ним через на-

шего общего приятеля, и мосье Рено предложил мне эту должность. Между прочим, как босс он был превосходен.

— Рассказывал ли он вам о своей жизни в Южной Америке?

— Да, и немало.

— Не знаете ли вы, мосье Рено приходилось бывать в Сантьяго?

— Думаю, не однажды.

— Не упоминал ли он о каком-нибудь случае, который произошел там и в результате которого кто-то пожелал бы отомстить мосье Рено?

— Никогда.

— Не говорил ли он о какой-либо тайне, связанной с пребыванием в Сантьяго?

— Нет. Насколько я помню, нет. Но тем не менее у него, видимо, было что скрывать. Я никогда не слышал, чтобы он говорил о своем детстве, например, или о каких-либо событиях своей жизни до приезда в Южную Америку. По происхождению он, кажется, канадский француз, но я никогда не слышал, чтобы он говорил о своей жизни в Канаде. Бывало, слова лишнего из него не вытянешь.

— Итак, насколько вам известно, врагов у него не было и вы не можете нам дать ключ к разгадке

тайны его смерти?

— Да, именно так.

— Мосье Стонор, не приходилось ли вам слышать имя Дьювин в связи с мосье Рено?

— Дьювин... Дьювин... — задумчиво повторил он. — Нет, по-моему, не приходилось. Однако это имя почему-то мне знакомо.

— Знакома ли вам дама, которую зовут Белла? Она приятельница мосье Рено?

Мосье Стонор снова покачал головой.

— Белла Дьювин? Это полное ее имя? Интересно. Уверен, что слышал его. Но не могу припомнить, в какой связи.

Следователь кашлянул.

— Понимаете, мосье Стонор... тут такое дело... Какое-либо умолчание здесь недопустимо. Возможно, вы из деликатности щадите чувства мадам Рено, к которой, я знаю, вы питаете глубокое уважение и сострадание, но, возможно... в сущности... — промямлил мосье Отэ, окончательно запутавшись, — словом, тут не должно быть никаких умолчаний.

Стонор уставился на него, силясь уяснить, что он хотел сказать.

— Я не совсем понимаю, — медленно начал он. — При чем здесь мадам Рено? Я глубоко ее уважаю,

сочувствую ей. Она удивительная, необыкновенная женщина. Но о каком умолчании вы говорите и какое это имеет к ней отношение?

— Что, если эта Белла Дьювин больше чем просто приятельница ее мужа, например?

— Ах вот оно что! — воскликнул Стонор. — Понял. Но вы ошибаетесь, готов прозакладывать последний доллар. Уж что-что, а за юбками старик никогда не бегал. И жену свою он просто обожал. Более любящей пары в жизни не видел.

Мосье Отэ с сомнением покачал головой.

— Мосье Стонор, мы располагаем неопровержимыми доказательствами — любовным письмом, написанным Беллой к мосье Рено, она упрекает его в том, что он охладел к ней. Более того, у нас есть доказательства, что незадолго до смерти он завел интрижку с француженкой, некой мадам Добрэй, которая арендует соседнюю виллу.

Стонор прищурился.

— Постойте-ка, вы забрали не туда. Я хорошо знаю Поля Рено. То, что вы говорите, — категорически невозможно. Тут должно быть другое объяснение.

Следователь пожал плечами.

— Какое же тут другое объяснение?

— Что именно навело вас на мысль о любовной

связи?

— Мадам Добрэй имела обыкновение навещать мосье Рено по вечерам. К тому же, с тех пор как он поселился здесь, мадам Добрэй положила на свой банковский счет крупные суммы денег. В общей сложности, если перевести в английские фунты, получится четыре тысячи.

— Вот это верно, — спокойно согласился Стонор. — Я сам переводил ей эти суммы наличными по его требованию. Но любовной связи между ними не было.

— А что же это было?

— Шантаж, — отрезал Стонор, хлопнув рукой по столу. — Вот что это было!

— О! — вскричал потрясенный следователь.

— Шантаж, — повторил Стонор. — У старика просто вымогали деньги — да как ловко! Четыре тысячи всего за пару месяцев! Вот так! Я ведь говорил вам только что — ему есть

что скрывать. Очевидно, эта мадам Добрэй что-то знает, вот и давила на старика.

— А ведь вполне возможно! — возбужденно вскричал комиссар. — Вполне возможно!

— Возможно, вы говорите? — прогремел Стонор. — Не возможно, а точно. Скажите, вы спрашивали мадам Рено, что она думает об этой любовной

истории, которую вы придумали?

— Нет, мосье. Мы старались не причинять ей лишних страданий.

— Страданий? Да она бы посмеялась над вами. Говорю вам, они с Рено были такой парой, каких разве одна на сотню сыщется.

— Да, кстати, еще один вопрос, — спохватился мосье Отэ. — Мосье Рено посвятил вас в свои планы относительно завещания?

— Да, тут я целиком в курсе: когда мосье Рено составил завещание, я сам отправлял его нотариусу. Могу сообщить вам фамилии его поверенных, и вы ознакомитесь с содержанием этого документа. Завещание хранится у них. Там все просто: половина состояния переходит к мадам Рено в пожизненное пользование, вторая половина — сыну. Разным другим лицам завещаны мелкие суммы. Помнится, мне он оставил тысячу фунтов.

— Когда было написано это завещание?

— Ну, примерно года полтора назад.

— Вы будете очень удивлены, мосье Стонор, но менее чем две недели назад мосье Рено составил новое завещание.

Стонор и впрямь был изумлен.

— Понятия не имел об этом. И каково же оно?

— Все свое огромное состояние он оставил жене. О сыне даже и не упоминается.

Мистер Стонор протяжно свистнул.

— По-моему, довольно жестоко по отношению к парню. Мать, разумеется, обожает его, но в глазах остальных выходит, что мосье Рено не доверял сыну. Конечно, это уязвит самолюбие Жака. Однако такой поворот дела лишний раз доказывает, что я прав: у супругов были прекрасные отношения.

— Возможно, возможно, — сказал мосье Отэ. — Наверное, нам придется кое-что пересмотреть в этом деле. Разумеется, мы телеграфировали в Сантьяго и с минуты на минуту ждем ответа. Думаю, тогда многое прояснится. С другой стороны, если подтвердится факт шантажа, мадам Добрэй придется дать объяснения.

Неожиданно Пуаро тоже включился в разговор.

— Мосье Стонор, а что Мастерс, шофер-англичанин, давно служит у мосье Рено?

— Больше года.

— Как вы думаете, он бывал когда-нибудь в Южной Америке?

— Уверен, что нет. Перед тем как перейти к мо-

сье Рено, он много лет служил в Глостершире[86] у моих близких знакомых.

— Вы можете поручиться, что он вне подозрений?

— Безусловно.

Казалось, его ответ несколько разочаровал Пуаро.

Тем временем следователь вызвал Маршо.

— Передайте поклон мадам Рено и скажите, что я прошу уделить мне несколько минут. Пусть она не утруждает себя. Я поднимусь наверх и подожду ее там.

Маршо взял под козырек и вышел.

А несколько минут спустя дверь отворилась, и, к нашему удивлению, мадам Рено, мертвенно-бледная, в глубоком трауре, предстала перед нами.

Мосье Отэ подвинул ей кресло, бурно выражая огорчение по поводу того, что мадам потревожила себя, спустившись вниз. Мадам Рено улыбкой поблагодарила его. Стонор в порыве сочувствия обеими руками сжал ее руку. Что-либо вымолвить он, видимо, просто не мог. Мадам Рено обратилась к мосье Отэ:

---

[86] Примечания: 86

Глостершир — графство на западе центральной части Англии.

— Вы хотели о чем-то меня спросить?

— С вашего разрешения, мадам. Насколько мне известно, ваш муж по рождению был канадский француз. Не могли бы вы рассказать, как прошла его юность, какое он получил воспитание, где учился?

Она покачала головой.

— Мой муж был очень сдержан и никогда не рассказывал о себе, мосье. Родился он где-то на Северо-Западе; детство, по-моему, у него было тяжелое и несчастливое, и он старался не вспоминать о тех временах. Мы были счастливы настоящим, и у нас было будущее.

— Не было ли у него в прошлом какой-нибудь тайны?

Мадам Рено улыбнулась и покачала головой.

— Нет, мосье, ничего... романтического, я уверена.

Мосье Отэ тоже улыбнулся.

— И впрямь, не стоит нам впадать в мелодраму. Правда, тут есть одно обстоятельство... — Он запнулся.

Стонор поспешно перебил его:

— Видите ли, мадам Рено, у них родилась чрезвычайно нелепая мысль. Они вообразили, что мосье Рено завел интрижку с некой мадам Добр-

эй, которая, кажется, живет тут неподалеку.

Краска бросилась в лицо мадам Рено. Она вскинула голову, но потом прикусила губу, лицо ее болезненно передернулось. Стонор удивленно уставился на нее, а мосье Бекс, подавшись вперед, вкрадчиво заговорил:

— Весьма сожалею, мадам, что приходится причинять вам страдания, но прошу ответить мне: есть ли у вас основания предполагать, что мадам Добрэй была возлюбленной вашего мужа?

Судорожно всхлипнув, мадам Рено закрыла лицо руками. Плечи ее вздрагивали. Потом она подняла голову и сокрушенно сказала:

— Да, возможно.

В жизни своей не видел такого изумления, как на лице у Стонора. Похоже, он был сражен наповал.

Глава 11
ЖАК РЕНО

Трудно сказать, какой оборот принял бы наш разговор, ибо в этот самый миг дверь резко распахнулась и в гостиную быстрыми шагами вошел высокий незнакомец.

На мгновение мистический ужас охватил меня — мне показалось, что ожил покойный мосье Рено. Но я тут же сообразил, что в его темных волосах нет седины и что этот стремительно ворвавшийся незнакомец еще очень молод, почти мальчик. Он бросился к мадам Рено с пылкой непосредственностью, точно не замечая нашего присутствия.

— Матушка!

— Жак! — вскрикнула мадам Рено, заключая его в объятия. — Мой ненаглядный! Откуда ты взялся? Ты же должен был еще позавчера отплыть из Шербура на «Анзоре»? — Вспомнив вдруг о нашем присутствии, мадам Рено сказала с присущим ей сдержанным достоинством: — Мой сын, господа.

— О! — воскликнул мосье Отэ, раскланиваясь с молодым человеком. — Стало быть, вы не отплы-

ли на «Анзоре»?

— Нет, мосье. Я как раз хотел объяснить, что отплытие «Анзоры» задержали на сутки — какие-то неполадки в двигателе. Мы могли бы отплыть не позавчера, а только вчера вечером. Но из вечерней газеты я узнал о трагедии, постигшей нас... — Он осекся, на глаза навернулись слезы. — Бедный отец... бедный, бедный отец.

Уставившись на него немигающим взглядом, мадам Рено повторила, точно во сне:

— Так ты не уехал? — Потом, махнув рукой со смертельно усталым видом, она проговорила будто про себя: — Впрочем, теперь уже все равно...

— Садитесь, мосье Рено, прошу вас, — сказал мосье Отэ, указывая на кресло. — Поверьте, я глубоко сочувствую вам. Понимаю, какой это для вас удар. Тем не менее очень удачно, что вы не успели отплыть. Надеюсь, вы не откажетесь сообщить нам все, что вам известно, чтобы пролить свет на эту ужасную трагедию.

— Я к вашим услугам, мосье. Готов ответить на все ваши вопросы.

— Для начала я хотел бы узнать вот что. Вы отправились в Южную Америку по настоянию отца?

— Совершенно верно, мосье. Я получил те-

леграмму, в которой мне предписывалось без промедления отбыть в Буэнос-Айрес, затем через Анды в Вальпараисо[87] и дальше в Сантьяго.

— Вот как! Какова же цель этой поездки?

— Понятия не имею.

— Не знаете?

— Не знаю. Вот телеграмма. Прочтите сами.

Следователь взял ее и прочел вслух:

— «Немедленно сегодня отправляйся Шербура «Анзо-рой» Буэнос-Айрес. Конечный пункт назначения Сантьяго. Дальнейшие указания получишь Буэнос-Айресе. Постарайся не опоздать. Дело чрезвычайной важности. Рено». И неужели раньше об этом не было речи?

Жак Рено покачал головой.

— Нет, никогда. Единственное сообщение, полученное мною от отца, — это телеграмма. Разумеется, мне известно, что у отца, долго жившего за границей, есть крупные капиталовложения в Южной Америке. Но он никогда раньше не заговаривал со мной о подобной поездке.

— Вы, конечно, довольно долго прожили в Юж-

---

[87] Примечания: 87

Анды — горная система, протянувшаяся с севера на юг вдоль западного, Тихоокеанского побережья Южной Америки и являющаяся самой длинной и одной из самых высоких на земле; Вальпараисо — город и морской порт в Чили.

ной Америке, мосье Рено?

— Да, еще ребенком. Но потом я уехал учиться в Англию и даже на каникулы оставался там, поэтому мало что знаю о Южной Америке. Ну а потом началась война, мне было тогда семнадцать.

— Вы служили в Королевской авиации, не так ли?

— Да, мосье.

Мосье Отэ кивнул и стал задавать юноше привычные вопросы, которые мы не раз уже слышали. Жак Рено заявил, что ему решительно ничего не известно ни о каких врагах мосье Рено, ни в Сантьяго, ни где-либо еще в Южной Америке, что никаких перемен в отце в последнее время он не замечал и о «секретных документах» отец при нем не упоминал. Сам Жак Рено считает, что его несостоявшаяся поездка в Южную Америку должна была носить чисто деловой характер.

Как только мосье Отэ немного замешкался, раздался спокойный голос Жиро:

— Я тоже хотел бы задать несколько вопросов, господин судебный следователь.

— Разумеется, мосье Жиро, как вам угодно, — холодно отозвался мосье Отэ.

Жиро придвинулся к столу.

— Хорошие ли отношения были у вас с отцом,

мосье Рено?

— Естественно, — надменно отрезал молодой человек.

— Вы решительно настаиваете на этом?

— Да.

— И никаких размолвок между вами не случалось, а?

Жак пожал плечами.

— Иногда наши взгляды не совпадали. Это же обычное дело.

— Вот именно, вот именно. И если бы кто-то стал уверять, что накануне отъезда в Париж вы с отцом крупно поссорились, то, разумеется, вы бы сказали, что он лжет?

Я невольно восхищался Жиро. Его самоуверенное «я знаю все» не было пустым хвастовством. У Жака Рено его вопрос явно вызвал замешательство.

— Мы... мы действительно поспорили, — признался он.

— О! Поспорили! И в ходе этого спора вы сказали: «Когда ты умрешь, я смогу делать что захочу»?

— Может, и сказал, — пробормотал Жак, — не помню.

— В ответ отец крикнул: «Но я пока еще жив!»,

так? На что вы ответили: «Очень жаль!»

Молодой человек молчал, нервно барабаня по столу пальцами.

— Настоятельно прошу ответить на мой вопрос, мосье Рено, — твердо отчеканил Жиро.

Молодой человек смахнул со стола тяжелый нож для разрезания бумаги и гневно закричал:

— Разве это имеет какое-нибудь значение? Вы же сами понимаете! Да, я действительно поссорился с отцом. Не буду отрицать, я много чего наговорил ему! Не могу даже вспомнить, что именно я нес. Меня тогда охватила дикая ярость — в тот момент я, наверное, мог бы убить его! Вот, пожалуйста! — Он с вызывающим видом откинулся в кресле, весь красный от негодования.

Жиро улыбнулся, снова отодвинулся от стола и сказал:

— Вот и все. Вы, разумеется, продолжите допрос, мосье Отэ.

— Да, непременно, — сказал мосье Отэ. — Какова же была причина вашей ссоры?

— Предпочел бы не отвечать на этот вопрос.

Мосье Отэ встал.

— Мосье Рено, не следует шутить с законом! — прогремел он. — Итак, какова была причина вашей ссоры?

Молодой Рено упорно молчал, его мальчишеское лицо стало замкнутым и угрюмым. Тишину нарушил невозмутимый голос Эркюля Пуаро.

— Я отвечу на этот вопрос, если вы не возражаете, мосье, — доброжелательно сказал он.

— Разве вы знаете?..

— Конечно, знаю. Причиной ссоры была мадемуазель Марта Добрэй.

Пораженный Рено вскочил с места. Следователь подался вперед.

— Это правда, мосье?

Жак Рено наклонил голову.

— Да, — выдавил он. — Я люблю мадемуазель Добрэй и хочу жениться на ней. Когда я сказал об этом отцу, он пришел в ярость. Понятно, я не мог спокойно слушать, как он оскорбляет девушку, которую я люблю, и тоже вышел из себя.

Мосье Отэ обратился к мадам Рено:

— Вы знали об этой... привязанности вашего сына, мадам?

— Я этого опасалась, — ответила она просто.

— Мама! — крикнул молодой человек. — И ты тоже! Марта столь же добродетельна, сколь и прекрасна. Чем она тебе не нравится?

— Я ничего не имею против нее. Но я бы предпочла, чтобы ты женился на англичанке, а не

на француженке. К тому же у ее матери весьма сомнительное прошлое!

В ее голосе откровенно звучала ненависть к мадам До-брэй, и я прекрасно понимал, как горько она страдает оттого, что единственный сын влюблен в дочь ее соперницы.

Обратившись к следователю, мадам Рено продолжала:

— Вероятно, мне следовало бы обсудить все это с мужем, но я надеялась, что полудетская привязанность Жака к этой девушке угаснет сама собою — и тем скорее, чем меньше значения придавать ей. Теперь я виню себя за это молчание, но муж, как я уже говорила, был в последнее время удручен и озабочен, так не похож на себя самого, что я просто не могла нанести ему еще и этот удар.

Мосье Отэ кивнул.

— Когда вы сказали отцу о ваших намерениях относительно мадемуазель Добрэй, — продолжал он, — ваш отец удивился?

— Он был просто ошеломлен. Потом приказал мне тоном, не терпящим возражений, выбросить эту мысль из головы. Он никогда не даст согласия на наш брак, сказал он. Крайне уязвленный, я спросил его, чем ему не нравится мадемуазель Добрэй. Он так и не дал мне вразумительного

ответа, туманно намекал на какую-то тайну, окружающую мать и дочь. Я отвечал, что женюсь на Марте, а прошлое ее матери меня не интересует. Тогда отец стал кричать, что вообще не желает больше обсуждать эту тему и что я должен отказаться от своей затеи. Такая ужасная несправедливость, такой деспотизм просто взбесили меня, особенно, может быть, потому, что сам он всегда был предупредителен с мадам Добрэй и Мартой и не раз говорил, что надо бы пригласить их к нам. Я совсем потерял голову, и мы всерьез поссорились. Отец кричал, что я целиком завишу от него, и тут, должно быть, я и сказал, что все равно сделаю по-своему, когда его не станет...

Пуаро вдруг перебил его:

— Значит, вы знаете, что говорится в завещании?

— Знаю, что половину своего состояния он оставил мне, а вторую половину — матушке, с тем чтобы после ее смерти я наследовал ее часть, — ответил молодой человек.

— Продолжайте же, — напомнил ему следователь.

— Потом мы кричали друг на друга, мы оба были уже в совершенно невменяемом состоянии, и тут я вдруг спохватился, что могу опоздать на

поезд. Мне пришлось бегом бежать до самой станции. Поначалу я был вне себя от ярости, но вдали от дома гнев мой постепенно остыл. Я написал Марте о том, что произошло между мной и отцом, и ее ответ еще больше успокоил меня. Она писала, что мы должны быть стойкими и в конце концов отец перестанет противиться нашему браку. Нам надо проверить свое чувство и убедиться, что оно глубоко и неизменно. И когда мои родители поймут, что с моей стороны это не просто увлечение, они, конечно же, смягчатся. Разумеется, я не вдавался в подробности по поводу главной причины, которую выдвигал отец против нашего брака. Но скоро я и сам понял, что грубая сила — плохой помощник в таком деле.

— Что ж, перейдем теперь к другому вопросу. Скажите, мосье Рено, имя Дьювин вам знакомо?

— Дьювин? — повторил Жак. — Дьювин? — Он нагнулся и не спеша подобрал с пола нож, который прежде смахнул со стола. Он поднял голову и поймал на себе пристальный взгляд Жиро. — Дьювин? Нет, по-моему, незнакомо.

— Не желаете ли прочесть письмо, мосье Рено? Тогда, может быть, вам придут в голову какие-либо соображения насчет того, кто мог бы написать такое письмо вашему отцу.

Жак Рено взял письмо, быстро пробежал его, и краска залила его лицо.

— Оно адресовано отцу? — взволнованно спросил он. Голос его дрожал от возмущения.

— Да. Мы нашли письмо в кармане, в его плаще.

— А... — Он осекся, метнув взгляд на мадам Рено.

Следователь понял, что он хотел спросить, и ответил:

— Пока — нет. Не догадываетесь ли вы, кто автор письма?

— Нет, понятия не имею.

Мосье Отэ вздохнул:

— Невероятно загадочное дело. Ну что ж, отложим пока письмо. Итак, на чем мы остановились? Ах да, орудие убийства. Боюсь невольно причинить вам боль, мосье Рено. Я знаю, вы подарили этот нож вашей матушке. Очень печально... просто ужасно...

Жак Рено подался вперед. Его лицо, пылавшее, когда он читал письмо, теперь стало белым как мел.

— Вы говорите... отец был... был убит ножом из авиационной стали? Нет, невозможно! Это же маленький, почти игрушечный ножик!

— Увы, мосье Рено, такова горькая правда! Этот игрушечный ножик оказался прекрасным оружием. Остер как бритва, а черенок так удобно ложится в руку.

— Где он? Можно мне посмотреть? Он что, все еще в... теле?

— О нет, конечно. Его вынули. Вы действительно хотите посмотреть? Чтобы удостовериться? Что ж, это возможно, хотя мадам Рено его уже опознала. Мосье Бекс, могу я вас побеспокоить?

— Конечно. Я тотчас схожу за ним.

— Может быть, лучше проводить мосье Рено в сарай? — вкрадчиво предложил Жиро. — Он, вероятно, захочет увидеть отца.

Молодой человек содрогнулся и отчаянно замотал головой. Следователь, который всегда был не прочь досадить Жиро, ответил:

— Пока не надо... потом, может быть. Мосье Бекс, будьте так любезны, принесите сюда нож.

Комиссар вышел из гостиной. Стонор подошел к Жаку и стиснул его плечо. Пуаро поднялся и стал передвигать подсвечники, стоявшие не совсем симметрично, — они давно уже не давали ему покоя. Следователь снова и снова перечитывал таинственное любовное послание в надежде найти подтверждение своей первоначальной

версии — убийство на почве ревности.

Вдруг дверь с грохотом распахнулась и в гостиную ворвался комиссар.

— Господин следователь! Господин следователь!

— Ну? В чем дело?

— Ножа там нет!

— Как это — нет?

— Исчез. Испарился. Стеклянная банка, в которой он лежал, пуста!

— Что? — закричал я. — Не может быть! Ведь сегодня утром я видел... — Слова замерли у меня на языке.

Все, кто был в гостиной, уставились на меня.

— Что вы такое говорите? — вскричал комиссар. — Сегодня утром?

— Я видел его там сегодня утром, — сказал я медленно. — Около полутора часов назад, если говорить более точно.

— Стало быть, вы входили в сарай? Где вы взяли ключ?

— Попросил у полицейского.

— И вы входили туда? Зачем?

Я замялся было, но потом решил, что самое лучшее, что я могу сделать, — это чистосердечно признаться во всем.

— Мосье Отэ, — заявил я, — я совершил серьезный проступок и теперь считаю своим долгом покаяться в нем и просить вашего снисхождения.

— Да говорите же, мосье.

— Дело в том, что, — начал я, ощущая непреодолимое желание провалиться сквозь землю, — я встретил девушку, мою знакомую. Ей очень хотелось увидеть все собственными глазами, и я... ну, в общем, я взял ключ и показал ей покойного мосье Рено.

— О! — воскликнул следователь вне себя от негодования. — Вы действительно совершили серьезный проступок, капитан Гастингс. Это грубейшее нарушение! Как вы могли на это решиться!

— Знаю, — смиренно сказал я. — И готов выслушать самое суровое осуждение.

— Надеюсь, не вы пригласили приехать сюда эту девушку?

— Конечно, нет. Я встретил ее совершенно случайно. Она англичанка, а сейчас живет здесь, в Мерлинвиле, но я об этом ничего не знал, пока сегодня утром нечаянно не встретился с ней.

— Ну, ладно, ладно, — сказал следователь, смягчаясь. — Конечно, это против всяких правил, но

девушка, должно быть, молода и недурна собою. Ах, молодость, молодость! — меланхолически вздохнул он.

Но комиссар, менее романтическая личность, и не думал отступать:

— Но разве вы не заперли дверь на замок, когда уходили?

— В том-то и дело, — нехотя признался я. — Не могу этого себе простить. Моей приятельнице стало дурно, она чуть было не потеряла сознание. Я дал ей бренди с водой и настоял на том, чтобы проводить ее обратно в город. В волнении я забыл запереть дверь и спохватился, только когда вернулся на виллу.

— Стало быть, минут двадцать, по крайней мере... — проговорил комиссар медленно и не закончил фразы, ибо и так было ясно, что он думает по этому поводу.

— Совершенно верно, — сказал я.

— Двадцать минут, — многозначительно повторил комиссар.

— Прискорбно, — сказал мосье Отэ, снова становясь суровым. — Неслыханно!

Тут внезапно вмешался мосье Жиро:

— Вы считаете, что это прискорбно?

— Конечно.

— А я считаю, что превосходно, — заявил мосье Жиро.

Вот уж в ком не рассчитывал найти союзника!

— Вы говорите «превосходно», мосье Жиро? — переспросил следователь, искоса бросая на сыщика недоверчивый взгляд.

— Вот именно.

— Это почему же, позвольте полюбопытствовать?

— Потому что теперь нам известно, что убийца или его сообщник всего час назад еще находился здесь, рядом. Странно будет, если мы, зная это, не схватим его в самом скором времени. — Мосье Жиро говорил решительно и безапелляционно. — Он сильно рисковал, стараясь заполучить нож. Возможно, опасался, что на нем остались отпечатки пальцев.

Пуаро повернулся к Бексу:

— Вы ведь говорили, что их нет?

Жиро пожал плечами.

— Видимо, убийца не был в этом уверен.

Пуаро взглянул на него.

— Ошибаетесь, мосье Жиро. Убийца был в перчатках. Значит, он-то был уверен, что отпечатков на ноже нет.

— Я же не утверждаю, что нож взял сам убийца.

Возможно, это был его сообщник, который про перчатки и не знал.

Помощник следователя собирал со стола бумаги. Мосье Отэ обратился к нам:

— Итак, мы свою работу выполнили. Может быть, мосье Рено, вы желаете, чтобы вам зачитали ваши показания. Я намеренно придерживался неофициального тона, насколько, разумеется, позволительно при судебном разбирательстве. Меня обвиняют в либерализме, но я готов снова подтвердить: мои методы оправдывают себя. Теперь это дело в руках нашего талантливого, нашего прославленного мосье Жиро. Тут уж он, без сомнения, покажет, на что способен. Право, я удивлен, что убийцы до сих пор гуляют на свободе!

Мадам, позвольте еще раз выразить вам мои искренние соболезнования. Мосье, желаю вам всего наилучшего.

И следователь отбыл в сопровождении помощника и комиссара полиции.

Пуаро вытащил свои часы-луковицу.

— Давайте, мой друг, вернемся в гостиницу и пообедаем, — сказал он. — А вы подробно расскажете мне о ваших утренних безрассудствах. Никто не обращает на нас внимания, и мы можем

уйти не прощаясь.

Мы тихо вышли из комнаты. Следователь только что отъехал на своем автомобиле. Я стал было спускаться, но Пуаро остановил меня:

— Одну минутку, мой друг.

Он проворно извлек из кармана рулетку и с самым серьезным видом принялся измерять длину плаща, висевшего в холле. Прежде этого плаща я здесь не видел. Вероятно, он принадлежит мистеру Стонору или Жаку Рено, подумал я.

Удовлетворенно хмыкнув, Пуаро сунул рулетку в карман и вслед за мной вышел из дома.

Глава 12
ПУАРО ПРИПОДНИМАЕТ ЗАВЕСУ ТАЙНЫ

— Зачем вы обмеряли плащ? — спросил я, мучимый любопытством, когда мы неторопливо вышли на белую, нагретую солнцем дорогу.

— Parbleu! Чтобы узнать его длину, — невозмутимо ответил Пуаро.

Черт возьми! Невыносимая привычка Пуаро из каждого пустяка делать тайну никогда еще так не досаждала мне.

Я снова замолчал и отдался течению собственных мыслей. Слова мадам Рено, обращенные к сыну, которым я тогда не придал особого значения, вдруг снова пришли мне на ум, наполненные новым смыслом. «Так ты не уехал, — сказала она, а потом добавила: — Впрочем, теперь уже все равно».

Интересно, что она хотела этим сказать? Слова загадочные, полные какого-то тайного смысла. Может ли быть, что она знает больше, чем мы думаем? Говорит, ей ничего не известно о том, что мосье Рено доверил сыну секретное поручение.

Неужели она и впрямь ничего больше не знает или только притворяется? Наверное, она могла бы раскрыть нам глаза, если бы захотела. Но что означает ее молчание? Не есть ли это часть тщательно продуманного плана?

Чем дольше я думал об этом, тем более убеждался в основательности своих подозрений. Мадам Рено знает больше, чем находит нужным сказать нам. Своим удивлением при виде сына она выдала себя, на миг вышла из начертанной заранее роли. Уверен, ей известно, почему совершено убийство, а может быть, она знает и имена убийц. Но какие-то веские причины вынуждают ее хранить молчание.

— Вы так глубоко задумались, мой друг, — заметил Пуаро, нарушая молчание. — Что занимает ваши мысли?

Я изложил ему свои соображения, на мой взгляд довольно убедительные, хотя и опасался, что он поднимет меня на смех вместе с моими подозрениями. Но, как ни странно, он понимающе кивнул.

— Вы совершенно правы, Гастингс. Я с самого начала был уверен — она что-то скрывает. На первых порах я даже заподозрил, что если преступление и не ее рук дело, то, уж во всяком

случае, она ему потворствовала.

— Вы подозревали ее? — вскричал я.

— Ну конечно. Смерть мосье Рено в первую очередь выгодна ей — ведь по новому завещанию она единственная, кто наследует это огромное состояние. Поэтому мадам Рено с самого начала привлекла мое особое внимание. Наверное, вы заметили, что я при первой же возможности внимательно рассмотрел ее руки, вернее, запястья. Я хотел узнать, не сама ли она засунула себе в рот кляп и связала себя. Eh bien, я сразу увидел — обмана здесь нет, веревки были затянуты так туго, что врезались в тело. Значит, своими руками она не могла совершить это преступление, однако, возможно, она косвенно способствовала ему, например подстрекала к убийству своего сообщника. Более того, история, рассказанная ею, знакома мне как свои пять пальцев: неизвестные в масках, которых она не смогла бы опознать, «секретные документы» — все это уже в зубах навязло. И еще одна мелочь утвердила меня в мысли, что она лжет. Часики, Гастингс, ее часики.

Опять эти часы! Пуаро выжидательно смотрел на меня.

— Ну, мой друг, догадываетесь? Понимаете?

— Нет! — раздраженно ответил я. — И не догадываюсь, и не понимаю. Вы своими головоломками все время ставите меня в тупик. Никогда толком ничего не объясните, сколько ни проси. До самого последнего момента играете в прятки.

— Не сердитесь, мой друг, — сказал с улыбкой Пуаро. — Если хотите, я объясню. Но ни слова Жиро, c'est entendu?[88] Я для него — выживший из ума старик, которого и в расчет брать не стоит! Но мы еще посмотрим! Из чувства элементарной порядочности я дал ему намек. Если он не желает им воспользоваться, это его личное дело.

Я заверил Пуаро, что он может положиться на мою сдержанность.

— C'est bien![89] Ну а теперь давайте заставим поработать наши серые клеточки. Скажите, мой друг, в котором часу, по-вашему, произошла трагедия?

— Как в котором? В два или около того, — ответил я, удивленный таким вопросом. — Вы ведь помните, мадам Рено говорила, что она слышала, как часы пробили два раза, когда убийцы были в комнате.

---

[88] Примечания: 88
Договорились? *(фр.)*

[89] Примечания: 89
Хорошо! *(фр.)*

— Совершенно верно, и вы, и следователь, и Бекс, и все остальные приняли слова мадам Рено на веру. Но я, Эркюль Пуаро, утверждаю, что мадам Рено *лжет*. Преступление было совершено по меньшей мере двумя часами раньше.

— Но доктора...

— Они объявили, осмотрев тело, что смерть наступила часов семь-десять назад. Mon ami, по какой-то причине кому-то необходимо уверить нас, что преступление произошло двумя часами позже, чем на самом деле. Вам, конечно, приходилось читать о том, как по разбитым часам устанавливают точное время преступления? И вот, чтобы подкрепить показания мадам Рено, кто-то переводит стрелки ее часиков на два часа, а потом с силой швыряет их об пол! Но, как часто случается, преступник сам себя перехитрил. Стекло разбилось, а механизм оказался цел. Да, это роковая оплошность с его стороны, ибо она сразу же позволила мне сделать два вывода: во-первых, мадам Рено *лжет*, во-вторых, преступникам позарез нужны были эти два часа.

— Интересно, зачем?

— О, в этом-то и вопрос, в этом вся загадка. Покуда я не могу этого объяснить. Правда, есть у меня одно соображение...

— Какое же?

— Последний поезд отправляется из Мерлинвиля семнадцать минут первого.

Постепенно что-то начинало брезжить в моем сознании.

— Стало быть, если считать, что преступление совершено в два часа, то любой пассажир этого поезда обеспечен безупречным алиби!

— Прекрасно, Гастингс! Вы попали в точку!

Я так и подпрыгнул.

— Надо немедленно навести справки на станции! Уверен, там не могли не заметить двух иностранцев, которые сели на этот поезд! Мы должны сию же минуту бежать туда!

— Вы так считаете?

— Ну, разумеется. Пойдемте же скорее!

Пуаро умерил мой пыл, коснувшись моей руки:

— Идите, бога ради, если вам так хочется, топ ami, но на вашем месте я не стал бы расспрашивать там о каких-то двух иностранцах.

Я вытаращил глаза, и он, теряя терпение, пояснил:

— Ну-ну, неужели вы верите этому вздору? Неизвестные в масках и прочая чепуха! Чего только

нет в cette histoire la![90]

Его слова так ошеломили меня, что я даже не нашелся что ответить. А он уже невозмутимо продолжал:

— Разве вы не слышали, как я сказал Жиро, что кое-какие подробности этого дела показались мне очень знакомыми? Eh bien, значит, можно предположить два варианта: оба преступления задумал и совершил один и тот же человек, или же наш убийца прочел когда-то сообщение о cause celebre[91] и в его подсознании запечатлелись все детали этого дела. Какую из этих двух возможностей предпочесть, я смогу сказать, только когда... — Тут он осекся.

Я перебирал в уме все, что так или иначе касалось преступления.

— Но как же письмо мосье Рено? Он ведь упоминает и о тайне, и о Сантьяго.

— Безусловно, мосье Рено окружала какая-то тайна — тут никаких сомнений быть не может. А Сантьяго, по-моему, специально нам подбросили, чтобы пустить следствие по ложному следу. Возможно, тот же трюк проделали и с мосье Рено,

---

[90] Примечания: 90
Этой нашей истории! *(фр.)*

[91] Примечания: 91
Нашумевшее дело *(фр.)*.

чтобы отвлечь его внимание от чего-то важного, что происходило у него под носом. О, будьте уверены, Гастингс, опасность, угрожавшая ему, исходила не из Сантьяго, она была здесь, во Франции, совсем рядом.

Он говорил так твердо, так убежденно, что я просто не мог не поверить ему. Правда, я попытался было выставить последний довод:

— А спичка и окурок, найденные рядом с трупом? Как же быть с ними?

Лицо Пуаро засветилось от удовольствия.

— Подброшены! Подброшены специально для таких, как Жиро и вся их шатия! О, он такой находчивый, наш Жиро, он так искусно идет по следу! Ни дать ни взять ищейка. А как доволен собой! Часами ползает на брюхе. «Смотрите, что я нашел!», а потом: «Что вы здесь видите?» А я — я отвечаю чистую правду: «Ничего!» И Жиро, наш прославленный Жиро смеется и думает про себя: «Господи, вот глупый старикашка!» Но мы еще посмотрим...

Однако мои мысли все время возвращались к загадочным обстоятельствам этого дела.

— Стало быть, вся эта история об иностранцах в масках?..

— Ложь от начала до конца.

— А что же было на самом деле?

Пуаро пожал плечами:

— Этого никто не знает, кроме мадам Рено. Но она ничего не скажет. Ее не проймешь ни мольбами, ни угрозами. Это редкая, необыкновенная женщина, Гастингс. Я как только ее увидел, сразу понял, что дело придется иметь с незаурядной личностью. Вначале, как я уже говорил, мои подозрения пали на нее, я было предположил, что она замешана в преступлении, но потом переменил свое мнение.

— Что же толкнуло вас к этому?

— Искренний, неподдельный взрыв отчаяния в тот момент, когда она увидела тело мужа. Могу поклясться, в этом крике звучала самая настоящая, душераздирающая боль.

— Да, — сказал я задумчиво, — тут невозможно ошибиться.

— Прошу прощения, мой друг, но ошибиться можно всегда. Возьмите великую актрису, она вам так сыграет горе и отчаяние, что вы не усомнитесь в их подлинности! Нет уж, даже самое свое сильное и, казалось бы, безошибочное впечатление я непременно подвергаю проверке и только тогда чувствую себя удовлетворенным. Незаурядный преступник может быть и незауряд-

ным актером. В данном случае моя уверенность основана не только на моих собственных ощущениях, но и на бесспорном факте — ведь мадам Рено и впрямь лишилась сознания. Я поднял веко и проверил пульс. Никакого обмана — мадам Рено пребывала в глубоком обмороке. Итак, я убедился, что ее горе — подлинное, а не напускное. Кроме того, небезынтересна еще одна деталь — у мадам Рено не было никакой необходимости выказывать безутешную печаль. Ведь у нее уже случился припадок, когда она узнала о смерти мужа, и можно было не симулировать обморок при виде тела. Нет, мадам Рено не убивала своего мужа. Но почему она *лжет*? То, что она говорит о своих часах, — ложь, о неизвестных в масках — ложь. И это еще не все — она солгала и в третий раз. Скажите, Гастингс, что вы думаете по поводу незапертой двери?

— Ну-у, — начал я растерянно, — полагаю, это оплошность. Ее просто забыли запереть.

Пуаро со вздохом покачал головой.

— Так же говорит и Жиро. Меня это объяснение не удовлетворяет. Эта дверь играет важную роль, какую — пока еще не могу постичь. Однако я совершенно уверен в одном — убийцы вышли из дома не через дверь. Они вылезли в окно.

— Как?

— А вот так.

— Но ведь под этим окном на клумбе нет никаких следов.

— Нет... но они должны были там быть. Послушайте, Гастингс, Огюст, садовник, как вы сами слышали, сказал, что вчера вечером посадил герань на обеих клумбах. На одной из них — полно следов от его больших, подбитых гвоздями сапог, а на другой — ни одного! Понимаете? Кто-то прошел по этой клумбе и, чтобы стереть свои следы, разровнял землю граблями.

— А где они взяли грабли?

— А где они взяли лопату и садовые перчатки? — нетерпеливо возразил Пуаро. — Раздобыть все это было совсем нетрудно.

— Скажите хотя бы, как вы думаете, почему они выбрали этот путь? По-моему, более вероятно, что они влезли в окно, а вышли из дома через дверь.

— Возможно, конечно, и так. Однако я убежден — они вылезли в окно.

— Думаю, вы ошибаетесь.

— Возможно.

Я предался размышлениям по поводу нового и неожиданного для меня поворота, который открылся в этом деле после того, что сказал мне

мой друг. Мне вспомнилось, как удивляли меня таинственные намеки Пуаро на особую важность следов на клумбе и часиков мадам Рено. Разглагольствования Пуаро начисто лишены смысла, думал я тогда, и только сейчас, в первый раз за все это время, я понял, что эти, как мне казалось, мелочи позволили моему другу приподнять завесу тайны, которой окружено убийство. И как блестяще он распутывает этот загадочный клубок! Мысленно я отдал ему запоздалую дань восхищения.

— Между прочим, — заметил я глубокомысленно, — несмотря на то что сейчас нам известно гораздо больше, чем прежде, мы нисколько не приблизились к ответу на главный вопрос — кто убил мосье Рено.

— Да, — бодро согласился Пуаро. — Фактически сейчас мы даже дальше от него.

Казалось, это признание доставляет моему другу особое удовольствие. Я удивленно воззрился на него. Он поймал мой взгляд и улыбнулся.

Внезапно догадка озарила меня.

— Пуаро! Я, кажется, понял — мадам Рено, должно быть, кого-то выгораживает.

Мой друг довольно спокойно отнесся к моему озарению, из чего я заключил, что эта мысль уже

приходила ему в голову.

— Да, — задумчиво согласился он. — Выгораживает кого-то... или кого-то покрывает. Одно из двух.

Мы уже входили в гостиницу, и Пуаро знаком предложил мне помолчать.

Глава 13
ДЕВУШКА С ТРЕВОЖНЫМ ВЗГЛЯДОМ

Аппетит у нас оказался превосходный. Вначале мы ели молча, потом Пуаро ехидно заметил:

— Eh bien! А теперь поговорим о ваших безрассудных похождениях. Не желаете ли рассказать подробнее?

Я почувствовал, что краснею.

— А, это вы насчет сегодняшнего утра? — Я силился принять самый беззаботный вид.

Но где мне было тягаться с Пуаро! Не прошло и пяти минут, как он вытянул из меня буквально все, до мельчайших подробностей.

— Tiens! Весьма романтично! Как зовут очаровательную юную леди?

Мне пришлось сознаться, что я не знаю.

— Час от часу не легче! Таинственная незнакомка! Сначала rencontre[92] в парижском поезде, потом здесь. Недаром говорят, на ловца и зверь бежит.

— Не городите чепухи, Пуаро.

— Вчера — мадемуазель Добрэй, сегодня — ма-

---

[92] Примечания: 92
Случайная встреча *(фр.)*.

демуазель Сандрильона! Решительно, Гастингс, у вас прямо-таки восточный темперамент. Не завести ли вам гарем?

— Вам только дай повод посмеяться надо мной! Мадемуазель Добрэй — прелестная девушка, ее красота просто поразила меня, я и не скрываю этого. А та, другая... Думаю, я вообще никогда больше с ней не увижусь.

— Как, вы и впрямь не намерены повидать ее?

В его вопросе звучало неподдельное изумление, и я почувствовал, как он метнул в меня пронзительный взгляд. Перед моим мысленным взором вдруг вспыхнули слова «Отель дю Фар», и я будто услышал, как она говорит: «Загляните ко мне завтра», и я с радостной готовностью отвечаю: «Непременно».

— Она пригласила меня, но я, разумеется, не пойду, — как мог небрежнее ответил я.

— Так-таки и «разумеется»?

— А что? Если я этого не хочу.

— Помнится, вы говорили, мадемуазель Сандрильона остановилась в отеле «Англетер», кажется?

— Нет. В «Отель дю Фар».

— Да, правда, а я и запамятовал.

Подозрение кольнуло меня. Уверен, о гости-

нице я Пуаро ничего не говорил. Но, окинув его испытующим взглядом, я засомневался. Он нарезал хлеб аккуратными ломтиками и, казалось, был целиком поглощен этим занятием. Должно быть, ему просто показалось, что я упомянул о гостинице, где остановилась Сандрильона.

Кофе мы пили на террасе, выходящей на море. Пуаро выкурил, по обыкновению, крошечную сигарету, затем достал из кармана часы.

— Парижский поезд отходит двадцать пять минут третьего, — сказал он. — Мне надобно поторопиться.

— Вы едете в Париж? — воскликнул я.

— Именно, топ ami.

— Но зачем?

— Искать убийцу мосье Рено, — ответил он весьма серьезно.

— Вы думаете, он в Париже?

— Напротив, уверен, что его там нет. Тем не менее искать нужно там. Вам пока непонятно, но в свое время я все объясню. Поверьте, ехать в Париж просто необходимо.

Я пробуду там недолго. Завтра, во всяком случае, непременно вернусь. Думаю, вам не стоит ехать со мной. Оставайтесь здесь и не спускайте глаз с Жиро. Постарайтесь почаще бывать в об-

ществе мосье Рено-fils[93].

— Кстати, хотел спросить, как вы узнали о его отношениях с мадемуазель Добрэй.

— И-и-и, топ ami, я знаю психологию людей. Когда молодой человек, вроде Жака Рено, и прелестная девушка, вроде мадемуазель Марты, живут по соседству, развитие событий предвидеть нетрудно. Кроме того, эта ссора! Причиной могли быть либо деньги, либо женщина, и, припомнив слова Леони о том, в какой ярости выскочил из кабинета мосье Жак, я предположил второе. Таков был ход моих мыслей, и, как оказалось, я не ошибся.

— Значит, вы еще раньше заподозрили, что она любит Жака Рено?

Пуаро улыбнулся.

— Во всяком случае, я увидел в ее глазах тревогу. Поэтому я про себя прозвал ее девушкой с тревожным взглядом.

Его тон был столь многозначителен, что мне стало не по себе.

— Что вы хотите этим сказать, Пуаро?

— Надеюсь, скоро мы все узнаем, мой друг. Однако мне пора.

---

[93] Примечания: 93
Рено-сына *(фр.).*

— Я провожу вас, — сказал я, вставая.

— Нет-нет, ни в коем случае. Я вам запрещаю.

Он сказал это тоном, не допускающим возражений, и, когда я в недоумении уставился на него, он решительно тряхнул головой:

— Вот именно, запрещаю, mon ami. Au revoir.

С этими словами Пуаро ушел, и я вдруг почувствовал себя не у дел. Я побрел на пляж и принялся разглядывать купающихся, не испытывая большой охоты последовать их примеру. Мне представилось, что Сандрильона в каком-нибудь сногсшибательном купальном костюме, возможно, тоже резвится здесь, но никаких, признаков ее присутствия я не обнаружил. Я бесцельно плелся по песчаному побережью, уходя все дальше и дальше от центра города. Мне вдруг пришло в голову, что, в конце концов, даже из соображений простой порядочности следует навестить девушку. В сущности, таким образом я избавлю себя от лишних треволнений и поставлю на этом точку. Вообще выброшу ее из головы. А не навести я ее, так она, чего доброго, сама явится на виллу «Женевьева».

И я ушел с пляжа и направился в город. «Отель дю Фар», оказавшийся весьма скромным заведением, я нашел довольно быстро. Крайне досадно

было, что я не знал даже имени дамы, которую пришел навестить, а посему я почел за лучшее не прибегать к помощи портье, дабы не уронить тем самым чувство собственного достоинства, а потоптаться в холле, походить по гостинице в надежде встретить свою незнакомку. Однако ее нигде не было видно. Я подождал немного, но терпения не хватило, и, отведя портье в сторону, я сунул ему пять франков.

— Мне надо видеть одну даму, она остановилась здесь. Это молодая англичанка, невысокая, темноволосая. Я не помню точно ее имени.

Привратник покачал головой. Мне показалось, он силится подавить усмешку.

— Здесь нет такой дамы, как вы описали.

— Но она мне сказала, что остановилась здесь.

— Мосье, должно быть, ошибся... или, пожалуй, ошиблась дама, потому что еще один мосье тоже справлялся о ней.

— Как? Не может быть! — удивленно воскликнул я.

— Верно говорю, мосье. Тот мосье описал ее точно так же, как вы.

— А как он выглядел?

— Небольшого роста, хорошо одетый, очень аккуратный. Усы сильно нафабрены, голова ка-

кая-то странная, а глаза — зеленые.

Пуаро! Так вот почему он так решительно воспротивился тому, чтобы я провожал его. Ну что за наглый тип! Но я не потерплю, чтобы он совал нос в мои дела. Он, видно, вообразил, что без няньки мне не обойтись.

Поблагодарив портье, я вышел из гостиницы дурак дураком. И все по милости Пуаро! Черт бы побрал его бесцеремонность!

Да, но все-таки где же девушка? Я подавил в себе гнев и попытался разгадать очередную загадку. Очевидно, рассуждал я, она нечаянно перепутала название гостиницы. Но тут внезапная мысль поразила меня. Нечаянно ли? А может быть, она совершенно умышленно скрывает свое настоящее имя, а теперь вот нарочно дала неверный адрес?

Чем больше я думал об этом, тем более убеждался, что не ошибаюсь в своих подозрениях. По какой-то необъяснимой причине Сандрильона не желала, чтобы наше случайное знакомство переросло в дружбу. И хотя всего полчаса назад я и сам решительно не желал этого, теперь меня совсем не радовало, что она как бы перехватила инициативу. Надо же, какая досада! Я вернулся на виллу «Женевьева» в самом дурном распо-

ложении духа. В дом я не пошел, а свернул на дорожку, ведущую к сараю, и уселся на скамью в мрачной задумчивости.

Течение моих невеселых мыслей было внезапно прервано голосами, звучавшими, казалось, совсем рядом. Ах вот оно что — голоса доносятся из сада виллы «Маргерит» и довольно быстро приближаются ко мне. Женский голос, который, как я тотчас понял, принадлежал Марте Добрэй, говорил:

— Неужели это правда, мой дорогой? Неужели все наши невзгоды позади?

— Вы же все знаете, Марта, — отвечал Жак Рено. — Ничто больше не может разлучить нас, любимая. Последнее препятствие, разделявшее нас, рухнуло. Теперь никто не отнимет вас у меня.

— Никто? — прошептала девушка. — О Жак, Жак... Я так боюсь.

Я встал, чтобы уйти. У меня и в мыслях не было подглядывать за ними. Поднявшись со скамьи, я увидел их сквозь просвет в живой изгороди. Они стояли обнявшись, глядя друг другу в глаза. Это была прекрасная пара — стройный темноволосый молодой человек и юная белокурая богиня. Казалось, они созданы друг для друга, такие трогательно счастливые, несмотря на ужасную

трагедию, омрачившую их любовь.

Однако ничто, похоже, не могло согнать смятение с лица девушки, и Жак Рено, заметив это, теснее прижал ее к себе:

— Любимая, чего же вы боитесь... теперь-то?

И я наконец, отчетливо уловив в ее взгляде тревогу, о которой мне все время толковал Пуаро, услышал, вернее, догадался по движению ее губ, как она прошептала:

— Я боюсь... за вас.

Что ответил молодой Рено, я так и не узнал, ибо мое внимание отвлекло нечто странное в живой изгороди чуть поодаль от меня. Присмотревшись внимательнее, я увидел какой-то побуревший куст. Сухой куст в начале лета? Я подошел было поближе, чтобы рассмотреть эту диковину, но куст вдруг шарахнулся в сторону, и я увидел мосье Жиро, прижимавшего палец к губам.

Со всевозможными предосторожностями мы с ним прокрались за сарай, где нас не могли услышать.

— Что это вы здесь делаете? — поинтересовался я.

— То же, что и вы, — подслушиваю.

— С чего вы взяли? Я и не собирался подслушивать!

— Да? Зато я собирался!

Как всегда, он вызывал у меня смешанное чувство — восхищение и неприязнь. Жиро смерил меня презрительно-осуждающим взглядом.

— Дернуло же вас вылезти! Еще немного, и я наверняка услышал бы нечто важное. Какой от вас обоих толк? Кстати, куда вы дели это ископаемое — вашего приятеля?

— Мосье Пуаро отбыл в Париж, — холодно ответил я.

Жиро пренебрежительно щелкнул пальцами.

— Отбыл в Париж, говорите? Отлично! Чем дольше его здесь не будет, тем лучше. Интересно, что он думает там найти?

В его вопросе мне послышалась некоторая обеспокоенность. Я принял сдержанно-достойный вид.

— А вот этого я вам сказать не могу.

Жиро вперил в меня острый взгляд.

— Видно, у него хватило ума не посвящать вас в свои дела, — бесцеремонно заявил он. — Прощайте. Мне некогда. — Он круто повернулся и зашагал прочь.

Похоже, на вилле «Женевьева» делать мне было нечего. Жиро мое общество явно раздражало, да и Жак Рено едва ли нуждается во мне, решил

я, вспоминая увиденную недавно сцену.

Вернувшись в город, я с наслаждением искупался в море и пошел к себе в гостиницу. Спать лег рано, гадая, что принесет нам завтрашний день. Однако, честно признаюсь, действительность превзошла все мои ожидания. Не успел я закончить завтрак, как официант, болтавший с кем-то в холле, вдруг направился прямо ко мне. Он явно был чем-то взволнован. После минутной заминки он вдруг выпалил, нервно теребя салфетку:

— Надеюсь, мосье извинит меня. Мосье ведь имеет отношение к расследованию дела на вилле «Женевьева»?

— Ну да, — сказал я нетерпеливо. — А что случилось?

— Выходит, мосье еще ничего не знает?

— Да говорите же!

— Еще одно убийство! Этой ночью!

— Что?!

Оставив недоеденный завтрак, я схватил шляпу и со всех ног помчался на виллу. Новое убийство, а Пуаро нет! Вот незадача! Однако кого же убили?

Я влетел в ворота. На подъездной аллее, оживленно жестикулируя, судачили слуги. Я кинулся к Франсуазе.

— Что случилось?

— О мосье, мосье! Снова убийство! Просто ужасно! Этот дом проклят! Да-да, проклят, можете мне поверить! Надо послать за господином кюре[94], пусть принесет святой воды. На ночь я здесь ни за что не останусь. Вдруг теперь мой черед, кто знает?

Она осенила себя крестным знамением.

— Да кто убит? — вскричал я. — Скажите же, кто?

— Откуда мне знать? Какой-то неизвестный. Его нашли в сарае, недалеко от того места, где был убит бедный мосье Рено. Мало того, его тоже закололи, всадили нож в самое сердце. И нож — тот же самый!

---

[94] Примечания: 94
Кюре — приходский священник во Франции.

Глава 14
ВТОРОЙ ТРУП

Не мешкая ни секунды, я побежал к ветхому сарайчику за живой изгородью. Полицейские, дежурившие тут, посторонились, я в нетерпении рванулся в дверь, но тут же замер на пороге.

В грубо сколоченном деревянном сарае, предназначенном, очевидно, для всякой рухляди, старой посуды и инструментов, стоял полумрак.

Жиро на четвереньках с карманным фонариком в руках дюйм за дюймом осматривал земляной пол. Он было нахмурился, но, увидев, что это я, успокоился. На его лице появилось даже презрительно-добродушное выражение.

— Он там, — сказал Жиро, посветив фонарем в дальний угол.

Я подошел ближе.

Покойник лежал на спине. Это был мужчина лет пятидесяти, среднего роста, смуглый, одетый в опрятный, но не новый темно-синий костюм хорошего покроя, вероятно, даже от дорогого портного. Лицо его было искажено предсмертной судорогой, а в левой стороне груди, как раз над

сердцем, торчала черная блестящая рукоятка ножа. Это был тот самый нож, который лежал вчера в стеклянной банке! Я сразу узнал его.

— Сейчас придет врач, — сказал Жиро. — Хотя здесь он вряд ли нужен. Причина смерти не вызывает никаких сомнений. Его убили ударом ножа в сердце. Смерть, вероятно, была мгновенной.

— Когда же это случилось? Ночью?

Жиро покачал головой:

— Вряд ли. Утверждать не буду, пусть медицина разбирается, но, по-моему, смерть наступила больше двенадцати часов назад. Когда, вы говорите, видели этот нож в последний раз?

— Вчера, часов в десять утра.

— В таком случае, думаю, преступление было совершено вскоре после этого.

— Но ведь мимо сарая все время ходят люди.

Жиро язвительно улыбнулся.

— Ваши успехи в криминалистике достойны восхищения! Кто вам сказал, что его убили в этом сарае?

— Ну... — пробормотал я смущенно, — я... так мне кажется...

— Тоже мне, детектив! Посмотрите на него! Да разве так падает человек, которого пырнули ножом в сердце? Ровно, аккуратно, ноги вместе,

руки по швам? Нет! Кроме того, вы что, думаете, он упал на спину и позволил заколоть себя, даже не пытаясь сопротивляться, даже руки не подняв? Ведь это же абсурд! А вот, смотрите, тут... и тут. — Он посветил фонариком вниз. На рыхлом грунте я увидел неправильной формы вмятины. — Его притащили сюда уже мертвого. Его то несли, то волокли двое неизвестных. На твердом грунте снаружи их следы незаметны, а тут, в сарае, они постарались стереть их; из этих двоих одна — женщина, вот так, мой юный друг.

— Женщина?

— Точно.

— Откуда вы знаете, если следы стерты?

— Как они ни старались, следы женских туфель, которые ни с чем не спутаешь, кое-где остались. А кроме того, есть еще одно свидетельство. — Жиро нагнулся, снял что-то с черенка ножа и показал мне. Это был длинный темный женский волос, похожий на тот, который Пуаро обнаружил на спинке кресла в библиотеке.

С насмешливой улыбкой он снова обмотал волос вокруг черенка ножа.

— Оставим все как было, — объяснил он. — Следователь будет доволен. Ну, что вы еще заметили?

Я сокрушенно покачал головой.

— Посмотрите на его руки.

Я увидел обломанные серые ногти, грубую кожу. Должен сознаться, что при всем желании я не мог извлечь из этого зрелища ничего полезного и вопросительно посмотрел на Жиро.

— У него руки простолюдина, — пояснил сыщик. — Однако одет он вполне респектабельно. Странно?

— Весьма, — согласился я.

— На одежде нет ни одной метки. Что нам это дает? Этот человек старался выдать себя за кого-то другого, специально переоделся. Зачем? Может быть, он чего-то боялся? Или пытался спрятаться от кого-то? Покуда мы этого не знаем, однако бесспорно одно — он старался скрыть свое истинное лицо.

Жиро посмотрел на покойника, распростертого у его ног.

— И снова на черенке ножа нет отпечатков пальцев. Убийца опять был в перчатках.

— Стало быть, вы думаете, что убийца тот же самый? — спросил я, снедаемый любопытством.

— Что я думаю — неважно, — отрезал он. — Там будет видно. Маршо!

Полицейский появился в дверях.

— Мосье?

— Почему мадам Рено до сих пор не пришла? Вот уже четверть часа, как я послал за ней.

— Она идет, мосье, вместе с сыном.

— Хорошо. Только пусть входят порознь.

Маршо козырнул и удалился. Минуту спустя он ввел мадам Рено.

Жиро, сдержанно поклонившись, пошел ей навстречу.

— Прошу вас сюда, мадам.

Когда мадам Рено вслед за ним подошла к покойнику, Жиро резко посторонился.

— Вот этот человек. Вы его знаете?

Жиро сверлил ее взглядом, стараясь прочесть ее мысли, жадно ловя малейшее ее движение.

Однако мадам Рено была совершенно спокойна, слишком спокойна, сказал бы я. Она равнодушно взглянула на покойника, ни в лице, ни в движениях ее нельзя было заметить и признака волнения.

— Нет, — сказала она. — Я никогда прежде его не видела. Его лицо мне совсем незнакомо.

— Вы уверены в этом?

— Абсолютно уверена.

— Вам не кажется, например, что это один из тех, кто нападал на вас?

— Нет.

Но тут тень сомнения мелькнула на ее лице, будто какая-то мысль вдруг пришла ей в голову.

— Нет, не думаю. Конечно, у них были бороды — правда, следователь считает, что фальшивые, — и все-таки нет.

Видимо, больше она не колебалась:

— Уверена, он не похож ни на одного из тех двоих.

— Благодарю, мадам. Тогда это все.

Она вышла, высоко держа голову, и солнце вспыхнуло в ее серебристо-седых волосах. Потом в сарай вошел Жак Рено. Он тоже вел себя совершенно естественно и тоже не смог опознать покойника.

Жиро промычал что-то невнятное, и я так и не понял, доволен ли он результатом или, напротив, разочарован. Потом он позвал Маршо.

— Та, другая, дама уже пришла?

— Да, мосье.

— В таком случае проводите ее сюда.

«Другой дамой» оказалась мадам Добрэй. Негодованию ее не было границ.

— Я решительно возражаю, мосье. Вы не имеете права! Какое мне дело до всего этого?

— Мадам, — начал Жиро жестко, — я расследую

уже не одно, а два убийства! В конце концов, ничто не мешает мне предположить, что именно вы совершили оба убийства! Судя по всему, вы вполне могли это сделать.

— Как вы смеете? — вскипела она. — Как вы смеете оскорблять меня? Как осмелились вы возвести на меня эти чудовищные обвинения? Это подло!

— Подло, вы говорите? А что вы скажете на это?

Жиро нагнулся, снял волос с черенка ножа и показал ей.

— Так как же, мадам? — Жиро приблизился к ней. — Позвольте, я сравню его с вашими волосами?

Вскрикнув, она отшатнулась, губы у нее побелели.

— Это не мой! Клянусь! Я ничего не знаю об этом преступлении! И о другом тоже! Тот, кто говорит, что я знаю, лжет! О, топ Dieu, что же мне делать?

— Возьмите себя в руки, мадам, — холодно сказал Жиро. — Пока вас никто не обвиняет. Но в ваших же интересах ответить на мои вопросы без всяких истерик.

— Задавайте любые вопросы, мосье.

— Посмотрите внимательно на покойника. Вы

когда-нибудь раньше видели его?

Подойдя ближе, мадам Добрэй, в лице которой уже начал пробиваться прежний румянец, посмотрела на незнакомца с заметным интересом и даже любопытством. Потом покачала головой.

— Нет, я его не знаю.

Ответ прозвучал так естественно — неужели она лжет?

Жиро кивком головы показал, что она свободна.

— Зачем же вы ее отпустили? — прошептал я. — Разумно ли это? Ведь это наверняка ее волос!

— Не нуждаюсь в ваших поучениях, — сухо бросил Жиро. — За ней наблюдают. Пока не вижу смысла задерживать ее.

Потом, нахмурясь, он стал пристально рассматривать покойника.

— Вообще-то он похож на испанца, вам не кажется? — спросил он неожиданно.

Я внимательно вгляделся в лицо незнакомца.

— Нет, — сказал я наконец. — Скорее француз. Определенно, француз.

Жиро недовольно хмыкнул.

— Да, пожалуй.

Помолчав немного, он повелительным жестом предложил мне убраться в сторону, снова стал

на четвереньки и принялся ползать по полу. Все-таки он неподражаем! Ничто не могло укрыться от его внимания. Дюйм за дюймом обследовал он пол, опрокидывал горшки и кастрюли, придирчиво изучал старые мешки. Ухватился было за какой-то сверток за дверью, но там оказались лишь потрепанные брюки и пиджак. Жиро раздраженно выругался и швырнул их обратно. Потом его внимание привлекли две пары старых перчаток, но, тряхнув головой, он отложил их в сторону; снова принялся осматривать горшки один за другим, терпеливо переворачивая их вверх дном. Наконец он поднялся на ноги. Похоже, он зашел в тупик в своих поисках. Обо мне он, видимо, совсем забыл.

Тут за дверьми началась какая-то суматоха, послышался шум, и в сарай поспешно вошел наш добрый друг мосье Отэ в сопровождении своего помощника и мосье Бекса. Шествие замыкал доктор.

— Это неслыханно, мосье Жиро! — воскликнул следователь. — Еще одно убийство! Так мы никогда и не докопаемся до сути в этом проклятом деле. Похоже, здесь кроется какая-то тайна... Кто же вторая жертва?

— В том-то и штука, мосье, пока его никто не

опознал.

— Где труп? — спросил доктор.

Жиро немного отступил в сторону.

— Здесь, в углу. Как видите, ему нанесли удар прямо в сердце. Тем самым ножом, который украли вчера утром. Мне кажется, убийство было совершено сразу вслед за кражей, впрочем, это по вашей части. Можете спокойно браться за нож — отпечатков пальцев на нем нет.

Доктор стал на колени перед покойным, а Жиро снова заговорил со следователем:

— Г оловоломка, а? Но ничего, я ее решу!

— Стало быть, никто не может опознать его, — задумчиво повторил следователь. — А что, если это один из убийц мосье Рено? Возможно, они чего-то не поделили между собой.

Жиро покачал головой.

— Этот человек — француз, могу поклясться...

Тут его неожиданно перебил доктор, сидевший на корточках возле тела. Лицо его выражало полную растерянность.

— Говорите, он был убит вчера утром?

— Судя по тому, когда украли нож, да, — объяснил Жиро. — Возможно, конечно, что убили его позже, днем, например.

— Позже? Вздор! Он мертв уже по крайней мере

двое суток, а может, и дольше.

Мы уставились друг на друга в полном остолбенении.

Глава 15
ФОТОГРАФИЯ

Да-а, заявление доктора поразило нас как гром среди ясного неба. Вот перед нами человек, убитый ножом, украденным — мы это знали совершенно точно, — вчера утром, а между тем мосье Дюран заявляет со всей решительностью, что неизвестный мертв по меньшей мере двое суток! Все это выглядело полнейшей бессмыслицей.

Не успели мы оправиться от изумления, в которое поверг нас доктор, как мне вручили телеграмму. Ее принесли сюда, на виллу, из гостиницы. Я вскрыл ее. Это была телеграмма от Пуаро, который извещал меня о том, что он возвращается поездом, прибывающим в Мерлинвиль в двенадцать часов двадцать восемь минут.

Я взглянул на часы. Как раз успею не спеша дойти до станции и встретить своего друга. Крайне важно немедленно уведомить его о том, какой новый страшный оборот приняли события.

Очевидно, размышлял я, Пуаро без особых усилий удалось добыть в Париже нужные сведения,

иначе бы он не вернулся так скоро. Нескольких часов оказалось достаточно. Чрезвычайно интересно, как он воспримет волнующие новости, которые я собирался сообщить ему.

Поезд немного запаздывал, и я бесцельно слонялся по платформе. Потом сообразил, что мог бы воспользоваться случаем и порасспросить здесь, на вокзале, о пассажирах, уезжавших из Мерлинвиля последним поездом в тот вечер, когда произошло убийство.

Я подошел к старшему носильщику, который показался мне весьма смышленым малым, и без труда завел с ним разговор на интересующую меня тему.

— Просто позор! Куда смотрит полиция? — с готовностью подхватил он. — Разбойники и убийцы безнаказанно разгуливают по городу.

Тут я намекнул ему, что, возможно, убийцы мосье Рено уехали ночным поездом. Однако он весьма решительно отверг мое предположение. Он наверняка заметил бы двух иностранцев, у него нет ни малейших сомнений на этот счет. Ночным поездом уехало не более двадцати человек, и иностранцы, конечно же, сразу бросились бы ему в глаза.

Не знаю, почему вдруг эта мысль взбрела мне

в голову, — вероятно, виною тому была глубокая обеспокоенность, все время прорывавшаяся в тоне Марты Добрэй, — только я неожиданно для самого себя спросил:

— А молодой мосье Рено, он ведь тоже уехал этим поездом?

— Да что вы, мосье! Зачем же ему уезжать, если он всего полчаса как приехал. Делать ему нечего, что ли?

Я тупо уставился на него — что такое он говорит? Потом до меня дошло.

— Стало быть, — сказал я, чувствуя, как у меня забилось сердце, — мосье Жак Рено этой ночью приехал в Мерлинвиль?

— Ну да, мосье. Последним поездом, прибывающим сюда в одиннадцать сорок.

У меня голова пошла кругом. Так вот, значит, в чем причина мучительного беспокойства, которое снедало Марту Добрэй. В ночь убийства Жак Рено был в Мерлинвиле. Но почему он не сказал об этом? Почему хотел убедить нас, что был в Шербуре? Я вспоминал его открытое мальчишеское лицо и не мог заставить себя поверить, что он как-то замешан в преступлении. И все же почему он умолчал о столь важном обстоятельстве? Ясно одно — Марта все знает. И она, конечно, тре-

вожилась. Мне припомнилось, с каким жадным нетерпением спрашивала она Пуаро, подозревает ли он кого-нибудь.

Тут мои размышления были прерваны — приближался парижский поезд, еще минута, и мой друг радостно приветствовал меня. Пуаро прямо сиял, излучая довольство и благодушие. Он шумно поздоровался со мной и, выказав полное пренебрежение к моей английской сдержанности, порывисто заключил меня в объятия.

— Mon cher ami, мне невероятно повезло. Сказочно повезло!

— В самом деле? Как я рад! А вы слышали последние здешние новости?

— Интересно, как, по-вашему, я могу что-нибудь слышать? Ну что, события развиваются, да? Наш славный Жиро уже арестовал кого-нибудь? А может быть, даже и не одного? Но уж теперь-то я оставлю его в дураках! Однако куда это вы меня ведете, мой друг? Разве мы не зайдем в гостиницу? Я должен подправить усы, они у меня прямо-таки в плачевном состоянии — совсем обвисли из-за этой жары. Да и плащ запылился. А галстук? Его тоже необходимо привести в порядок.

Однако я решительно пресек его сетования:

— Дорогой Пуаро, прошу вас, забудьте об этих

пустяках. Мы должны поспешить на виллу. Там еще одно убийство!

В жизни не видел, чтобы человек был так ошеломлен — челюсть у Пуаро отвисла, а от давешнего благодушия не осталось и следа. Он уставился на меня, забыв закрыть рот.

— Как вы сказали? Новое убийство? Ах, боже мой, значит, я не прав. Я ошибся. Теперь Жиро может потешаться надо мной, теперь у него есть основания.

— Выходит, вы ничего такого не ожидали?

— Я? Ни в малейшей степени! Это противоречит моей версии, более того, полностью опровергает ее... Но нет! — Он остановился как вкопанный и ударил себя в грудь. — Невозможно! Я не мог ошибиться! Все известные нам факты, если рассматривать их систематически, в надлежащем порядке, допускают одно-единственное толкование. Я прав1 Я должен быть прав!

— Но в таком случае...

Пуаро перебил меня:

— Постойте, мой друг. Я все-таки прав, и поэтому нового убийства не должно быть, разве что... разве что... О, погодите, умоляю, ни слова больше.

Он помолчал, затем, вновь обретя свою обыч-

ную самоуверенность, заговорил решительно и спокойно:

— Убитый — человек средних лет. Его тело нашли в запертом сарае, что неподалеку от места первого преступления. Смерть наступила не менее двух суток назад. Скорее всего, он заколот, как и мосье Рено, хотя, возможно, удар нанесен и не в спину.

Тут уж настала моя очередь разинуть рот, что я и сделал. Кажется, я знал его куда как хорошо, и тем не менее никогда еще он не поражал меня так сильно, как сейчас. И конечно, сомнение закралось мне в душу.

— Пуаро! — воскликнул я. — Вы морочите мне голову. Вам уже все известно.

Он укоризненно посмотрел на меня:

— Зачем мне это? Уверяю вас, я ничего не знал. Да вы же сами видели, каким ударом была для меня эта новость!

— Но как, ради всего святого, могли вы угадать все так точно?

— Стало быть, я прав? Однако это вовсе не догадка, а плод строгого расчета. Серые клеточки, мой друг, только серые клеточки! Это они помогли мне. Второе убийство могло быть совершено только таким образом. А теперь расскажите мне

все по порядку. Если здесь свернуть налево и пересечь спортивное поле, мы срежем угол и окажемся позади виллы «Женевьева» гораздо быстрее.

Пока мы шли дорогой, указанной Пуаро, я рассказал ему все, что знал сам. Пуаро внимательно слушал.

— Значит, в груди у него торчал нож? Любопытно! Вы уверены, что нож — тот же самый?

— Совершенно уверен, хотя это представляется совершенно невероятным.

— Не вижу ничего невероятного. Ведь могло быть два одинаковых ножа.

Я поднял брови.

— Вам не кажется, что это уж слишком? Едва ли может быть такое редкое совпадение.

— Как всегда, вы говорите не подумав, Гастингс. Вообще-то два одинаковых орудия убийства в одном и том же деле и впрямь маловероятно. Но не в данном случае. Нож был сделан по заказу Жака Рено в память о войне. Вряд ли он заказал всего один нож. Наверняка у него у самого был такой же.

— Но ведь об этом ни разу не упоминалось, — возразил я.

В голосе Пуаро послышались менторские нот-

ки[95]:

— Друг мой, когда расследуешь дело, не стоит полагаться только на то, о чем шла речь. Как раз о самых важных вещах сплошь и рядом не упоминают просто потому, что к слову не пришлось. А зачастую о них специально умалчивают, руководствуясь весьма вескими соображениями. Видите, я вам назвал по меньшей мере две причины — выбирайте любую.

Я молчал, сраженный его доводами.

Еще несколько минут, и вот мы уже подошли к пресловутому сарайчику, где оказались в сборе все наши знакомые. Обменявшись со всеми вежливыми приветствиями, Пуаро приступил к делу.

Я наблюдал за ним с острым интересом, невольно сравнивая его с мосье Жиро. Мой друг ограничился тем, что окинул все вокруг беглым взглядом. Его внимание привлекли только потрепанный пиджак и брюки, их он внимательно рассмотрел. Презрительная улыбка скривила губы Жиро, и, точно заметив ее, Пуаро кинул сверток на прежнее место.

---

[95] Примечания: 95

Учительские, поучающие: от собственного имени Ментор; в поэме Гомера «Одиссея» Ментор — друг царя Итаки Одиссея и наставник его сына.

— Тряпье садовника? — спросил он.

— Само собой, — бросил Жиро.

Потом Пуаро опустился на колени возле трупа. Не пропустив ни одной мелочи, он осмотрел одежду покойника, ощупал ткань костюма. Казалось, он был весьма доволен, что не обнаружил на одежде ни одной метки. Особенно тщательному осмотру подверглись сапоги и руки покойного с грязными обломанными ногтями. Затем он обратился к Жиро:

— Вы обратили внимание на руки?

— Конечно, — ответил тот с непроницаемым видом.

Внезапно Пуаро замер.

— Доктор Дюран!

— Да? — отозвался доктор, подходя ближе.

— У покойника на губах пена. Вы заметили это?

— Признаться, нет.

— Однако сейчас вы ее видите?

— О да, конечно.

Пуаро снова обратился к Жиро:

— Но вы-то наверняка заметили пену?

Жиро не удостоил его ответом.

Нож из раны был уже вынут. Он находился в стеклянной банке, стоявшей рядом. Пуаро осмот-

рел его, потом принялся разглядывать рану. Когда он поднял взгляд, я заметил, что глаза его блеснули столь хорошо мне знакомым зеленым огнем.

— Странная рана! Совсем нет крови. И одежда не окровавлена. Только на лезвии ножа небольшие пятна. Что вы на это скажете, monsieur le docteur?[96]

— Скажу, что это противоестественно.

— Ничего противоестественного тут нет. Все совсем просто. В этого человека вонзили нож, когда он был уже мертв.

Среди присутствующих поднялся было шум, но Пуаро взмахом руки утихомирил всех и снова обратился к Жиро:

— Надеюсь, мосье Жиро со мной согласен?

В лице Жиро не дрогнул ни один мускул, хотя неизвестно, какие мысли пронеслись в этот миг в его голове. Спокойно, даже несколько пренебрежительно он бросил:

— Согласен.

И снова раздались удивленные возгласы.

— Однако какой же смысл! — воскликнул мосье Отэ. — Всадить нож в умершего! Какая дикость! Просто неслыханно! Тут, видимо, какая-то пато-

---

[96] Примечания: 96
Господин доктор *(фр.)*.

логическая ненависть.

— Нет, — сказал Пуаро. — Полагаю, это сделано совершенно хладнокровно, просто чтобы сбить всех нас с толку.

— Как?

— А так. Вас ведь и впрямь чуть не сбили с толку, — назидательно проговорил Пуаро.

— В таком случае как же убили этого человека? — спросил мосье Бекс.

— Его не убивали. Он умер. Умер в припадке эпилепсии, если я не ошибаюсь.

Заявление Пуаро вновь повергло всех в замешательство. Доктор Дюран опустился на колени и еще раз придирчиво осмотрел покойника.

— Мосье Пуаро, — сказал он, поднимаясь, — я склонен думать, что вы совершенно правы в вашем предположении. Я с самого начала пошел по неверному пути. Тот, казалось бы, неоспоримый факт, что незнакомец был заколот ножом, отвлек мое внимание от других признаков.

Итак, мой друг стал героем дня. Следователь рассыпался в комплиментах. Пуаро учтиво поблагодарил его, извинился и, сославшись на то, что не успел позавтракать и отдохнуть, направился было вон из сарая, но Жиро остановил его.

— С вашего позволения еще одна подробность,

мосье Пуаро, — сказал он приторно-учтивым тоном. — Вот это... Он был обвит вокруг черенка ножа.

— О! Женский волос! — сказал Пуаро. — Интересно, чей же?

— Я и сам хотел бы знать это, — ответил Жиро и, поклонившись нам, вышел.

— До чего же он дотошный, наш славный Жиро, — заметил мой друг, когда мы шли в гостиницу. — Однако он хочет направить меня по ложному следу. Интересно куда? Женский волос — хм!

Позавтракали мы с отменным аппетитом, однако я заметил, что Пуаро как будто несколько рассеян. Когда мы перешли в гостиную, я попросил его рассказать о своей таинственной поездке в Париж.

— Охотно, мой друг. Я ездил в Париж вот за этим.

Он достал из кармана небольшую газетную вырезку, выцветшую от времени. Это была фотография женщины. Пуаро протянул мне ее. Я невольно ахнул.

— Ну что, узнаете, мой друг?

Я кивнул. Несмотря на то что фотография, очевидно, была сделана много лет назад и женщина, изображенная на ней, носила теперь другую при-

ческу, сходство не оставляло никаких сомнений.

— Мадам Добрэй! — воскликнул я.

Пуаро с улыбкой покачал головой.

— Не совсем, мой друг, не совсем. В те дни ее звали иначе. Это фотография известной мадам Берольди!

Мадам Берольди! Мгновенно я вспомнил это дело. Судебный процесс по обвинению мадам Берольди в убийстве! Он вызвал тогда всеобщий интерес.

Дело Берольди.

Глава 16
ДЕЛО БЕРОЛЬДИ

Лет двадцать тому назад мосье Арнольд Берольди, уроженец Лиона, приехал в Париж со своей красавицей женой и дочерью, в ту пору совсем еще крошкой. Мосье Берольди, младший компаньон в фирме, торговавшей винами, средних лет, плотного телосложения, любитель всяческих земных благ, обожавший свою очаровательную жену, был в общем самый заурядный человек. Компания, где служил мосье Берольди, несмотря на то что дела ее шли успешно, крупных доходов ему не приносила. Берольди поселились в небольшой квартирке и жили поначалу весьма скромно.

Итак, мосье Берольди был личностью вполне посредственной, чего никак не скажешь о его жене, которая, казалось, вся была окутана романтическим флером. Юная и прелестная, она сразу произвела сенсацию в обществе, особенно когда прошел слух о том, что с ее рождением связана какая-то загадочная история. Одни говорили, что она внебрачная дочь русского великого

князя[97], другие — что вовсе не русского князя, а австрийского эрцгерцога[98] и что брак был вполне законный, хотя и морганатический[99]. Однако все сходились в одном — Жанну Берольди окружает волнующая тайна.

Среди знакомых и друзей, посещавших дом Берольди, был молодой юрист Жорж Конно. Вскоре стало ясно, что очаровательная Жанна совершенно завладела его сердцем. Мадам Берольди принимала его ухаживания, хотя вела себя весьма сдержанно и не упускала случая подчеркнуть неизменную преданность своему немолодому мужу. Тем не менее злые языки не колеблясь утверждали, что юный Конно стал ее возлюбленным, причем не единственным!

Берольди прожили в Париже около трех месяцев, когда на сцене явился новый герой. Это

---

[97] Примечания: 97

Великий князь — с XVIII века в России титул членов царской фамилии.

[98] Примечания: 98

Эрцгерцог — титул членов бывшего австрийского императорского дома.

[99] Примечания: 99

Морганатический брак — неравнородный брак, при котором один из супругов не пользуется сословными привилегиями другого супруга; чаще всего это брак лица царского рода с женщиной, не принадлежащей к царскому роду и не получающей, как и ее дети, права престолонаследия.

был некий мистер Хайрам П. Трапп, уроженец Соединенных Штатов, чрезвычайно богатый. Будучи представлен прелестной и загадочной мадам Берольди, он тут же пал жертвой ее очарования. Его поклонение хоть и не было ни для кого секретом, не выходило, однако, за рамки строгой почтительности.

К этому времени мадам Берольди стала чуть более откровенной. Она, например, как бы нехотя призналась нескольким своим друзьям, что состояние мужа внушает ей глубокую тревогу, ибо он, по ее словам, дал втянуть себя в некие политические игры, в результате чего ему доверили «секретные документы» чрезвычайной важности, затрагивающие интересы ряда европейских стран. Эти документы, объясняла она, поручили попечению мосье Берольди, чтобы сбить со следа тех, кто за ними охотится, в том числе нескольких известных террористов из революционных кругов Парижа. Узнав об этом, мадам Берольди, по ее собственному признанию, совсем потеряла покой.

И вот двадцать восьмого ноября случилось несчастье. Служанка, которая ежедневно приходила к Берольди, увидела, что парадная дверь распахнута. Услышав слабый стон, доносив-

шийся из спальни, она ринулась туда. Ужасное зрелище предстало ее глазам. Мадам Берольди лежала на полу, связанная по рукам и ногам, и тихо стонала — каким-то чудом ей удалось освободиться от кляпа. На постели в луже крови лежал мосье Берольди с ножом в груди.

Вот что рассказала мадам Берольди. Внезапно проснувшись ночью, она увидела, что над ней склонились двое людей в масках. Она даже крикнуть не успела, как они связали ее и заткнули рот кляпом. Потом они потребовали, чтобы мосье Берольди выдал им «секретные документы».

Однако бесстрашный виноторговец наотрез отказался вступить с ними в переговоры. Разъяренный убийца в бешенстве всадил нож прямо в сердце мосье Берольди. Завладев его ключами, убийцы открыли сейф, стоявший в спальне, в углу, и вытащили оттуда документы. Густые бороды и маски скрывали их лица, но мадам Берольди со всей решительностью заявила, что это русские.

Происшествие в доме Берольди взбудоражило весь город. Время шло, но напасть на след таинственных убийц не удавалось. Интерес публики уже пошел на убыль, как вдруг случилось невероятное — мадам Берольди арестовали по обвинению в убийстве мужа.

Судебный процесс привлек к себе всеобщее внимание. Юность и красота обвиняемой, а также тайна, окутывающая ее, принесли этому делу громкую известность.

В ходе следствия выяснилось, что родители Жанны Берольди, весьма почтенные, но простые люди, живут в окрестностях Лиона и торгуют фруктами. Русский великий князь, придворные интриги и политические заговоры — все это чистейший вымысел. Вся ее жизнь была безжалостно выставлена на всеобщее обозрение. Вскоре обнаружился и мотив убийства. Мистер Хайрам П. Трапп, который вначале держался весьма стойко, будучи подвергнут суровому и изощренному перекрестному допросу, вынужден был признаться, что любит мадам Берольди и, будь она свободна, он просил бы ее руки. То обстоятельство, что отношения между ними носили чисто платонический характер, отнюдь не облегчило положение обвиняемой. Судьи решили, что Жанна Берольди, которая охотно стала бы любовницей Хайрама П. Траппа, если бы благородная честность указанного джентльмена не воспротивилась этому, задумала чудовищное преступление, чтобы избавиться от немолодого и вполне заурядного мосье Берольди и сочетаться

браком с богатым американцем.

Все это время мадам Берольди сохраняла полное самообладание и хладнокровие, чем поражала своих обвинителей. Она ни разу не изменила своих показаний. Она упорно продолжала настаивать на своем королевском происхождении, заявив, что в раннем детстве ее подменили и отдали на воспитание простым людям. Как ни абсурдны были эти заявления, находились люди, которые безоговорочно верили в их истинность.

Однако обвинители были неумолимы. Они доказывали, что «русские» в масках — нелепая ложь, и решительно отстаивали свою версию: преступление совершено мадам Бе-рольди и ее любовником Жоржем Конно. Уже был дан ордер на его арест, однако Конно предусмотрительно скрылся. Свидетели показали, что веревки, которыми связали мадам Берольди, были затянуты настолько слабо, что она легко могла от них освободиться.

Когда процесс уже подходил к концу, на имя прокурора пришло письмо, отправленное из Парижа и написанное Жоржем Конно, который, не открывая своего местонахождения, признавал себя виновным в убийстве. Конно заявил, что, подстрекаемый мадам Берольди, он нанес

роковой удар ее мужу. По его словам, план преступления они составили сообща. Поверив, что муж дурно обращается с мадам Берольди, и потеряв голову от страсти, которую, он полагал, она разделяет, он согласился убить мосье Берольди и тем самым освободить свою возлюбленную от ненавистных уз. И только теперь, узнав правду о Хайраме П. Траппе, они понял, что женщина, которую он так любил, предала его! Не ради него хотела она обрести свободу. Выйти замуж за этого американца — вот какова ее цель! Он понял, что был всего лишь послушным орудием в ее руках. Теперь, охваченный ревностью и гневом, он решил разоблачить ее, ведь это она толкнула его на убийство.

И тут мадам Берольди доказала всем, что она и в самом деле незаурядная личность. Она решительно отказалась от своей прежней версии, признавшись, что «русские» — это чистейший вымысел, а настоящий убийца — Жорж Конно. Доведенный до умопомрачения страстью к ней, он совершил преступление и поклялся страшно отомстить ей, если она не будет молчать. Запуганная его угрозами, она согласилась, тем более что понимала — расскажи она всю правду, ее обвинят в потворстве преступлению. Но она наотрез

отказалась поддерживать какие-либо отношения с убийцей ее мужа. Тогда, чтобы отомстить ей, он написал это письмо. Она торжественно поклялась, что ничего не знала о том, какое преступление готовит Конно. Проснувшись в ту памятную ночь, она увидела, что перед нею стоит Жорж Конно, держа в руке окровавленный нож.

В судебном разбирательстве наметился резкий поворот. Рассказ мадам Берольди едва ли заслуживал доверия. Однако речь, которую она произнесла, обращаясь к присяжным, была настоящим шедевром. Она говорила о своей дочери, об оскорбленном чувстве женского достоинства, о своем страстном желании ради дочери сохранить незапятнанную репутацию. По ее лицу струились слезы. Да, сказала она, Жорж Конно был ее любовником, и на нее можно, вероятно, возложить нравственную ответственность за это преступление, но — как перед богом! — ни в чем больше она не виновата! Она понимает, что совершила тяжкий проступок, ибо ничего не сообщила следствию о Конно, но, сказала она срывающимся голосом, разве найдется хоть одна женщина, способная на это! Ведь она любила его! Разве могла она собственной рукой послать его

на гильотину?[100] Да, она виновата во многом, но она не совершала ужасного преступления, в котором ее обвиняют.

Как бы то ни было, ее проникновенная речь, ее обаяние сотворили чудо. Под взрыв всеобщего ликования мадам Берольди освободили из-под стражи.

Несмотря на отчаянные усилия, полиции так и не удалось напасть на след Жоржа Конно. Что же касается мадам Бе-рольди, то о ней никто больше ничего не слыхал. Она вместе с дочерью уехала из Парижа, чтобы начать новую жизнь.

[100] Примечания: 100

Гильотина — изобретенная доктором Гильотеном в 1792 году, во время Великой французской революции, машина для обезглавливания осужденных на смертную казнь.

Глава 17
РАССЛЕДОВАНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Вот так обстояло дело с мадам Берольди. Разумеется, не все подробности этого громкого процесса сохранились в моей памяти. Тем не менее я пересказал его довольно точно. В свое время он вызвал живейший интерес в самых широких кругах общества, в английских газетах много писали о нем, поэтому я без особого труда припомнил наиболее характерные черты этого дела.

В тот момент моему возбужденному сознанию представилось, что теперь в деле мосье Рено все ясно. Признаюсь честно, я слишком горяч, и Пуаро всегда осуждает мою дурную привычку делать поспешные выводы, хотя, думаю, в данном случае меня можно было извинить. Открытие, сделанное Пуаро в Париже, блестяще подтвердило его версию. Я был просто потрясен.

— Пуаро, — сказал я, — примите мои поздравления. Теперь мне понятно все.

Пуаро, как всегда, тщательно и неторопливо зажег свою тонкую сигарету, потом взглянул на меня.

— Стало быть, вам теперь все понятно, топ ami. Что же именно вам понятно, позвольте узнать?

— Как что? Мадам Добрэй, она же мадам Берольди, — вот кто убил мосье Рено. Нет никаких сомнений, ведь эти два дела похожи, как близнецы.

— Значит, по-вашему, оправдание мадам Берольди было ошибкой? Она на самом деле виновна в подстрекательстве к убийству ее мужа?

Я вытаращил глаза.

— А как же иначе? Вы что, не согласны?

Пуаро прошелся по комнате, рассеянно подвинул на место стул и в раздумье сказал:

— Согласен. Однако всякая категоричность, вроде вашего «А как же иначе?», мне кажется неуместной. Строго говоря, мадам Берольди невиновна.

— В том преступлении возможно. Но не в этом.

Пуаро снова сел и с сомнением посмотрел на меня.

— Так вы твердо уверены, Гастингс, что мадам Добрэй убила мосье Рено?

— Да.

— Почему?

Вопрос показался мне столь нелепым, что я растерялся.

— Как почему? — Я даже запнулся. — Как это почему? Да потому... — И я умолк, чувствуя, что сказать мне нечего.

Пуаро кивнул.

— Видите, вы сразу сели на мель. Зачем было мадам Добрэй (я буду называть ее так для простоты) убивать мосье Рено? Здесь нет и намека на какой-нибудь мотив. Его смерть ровным счетом ничего ей не дает. Кем бы она ни была — его любовницей или просто шантажисткой, — с его смертью она лишается дохода. Чтобы пойти на убийство, должны быть мотивы. Первое преступление — совсем другое дело. Там богатый возлюбленный только того и ждал, чтобы занять освободившееся место.

— Но ведь не только деньги толкают на убийство, — возразил я.

— Верно, — спокойно согласился Пуаро. — Есть еще два мотива. Например, состояние аффекта. Еще один, достаточно, правда, редко встречающийся, — некоторые формы психических расстройств, к которым относится, например, мания убийства или религиозный фанатизм. Эти мы можем исключить из рассмотрения.

— А как насчет убийства, совершенного в состоянии аффекта? Можете ли вы исключить его?

Если мадам Добрэй была любовницей Рено и вдруг обнаружила, что он охладел к ней, разве она не могла в припадке ревности убить его?

Пуаро покачал головой.

— Если — заметьте, я говорю «если» — мадам Добрэй даже и была любовницей Рено, он не мог охладеть к ней, ведь они познакомились совсем недавно. И вообще вы очень ошибаетесь на ее счет. Эта женщина может сыграть сильную страсть. Она превосходная актриса. Но в жизни она совсем не та, какой хочет казаться. Проанализируйте ее поведение, и вы поймете, что она хладнокровна и расчетлива во всех своих поступках. Ведь она подстрекала своего молодого любовника к убийству совсем не для того, чтобы потом связать с ним свою жизнь. Она метила выйти замуж за богатого американца, к которому, вероятно, была совершенно равнодушна. Если она совершила преступление, то только ради выгоды. Здесь же она ничего не выигрывает. Кроме того, как вы объясните, кто вырыл могилу? Женщине это не под силу.

— Но ведь у нее мог быть сообщник, — предположил я, не желая так легко сдаваться.

— Ну хорошо. Перейдем к следующему вопросу. Вы сказали, что эти два преступления похожи. В

чем вы видите сходство, мой друг?

Я удивленно уставился на него.

— Странно, Пуаро, вы же сами заметили это! Неизвестные в масках, «секретные документы»!

Пуаро чуть улыбнулся.

— Терпение, мой друг, прошу вас. Я не собираюсь ничего отрицать. Сходство этих двух дел не вызывает сомнений. Однако вам не кажется странным одно обстоятельство? Ведь не мадам Добрэй наплела нам всю эту чепуху — если бы было так, то все яснее ясного, — а мадам Рено! Они что, по-вашему, сообщницы?

— Я не могу в это поверить, — медленно начал я. — Но если это действительно так, мадам Рено — самая выдающаяся актриса, которая когда-либо рождалась на земле.

— О-ля-ля! — нетерпеливо воскликнул Пуаро. — В вас снова говорят чувства, а не разум! Если преступнице необходимо быть хорошей актрисой — на здоровье! Но в данном случае разве это необходимо? Я не верю, что мадам Рено и мадам Добрэй в сговоре. Не верю по ряду причин, на некоторые из них я вам уже указал, остальные — очевидны. Следовательно, эта возможность исключается, и мы подходим наконец к истине, которая, как всегда, очень любопытна и неожи-

данна.

— Пуаро! — воскликнул я. — Что вам еще известно?

— Mon ami, вы сами должны сделать выводы. У вас есть «доступ к фактам». Напрягите серые клеточки. Рассуждайте, но не как Жиро, а как... Эркюль Пуаро!

— Но вы уверены, что докопались до истины?

— Мой друг, в чем-то я был непроходимо туп, но теперь наконец многое понял.

— Вам уже все ясно?

— Я разгадал, для чего мосье Рено вызвал меня.

— И вы знаете убийцу?

— Одного убийцу я знаю.

— То есть...

— Сейчас я говорю о другом деле. В данном случае налицо не одно преступление, а два. Первое я раскрыл, а второе... eh bien, признаюсь, тут я не уверен!

— Однако, Пуаро, помнится, вы сами сказали, что неизвестный, которого нашли в сарае, умер естественной смертью.

— О-ля-ля! — Пуаро нетерпеливо издал свое любимое восклицание. — Вы все еще не поняли. В одном преступлении, возможно, не было убийцы, но у нас два преступления и два трупа — вот

что важно.

Последняя фраза Пуаро так ошеломила меня, что я в тревоге стал к нему приглядываться. Однако вид у него был вполне нормальный. Внезапно он встал и подошел к окну.

— А вот и он, — заметил Пуаро.

— Кто?

— Мосье Жак Рено. Я послал записку на виллу и попросил его прийти сюда.

Это сообщение сразу изменило ход моих мыслей, и я спросил Пуаро, знает ли он, что Жак Рено в ночь убийства приезжал в Мерлинвиль. Я надеялся наконец-то застать врасплох моего проницательного друга, но он, как всегда, оказался во всеоружии. Разумеется, он тоже навел справки на вокзале.

— Уверен, Гастингс, эта мысль пришла в голову не только нам с вами. Наш славный Жиро тоже наверняка побывал там.

— Но вы же не думаете... — начал было я и запнулся. — О нет, страшно подумать!

Пуаро испытующе на меня взглянул, но я не сказал больше ни слова. Меня вдруг пронзила ужасная мысль: в этом деле замешаны прямо или косвенно семь женщин — мадам

Рено, мадам Добрэй и ее дочь, таинственная

ночная гостья и три служанки и всего один мужчина — старый Огюст не в счет — Жак Рено. А могилу мог вырыть только мужчина!

Развить эту ужасную мысль у меня не было времени — Жак Рено уже входил в комнату.

Пуаро деловито поздоровался с ним и сразу приступил к делу:

— Прошу вас, садитесь, мосье. Весьма сожалею, что пришлось потревожить вас, но вы, вероятно, догадываетесь, что обстановка на вилле не слишком мне благоприятствует. Мы с мосье Жиро совсем по-разному смотрим на вещи. Он, как вы понимаете, не жалует меня, и я не хотел бы, чтобы он воспользовался теми небольшими находками, которые мне удалось сделать.

— Я вас понимаю, мосье Пуаро, — ответил юноша. — Этот Жиро — отпетый грубиян, и я был бы чрезвычайно доволен, если бы кто-нибудь натянул ему нос.

— В таком случае могу я просить вас о небольшой услуге?

— Разумеется.

— Нужно пойти на вокзал, доехать поездом до следующей станции, до Аббалака, и узнать там, не оставляли ли в ночь убийства двое иностранцев чемодан в камере хранения. Это небольшая

станция, и иностранцев там наверняка запомнили бы. Могли бы вы сделать это?

— Охотно, мосье Пуаро, — озадаченно ответил юноша, однако с полной готовностью.

— Видите ли, нам с моим другом предстоит заняться другими делами, — объяснил Пуаро. — Поезд в Аббалак отходит через четверть часа, и я бы просил вас не заходить на виллу, чтобы Жиро ничего не заподозрил.

— Хорошо, я пойду прямо на станцию.

Он поднялся и хотел было идти, но Пуаро остановил его:

— Минутку, мосье Рено, у меня вызывает недоумение одно незначительное обстоятельство. Почему сегодня утром вы не сказали мосье Отэ, что в ночь убийства были в Мерлинвиле?

Жак Рено густо покраснел. С трудом удалось ему взять себя в руки.

— Вы ошибаетесь. Я был в Шербуре, о чем и сообщил следователю сегодня утром.

Глаза Пуаро сузились, как у кошки, и вспыхнули зеленым огнем.

— В таком случае это очень распространенная ошибка, ибо ее разделяют и железнодорожные служащие. Они показали, что вы прибыли в Мерлинвиль поездом в одиннадцать сорок.

Видно было, что Жак Рено жестоко борется с собой, потом он вдруг решился.

— А если и так? Полагаю, вы не намерены обвинить меня в убийстве отца? — в запальчивости вскричал он, гордо вздернув подбородок.

— Я хотел бы знать, зачем вы приезжали сюда.

— Причина простая. Я приехал повидаться со своей невестой, мадемуазель Добрэй. Нам предстояла долгая разлука, я и сам не знал, когда мне удастся вернуться, поэтому счел необходимым встретиться с ней перед отъездом и заверить ее в своей неизменной преданности.

— И что же, вы повидали ее? — Пуаро не сводил с него глаз.

Рено несколько замялся с ответом, потом коротко бросил:

— Да.

— Что вы сделали потом?

— Убедившись, что опоздал на последний поезд, я пошел пешком в Сент-Бове. Там я достучался в гараж, нанял автомобиль и вернулся в Шербур.

— Сент-Бове? Но до него километров пятнадцать. Весьма утомительная прогулка, мосье Рено.

— Я... мне хотелось прогуляться.

Пуаро наклонил голову, как бы давая понять,

что удовлетворен объяснением. Жак Рено взял шляпу и трость и вышел из комнаты. В мгновенье ока Пуаро вскочил на ноги.

— Быстрее, Гастингс. Пойдемте за ним.

Держась на почтительном расстоянии, мы шли за Жаком Рено по улицам Мерлинвиля. Убедившись, что он свернул к станции, Пуаро остановился.

— Все в порядке. Он проглотил приманку — пусть себе едет в Аббалак и расспрашивает там про несуществующий чемодан, оставленный несуществующими иностранцами. Все это я, конечно же, нарочно придумал, надеюсь, вы поняли?

— Вы хотели избавиться от него! — воскликнул я.

— Ваша проницательность достойна восхищения, Гастингс! А теперь, если не возражаете, мы с вами отправимся прямехонько на виллу «Женевьева».

Глава 18
ЖИРО ДЕЙСТВУЕТ

Дойдя до виллы, Пуаро сразу свернул к сараю, где был обнаружен покойник. Внутрь, однако, он не вошел, а остановился у скамьи, которая, как я уже упоминал, стояла в нескольких ярдах от сарая. Крадущимся шагом он приблизился к живой изгороди, отделявшей виллу «Женевьева» от виллы «Маргерит», и раздвинул кусты.

— Если повезет, — бросил он мне через плечо, — мы сможем увидеть в саду мадемуазель Марту. Хотелось бы поговорить с ней, не нанося, однако, визита на виллу «Маргерит». А! Отлично. Вот и она. Тсс! Мадемуазель! Тсс! Un moment, s'il vous pladt[101].

Я подошел как раз в тот момент, когда слегка встревоженная неожиданным окликом Марта Добрэй подбежала к изгороди.

— Всего одно слово, мадемуазель, если позволите?

— Конечно, мосье Пуаро, — с готовностью ответила она, однако в глазах ее таились тревога

---

[101] Примечания: 101
Можно вас на минуту, пожалуйста *(фр.)*.

и страх.

— Мадемуазель, помните, как вы нагнали меня на дороге в тот день, когда мы со следователем приходили в ваш дом? Вы еще спросили меня, подозревают ли кого-нибудь конкретного.

— А вы мне ответили, что подозревают двух чилийцев, — проговорила она, слегка задохнувшись и прижимая левую руку к груди.

— Не желаете ли снова задать мне тот же вопрос, мадемуазель?

— То есть как?

— Видите ли, если бы вы сейчас задали мне этот вопрос, я ответил бы вам по-другому. Подозреваемый есть, но он не чилиец.

— Кто же? — Вопрос еле слышно сорвался с ее полураскрытых губ.

— Мосье Жак Рено.

— Что? — крикнула она. — Жак? Не может быть! Кто осмелился заподозрить его?

— Жиро.

— Жиро! — Лицо ее побледнело. — Я боюсь этого человека. Он безжалостен. Он... он... — Она осеклась. Но внезапно в глазах у нее появилось выражение решимости и отваги. В этот миг я понял, что передо мной борец. Пуаро тоже внимательно следил за выражением ее лица.

— Вам известно, конечно, что в ночь убийства он был здесь? — спросил Пуаро.

— Да, — ответила она рассеянно, думая, очевидно, о чем-то другом. — Он говорил мне.

— Очень неразумно было с его стороны пытаться скрыть этот факт, — рискнул заметить Пуаро.

— Да, да, — нетерпеливо согласилась она. — Но нельзя терять времени на бесплодные сожаления. Нужно его спасти. Он невиновен, конечно, но для такого человека, как Жиро, это ничего не значит. Он думает только о своей карьере. Он должен арестовать кого-нибудь, вот он и арестует Жака.

— Обстоятельства складываются весьма неблагоприятно для мосье Жака, — заметил Пуаро. — Вы ведь понимаете это?

Она твердо взглянула на него.

— Я не ребенок, мосье. У меня достанет мужества смотреть фактам в лицо. Он невиновен, и мы должны спасти его, — сказала она с отчаянной решимостью, потом, нахмурившись, замолчала, погруженная в свои мысли.

— Мадемуазель, — начал Пуаро, проницательно глядя на нее, — может быть, вы что-нибудь утаили, о чем сейчас могли бы рассказать?

Она кивнула с растерянным видом.

— Да, вы правы, только я не знаю, поверите ли вы мне. Это очень странно...

— И все-таки расскажите, пожалуйста.

— Ну так вот. Мосье Жиро послал за мной, ему взбрело в голову, что, может быть, я смогу опознать того человека. — Она кивнула в сторону сарая. — Нет, я его никогда не видела прежде. Во всяком случае, так мне тогда показалось. Но потом я все думала...

— И что же?

— Это может быть совсем не то, однако я почти уверена... Хорошо, я расскажу. В тот день, когда убили мосье Рено, утром я гуляла здесь, в саду. Вдруг слышу громкие мужские голоса, точно кто-то ссорится. Я раздвинула кусты и увидела мосье Рено и какого-то бродягу, страшного, в грязных лохмотьях. Он то канючил, то как будто угрожал мосье Рено. Я догадалась, что он требует денег. Тут меня позвала татап, и я вынуждена была уйти. Вот и все, только... я почти уверена, что покойник в сарае — это и есть тот бродяга.

— Почему же вы сразу не рассказали об этом, мадемуазель? — вскричал Пуаро.

— Потому что сначала мне показалось, что его лицо кого-то смутно мне напоминает. Он ведь был одет совсем по-другому и, судя по одежде,

явно принадлежит к сословию людей состоятельных.

Тут девушку кто-то окликнул.

— Матап, — шепнула Марта. — Мне надо идти.

И она быстро скользнула за деревья.

— Пойдемте, — сказал Пуаро, беря меня под руку, и направился к вилле «Женевьева».

— Ну и что вы об этом думаете? — спросил я, снедаемый любопытством. — Правду ли она нам рассказала или придумала эту историю, чтобы отвести подозрение от своего возлюбленного?

— История интересная, — сказал Пуаро, — но я уверен, девушка сказала нам чистую правду. Мадемуазель Марта нечаянно сказала правду и о Жаке Рено, тем самым изобличив его во лжи. Вы помните, как он замялся, когда я спросил его, видел ли он Марту Добрэй в ночь убийства? Он помолчал, потом сказал «да». Я заподозрил, что он лжет. Поэтому и хотел повидать мадемуазель Марту, пока он не успел предупредить ее. Всего три слова, и я узнал то, что хотел. Когда я спросил ее, знает ли она, что Жак Рено был здесь в ту ночь, она ответила: «Да, он говорил мне». А теперь, Гастингс, скажите, что делал здесь Жак Рено в тот роковой вечер? Если он не виделся с мадемуазель Мартой, то с кем же он виделся?

— Нет, Пуаро, — вскричал я, охваченный ужасом, — неужели вы верите, что этот мальчик убил своего отца!

— Mon ami, — отвечал Пуаро, — вы неисправимый идеалист! Мне известны случаи, когда женщины убивали своих детей, чтобы получить страховку! После этого всему поверишь.

— Ну хорошо, а мотив?

— Деньги, разумеется. Вспомните, ведь Жак Рено думал, что после смерти отца он получит половину его состояния.

— А бродяга? Как быть с ним?

Пуаро пожал плечами.

— Жиро, конечно, скажет, что это соучастник, бандит, который помог молодому Рено совершить преступление и которого тот потом убрал.

— А как же волос на черенке ножа? Женский волос?

— О! — воскликнул Пуаро, улыбаясь во весь рот. — В этом-то вся соль. Ведь Жиро надеется сыграть с нами злую шутку. Он уверен, что это вовсе и не женский волос. Вспомните, как носят волосы нынешние молодые люди, — они зачесывают их ото лба назад, напомаживают, брызгают туалетной водой, чтобы они лежали гладко. А для этого волосы должны быть довольно длинные.

— Так вы разделяете точку зрения Жиро?

— Нет, — ответил Пуаро, загадочно улыбаясь. — Я уверен, что это волос женщины. Более того, я знаю, кому он принадлежит.

— Мадам Добрэй, — уверенно заявил я.

— Возможно, — сказал Пуаро, насмешливо глядя на меня.

На этот раз я сдержался и не подал виду, что уязвлен снисходительным тоном моего друга.

— Что мы собираемся здесь делать? — спросил я, когда мы вошли в холл виллы «Женевьева».

— Хочу осмотреть вещи мосье Жака Рено, потому и отослал его на несколько часов.

Аккуратно, не торопясь, Пуаро выдвигал ящик за ящиком, просматривал их содержимое и снова все укладывал точно на прежнее место. На редкость нудное занятие. Пуаро рылся в воротничках, пижамах и носках. Мурлыкающий звук автомобильного двигателя привлек мое внимание, и я выглянул в окно. Сонное оцепенение мгновенно слетело с меня.

— Пуаро! — закричал я. — Подъехал автомобиль. Там Жиро, Жак Рено и двое жандармов.

— Sacre tonnerre![102] — буркнул Пуаро. — Ско-

---

[102] Примечания: 102
Проклятье! *(фр.)*

тина Жиро, не мог повременить! Не успею теперь как следует уложить вещи в последний ящик. Помогите же мне!

Он бесцеремонно вытряхнул вещи прямо на пол. Это были в основном галстуки и носовые платки. Внезапно радостно вскрикнув, Пуаро поднял небольшой картонный квадратик, очевидно, фотографию. Сунув его в карман, он кое-как побросал все обратно в ящик и, схватив меня за руку, потащил из комнаты вниз по лестнице. В холле стоял Жиро, внимательно рассматривая арестованного.

— Добрый день, мосье Жиро, — сказал Пуаро. — Что тут у вас?

Жиро кивнул на Жака.

— Пытался удрать, но меня не проведешь. Арестован по подозрению в убийстве своего отца, мосье Поля Рено.

Пуаро обернулся и посмотрел на молодого человека, который стоял, безвольно привалившись к двери. Лицо у него было пепельно-серое.

— Что скажете на это, jeune homme?[103]

Жак Рено смотрел на него, точно не узнавая.

— Ничего, — вяло проронил он.

---

[103] Примечания: 103
Молодой человек *(фр.)*

Глава 19
Я НАПРЯГАЮ СВОИ СЕРЫЕ КЛЕТОЧКИ

Меня точно громом поразило. До последней минуты я не мог заставить себя поверить в виновность Жака Рено. Когда Пуаро обратился к нему, я ожидал, что он с негодованием отвергнет все обвинения. А он стоит у стены, белый как мел, безвольно обмякший, и с его губ срывается это убийственное «Ничего»! Как тут не поверить...

Однако Пуаро, повернувшись к мосье Жиро, спокойно спросил:

— На каком основании его арестовали?

— Думаете, я так все вам и выложу?

— Я прошу вас об этом как о личном одолжении.

Жиро подозрительно посмотрел на него. Он разрывался между желанием нагрубить Пуаро и соблазном покрасоваться перед соперником своей блестящей победой.

— По-вашему, я совершил ошибку? — усмехнулся он.

— Меня бы это не удивило, — ответил Пуаро чуть-чуть лукаво.

Лицо Жиро стало багровым.

— Eh bien, пойдемте. Вы сами во всем убедитесь.

Он распахнул дверь, и мы вошли в гостиную, оставив Жака Рено под присмотром двух жандармов.

— Итак, мосье Пуаро, — начал Жиро, кладя шляпу на стол. — Я преподам вам небольшой урок по части новейших методов сыска. Расскажу, как работаем мы, современные детективы. — И сколько же сарказма было в его тоне!

— Bien[104] — ответил Пуаро, приготовившись слушать. — А я покажу вам, как превосходно умеем слушать мы, старая гвардия.

И он откинулся в кресле, закрыв глаза, но тут же приоткрыл их:

— Не беспокойтесь, я не усну. Буду внимать вам затаив дыхание.

— Само собой, — самодовольно заговорил Жиро, — я сразу разгадал эту идиотскую затею с чилийцами. Действительно, тут замешаны двое, но никакие это не иностранцы! Все это сплошной обман.

— Весьма похвально, мой дорогой Жиро, —

---

[104] Примечания: 104
Хорошо! *(фр.)*

пробормотал Пуаро. — Оказывается, даже этот коварный трюк со спичкой и окурком не удался им.

Жиро метнул на своего соперника свирепый взгляд, но продолжал говорить:

— Далее: в этом деле непременно присутствует мужчина, который вырыл могилу. От этого преступления никто не получил выгоды, однако кое-кто думает, что получит ее. Известно, что Жак Рено поссорился с отцом и угрожал ему. Мотив преступления ясен. Теперь о технической стороне дела. В ночь убийства Жак Рено был в Мерлинвиле. Он утаил это обстоятельство, и мои подозрения превратились в уверенность. Затем мы обнаруживаем вторую жертву, убитую тем же самым ножом. Нам известно, когда украли нож. Капитан Гастингс называет точное время. Жак Рено, вернувшийся из Шербура, — единственный, кто мог взять нож. Я готов поручиться за всех остальных обитателей дома.

Пуаро прервал его:

— Тут вы ошибаетесь. Есть еще один человек, который мог украсть нож.

— Мосье Стонор, вы хотите сказать? Но он подъехал прямо к парадному входу в автомобиле, который нанял в Кале. О, уж поверьте, я учел все.

Мосье Жак Рено прибыл поездом. С момента его приезда до момента, когда он появился здесь, в доме, прошел целый час. Он, конечно же, видел, как капитан Гастингс и его спутница вышли из сарая, незаметно проскользнул туда, взял нож, а потом заколол своего сообщника...

— Который уже был мертв!

Жиро пожал плечами.

— Возможно, Жак Рено не заметил этого, подумал, что тот просто спит. Несомненно, они виделись после убийства мосье Рено. Во всяком случае, Жак Рено понимал, что появление второго трупа очень запутает дело. И он не ошибся.

— Однако мосье Жиро не проведешь! — пробормотал Пуаро.

— Смейтесь, смейтесь! Я сейчас вам представлю последнее неопровержимое доказательство. То, что рассказывает мадам Рено, — ложь, выдумка от начала до конца. Мы знаем, что мадам Рено любила мужа, однако она лжет, чтобы спасти его убийцу. Ради кого может солгать женщина? Ради себя, ради возлюбленного и, конечно, ради своего ребенка. Вот вам неопровержимое доказательство. Тут уж никуда не денешься!

Жиро, раскрасневшийся и торжествующий, умолк. Пуаро не спускал с него глаз.

— Вот моя версия, — добавил Жиро. — Что вы на это скажете?

— Только то, что вы не учли одного обстоятельства.

— Какого же?

— Жак Рено, вероятно, хорошо знал планировку поля для гольфа и понимал, что тело обнаружат сразу, как только начнут сооружать «препятствие».

Жиро громко расхохотался.

— Что за чушь вы сморозили! Да ведь Жак Рено хотел, чтобы тело нашли. Пока не найдено тело и не установлен факт смерти, он не может вступить во владение наследством.

Я увидел, как глаза Пуаро вспыхнули зеленым огнем. Он поднялся с кресла.

— В таком случае зачем было его хоронить? — вкрадчиво спросил он. — Подумайте, Жиро. Если Жак Рено хотел, чтобы тело нашли как можно скорее, зачем вообще понадобилось рыть могилу?

Жиро молчал. Видимо, этот вопрос застал его врасплох. Он пожал плечами, как бы давая понять, что не придает доводам своего противника особого значения.

Пуаро направился к двери. Я последовал за

ним.

— Вы не учли еще одно обстоятельство, — бросил он через плечо.

— Какое?

— Кусок свинцовой трубы, — сказал Пуаро и вышел из гостиной.

Жак Рено все еще стоял в холле с бледным, лишенным выражения лицом, но, когда мы вошли, метнул в нашу сторону быстрый взгляд. В этот момент на лестнице послышались шаги. Это спускалась мадам Рено. Увидев сына, стоящего между двумя блюстителями закона, она замерла.

— Жак, — сказала она дрожащим голосом. — Жак, что это значит?

Он смотрел на нее остановившимся взглядом.

— Они арестовали меня, мама.

— Что?!

Она пронзительно вскрикнула, покачнулась и тяжело рухнула на лестницу — никто и опомниться не успел. Мы бросились ее поднимать. Пуаро первым нарушил молчание:

— Она разбила голову о край ступени. Думаю, не обойдется без сотрясения мозга. Если Жиро захочет получить показания от нее, ему придется подождать. Сознание вернется к ней вряд ли раньше чем через неделю.

Тут прибежали Дениз и Франсуаза, и, оставив мадам Рено на их попечение, Пуаро покинул дом. Он шел опустив голову и озабоченно хмурился. Немного помолчав, я все же отважился спросить его:

— Стало быть, вопреки всем уликам вы верите, что Жак Рено невиновен?

Пуаро ничего не ответил. Наконец после долгого молчания он сурово сказал:

— Не знаю, Гастингс. Есть еще надежда. Жиро, конечно, кругом не прав. Если даже Жак Рено виновен, доводы Жиро здесь ни при чем. Самая веская улика против него известна только мне одному.

— Какая улика? — спросил я потрясенно.

— Напрягите ваши серые клеточки, охватите мысленным взором все дело целиком, и вы сами догадаетесь.

Пуаро нередко давал мне такие дразнящие, как я их называл, ответы.

Не дожидаясь, пока я что-нибудь соображу, он снова заговорил:

— Пойдемте на берег, сядем там где-нибудь, полюбуемся взморьем и подумаем о нашем деле. Разумеется, я могу рассказать вам все, что мне известно, но предпочел бы, чтобы вы сами до-

копались до истины — не все же мне водить вас за ручку.

Мы устроились на поросшем травой холме, откуда открывался вид на море.

— Думайте, мой друг, думайте, — ободряюще сказал Пуаро. — Приведите в порядок свои мысли. Действуйте методически, подчините процесс мышления строгой дисциплине. В этом секрет успеха.

Честно стараясь внять наставлениям моего друга, я принялся перебирать в уме и сопоставлять все подробности этого запутанного дела. Внезапно я вздрогнул — некая догадка с ошеломляющей ясностью вспыхнула в моем сознании. Мысль лихорадочно заработала, строя мою собственную гипотезу.

— Вижу, вам уже пришла в голову какая-то интересная мысль, топ ami\ Превосходно. Мы делаем успехи.

Я приподнялся и раскурил трубку.

— Пуаро, — сказал я, — похоже, мы с вами кое-что проглядели. Говорю «мы», хотя точнее было бы сказать «я». Однако вы сами виноваты с вашей вечной манерой скрытничать. Итак, повторяю, мы кое-что проглядели. В этом деле замешан некто, о ком мы совсем забыли.

— И кто же он? — спросил Пуаро. Глаза его весело поблескивали.

— Жорж Конно!

Глава 20
ЕЩЕ ОДНО ПОРАЗИТЕЛЬНОЕ ОТКРЫТИЕ

Не успел я опомниться, как Пуаро пылко обнял меня и запечатлел на моей щеке поцелуй.

— Enfin![105] Наконец-то сообразили! А главное — самостоятельно. Превосходно! Продолжайте, вы на правильном пути. Несомненно, мы совершили непростительную ошибку — забыли о Жорже Конно.

Я был так польщен похвалами моего друга, что никак не мог собраться с мыслями. Наконец, сделав над собой усилие, я сказал:

— Жорж Конно исчез двадцать лет назад, однако у нас нет оснований предполагать, что он умер.

— Aucunemen[106], — согласился Пуаро. — Продолжайте, пожалуйста.

— Поэтому будем исходить из того, что он жив...

---

[105] Примечания: 105
Ну, наконец! *(фр.)*

[106] Примечания: 106
Никоим образом *(фр.)*

— Совершенно верно.

— ...или был жив до недавнего времени.

— Браво, Гастингс! De mieux en mieux![107]

— Предположим, — продолжал я, все более воодушевляясь, — жизнь его не задалась, он впал в нужду, стал преступником, грабителем, бродягой — не знаю, кем еще. Случай занес его в Мерлинвиль. Здесь он встречает женщину, которую никогда не переставал любить.

— Так-так! Весьма романтично, — насторожился Пуаро.

— От любви до ненависти — один шаг, — припомнил я избитую истину. — Как бы то ни было, Жорж Конно встречает свою бывшую возлюбленную, которая живет здесь под чужим именем, и узнает, что у нее есть любовник — некий Рено, англичанин. Жорж Конно кипит злобой, он не забыл, как с ним обошлись. Он затевает ссору с Рено, подстерегает его, когда тот идет к своей любовнице, и убивает ударом ножа в спину. Испугавшись того, что он натворил, Конно принимается рыть могилу. Тут, вероятно, мадам Добрэй выходит встретить любовника. Она сталкивается с Конно, и между ними происходит душераздирающая

---

[107] Примечания: 107
Все лучше и лучше! *(фр.)*

сцена. Он тащит ее в сарай, но с ним внезапно случается припадок эпилепсии, и он умирает. Предположим, в это время появляется Жак Рено. Мадам Добрэй рассказывает ему о своем прошлом, упирая главным образом на то, как ужасно скажется оно на будущности ее дочери, если станет достоянием гласности, и внушает ему, что спасение только в одном — спрятать концы в воду. Жак Рено, видя, что убийца его отца мертв, соглашается. Он идет к матери и убеждает ее помочь им. Мадам Рено ничего не остается, как позволить связать себя. Остальное нам известно. Ну как, Пуаро, что вы скажете на это? — бросил я, небрежно развалясь. Меня просто распирало от гордости.

Пуаро в раздумье разглядывал меня.

— Кажется, вам самое время заняться сочинением драм для синематографа, топ ami, — сказал он наконец.

— Вы хотите сказать...

— То, что вы мне сейчас рассказали, — это же добротный фильм, не имеющий, однако, к реальной жизни никакого отношения.

— Согласен, я не отработал подробности, но...

— Более того, вы вообще выказали к ним великолепное пренебрежение. Стоит ли обращать

внимание на какие-то мелочи, на то, например, как одеты покойники? Вы полагаете, очевидно, что, заколов свою жертву, Конно снял костюм с мосье Рено, переоделся в него, а потом снова воткнул нож ему в спину?

— Но какое это имеет значение? — бросил я раздраженно. — Он мог, например, еще раньше, пригрозив мадам Добрэй, получить у нее одежду и деньги.

— Пригрозив ей, да? Вы что, всерьез настаиваете на этой версии?

— Разумеется. Он пригрозил ей, что разоблачит ее перед Рено. А это означает, что рушатся надежды на брак ее дочери.

— Вы ошибаетесь, Гастингс. Он не мог шантажировать ее, ибо все козыри были у нее на руках. Вспомните, ведь Жорж Конно и по сей день разыскивается за убийство. Одно ее слово — и он отправится прямо на гильотину.

Я был вынужден, правда с большой неохотой, согласиться с Пуаро.

— В вашу версию, — язвительно заметил я, — эти детали, разумеется, вписываются как нельзя лучше?

— Моя версия не грешит против истины, — спокойно ответил Пуаро. — Поэтому в нее укла-

дываются все подробности этого дела. А вот вы в ваших рассуждениях допускаете существенные ошибки. Все эти тайные полночные свидания, любовные страсти — плод вашего воображения, которое заводит вас бог знает куда. Расследуя преступление, мы не должны выходить за рамки обыденной жизни. Хотите, я продемонстрирую вам свои методы?

— О, прошу вас, сделайте одолжение!

Пуаро выпрямился и начал говорить, сопровождая свою речь энергическими жестами:

— Начну, как и вы, с личности Жоржа Конно. Итак, установлено, что версия с участием таинственных русских, выдвинутая в суде мадам Берольди, — чистейшая выдумка, состряпанная ею, и только ею, в том случае, конечно, если она не была соучастницей преступления. Если же она виновна в соучастии, то эту версию могла сочинить как она, так и Жорж Конно.

Далее, в деле, которое мы расследуем сейчас, фигурирует такая же нелепая выдумка об иностранцах. Как я уже говорил, факты свидетельствуют, что едва ли мадам Добрэй инспирировала это преступление. Итак, нам остается предположить, что мысль о нем зародилась в голове Жоржа Конно. Следовательно, задумал это пре-

ступление Жорж Конно, а соучастницей его стала мадам Рено. Она, так сказать, на первом плане, а за ней маячит тень человека, чье теперешнее имя, вымышленное, разумеется, нам неизвестно.

Итак, давайте внимательно рассмотрим дело Рено с самого начала, отмечая в хронологическом порядке наиболее существенные события. Есть у вас карандаш и записная книжка? Отлично. Итак, какое событие идет у нас первым номером?

— Письмо к вам?

— Да, из него мы впервые узнали об этом деле, но не оно знаменовало его начало. Первым и чрезвычайно важным обстоятельством я бы счел перемены, которые произошли с мосье Рено вскоре после приезда в Мерлинвиль и которые отмечают несколько свидетелей. Следует обратить внимание на его дружбу с мадам Добрэй и на факт вклада на ее счет значительных сумм денег. Отсюда перейдем прямо к событиям двадцать третьего мая.

Пуаро помолчал, откашлялся и предложил мне записать:

«Двадцать третье мая. Мосье Рено ссорится со своим сыном, который хочет жениться на Марте Добрэй. Сын уезжает в Париж.

Двадцать четвертое мая. Мосье Рено изменя-

ет завещание. Все свое состояние он оставляет жене.

Седьмое июня. Ссора с бродягой в саду, засвидетельствованная Мартой Добрэй.

Письмо, адресованное Эркюлю Пуаро, с просьбой о помощи.

Телеграмма, посланная мосье Жаку Рено, с приказанием отбыть в Буэнос-Айрес на «Анзоре».

Шофер Мастерс получает отпуск.

Ночной визит неизвестной дамы. Провожая ее, мосье Рено говорит: «Да, да... но сейчас, ради бога, уходите...»

Пуаро помолчал.

— А теперь, Гастингс, проанализируйте все факты один за другим, каждый в отдельности и в общей связи. Подумайте, может быть, вы увидите все дело в новом свете.

Я постарался добросовестно проделать все, что от меня требовалось. Наконец я выдавил из себя довольно неуверенно:

— Ну, что касается первого пункта, кажется, здесь возможны две версии — шантаж или страстное увлечение.

— Определенно шантаж. Вы ведь слышали, что рассказал Стонор о характере и привычках мосье Рено.

— Однако мадам Рено не разделяет его мнения, — возразил я.

— Показания мадам Рено ни в коей мере не заслуживают доверия, мы уже убедились в этом. Поэтому следует полагаться на свидетельство Стонора.

— И все же если у Рено была любовная связь с женщиной по имени Белла, то нет ничего удивительного в том, что он страстно увлекся мадам Добрэй.

— Разумеется, ничего удивительного. Но чем вы можете подтвердить эту связь с некой Беллой, Гастингс?

— Письмом. Вы забыли о письме, Пуаро.

— Отнюдь. Я ничего не забыл. Однако почему вы так уверены, что письмо адресовано мосье Рено?

— Ну как же, письмо нашли у него в кармане, и... и...

— И все! — оборвал меня Пуаро. — В письме не упоминается никакого имени, и вообще неизвестно, кому оно адресовано. Мы предположили, что оно адресовано мосье Рено, только потому, что нашли его в кармане плаща, который был на убитом. Однако, топ ami, что-то в этом плаще мне сразу показалось странным. Помните, я из-

мерил его и сказал, что он слишком длинный. Мое замечание должно было натолкнуть вас на некую мысль.

— А я думал, вы это просто так сказали, — признался я.

— О, quelle idee! Потом вы видели, что я измеряю плащ мосье Жака Рено. Eh bien, выясняется, что мосье Жак носит слишком короткий плащ. Сопоставьте эти два факта и учтите еще один — мосье Жак Рено, торопясь на поезд, выскочил из дома сломя голову. А теперь скажите, какой вывод можно сделать из этого.

— Кажется, понимаю, — медленно проговорил я. Смысл высказываний Пуаро начал постепенно доходить до меня. — Это письмо было адресовано не отцу, а сыну. В волнении и спешке мосье Жак схватил плащ отца.

Пуаро кивнул.

— Precisemen![108] Потом мы еще вернемся к этому вопросу. А теперь просто примем к сведению, что письмо не имеет никакого отношения к мосье Рено-отцу, и перейдем к нашей хронологической записи.

— «Двадцать третье мая, — прочел я. — Мосье

---

[108] Примечания: 108
Именно! *(фр.)*

Рено ссорится с сыном, который хочет жениться на Марте Доброй. Сын уезжает в Париж». Не знаю, что к этому добавить. Изменение завещания тоже, кажется, вполне понятно. Это прямое следствие ссоры.

— Тут я с вами согласен, топ ami, — по крайней мере, в том, что касается повода. Однако каковы истинные причины этого поступка мосье Рено?

Я удивленно вытаращил глаза.

— Конечно, гнев, вызванный неповиновением сына.

— Однако же мосье Рено писал ему в Париж теплые письма, исполненные родительской любви.

— Да, так говорит Жак Рено, но ведь писем он нам не предъявил.

— Ну ладно, оставим пока эту тему.

— Так, теперь переходим к тому дню, когда случилась трагедия. Вы расположили утренние события в определенном порядке. Это ведь не случайно?

— Я проверил — письмо ко мне отправлено одновременно с телеграммой мосье Жаку. Вскоре после этого Мастерса уведомили, что он может взять отпуск. Полагаю, ссора с бродягой предшествовала этим событиям.

— Но точно установить время можно, только

снова расспросив мадемуазель Добрэй.

— В этом нет никакой необходимости, я уверен. А если вы не понимаете этого, Гастингс, значит, вы ничего не понимаете.

С минуту я молча смотрел на него.

— Ну, конечно же! Я просто идиот. Ведь если бродяга — это Жорж Конно, то именно после ссоры с ним мосье Рено насторожился, отослал шофера — он подозревал, что тот подкуплен, — телеграфировал сыну и написал вам.

Легкая улыбка тронула губы Пуаро.

— А вас не удивляет, что мосье Рено употребляет в письме точно такие же выражения, как и мадам Рено в своих показаниях? Если он упоминает Сантьяго, только чтобы ввести нас в заблуждение, то зачем посылает туда сына?

— Это непонятно. Возможно, потом мы найдем какое-нибудь объяснение. И наконец, вечер, визит таинственной дамы. Сказать откровенно, я сбит с толку, если, конечно, это не мадам Добрэй, как твердит Франсуаза.

Пуаро покачал головой.

— Ах, друг мой, да соберитесь же с мыслями! Вспомните эпизод с чеком, вспомните, что имя Белла Дьювин что-то напоминает Стонору. Думаю, не требует доказательств, что Белла Дьювин

— имя той дамы, которая писала мосье Жаку и которая посетила мосье Рено тем вечером. Возможно, она хотела видеть Жака, а возможно, с самого начала хотела говорить именно с его отцом, этого мы точно не знаем, но, думаю, имеем основание предположить, что произошло. Наверное, она призналась, что у нее есть права на Жака, может быть, показала мосье Рено его письма к ней. Вероятно, мосье Рено попытался откупиться от нее и выписал чек, а возмущенная Белла Дьювин тут же разорвала его. Ее письмо Жаку — это письмо искренне любящей женщины, и, вероятно, предложение мосье Рено глубоко оскорбило ее. Видимо, ему все же удалось как-то отделаться от мисс Дьювин. То, что он сказал ей на прощание, — чрезвычайно важно.

— «Да, да, но сейчас, ради бога, уходите», — процитировал я. — Не вижу в этих словах ничего особенного. Пожалуй, в них сквозит некоторое нетерпение, и только.

— Именно. Мосье Рено отчаянно старается как можно скорее отделаться от девушки. Почему? Не только потому, что этот разговор ему неприятен. Нет, он упускает драгоценное время. Какая-то причина заставляла его спешить.

— Что же это за причина? — спросил я озада-

ченно.

— Давайте подумаем вместе. Что это может быть? Немного позже произошел инцидент с часами, помните? И мы снова убеждаемся, что время играет чрезвычайно важную роль в этом преступлении. Вот тут мы приближаемся к самому драматическому моменту. Белла Дьювин уходит в половине одиннадцатого. По свидетельству разбитых часиков, преступление было совершено или, во всяком случае, подготовлено до полуночи. Итак, мы рассмотрели все события, предшествовавшие убийству, кроме одного. Бродяга к тому моменту, когда его обнаружили, был мертв, по словам доктора, по меньшей мере уже двое суток, а возможно, и трое. Итак, не имея других фактов, кроме тех, что мы обсудили, я считаю, что его смерть наступила утром седьмого июня.

Я ошеломленно уставился на Пуаро.

— Как? Почему? Откуда вы это взяли?

— Логика развития событий неумолимо приводит к такому выводу. Mon ami, я шаг за шагом подводил вас к нему. Разве вы еще не поняли того, что так и бросается в глаза?

— Дорогой Пуаро, весьма сожалею, но мне ничего не бросается. Мне казалось, я начал уже что-то понимать, но теперь безнадежно и окончательно

запутался. Ради бога, не томите меня, скажите, кто убил мосье Рено?

— Вот этого-то я и сам пока точно не знаю.

— Но вы же сказали, что это бросается в глаза!

— Мы говорим о разных вещах, мой друг. Не забывайте, мы расследуем два преступления, и, как я уже заметил однажды, мы имеем необходимые нам два трупа. Ну, ну, пе vous impatientez pas![109] Сейчас объясню. Для начала используем психологический подход. Рассмотрим три момента, когда обнаруживаются резкие перемены в характере и поступках мосье Рено, три переломных, с точки зрения психологии, момента. Первый имеет место сразу после того, как он поселился в Мерлинвиле, второй — после ссоры с сыном, третий — утром седьмого июня. Теперь о причинах. Момент номер один мы можем приписать встрече с мадам Добрэй, момент номер два тоже косвенно связан с ней, ибо касается брака мосье Рено-сына с ее дочерью. Момент номер три покрыт тайной, и нам предстоит проникнуть в нее, используя дедуктивный метод. А теперь, мой друг, позвольте мне задать вам один вопрос: кто, по-вашему, задумал это преступление?

---

[109] Примечания: 109
Не сердитесь! *(фр.)*

— Жорж Конно, — ответил я неуверенно, с опаской глядя на Пуаро.

— Совершенно верно. Помните, Жиро изрек как-то, что женщина наверняка солжет в трех случаях: во имя своего спасения, во имя спасения возлюбленного и во имя спасения ребенка. Мы согласились, что именно Жорж Конно навязал мадам Рено эту выдумку про иностранцев, однако Жорж Конно — это не Жак Рено, откуда следует, что третий случай исключается, первый — тоже, ибо мы приписываем преступление Жоржу Конно. Итак, мы вынуждены обратиться ко второму случаю — мадам Рено лгала ради спасения человека, которого она любила, иными словами, ради спасения Жоржа Конно. Вы согласны с этим?

— Да, — признался я. — Рассуждения весьма логичны.

— Bien! Мадам Рено любит Жоржа Конно. Кто же в таком случае Жорж Конно?

— Бродяга.

— Располагаем ли мы свидетельством того, что мадам Рено любила бродягу?

— Нет, но...

— Отлично. Не цепляйтесь за версии, которые не подтверждаются фактами. Лучше задайтесь вопросом, кого на самом деле любила мадам

Рено?

Я в полном замешательстве пожал плечами.

— Mais oui[110], вам же отлично это известно. Кого любила мадам Рено столь преданно, что упала без чувств, увидев его тело?

Я ошарашенно уставился на Пуаро.

— Своего мужа? — У меня челюсть отвисла от изумления.

Пуаро кивнул.

— Своего мужа или... Жоржа Конно, называйте его как хотите.

Я постарался взять себя в руки.

— Это невозможно.

— Отчего же? Ведь вы только что согласились, что мадам Добрей имела основание шантажировать Жоржа Конно?

— Да, но...

— И разве она не шантажировала мосье Рено, причем весьма успешно?

— Да, вероятно, так и было, но...

— Не забудьте, что мы ничего не знаем о мосье Рено, о его прошлом, о его юности. Ничего, кроме того, что двадцать два года назад вдруг появился некий француз канадского происхождения.

---

[110] Примечания: 110
Ну конечно *(фр.)*.

— Да. Все это так, — сказал я несколько более уверенно, — однако, сдается мне, вы упустили из виду одно вопиющее обстоятельство.

— Какое же, мой друг?

— Ну как же, мы сошлись на том, что это преступление задумал Жорж Конно. Стало быть, мы приходим к абсурдному выводу, что он задумал свое собственное убийство!

— Eh bien, топ ami, — безмятежно отозвался Пуаро. — Именно это он и сделал!

Глава 21
ПУАРО ИЗЛАГАЕТ СВОЮ ВЕРСИЮ

Неторопливо и размеренно начал Пуаро свое повествование:

— Вас удивляет, мой друг, что человеку пришлось задумать свое собственное убийство? Удивляет настолько, что вы готовы отвергнуть факт, сочтя его досужим вымыслом. А сами придумываете абсолютно неправдоподобную историю, столь далекую от реальной жизни, что ей место только в синематографе. Да, мосье Рено планировал собственную смерть, однако от вашего внимания, видимо, ускользнула одна немаловажная деталь — он вовсе не собирался умирать.

Я недоуменно покачал головой.

— Не удивляйтесь, на самом деле это проще простого, — улыбнулся Пуаро. — Для преступления, задуманного мосье Рено, убийца не нужен, а вот покойник, как я уже говорил, просто необходим. Давайте восстановим всю цепь событий на этот раз под другим углом зрения.

Жорж Конно бежит от правосудия в Канаду. Здесь он женится, под вымышленным именем,

разумеется, а потом наживает в Южной Америке огромное состояние. Однако ностальгия не оставляет его. Минуло двадцать лет, он неузнаваемо изменился. Кроме того, он стал столь богат и респектабелен, что никому и в голову не пришло бы заподозрить в нем преступника, некогда бежавшего от правосудия Конно решает вернуться в Европу, полагая, что ему уже ничто не угрожает. Он обосновывается в Англии, но лето решает провести во Франции. И тут невезение, а быть может, карающая десница слепой судьбы, порою настигающая грешника и воздающая ему за содеянное зло, приводит его в Мерлинвиль, где он встречает женщину, вероятно единственную во всей Франции, которая не может не узнать его. Разумеется, для мадам Добрэй он — золотоносная жила, и она не замедлила воспользоваться преимуществами своего положения. Мосье Рено беспомощен, он попадает в полную от нее зависимость. А она тянет и тянет из него деньги.

Потом случается то, что должно было случиться. Жак Рено, который чуть ли не каждый день видится с прелестной мадемуазель Мартой Добрэй, влюбляется в нее и хочет на ней жениться. Намерения сына приводят мосье Рено в ярость. Он готов любой ценой воспрепятствовать этому

бра-

ку. Жаку ничего не известно о прошлом его отца, но мадам Рено знает все. Это женщина с чрезвычайно сильным характером, страстно преданная своему мужу. Рено советуется с ней. Он видит только один выход — исчезнуть. Необходимо уверить всех, что он умер, бежать в другую страну и начать новую жизнь под другим именем. Мадам Рено, разыграв роль безутешной вдовы, спустя некоторое время вновь соединится с ним. Важно только, чтобы состояние осталось в ее руках, и мосье Рено изменяет завещание. Как они вначале собирались раздобыть покойника, не знаю — достать, например, у студентов скелет и придать ему вид сожженного трупа или придумать еще что-нибудь в этом роде, — но прежде, чем их план окончательно созрел, подвернулся случай, сыгравший им на руку. К ним в сад забрел какой-то грязный оборванец, наглый и бранчливый. Мосье Рено хотел вытолкать его вон, между ними завязалась борьба, и вдруг бродяга упал, сраженный припадком эпилепсии, и тут же скончался. Рено позвал жену, и они вдвоем затащили покойника в сарай, который, как мы знаем, находится неподалеку. Супруги понимают, что судьба подарила им редкую удачу. Бродяга, прав-

да, совсем не похож на Рено, однако внешность у него типичного француза и возраст тоже вполне подходящий. Этого достаточно.

Я будто вижу, как они сидят на скамейке у сарая, где их не могут услышать из дома, и обсуждают ситуацию. Тут же созрел план. Опознать тело должна только мадам Рено. Жака и шофера, который вот уже два года служил у них, нужно срочно куда-нибудь отослать. Служанки-француженки едва ли рискнут приблизиться к телу. Тем не менее Рено намеревался принять меры к тому, чтобы ввести в заблуждение тех, кто не будет особенно приглядываться к деталям. Мастерсу дали отпуск, а Жаку отправили телеграмму, причем специально упомянули Буэнос-Айрес, чтобы придать большую достоверность версии, сочиненной Рено. Видимо услышав от кого-то краем уха обо мне как о престарелом сыщике, не хватающем звезд с неба, Рено просит меня о помощи, понимая, что, когда я прибуду и предъявлю полученное мною письмо, это произведет на следователя сильное впечатление. Кстати, так и случилось.

Супруги одевают покойника в костюм мосье Рено, а рваную куртку и брюки, не решаясь нести в дом, прячут в сарае за дверью. Затем для под-

тверждения версии мадам Рено они вонзают в грудь бродяги кинжал из авиационной стали. Поздним вечером Рено должен был связать жену и заткнуть ей рот, потом вырыть могилу именно в том месте, где будет — как это у вас называется? — «препятствие». Очень важно, чтобы тело нашли — у мадам Добрэй не должно возникнуть никаких подозрений. С другой стороны, если покойник, пусть недолго, пролежит в земле, опасность того, что в нем опознают бродягу, значительно уменьшится. Зарыв могилу, Рено переоденется в лохмотья, заковыляет к станции и, никем не замеченный, уедет поездом в двенадцать десять. Так как следствие будет введено в заблуждение по поводу времени, когда совершилось преступление, на мосье Рено не падет никаких подозрений.

Понимаете теперь, как некстати появилась девушка, которую зовут Белла. Малейшая задержка могла оказаться роковой. Однако мосье Рено удалось быстро спровадить ее. Теперь за дело! Он оставляет парадную дверь приоткрытой, чтобы думали, что убийцы ушли через дверь. Потом связывает жену и затыкает ей рот. На этот раз он постарался не повторить ошибку, которую совершил двадцать два года назад: тогда он

слишком слабо затянул веревки и навлек тем самым подозрение на свою сообщницу. Однако версия, которую он сочинил в тот раз и которую так хорошо затвердила с его слов мадам Рено, по существу, не претерпела никаких изменений, что лишний раз доказывает, сколь стоек стереотип мышления. Ночь стоит прохладная, и он прямо на нижнее белье накидывает плащ, который собирается бросить в могилу вместе с покойником. Он вылезает в окно, тщательно разравнивает землю на клумбе — кстати, это одна из главных улик против него. Затем идет на пустынное поле для гольфа и принимается рыть могилу... И тут...

— Что?!

— И тут, — хмуро сказал Пуаро, — его настигает возмездие, которого ему так долго удавалось избегать. Таинственная рука наносит ему удар в спину... Теперь вы поняли, Гастингс, почему я все время говорю о двух преступлениях. Первое преступление, которое мосье Рено, в своей самоуверенности недооценив меня, рискнул предложить мне расследовать, можно считать, раскрыто. Однако за ним кроется еще одно, более загадочное преступление. И распутать его будет чрезвычайно трудно, ибо преступник — в сообразительности ему не откажешь! — ухитрился

воспользоваться тем, что было уже подготовлено самим мосье Рено. Вот в этом втором, невероятно запутанном, я бы сказал головоломном, деле еще предстоит разобраться.

— Потрясающе, Пуаро! — воскликнул я. — Вы просто неподражаемы. Уверен, то, что вы сделали, не по плечу ни одному сыщику на свете!

Думаю, мое восхищение польстило ему. Во всяком случае, мне показалось даже, что он смущен — чуть ли не впервые в жизни.

— Бедняга Жиро, — сказал он, стараясь — впрочем, без особого успеха — казаться скромным. — Правда, в тупости его не обвинишь. Просто ему сильно не повезло пару раз.

Например, черный волос на черенке ножа, с которым Жиро, мягко говоря, попал пальцем в небо.

— Признаться, Пуаро, я до сих пор не пойму, чей же это волос.

— Как чей? Ну конечно же, мадам Рено. Этот, казалось бы, пустяк сыграл с Жиро злую шутку. У мадам Рено были темные волосы с проседью, помните? И только потом она сразу вся поседела. Окажись на черенке ножа не черный, а седой волос, Жиро хоть из кожи вон лезь, не сумел бы убедить себя, что это волос с головы Жака Рено!

Ну и так далее... Факты, как всегда, подгоняются под готовую теорию.

— Не сомневаюсь, что мадам Рено, придя в себя, заговорит, — продолжал Пуаро. — Ей и в голову не приходило, что в убийстве могут обвинить ее сына. Ведь она была уверена, что он уже в море, на борту «Анзоры». Ah! Voila une femme![111] Гастингс! Какая воля, какое самообладание! Только однажды она допустила промах. Когда мосье Жак неожиданно вернулся, у нее вырвалось: «Впрочем, теперь уже все равно». Никто ничего не заметил, ее словам просто не придали значения. Какую страшную роль пришлось ей играть! Бедная женщина! Представьте себе, какой удар ее постиг, когда вместо бродяги она увидела бездыханное тело мужа, который, по ее представлениям, уже должен был быть далеко от Мерлинвиля. Неудивительно, что она потеряла сознание! А потом, сраженная горем и отчаянием, как самоотверженно играла она свою роль и какая мука, должно быть, терзала ее! Ради сына она не сказала ни слова, чтобы помочь нам напасть на след настоящих убийц. Никто не должен знать, что Поль Рено и преступник Жорж

---

[111] Примечания: 111
Да! Вот это женщина! *(фр.)*

Конно — одно и то же лицо. А какому тяжкому и горькому испытанию она подвергла себя, когда признала, что мадам Добрэй, возможно, была любовницей ее мужа. Ведь малейший намек на шантаж — и могла раскрыться страшная тайна. А как великолепно она держалась на следствии! Помните, мосье Отэ спрашивает, не омрачено ли прошлое ее мужа какой-нибудь тайной. А она отвечает: «Нет, мосье, ничего романтического, я уверена». Вы помните этот печально-снисходительный тон, эту чуть заметную насмешливую улыбку? Мосье Отэ даже стало неловко. Он понял, как глуп и неуместен его вопрос, как отдает он дешевой мелодрамой. Да, мадам Рено замечательная женщина! Правда, любила она преступника, но сколько истинного благородства было в этом чувстве!

Пуаро погрузился в размышления.

— Еще один вопрос, Пуаро. При чем здесь кусок свинцовой трубы?

— Не понимаете? Ведь надо было изуродовать лицо бродяги, чтобы никто не смог его опознать. Именно этот кусок трубы и натолкнул меня на размышления. А кретин Жиро его даже не заметил — он, видите ли, искал окурки! Помните, я сказал вам, что улика, будь она длиной в два

фута или в два дюйма, все равно улика? Однако, Гастингс, теперь мы должны начать все сначала. Кто убил мосье Рено? Неизвестный, который около полуночи находился неподалеку от виллы «Женевьева» и которому была выгодна смерть мосье Рено. Все как будто бы указывает на Жака Рено. Возможно, преступление не было задумано им заранее. А тут еще этот нож!

Вот это да! Как же я раньше не сообразил.

— Конечно, — начал я, — если второй нож, который нашли в теле бродяги, принадлежит мадам Рено, значит, их было два?

— Разумеется, притом они совершенно одинаковы, а это наводит на мысль, что оба ножа принадлежали Жаку Рено. Однако этим я не столь уж сильно озабочен. Есть у меня одна мыслишка. Нет, самое тяжкое обвинение против Жака Рено — кстати, тоже психологического свойства — это наследственность, топ ami, дурная наследственность! Не забывайте, Жак Рено — сын Жоржа Конно. А, как известно, яблочко от яблони недалеко падает.

Он произнес это так многозначительно и мрачно, что я невольно поддался его настроению.

— А что за мыслишка, о которой вы только что упомянули? — спросил я.

Вместо ответа Пуаро сверился со своими часами-луковицей:

— В котором часу отходит из Кале дневной пароход?

— Кажется, около пяти.

— Отлично. Мы как раз успеем.

— Мы едем в Англию?

— Да, мой друг.

— Зачем?

— В поисках некоего свидетеля.

— Кого же?

— Мисс Беллы Дьювин, — ответил Пуаро с загадочной улыбкой.

— Но как вы собираетесь искать ее? Что мы о ней знаем?

— Ничего, ровным счетом ничего, но у меня есть кое-какие соображения. Положим, ее имя действительно Дьювин. Мосье Стонору оно смутно знакомо, хотя, очевидно, не в связи с семейством Рено. Весьма вероятно, это имя какой-то актрисы. Жак Рено молод, ему всего двадцать лет, и у него куча денег. Очень возможно, что его первое пылкое увлечение связано именно с театром. Да и попытка мосье

Рено откупиться от девушки деньгами подтверждает эту догадку. Думаю, я сумею отыскать ее,

тем более с помощью вот этой штуки.

И он достал ту самую фотографию, которую нашел в комнате Жака Рено. В углу наискосок было нацарапано: «С любовью от Беллы». Однако не надпись приковала мое внимание: с фотографии на меня смотрело лицо, которое я узнал бы из тысячи, хотя сходство с оригиналом не было столь уж бесспорным. Я почувствовал холодную обморочную слабость, точно непоправимое несчастье вдруг обрушилось на меня.

Это была Сандрильона!

Глава 22
Я ВЛЮБЛЯЮСЬ

Некоторое время я сидел, будто громом пораженный, все еще держа в руке фотографию. Потом с показным равнодушием, для чего мне потребовалось собрать все свое мужество, я вернул ее Пуаро, украдкой бросив на него быстрый взгляд. Заметил ли он что-нибудь? Нет, к счастью, он, кажется, не смотрел в мою сторону. Похоже, потрясение, которое я испытал, ускользнуло от его внимания.

Он решительно поднялся на ноги.

— Не стоит терять время. Надо как можно скорее отправиться в путь. Погода нам благоприятствует, море будет спокойное!

В предотъездной суете у меня не было времени подумать, но на борту парохода, укрывшись от проницательного взгляда Пуаро, я взял себя в руки и постарался хладнокровно взглянуть фактам в лицо. Много ли известно Пуаро и почему он устремился на поиски этой девушки? Может быть, он подозревает, что она видела, как Жак Рено убил отца? А вдруг он подозревает... Нет, это

немыслимо. У нее не было причин ненавидеть старшего Рено, тем более желать его смерти. Что привело ее на место преступления? Я принялся в подробностях припоминать все, что случилось в минувшие четыре дня. Она сошла с поезда в Кале, где мы и расстались с ней в тот день. Неудивительно, что я не нашел ее на пароходе. Если она, скажем, пообедала в Кале, а потом отправилась поездом в Мерлинвиль, то должна была оказаться на вилле «Женевьева» как раз в то время, которое указала Франсуаза. Что она делала после того, как вышла из дома в начале одиннадцатого? По-видимому, пошла в гостиницу, а может быть, вернулась в Кале. А потом? Убийство было совершено в ночь на вторник. В четверг утром она снова оказалась в Мерлинвиле. А вообще, уезжала ли она из Франции? Очень сомневаюсь. Что ее здесь удерживало — надежда увидеть Жака Рено? Я ей сказал — мы тогда и сами так думали, — что он на пути в Буэнос-Айрес. Может быть, она уже знала, что «Анзора» не вышла в море. Но в таком случае она, должно быть, виделась с Жаком. Не эта ли мысль гонит Пуаро в Англию? Ведь могло случиться, что Жак Рено, вернувшись, чтобы повидаться с Мартой Добрэй, вместо этого столкнулся неожиданно с Беллой Дьювин, с кото-

рой он поступил столь бессердечно.

Кажется, что-то начинает проясняться. Если все на самом деле произошло именно так, то у Жака будет алиби, которое ему необходимо. Однако в таком случае трудно объяснить его молчание. Почему бы ему не рассказать все честно и откровенно? Может быть, он боится, что слух о его прежнем увлечении дойдет до ушей мадемуазель Марты? Однако я отверг эту мысль. Нет, довольно цинично рассудил я, едва ли эта юная француженка, у которой ни гроша за душой, отвергнет сына миллионера из-за какой-то пустячной полудетской интрижки. Даже гораздо более веские причины не заставили бы мадемуазель Марту Добрэй отказаться от Жака Рено, которого она столь преданно любит, что тоже не следовало сбрасывать со счетов.

Мы благополучно прибыли в Дувр, и Пуаро сошел с парохода оживленный, с довольной улыбкой на губах. Путешествие до Лондона тоже обошлось без приключений. Было уже начало десятого, и я полагал, что мы отправимся прямо домой, а утром примемся за дела. Однако Пуаро был настроен иначе.

— Нельзя терять времени, топ ami. Правда, сообщения об аресте молодого Рено, скорее всего,

появятся в газетах только послезавтра, тем не менее нам следует поспешить.

Я не очень понимал, к чему такая спешка, и только спросил, что он собирается предпринять, чтобы найти девушку.

— Помните Джозефа Ааронса, театрального антрепренера? Нет? Мне как-то пришлось помочь ему — дело касалось одного борца-японца. Так, пустяковое дельце, как-нибудь я расскажу вам. Уверен, что мистер Аароне укажет нам, с чего начать поиски.

Однако найти мистера Ааронса оказалось не так-то просто, и только уже за полночь наши усилия увенчались успехом. Он радушно приветствовал Пуаро и выразил искреннюю готовность всячески услужить нам.

— Что касается театра и актеров, то мало найдется такого, чего бы я не знал, — заверил он нас, добродушно улыбаясь.

— Eh bien[112] мосье Аароне, мне необходимо разыскать молодую девушку, которую зовут Белла Дьювин.

— Белла Дьювин... Это имя мне знакомо, но не могу сразу сообразить, где я слышал его. Она

---

[112] Примечания: 112
Здесь: ну, так вот *(фр.)*.

актриса? Чем она занимается?

— Этого я не знаю, но вот ее фотография.

Мистер Аароне с минуту внимательно разглядывал ее, потом лицо его просияло.

— Вспомнил! — хлопнул он себя по лбу. — Это же «Крошки Далси-Белла», ей-ей!

— «Крошки Далси-Белла»?

— Ну да. Сестры-акробатки, но они еще танцуют и поют. Дают премиленькое небольшое представление. Сейчас они, кажется, где-то на гастролях, если только не уехали отдыхать. Последние две-три недели они как будто выступали в Париже.

— Не могли бы вы точно узнать, где они сейчас?

— Нет ничего проще! Спокойно идите домой, а утром получите от меня ответ.

Заручившись этим обещанием, мы расстались с мистером Ааронсом. Как оказалось, слово у него не расходится с делом. Поутру, часов в одиннадцать, мы получили наспех нацарапанную записку:

«Сестры Далси-Белла выступают в «Палас», в Ковентри[113]. Желаю удачи».

Не медля ни минуты, мы кинулись в Ковентри.

---

[113] Примечания: 113

Ковентри — город в графстве Уоркшир в Центральной Англии.

Пуаро не стал наводить справки в театре. Он ограничился тем, что заказал кресла в партере на вечернее представление.

Зрелище показалось мне удручающе нудным. Возможно, в этом повинно было мое дурное настроение. Семейка японцев выделывала на канате рискованные трюки, какие-то джентльмены с претензией на светскость, в видавших виды фраках, с фатовски прилизанными волосами, безостановочно несли какую-то салонную чушь; танцевали они, впрочем, виртуозно. Потом вышла упитанная примадонна, обладательница столь высокого колоратурного сопрано, что оно почти выходило за пределы частот, воспринимаемых человеческим ухом. Комический актер, который силился подражать мистеру Джорджу Роуби[114], с блеском провалился.

Но вот наконец пришел черед «Крошек Далси-Белла». Сердце у меня бешено заколотилось. Да, это она, вернее, они, одна с соломенными волосами, другая — с черными, одинакового роста, обе в коротких пышных юбочках и блузках

[114] Примечания: 114

Джордж Роуби (1869—1954) — английский комический актер, выступавший не только в мюзик-холле, но и в театре и снимавшийся в кино.

с огромными a la Бастер Браун[115] бантами. Они выглядели весьма пикантно, эти две очаровательные девчушки. Вот они запели, голосишки у них оказались хоть и небольшие, но свежие, верные и очень приятные.

В общем, это было очень милое представление. Танцевали они довольно грациозно, а несложные акробатические трюки исполняли безукоризненно. Песенки были незамысловатые, но веселые и мелодичные. Словом, когда опустился занавес, сестер наградили дружными аплодисментами. Бесспорно, они пользовались успехом.

Внезапно я почувствовал, что больше не выдержу. На улицу, на свежий воздух! Я спросил Пуаро, не хочет ли он уйти.

— Нет, здесь довольно забавно. Я останусь до конца, а вы, мой друг, конечно же, ступайте. Увидимся позже.

Гостиница была в нескольких шагах от театра. Я поднялся в номер, заказал виски с содовой и сел, задумчиво потягивая его, уставившись в пустой камин. Услышав, как отворилась дерь, я обернулся, ожидая увидеть Пуаро, но тут же вскочил — в дверях стояла Сандрильона. Она заговорила

---

[115] Примечания: 115

Бастер Браун — мальчик, одетый в курточку с отложным воротником и большим бантом; герой американского детского комикса.

срывающимся голосом, едва переводя дыхание:

— Я видела вас в партере. Вас и вашего друга. Я ждала вас на улице и, когда вы вышли, пошла за вами. Почему вы здесь, в Ковентри? Что вы делали в театре? Этот ваш друг, он — детектив, да?

Плащ, накинутый поверх костюма, в котором она выступала, спустился с плеч. Лицо под гримом было совершенно белым, а в голосе звучал страх. Тут-то я наконец все понял — и почему Пуаро разыскивал ее, и почему она насмерть напугана, и почему у меня так отчаянно сжимается сердце...

— Да, — сказал я как можно мягче.

— Он что, ищет меня? — спросила она едва слышно.

Видя, что я медлю с ответом, она тихо скользнула на пол подле массивного кресла и разразилась горькими слезами.

Я стал на колени рядом с ней, обнял ее и отвел волосы, упавшие ей на лицо.

— Не плачьте, дитя мое, ради всего святого, не плачьте. Здесь вы в безопасности. Я охраню вас. Не плачьте, моя дорогая. Только не плачьте. Я знаю... Я знаю все.

— Ах нет, вы не можете знать всего!

— Поверьте, мне все известно.

Минуту спустя, когда ее бурные рыдания немного стихли, я спросил:

— Это ведь вы взяли нож, правда?

— Да.

— Для этого вы и хотели, чтобы я вам все показал? А потом притворились, что вам дурно?

Она снова кивнула.

— Зачем вам понадобился нож? — спросил я немного погодя.

— Боялась, что на нем могли остаться отпечатки пальцев, — ответила она простодушно, совсем по-детски.

— Но вы же были в перчатках, разве вы не помните?

Она тряхнула головой, недоуменно глядя на меня, точно мой вопрос поставил ее в тупик, и едва слышно спросила:

— Вы хотите выдать меня полиции?

— Господи боже мой! Нет, конечно.

Она устремила на меня долгий испытующий взгляд, а потом спросила так тихо, точно боялась произнести эти слова:

— Не выдадите? Но почему?

Вы скажете, наверное, что я выбрал не слишком подходящее место и время для объяснения в любви. Впрочем, бог свидетель, я и сам представить

себе не мог, что любовь настигнет меня в столь странных обстоятельствах. Я произнес те слова, которые подсказывало мне чувство:

— Потому что я люблю вас.

Она поникла головою, словно смутившись, и срывающимся голосом прошептала:

— Нет, вы не можете... не можете... если бы вы знали...

Потом, будто собравшись с духом, она посмотрела мне прямо в глаза и спросила:

— Так что же вам известно?

— Мне известно, что в тот вечер вы пришли, чтобы поговорить с мосье Рено. Он предложил вам деньги, но вы гневно порвали чек. Потом вы вышли из дома... — Я помедлил.

— Ну, вышла, а дальше?

— Не знаю, было ли вам точно известно, что Жак Рено приедет в Мерлинвиль в тот вечер, или вы просто надеялись, что вам повезет и вы увидитесь с ним, но только вы бродили где-то поблизости от виллы. Возможно, вы чувствовали себя столь несчастной, что шли куда глаза глядят, но, во всяком случае, около полуночи вы были поблизости от дома, и вы увидели на поле для гольфа мужчину...

Я снова умолк. Не успела она сегодня пере-

ступить порог моей комнаты, как в каком-то мгновенном озарении мне вдруг явилась истина, и сейчас я представлял себе все, что произошло тогда, так четко, будто видел все собственными глазами. В этой картине все встало на место — и плащ на мертвом мосье Рено, и поразившее меня сходство мосье Жака с отцом: когда он ворвался в гостиную, мне на мгновенье показалось, что покойник ожил.

— Продолжайте же, — настойчиво требовала Сандрильона.

— Вероятно, он стоял спиной к вам, но вы узнали его, вернее, вы думали, что узнали Жака Рено. Походка, осанка, посадка головы, даже плащ — все было так хорошо знакомо вам.

Я помедлил минуту.

— В одном из писем к Жаку Рено вы грозили ему местью. Когда вы увидели его, вы потеряли голову от гнева и ревности... и ударили его ножом! Вы не хотели убивать его, я ни секунды в этом не сомневаюсь. Но вы его убили, Сандрильона.

Она закрыла лицо руками и сдавленным голосом прошептала:

— Вы правы... правы... У меня все это будто стоит перед глазами...

Потом она вскинула голову и выкрикнула рез-

ко, почти гневно:

— И вы любите меня? Разве можно любить меня теперь, когда вы все знаете?

— Не знаю, — устало вздохнул я. — Наверное, с любовью ничего уж не поделаешь. Я пробовал противиться ей с того самого первого раза, как увидел вас, но чувство оказалось сильнее меня.

И тут вдруг, когда я меньше всего ожидал, с ней снова началась истерика. Она бросилась на пол и отчаянно зарыдала.

— О нет! Нет! Я не вынесу этого! — кричала она. — Что мне делать! Я не знаю! Не знаю! О горе мне! Хоть бы кто-нибудь научил, что мне теперь делать!

Я снова опустился на колени рядом с ней, стараясь как мог успокоить ее.

— Не бойтесь меня, Белла. Ради бога, не бойтесь. Я люблю вас, но, поверьте, моя любовь ни к чему вас не обязывает. Позвольте только помочь вам. Любите его, если хотите, но позвольте мне помочь вам, раз он этого не может.

Мои слова произвели на нее неожиданное действие — она точно окаменела. Потом отвела руки от лица и уставилась на меня.

— Так вы думаете, что я?.. — шепотом проговорила она. — Вы думаете, что я люблю Жака Рено?

И тут она, улыбаясь сквозь слезы, порывисто обвила мою шею руками и прижалась ко мне нежной мокрой щекой.

— Вас я люблю несравненно сильнее, — шептала она. — Его я никогда так не любила!

Она коснулась губами моей щеки, потом моих губ... Она целовала меня так нежно, так горячо... Ее порыв был столь неистов и неожидан, столь непосредствен и искренен, что, проживи я хоть целую вечность, этой минуты мне не забыть никогда!

В этот момент дверь скрипнула, мы обернулись — на пороге стоял Пуаро и молча смотрел на нас.

Я не колебался ни секунды. Одним прыжком я преодолел расстояние, разделяющее нас, и сжал его мертвой хваткой так, что он не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой.

— Скорей! — крикнул я девушке. — Бегите! Бегите же! Я задержу его!

Бросив мне прощальный взгляд, она скользнула мимо нас и пустилась наутек. А я держал Пуаро в своих железных объятиях.

— Mon ami, — заметил Пуаро кротко, — вот уж в чем вам не откажешь, так это в физической силе. Стоит такому молодцу, как вы, зажать меня стальной хваткой, и я беспомощен, как ребенок.

Однако согласитесь, беседовать в таком положении крайне затруднительно. Да и вообще все это просто смешно. Давайте сядем и спокойно поговорим.

— А вы не погонитесь за ней?

— Mon Dieu! Конечно, нет. Ведь я не Жиро. Сделайте милость, освободите меня.

Я не спускал с него подозрительного взгляда, отлично понимая, что не могу тягаться с ним в хитрости и проницательности, но хватку все же ослабил, и он опустился в кресло, заботливо ощупывая свои руки.

— Ну и силища у вас, Гастингс, точно у разъяренного быка, право! Eh bien, не кажется ли вам, что вы дурно обошлись со своим старым другом, а? Я показываю вам фотографию, вы узнаете вашу знакомую, а мне — ни слова.

— Какая в этом нужда, если вы сами все поняли? — с горечью сказал я.

Конечно, Пуаро сразу догадался, что я узнал на фотографии Беллу! Никогда мне не удавалось его провести!

— О-ля-ля! Вы же не знали, что я догадался. Ну хорошо, а сегодня вы помогли ей сбежать. И это после того, как мы с таким трудом нашли ее. Eh bien! Решайте, Гастингс, вы по-прежнему заодно

со мной или теперь уже против меня?

Минуту-две я медлил с ответом. Порвать со старым другом? Это было бы ужасно. Однако сейчас я обязан решительно воспротивиться его намерениям. Простит ли он мне когда-нибудь мое предательство? Пока он хранит удивительное спокойствие, но я-то знаю, какая невероятная у него выдержка.

— Пуаро, — начал я, — простите меня. Вы правы, я дурно поступил с вами. Но порой у человека просто нет выбора. Что же касается дальнейшего, то мне придется вести свою собственную линию.

Пуаро слушал меня, кивая головой.

— Понимаю, — сказал он.

Насмешливый огонек, который светился в его взгляде, внезапно угас, и он заговорил с неожиданной добротой и искренностью:

— Кажется, вы влюбились, мой друг, а? Правда, видимо, вы совсем иначе представляли себе это чувство. Ваше воображение, наверное, рисовало вам любовь как сплошное ликование. Но трагедия и смерть омрачили ваше чувство. Да-да, я ведь предупреждал вас. Когда я понял, что нож взяла эта девушка, я вас предупредил. Вы, вероятно, помните. Но, видимо, было уже слишком поздно. Однако скажите же мне, что вы узнали у

мисс Дьювин?

И я ответил, глядя прямо ему в глаза:

— Можете говорить что угодно, Пуаро, меня ничего не удивит. Учтите это. И если вы намерены снова пуститься на поиски мисс Дьювин, мне хотелось бы, чтобы вы знали: она не замешана в этом преступлении, и таинственная незнакомка, посетившая мосье Рено в вечер убийства, вовсе не мисс Дьювин. В тот самый день я возвращался из Франции вместе с нею, и мы вечером расстались на вокзале Виктория, так что она никак не могла быть той ночью в Мерлинвиле.

— Ну-ну... — сказал Пуаро, задумчиво глядя на меня. — И вы могли бы подтвердить это в суде под присягой?

— Да, мог бы.

Пуаро встал и отвесил мне низкий поклон.

— Mon ami! Vive I'amour![116] Она творит чудеса. Решительно заявляю: ваша версия — чудо изобретательности. И я, Эркюль Пуаро, склоняю перед вами голову.

---

[116] Примечания: 116
Да здравствует любовь! *(фр.)*

Глава 23
НОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Момент высшего душевного подъема неизбежно сменяется некоторой подавленностью. Спать я лег с сознанием одержанной победы. Пробуждение мое, однако, было не столь безоблачным — я вдруг ясно осознал, с какими трудностями предстоит мне столкнуться в скором будущем. Правда, мое внезапное озарение, кажется, обеспечивало Белле безупречное алиби. Нужно только твердо стоять на своем, и тогда пусть кто-нибудь попробует обвинить ее.

Тем не менее я чувствовал, что должен быть начеку. Пуаро не из тех, кто легко сдает свои позиции. Так или иначе, он приложит все усилия, чтобы взять верх, причем сделает это с присущей ему ловкостью и именно в тот момент, когда я меньше всего этого ожидаю. Утром мы встретились с ним за завтраком как ни в чем не бывало. Мой друг, очевидно, пребывал в самом благодушном настроении, однако я заметил в его поведении некоторую сдержанность. Это было что-то новое. Я сообщил ему, что намерен после

завтрака отправиться на прогулку. Коварный огонек мелькнул в глазах Пуаро.

— Если вы хотите разузнать что-либо, то не стоит утруждать себя. Я могу снабдить вас исчерпывающей информацией. «Крошки Далси-Белла» расторгли контракт и отбыли в неизвестном направлении.

— Вы знаете это наверное, Пуаро?

— Можете на меня положиться, Гастингс. Первое, что я сделал сегодня утром, — так это навел справки. В конце концов, чего еще вы ожидали?

И впрямь, учитывая все обстоятельства, ничего другого предполагать не приходилось. Сандрильона воспользовалась той возможностью, которую я ей предоставил, и, конечно же, поспешила ускользнуть от своего преследователя. Собственно, именно этого я и добивался. Тем не менее я сознавал, что вокруг меня смыкается кольцо новых трудностей.

Я был лишен всякой возможности сообщаться с Беллой, а ведь ей крайне важно было знать, какая спасительная для нее мысль так счастливо пришла мне в голову и как я собираюсь теперь воздвигать оборонительный рубеж. Разумеется, она могла бы попытаться послать мне весточку, но, видимо, это маловероятно. Ведь она пони-

мает, что такой шаг крайне рискован — Пуаро может перехватить письмо и снова напасть на ее след. Единственное, что ей остается сейчас, — это бесследно исчезнуть.

Однако чем же заняты мысли Пуаро? Я испытующе всматривался в него. А он с невинным видом рассеянно глядел куда-то в пространство. Но уж слишком безмятежный, слишком безразличный вид был у него, и это настораживало меня. Я знал по опыту — чем простодушнее выглядел Пуаро, тем более опасные для его противников планы зрели у него в голове. Его подчеркнутое спокойствие вызывало во мне тревогу. Заметив мой обеспокоенный взгляд, он добродушно улыбнулся.

— Кажется, вы озадачены, Гастингс? Вероятно, вас удивляет, что я не кинулся в погоню за мисс Дьювин?

— Ну, в общем, да.

— Будь вы на моем месте, вы бы, конечно, именно это и сделали. И я вас понимаю. Однако я не из тех, кто мечется туда-сюда и ищет иголку в стоге сена, как говорят у вас в Англии. Нет уж, гоняться за мадемуазель Беллой Дьювин я не намерен. Никуда она от меня не денется, когда надо будет, найду. А пока можно и подождать.

Я недоверчиво смотрел на него. А что, если он старается усыпить мою бдительность? И все-таки даже сейчас он остается хозяином положения, раздраженно думал я. Чувство превосходства, которое зародилось было во мне по отношению к моему другу, понемногу улетучивалось. Правда, мне удалось помочь Белле бежать. К тому же я придумал блестящий ход, обеспечивающий ей неопровержимое алиби, однако тревожные мысли не давали мне покоя. Подчеркнутая невозмутимость Пуаро рождала в моей душе дурные предчувствия.

— Вероятно, — начал я робко, — мне не следует интересоваться вашими планами? Я ведь утратил это право.

— Ничуть не бывало. Я не скрываю своих намерений. Мы немедленно возвращаемся во Францию.

— Мы?

— Я не оговорился, именно мы! Вы ведь не захотите выпустить папашу Пуаро из поля зрения, правда? Или я ошибаюсь, мой друг? Разумеется, вы можете остаться в Англии, если пожелаете...

Остаться? Ну уж нет! Он попал, как говорится, не в бровь, а в глаз. Действительно, я не должен упускать его из виду. Уж если я теперь не могу

рассчитывать на его доверие, то хотя бы должен следить за его действиями. Единственный, кто мог быть опасен для Беллы, так это Пуаро. Ни Жиро, ни французская полиция не интересовались ею. Стало быть, я не должен спускать с него глаз, чего бы мне это ни стоило.

Пуаро внимательно наблюдал за мной, видимо прекрасно понимая ход моих мыслей, потом удовлетворенно кивнул.

— Ну, как, разве я не прав? Вы ведь все равно будете следить за мной, да еще устроите, упаси боже, какой-нибудь глупый маскарад — с вас станется! — наклеите бороду, например, причем за версту будет видно, что она фальшивая. Меня бы крайне огорчило, если бы над вами стали потешаться. Потому я предпочитаю, чтобы мы поехали во Францию вместе.

— Пожалуй, я не прочь. Но я хочу честно предупредить вас...

— Знаю-знаю: вы — мой противник. Ладно, согласен. Это меня нимало не тревожит.

— Если все будет честно и благородно, я не прочь.

— Ох уж эти англичане с их «честной игрой»! Ну хорошо, теперь ваша щепетильность удовлетворена и мы можем не медля отправиться

в путь. Времени терять нельзя. В Англию мы съездили не зря, я вполне удовлетворен — узнал все, что хотел.

Говорил Пуаро самым беззаботным тоном, однако мне послышалась в его словах скрытая угроза.

— И все же... — начал я и запнулся.

— Что «все же»? Вы ведь довольны ролью, которую играете теперь, так ведь? Ну а я — мне предстоит заняться Жаком Рено.

Жак Рено! Я содрогнулся, когда Пуаро произнес это имя. Я совсем забыл о нем. Жак Рено, томящийся в тюрьме. Жак Рено, над которым нависла тень гильотины. Моя роль в его судьбе предстала во всем ее зловещем свете. Я могу спасти Беллу, да, но какой ценою? Обрекая на смерть ни в чем не повинного юношу!

Я с ужасом отогнал от себя страшную мысль. Этого нельзя допустить. Жак Рено должен быть оправдан. Разумеется, его оправдают! Однако леденящий ужас вновь охватил меня. А если не оправдают? Что тогда? Могу ли я взять такой грех на душу? Какая страшная мысль! Неужели дойдет до этого? Неужели мне придется выбирать — Белла или Жак Рено? Сердце побуждало меня спасать девушку, которую я люблю, чего бы мне

это ни стоило. Но ведь цена — чужая жизнь, а это меняет дело.

А что скажет сама Белла? Я вспомнил, что в разговоре с ней ни словом не обмолвился об аресте Жака Рено. Она еще не знает, что ее бывший возлюбленный в тюрьме и обвиняется в жесточайшем преступлении, которого не совершал. Как она поведет себя, когда ей все станет известно? Пожелает ли спасти себя ценою его жизни? Конечно, она не должна совершать безрассудных поступков. Возможно, и даже наверное, Жака Рено оправдают и без ее участия. Ах, хорошо бы! А если нет? Ужасный вопрос, на который невозможно дать ответ. Но ведь Сандрильоне не грозит самое страшное наказание. У нее же совсем иные мотивы преступления. Она могла совершить его в порыве ревности, не владея собой. Ее юность и красота, конечно, тронут присяжных. Правда, пострадал не Жак Рено, а его отец, однако мотивы убийства от этого не меняются. Но в любом случае, сколь бы снисходителен ни был приговор суда, долгого тюремного заключения ей не миновать.

Нет, необходимо защитить Беллу. И в то же время спасти Жака Рено. Я плохо представлял себе, как это сделать, и все свои надежды возлагал на

Пуаро. Уж он-то знает. Так или иначе, он сумеет спасти ни в чем не повинного юношу. Он должен найти какую-нибудь зацепку. Вероятно, это будет нелегко, но Пуаро справится с этим. И Белла останется вне подозрений, и Жака Рено оправдают, как-нибудь все уладится.

Снова и снова успокаивал я себя, но в глубине моей души таился страх.

Глава 24
«СПАСИТЕ ЕГО!»

Вечерним рейсом мы отплыли из Англии, и утро следующего дня застало нас в Сен-Омере, куда был отправлен Жак Рено. Не теряя времени, Пуаро разыскал мосье Отэ. Мой друг не имел ничего против моего присутствия, и я составил ему компанию.

После долгих и утомительных переговоров нас проводили в кабинет следователя, который весьма сердечно нас приветствовал.

— А мне говорили, что вы вернулись в Англию, мосье Пуаро. Признаться, рад, что слух оказался ошибочным.

— Но я действительно был там, мосье Отэ, правда, совсем недолго. Некий второстепенный вопрос, однако, полагаю, заслуживающий внимания.

— В самом деле?..

Пуаро пожал плечами. Мосье Отэ, вздохнув, покачал головой.

— Боюсь, нам придется покориться неизбежному. Этот каналья Жиро — какие у него, однако,

отвратительные манеры! — без сомнения, способный сыщик. Такие редко ошибаются.

— Вы так думаете?

Следователь, в свою очередь, пожал плечами.

— Ну, честно говоря, — между нами, разумеется, — можно ли прийти к иному заключению?

— Если честно, на мой взгляд, в версии Жиро есть много темных мест.

— Например?

Однако Пуаро предпочел не вдаваться в подробности.

— Я пока еще не готов назвать что-либо определенное, — ответил он уклончиво. — Могу лишь высказать некоторые общие соображения. Молодой Рено мне симпатичен, и я просто не могу поверить, что он виновен в этом ужасном преступлении. Кстати, сам он говорит что-нибудь?

Следователь нахмурился.

— Не понимаю его. Похоже, он совсем не способен защитить себя. Невероятно трудно заставить его отвечать на вопросы Он отрицает свою вину, и все, а в остальном замыкается в упорном молчании. Завтра я снова буду его допрашивать. Может быть, вы пожелаете присутствовать?

Мы с готовностью приняли приглашение мосье Отэ.

— Какая трагедия, — вздохнул следователь. — Я так сочувствую мадам Рено.

— Каково сейчас ее состояние?

— Она еще не приходила в сознание. Но для нее это благо — она избавлена от лишних страданий. Доктора говорят, что опасность миновала, но, когда она придет в себя, ей необходим будет полный покой. Насколько я понимаю, ее теперешнее состояние вызвано не только падением, но и нервным шоком. Если она повредится в уме, будет просто ужасно. Но я бы тому, право, нисколько не удивился.

Мосье Отэ откинулся в кресле, покачивая головой с видом скорбного удовлетворения, — самые мрачные его предчувствия оправдывались.

Наконец он очнулся и, спохватившись, сказал:

— Совсем забыл! У меня ведь письмо для вас, мосье Пуаро. Сейчас... Куда же я его засунул?

Он принялся рыться в своих бумагах. Найдя наконец послание, протянул его Пуаро.

— Оно было адресовано мне, с тем чтобы я передал его вам, — объяснил мосье Отэ. — Но вы не оставили своего адреса.

Пуаро с любопытством осмотрел конверт. Адрес был написан наклонным размашистым почерком, явно женским. Вскрывать письмо Пуаро не

стал, он сунул его в карман и поднялся.

— Ну что ж, до завтра, мосье Отэ. Сердечно признателен за вашу любезность и дружеское расположение.

— Не стоит благодарности. Всегда к вашим услугам.

При выходе мы нос к носу столкнулись с мосье Жиро, еще более щеголеватым, чем обычно, и источающим самодовольство.

— А! Мосье Пуаро, — развязно бросил он. — Уже вернулись из Англии?

— Как видите, — ответил Пуаро.

— По-моему, дело идет к концу.

— Согласен с вами, мосье Жиро.

Удрученный вид Пуаро, его сдержанные ответы, казалось, доставляли Жиро необычайное удовольствие.

— Ну и тип этот Рено! Не могу его понять! Даже защищаться не хочет. Поразительно!

— И это заставляет призадуматься, а? — кротко заметил Пуаро.

Жиро, однако, и не думал прислушаться к словам моего друга. Легкомысленно поигрывая тростью, он небрежно бросил:

— Ну что ж, всего хорошего, мосье Пуаро. Рад за вас. Наконец-то вы убедились, что молодой

Рено виновен.

— Pardon! Ничуть не бывало! Жак Рено невиновен. Жиро изумленно застыл, а потом разразился смехом и бросил, многозначительно постучав себя по лбу:

— Чокнутый!

Пуаро выпрямился, в глазах его вспыхнул опасный огонек.

— Мосье Жиро, вы все время позволяете себе оскорбительные замечания на мой счет. Придется вас проучить. Готов держать пари на пятьсот франков, что найду убийцу мосье Рено прежде вас. Согласны?

Жиро удивленно уставился на него и снова пробормотал:

— Чокнутый!

— Ну как, — гнул свое Пуаро, — согласны?

— Не желаю даром брать ваши деньги.

— Будьте покойны — вы их не получите!

— Ладно, согласен! Вас, говорят, шокируют мои манеры, ну так ваши тоже сидят у меня в печенках!

— Счастлив слышать, — сказал Пуаро. — Прощайте, мосье Жиро. Пойдемте, Гастингс.

Мы молча шли по улице. На сердце у меня было тяжело. Пуаро слишком ясно дал понять, что

он намерен делать, и я больше, чем когда-либо, сомневался, удастся ли мне спасти Беллу. Эта злосчастная стычка с Жиро привела его в раздражение, и теперь он будет из кожи вон лезть, чтобы взять верх над заносчивым малым.

Неожиданно я почувствовал чью-то руку у себя на плече и, обернувшись, увидел Габриеля Стонора. Мы остановились и раскланялись с ним. Он вызвался проводить нас до гостиницы.

— Что вы здесь делаете, мосье Стонор? — спросил Пуаро.

— Недостойно бросать друзей в беде, — сдержанно ответил тот. — Особенно если их обвиняют напрасно.

— Значит, вы не верите, что Жак Рено виновен? — спросил я с надеждой.

— Разумеется, нет. Я хорошо знаю мальчика. Признаюсь, в этом деле кое-что ставит меня в тупик, но тем не менее никогда не поверю, что Жак Рено убийца, хотя ведет он себя очень глупо.

Я тотчас проникся самыми теплыми чувствами к этому человеку. Его слова снимали непосильное бремя, тяготившее мою душу.

— Не сомневаюсь, что многие думают так же, как вы! — воскликнул я горячо. — Ведь против Жака Рено почти нет улик. Его оправдают, ни-

сколько не сомневаюсь в этом.

Однако Стонор ответил совсем не то, что я так жаждал услышать.

— Я бы многое отдал, чтобы разделить вашу уверенность, — мрачно сказал он и обратился к Пуаро- — А каково ваше мнение, мосье?

— Думаю, что обстоятельства складываются весьма и весьма неблагоприятно для мосье Жака, — ответил Пуаро спокойно.

— Вы считаете его виновным? — живо спросил Стонор.

— Нет. Просто думаю, ему нелегко будет доказать свою невиновность.

— Почему, черт побери, он так странно ведет себя... — пробормотал Стонор. — Понятно, дело это гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. Жиро в нем не разобраться — не его стихия... И все же чертовски странное дело! И тут чем меньше слов, тем лучше. Если мадам Рено хочет что-то скрыть, я ее поддержу. Дело в первую очередь касается именно ее, а я слишком уважаю ее суждения и не собираюсь вмешиваться в ее дела. Но поведение Жака я не могу одобрить. Порой кажется, он хочет, чтобы его считали виновным.

— Но это же нелепость! — вмешался я. — Во-первых, нож... — Тут я умолк, ибо не знал, как

примет Пуаро мои откровения. Но потом все же продолжил, осторожно выбирая слова: — Мы ведь знаем, что в тот вечер у Жака Рено не было при себе этого ножа. Мадам Рено может подтвердить.

— Конечно, — сказал Стонор. — Когда она придет в себя, то, без сомнения, расскажет и об этом, и о многом другом. Ну что ж, мне пора.

— Одну минуту. — Пуаро жестом остановил его. — Не могли бы вы известить меня, как только к мадам Рено вернется сознание?

— Разумеется. Нет ничего проще.

— По-моему, довод, касающийся ножа, довольно убедителен, — снова заговорил я, когда мы поднимались наверх. — Я не стал говорить в открытую при Стоноре.

— И правильно сделали. Лучше помалкивать до поры до времени Но относительно ножа должен вас огорчить — вряд ли этот довод поможет Жаку Рено. В то утро, когда мы уезжали из Лондона, я на час отлучился, помните?

— И что же?

— Ну так вот, я разыскивал мастерскую, где Жак Рено заказывал ножи. Это оказалось нетрудно. Eh bien, Гастингс, они сделали по его заказу не два ножа, а три.

— Значит...

— Значит, один был подарен мадам Рено, другой — Белле Дьювин, а третий Жак оставил себе. Боюсь, Гастингс, эта история с ножами не поможет нам спасти Жака Рено от гильотины.

— Нет, до этого не дойдет! — вскричал я испуганно.

Пуаро с сомнением покачал головой.

— Вы его спасете! — уверенно воскликнул я.

Пуаро бесстрастно посмотрел на меня.

— Вы же сами лишили меня этой возможности, мой друг.

— Но должен же быть и какой-то другой выход, — пробормотал я.

— Черт побери! Вы хотите, чтобы я сотворил чудо. Хватит, довольно об этом. Давайте лучше посмотрим, что там в письме.

С этими словами он вытянул из кармана пиджака конверт.

По мере того как он читал, лицо его все мрачнело. Потом он протянул тоненький листок мне:

— Вот еще одна женщина, сраженная горем!

Почерк был неразборчивый, видно, писали в страшном волнении.

«Дорогой мосье Пуаро!
Если это письмо дойдет до Вас, умоляю

прийти на помощь. Мне не к кому больше обратиться. Жака надо спасти во что бы то ни стало. На коленях умоляю Вас помочь нам.

Марта Добрэй».

Глубоко взволнованный, я вернул ему записку.

— Вы поедете?

— Немедленно. Надо заказать автомобиль.

Не прошло и получаса, как мы завидели виллу «Маргерит». Марта вышла встретить нас и повела в дом, вцепившись обеими руками в руку Пуаро.

— Ах, наконец-то вы приехали... Как вы добры! Я просто в отчаянии, не знаю, что и делать. Меня даже не пускают к нему в тюрьму. Я так страдаю. Просто с ума схожу. Они говорят, что он не отрицает своей вины. Это правда? Но ведь это безумие, не может быть! Он не мог убить отца. Никогда этому не поверю.

— Я тоже не верю в это, мадемуазель, — мягко сказал Пуаро.

— Тогда почему он ничего не говорит? Не понимаю!

— Возможно, он выгораживает кого-то, — заметил Пуаро, пристально глядя на девушку.

Марта нахмурилась.

— Выгораживает? Вы думаете, свою мать? Ах, я с самого начала подозревала ее. Кто наследует все огромное состояние? Она. Ей ничего не стоит, облачившись в траур, лицемерно разыграть неутешное горе. Говорят, когда Жака арестовали, она упала, вот так!

И Марта, закатив глаза, сделала вид, что теряет сознание.

— Уверена, мосье Стонор, секретарь, помог ей. Они давно спелись, эта парочка. Правда, она старше его, но какой мужчина посмотрит на это, если женщина так богата!

В ее тоне слышалось ожесточение.

— Но Стонор был в Англии, — заметил я.

— Это он так говорит, а что было на самом деле?

— Мадемуазель, — терпеливо начал Пуаро, — если мы беремся помогать друг другу, мы должны быть искренни. Во-первых, я хотел бы задать вам один вопрос.

— Да, мосье?

— Известна ли вам настоящая фамилия вашей матери?

Марта с минуту смотрела на него в оцепенении, потом, уронив голову на руки, разразилась слезами.

— Ну-ну, — сказал Пуаро, касаясь ее плеча. — Успокойтесь, дитя мое. Вижу, вы все знаете. А теперь второй вопрос: известно ли вам, кто такой был мосье Рено?

— Мосье Рено? — Она отняла руки от лица и недоуменно посмотрела на Пуаро.

— А! Этого, кажется, вы не знаете. А теперь выслушайте меня внимательно.

И он принялся рассказывать ей, как рассказывал мне в день нашего отъезда в Англию. Марта слушала затаив дыхание. Когда он умолк, она глубоко вздохнула.

— Удивительно... великолепно! Вы самый великий сыщик в мире!

И с чисто французским пристрастием к театральным эффектам она живо соскользнула с кресла и опустилась перед ним на колени.

— Спасите его, мосье! — воскликнула она. — Я так люблю его! О! Спасите его, спасите!

Глава 25
НЕОЖИДАННАЯ РАЗВЯЗКА

Наутро мы присутствовали при допросе Жака Рено. Я был поражен, как сильно он изменился за такое короткое время. Щеки у него ввалились, под глазами легли глубокие темные круги, лицо было осунувшееся и изможденное. Казалось, он не спал несколько ночей подряд. При виде нас он не проявил никакого интереса.

— Рено, — начал следователь, — вы отрицаете, что были в Мерлинвиле в ночь, когда было совершено убийство?

Жак поначалу ничего не ответил, потом забормотал с жалким и растерянным видом:

— Я... я... уже говорил вам, что был в... Шербуре.

Следователь нетерпеливо обернулся:

— Введите свидетелей.

В тот же миг двери отворились и вошел человек, в котором я узнал носильщика Мерлинвильского вокзала.

— Вы дежурили в ночь на седьмое июня?

— Да, мосье.

— Вы видели, как прибыл поезд в одиннадцать

часов сорок минут?

— Да, мосье.

— Посмотрите на арестованного. Узнаете ли вы в нем одного из пассажиров, высадившихся из этого поезда?

— Да, мосье.

— Не ошибаетесь ли вы?

— Нет, мосье. Я хорошо знаю мосье Жака Рено.

— Не путаете ли вы дату?

— Нет, мосье. Ведь на следующее утро, восьмого июня, мы узнали об убийстве.

Потом ввели еще одного станционного служащего, который подтвердил показания носильщика. Следователь снова обратился к Жаку Рено:

— Эти люди без колебаний опознали вас. Что вы можете сказать?

Жак пожал плечами.

— Ничего.

— Рено, — продолжал следователь, — узнаете ли вы это?

Мосье Отэ взял что-то со стола и протянул арестованному. Я вздрогнул — это был хорошо знакомый мне нож.

— Извините! — воскликнул адвокат Жака, мэтр Гро-сье. — Я требую, чтобы мне дали возможность поговорить с моим подзащитным, прежде чем он

ответит на этот вопрос

Однако Жак Рено не обратил ни малейшего внимания на протест мэтра Гросье.

— Конечно, узнаю. Этот нож я подарил матушке в память о войне.

— Не скажете ли вы, имеется ли второй такой нож?

Мэтр Гросье снова хотел было разразиться тирадой, но

Жак даже не взглянул на него.

— Насколько мне известно, нет. Форму его я придумал сам.

Тут даже у следователя челюсть отвисла. Казалось, Жак сам рвется навстречу смерти. Я понимал, разумеется, что для него сейчас самое важное — ради безопасности Беллы скрыть, что есть второй такой нож. Покуда считается, что в деле фигурирует только один нож, на девушку едва ли падет подозрение. Он рыцарски защищал женщину, которую любил прежде. Но какой ценой! Тут только я понял, сколь легкомысленно поступил, поставив Пуаро перед почти неразрешимой задачей. Как можно снять подозрения с Жака Рено, не открыв всей правды?

Мосье Отэ снова заговорил, на этот раз с особенной язвительностью:

— Мадам Рено показала, что в тот вечер, когда было совершено преступление, этот нож лежал у нее на ночном столике. Но мадам Рено — мать! Думаю, вас не удивит, если я сочту весьма вероятным, что мадам Рено ошиблась и что, может быть, случайно вы прихватили нож с собой, когда уезжали в Париж. Не сомневаюсь, что вы попытаетесь мне возразить...

Я заметил, как у Жака судорожно сжались кулаки закованных в наручники рук. На лбу у него выступили капли пота, и он, сделав над собой страшное усилие, хрипло выдавил:

— Я не стану вам возражать. Это могло быть и так.

Все присутствующие оцепенели. Мэтр Гросье вскочил с места:

— Мой подзащитный перенес нервный шок! Я считаю, что он не способен отвечать за свои слова. Прошу зафиксировать...

Следователь раздраженно прервал его. На миг мне показалось, что и он сомневается, в своем ли уме арестованный. Да, Жак Рено явно обрекал себя на гибель. Мосье Отэ подался вперед и впился в него испытующим взглядом.

— Вполне ли вы понимаете, Рено, что на основании ваших ответов мне не остается ничего, как

только предать вас суду?

Бледное лицо Жака вспыхнуло, но он твердо выдержал взгляд следователя.

— Мосье Отэ, клянусь, я не убивал отца.

Однако сомнения, овладевшие было мосье Отэ, уже рассеялись. Он как-то неприятно хохотнул.

— Конечно, конечно! Наши арестованные всегда невиновны! Вы сами вынесли себе приговор. Вы не можете защитить себя, у вас нет алиби... Только клянетесь, что не убивали. Но кто вам поверит? Разве что ребенок? Вы, вы убили отца, Рено... Убили жестоко и трусливо... Убили ради денег, ведь вы думали, что они достанутся вам. Ваша мать — косвенная соучастница преступления. Конечно, приняв во внимание ее материнские чувства, судьи окажут ей снисхождение. Ей, но не вам. И поступят совершенно справедливо! Ибо ваше деяние — ужасно! Ни суд людской, ни суд небесный не пощадят вас!

Тут поток красноречия мосье Отэ, к его величайшему неудовольствию, был внезапно прерван. Дверь с шумом отворилась.

— Господин следователь! Господин следователь! — Служитель даже заикался от волнения. — Там дама, она говорит... говорит...

— Кто там еще? Что говорит? — загремел вне

себя от гнева следователь. — Вы нарушаете закон! Я запрещаю! Решительно запрещаю!

Но тут тоненькая девушка оттолкнула жандарма и переступила порог. Одета она была во все черное, лицо скрывала густая вуаль.

Сердце у меня болезненно сжалось. Все-таки она пришла! Все мои усилия пошли прахом. Однако какое же благородство! Как бестрепетно совершила она этот роковой шаг!

Девушка подняла вуаль... и я остолбенел. Это не Сандрильона, хоть и похожа на нее как две капли воды. Теперь, когда она была без светлого парика, в котором выступала на сцене, я понял, что именно ее фотографию нашел Пуаро в шкафу у Жака.

— Вы следователь мосье Отэ? — спросила она.

— Да, но я запрещаю...

— Мое имя — Белла Дьювин. Я пришла признаться в том, что убила мосье Рено.

Глава 26
Я ПОЛУЧАЮ ПИСЬМО

«Мой друг.

Вы уже будете знать все, когда получите это письмо. Как я ни старалась, мне не удалось уговорить Беллу. Она решила покориться своей участи. Я устала бороться с нею.

Теперь Вы знаете, что я обманывала Вас. Вы доверяли мне, а я платила Вам ложью. Возможно, Вы сочтете мое поведение непростительным, однако мне все-таки хотелось бы, прежде чем я навсегда уйду из Вашей жизни, просто рассказать Вам, как все это получилось. Если бы я знала, что Вы можете простить меня, мне было бы легче жить! Единственное, что я могу сказать в свое оправдание, — я делала все это не ради себя.

Начну с того дня, когда мы с Вами встретились в поезде. Я тогда очень тревожилась о Белле. Она была в отчаянии. Она так любила Жака Рено и, кажется,

на все готова была ради него. Когда он вдруг переменился к ней и почти перестал писать, она заподозрила, что он увлекся другой девушкой, и, как оказалось впоследствии, была совершенно права. Тогда Белла вбила себе в голову, что должна поехать в Мерлинвиль и повидать Жака. Она знала, что я не одобряю этой затеи, и постаралась улизнуть от меня. Когда я убедилась, что ее нет в поезде, то решила не возвращаться в Англию без нее. У меня было такое чувство, что, если я не вмешаюсь, произойдет что-то ужасное.

Я дождалась следующего поезда из Парижа и встретила Беллу. Она решительно объявила мне, что едет в Мерлинвиль. Я пыталась отговорить ее, но из этого ничего не вышло. Она была взвинчена до крайности, кричала, что будет поступать так, как находит нужным, и что это не мое дело. Ну что ж, тогда я сказала, что умываю руки. В конце концов, я сделала все, что могла! Было уже поздно, и я пошла в гостиницу, а Белла отправилась в Мерлинвиль. Я никак не могла отделаться от ощущения, которое в

романах называют предчувствием неминуемой беды.

Настало утро, а Беллы все не было. Мы с ней заранее условились, что встретимся здесь, в гостинице. Я ждала весь день, но от нее не было никаких вестей. Тревога все больше овладевала мною. А из вечерних газет я узнала об убийстве в Мерлинвиле.

Ужас охватил меня! Конечно, полной уверенности в том, что Белла замешана в преступлении, у меня не было, но напугана я была страшно. Я рисовала себе жуткую картину — вот Белла встречается с отцом Жака, рассказывает ему обо всем, он оскорбляет ее, ну и так далее. Дело в том, что мы обе ужасно вспыльчивы.

Потом до меня дошел слух об этих иностранцах в масках, и я немного успокоилась. Однако я не могла понять, куда исчезла Белла, и потому тревожилась.

К следующему утру я уже не находила себе места и решила поехать в Мерлинвиль и попытаться разузнать что-нибудь. Тут-то я и наткнулась на Вас. Что было потом, Вам известно... Когда я уви-

дела покойника, поразительно похожего на Жака, да еще и одетого в точно такой же плащ, как у Жака, я все поняла! Ко всему прочему я узнала нож — о, этот злосчастный нож! — Жак подарил его Белле! Я была совершенно уверена, что на нем отпечатки пальцев Беллы. Не берусь описать страх и отчаяние, которые испытала я в ту минуту. Я видела только один выход — необходимо взять нож и как можно скорее бежать оттуда, пока никто не хватился. Я притворилась, что теряю сознание, Вы пошли за водой, а я взяла нож и спрятала его под одеждой.

Я сказала Вам, что остановилась в гостинице «Отель дю Фар», а на самом деле отправилась прямиком в Кале, а оттуда первым пароходом в Англию. Этот проклятый нож я выбросила в море, где-то посередине между Англией и Францией. И тут только смогла наконец вздохнуть свободно.

Беллу я нашла в Лондоне, в нашей квартире. На ней буквально лица не было. Я рассказала ей о том, что мне удалось сделать, и добавила, что теперь она в

безопасности.

Она посмотрела на меня пустым взглядом и вдруг принялась смеяться.

Этот ее смех... от него кровь стыла в жилах! Я поняла: самое лучшее для нас сейчас — заняться делом. Она же просто тронется рассудком, если все время будет думать о том, что она натворила. К счастью, нам повезло, и мы сразу получили ангажемент.

А потом я увидела Вас и Вашего друга в зрительном зале в Ковентри... Я чуть с ума не сошла. Должно быть, Вы заподозрили что-то, думала я, иначе зачем бы Вам нас выслеживать. Я решила, что должна узнать все — пусть даже самое плохое, только не эта неизвестность, — и пошла за Вами. Мною двигала храбрость, храбрость отчаяния. А потом, прежде чем я успела объяснить Вам все, я вдруг догадалась, что Вы подозреваете не Беллу, а меня. Или, может быть, думаете, что я Белла, ведь нож-то украла я.

Ах, если бы Вы знали, что творилось в моей душе в ту минуту... возможно, Вы простили бы меня... Я была так напугана,

сбита с толку, отчаяние владело мною... Тогда я поняла лишь одно — Вы стараетесь спасти именно меня... Я не знала, захотите ли Вы помочь ей, Белле... Скорее всего, нет, подумала я, ведь она — совсем другое дело! Я боялась рисковать. Мы с Беллой — близнецы, и я готова сделать для нее все, что в моих силах. Поэтому я ничего не сказала Вам, не призналась, что обманула Вас. Какая же я дрянь!.. Ну, вот и все. Этого более чем достаточно, наверное, подумаете Вы. Я должна была открыть Вам свою душу... Если бы мне это удалось...

Как только в газетах появилось сообщение, что Жак Рено арестован, разразилась беда. Белла не стала ждать, как пойдет дело...

Я так устала. Не могу больше писать...»

Сначала она подписалась Сандрильоной, потом перечеркнула и вместо этого поставила:

«Далси Дьювин».

Я по сей день храню это наспех написанное,

испещренное помарками и закапанное слезами послание.

Пуаро был рядом, когда я читал письмо. Листки выпали из моих рук, и я посмотрел в глаза Пуаро.

— Так вы все время знали, что это была не Сандрильона?

— Конечно, мой друг.

— А почему же вы не сказали мне?

— Во-первых, я и не предполагал, что вы можете так обмануться. Вы же видели фотографию. Конечно, сестры очень похожи, но не заметить разницы просто невозможно.

— Но у той были светлые волосы?

— Парик. Белла надевала его во время выступления, этот контраст придавал сестрам пикантность. Мыслимое ли дело, чтобы один из близнецов был блондином, другой — брюнетом?

— А почему вы не сказали мне об этом в тот вечер, в Ковентри?

— Вы так бесцеремонно обошлись со мной, топ ami, — сухо сказал Пуаро. — Вы же лишили меня возможности говорить.

— Ну а потом?

— Что потом? Ну, во-первых, меня очень задевало, что вы совсем не верите в мои способности.

Кроме того, мне хотелось посмотреть, выдержат ли ваши чувства испытание временем — настоящая ли это любовь или очередное увлечение. Я вовсе не собирался надолго оставлять вас в неведении.

Я кивнул. В его голосе звучало такое сочувствие и доброта, что я не мог держать на него зла. Повинуясь внезапному порыву, я нагнулся, поднял листки с пола и протянул Пуаро.

— Возьмите, — сказал я. — Хочу, чтобы вы прочли.

Он молча прочел и поднял взгляд на меня.

— Что же вас тревожит, Гастингс?

Никогда еще я не видел Пуаро в таком расположении духа. Его обычной насмешливости и в помине не было. Мне не пришлось даже делать над собой особых усилий, чтобы сказать то, что не давало мне покоя:

— Она не говорит... не говорит... ну, в общем, безразличен я ей или нет.

Пуаро полистал страницы.

— Сдается мне, вы ошибаетесь, Гастингс.

— Что? Откуда вы это взяли? — в волнении воскликнул я, подавшись вперед.

Пуаро улыбнулся.

— Да тут каждая строчка говорит о том, что вы

ей небезразличны, mon ami.

— Где же мне найти ее? Ведь в письме не указан обратный адрес. Только французская марка, и все.

— Не волнуйтесь! Положитесь на старого Пуаро. Я найду ее, как только выдастся свободная минутка.

Глава 27
РАССКАЗЫВАЕТ ЖАК РЕНО

— Поздравляю, мосье Жак, — сказал Пуаро, сердечно пожимая руку молодого человека.

Жак Рено навестил нас сразу же, как только его выпустили из тюрьмы. После этого он должен был вернуться в Мерлинвиль, к мадам Рено и Марте. Мосье Жака сопровождал Стонор, цветущий вид которого лишь подчеркивал болезненную бледность юноши, находившегося, по-видимому, на грани нервного расстройства. Он печально улыбнулся Пуаро и едва слышно сказал:

— Я выдержал весь этот ужас, чтобы защитить ее, и вот все напрасно.

— Как могли вы подумать, что девушка примет такую жертву? — сдержанно заметил Стонор. — Да она просто обязана была сказать правду. Она же понимала, что вас ждет гильотина.

— Eh ta foi![117] Не миновать бы вам гильотины, — подхватил Пуаро, и в глазах его мелькнул насмешливый огонек. — Ведь на вашей совести была бы еще и смерть мэтра Гросье. Если бы вы

---

[117] Примечания: 117
Честью клянусь! *(фр.)*

продолжали упорствовать в своем молчании, беднягу непременно хватил бы удар.

— Он туп как осел, хотя вполне благожелательный, — сказал Жак. — Как он меня раздражал! Вы ведь понимаете, я не мог доверить ему свою тайну. Но боже мой! Что же теперь будет с Беллой?

— На вашем месте я бы не слишком расстраивался по этому поводу, — с искренним сочувствием сказал Пуаро. — Как правило, судьи весьма снисходительны к crime passionne[118], особенно когда его совершает юная и прелестная особа. Ловкий адвокат откопает уйму смягчающих обстоятельств. Конечно, вам будет не очень-то приятно...

— Это меня не волнует. Видите ли, мосье Пуаро, как бы то ни было, но я в самом деле чувствую себя виновным в смерти отца. Если бы не мои запутанные отношения с этой девушкой, он сейчас был бы жив и здоров. И еще моя проклятая оплошность — ведь я надел отцовский плащ. Не могу избавиться от чувства, что я виноват в его смерти. Наверное, сознание вины будет преследовать меня до конца моих дней.

— Ну что вы, — сказал я, стараясь успокоить

---

[118] Примечания: 118
Преступление, совершенное в состоянии аффекта *(фр.)*

его.

— Конечно, то, что Белла убила моего отца, ужасно, — сокрушенно продолжал Жак. — Но я дурно поступил с нею. Когда я встретил Марту и понял, что люблю ее, надо было написать Белле и честно во всем признаться. Но я так боялся скандала, боялся, что это дойдет до ушей Марты и она бог знает что может вообразить. Словом, я вел себя как трус, тянул, надеялся, что все само собой образуется. Просто плыл по течению, не понимая, какие страдания причиняю бедной девушке. Если бы жертвой пал я, а не отец, то свершился бы высший суд — я получил бы по заслугам. Как же отважно она призналась в своей вине! А ведь я готов был выдержать это испытание до конца, вы знаете.

Он помолчал немного, потом взволнованно продолжал:

— Не могу понять, зачем отец в ту ночь расхаживал в моем плаще. Зачем надел его прямо на нижнее белье? Может быть, он сбежал от этих иностранцев? А матушка, вероятно, ошиблась во времени, и грабители напали не в два часа. Или... или... она намеренно вводит вас с заблуждение, да? Неужели матушка могла подумать... подумать... что... заподозрить, что это я... это я...

Но Пуаро поспешил разуверить его:

— Нет-нет, мосье Жак. Пусть эта мысль не мучит вас. Что же до остального, потерпите еще день-два, и я все объясню вам. Это весьма запутанная история. А вы не могли бы подробно рассказать нам, что же все-таки случилось в тот страшный вечер?

— Собственно, и рассказывать-то нечего. Я приехал из Шербура, как вам известно, чтобы попрощаться с Мартой, ведь мне предстояло ехать на край света. Было уже поздно, и я решил идти коротким путем — через поле для гольфа, откуда рукой подать до виллы «Маргерит». Я уже почти дошел, как вдруг...

Он запнулся и судорожно сглотнул.

— Да?

— Я услышал какой-то странный и страшный крик. Он не был громок, точно кто-то задыхался или давился кашлем, но я замер от страха и с минуту стоял как вкопанный, потом обогнул живую изгородь. Ночь была лунная, и я увидел могилу и рядом человека, лежащего ничком. В спине у него торчал нож. А потом... потом... я поднял взгляд и увидел ее. Она смотрела на меня с ужасом, точно я привидение. Потом вскрикнула и бросилась прочь.

Он замолчал, пытаясь совладать с собой.

— Ну а потом? — как можно спокойней спросил Пуаро.

— Право, не знаю. Я постоял еще, совершенно ошеломленный. Потом подумал, что надо поскорее убираться. Нет, мне и в голову не пришло, что могут заподозрить меня. Я испугался, что меня вызовут в качестве свидетеля и мне придется давать показания против Беллы. Как уже говорил, я дошел пешком до Сан-Бовэ, нанял автомобиль и вернулся в Шербур.

В дверь постучали, и вошел посыльный с телеграммой, которую вручил Стонору. Секретарь вскрыл ее, прочел и тут же поднялся с кресла.

— Мадам Рено пришла в сознание, — сказал он.

— А! — Пуаро вскочил. — Немедленно отправляемся в Мерлинвиль!

Мы поспешно собрались. Стонор по просьбе Жака согласился остаться, с тем чтобы помочь, если удастся, Белле Дьювин. Пуаро, Жак Рено и я отбыли в Мерлинвиль в автомобиле мосье Рено.

Поездка заняла немногим более сорока минут. Когда мы подъезжали к вилле «Маргерит», Жак Рено бросил на Пуаро вопросительный взгляд:

— Что, если вы отправитесь вперед и осторожно

подготовите матушку к радостному известию?..

— А вы тем временем лично подготовите мадемуазель Марту, правда? — откликнулся Пуаро, подмигнув Жаку. — Ну конечно, я и сам хотел вам предложить это.

Жак Рено не стал упираться. Остановив машину, он выпрыгнул из нее и помчался к дому. А мы продолжали свой путь к вилле «Женевьева».

— Пуаро, — сказал я, — вы помните, как мы впервые приехали сюда? И нас встретили известием, что мосье Рено убит?

— О, конечно, отлично помню. Не так уж много времени прошло с тех пор. А сколько всяких событий, особенно для вас, топ ami\

— Да, в самом деле, — вздохнул я.

— Вы ведь воспринимаете их в основном сердцем, а не разумом, Гастингс. Я же подхожу к ним иначе. К мадемуазель Белле, будем надеяться, суд отнесется снисходительно. Правда, Жак Рено не может жениться сразу на обеих своих возлюбленных. Тут уж ничего не поделаешь... Я же подхожу к делу профессионально. Это преступление не отнесешь к разряду разумно спланированных и четко выполненных, то есть таких, от разгадки которых детектив получает истинное

удовольствие. Mise en scene[119], разработанная Жоржем Конно, — в самом деле безукоризненна, но denouement[120] — о нет! О ней этого никак не скажешь! В припадке гнева и ревности девушка совершает убийство — где уж тут порядок, где логика!

Такой своеобразный подход к делу вызвал у меня невольную улыбку.

Дверь нам отворила Франсуаза. Пуаро сказал, что должен немедленно повидать мадам Рено, и старая служанка проводила его наверх. Я же остался в гостиной. Вернулся Пуаро довольно скоро. Он был на редкость мрачен.

— Vous voila, Гастингс! Sacre tonnerre![121] Назревает скандал!

— Что вы хотите сказать? — удивился я.

— Вы не поверите, Гастингс, — задумчиво проговорил Пуаро, — но от женщин никогда не знаешь, чего ждать.

— А вот и Жак с мадемуазель Мартой! — воскликнул я, глядя в окно.

---

[119] Примечания: 119
Постановка, мизансцена *(фр.).*

[120] Примечания: 120
Развязка *(фр.).*

[121] Примечания: 121
Ну вот!.. Проклятье! *(фр.)*

Пуаро выскочил из дома и перехватил их у входа.

— Не ходите туда. Так будет лучше. Ваша матушка очень расстроена.

— Знаю, знаю, — сказал Жак Рено. — И я должен сейчас же поговорить с ней.

— Нет, прошу вас. Лучше не надо.

— Но мы с Мартой...

— Мадемуазель лучше остаться здесь. Если вы так уж настаиваете, разумнее будет, если с вами пойду я.

Голос, внезапно раздавшийся откуда-то сверху позади нас, заставил всех вздрогнуть.

— Благодарю за любезность, мосье Пуаро, но я намерена объявить свою волю.

Мы обернулись и застыли в изумлении. По лестнице, тяжело опираясь на руку Леони, спускалась мадам Рено. Голова ее была забинтована. Девушка со слезами уговаривала свою госпожу вернуться в постель.

— Мадам погубит себя. Доктор строго-настрого запретил вам подниматься!

Но мадам Рено ее не слушала.

— Матушка! — закричал Жак, бросаясь к ней.

Но она властным жестом отстранила его.

— Я тебе не мать! Ты мне не сын! С этой минуты

я отрекаюсь от тебя.

— Матушка! — снова крикнул ошеломленный молодой человек.

Казалось, мадам Рено дрогнула — такая нестерпимая мука звучала в голосе Жака. Пуаро протянул было руку, как бы призывая их обоих успокоиться. Но мадам Рено уже овладела собою.

— На твоих руках кровь отца. Ты виновен в его смерти. Ты ослушался его, ты пренебрег им, и все из-за этой особы. Ты жестоко обошелся с той, другой девушкой, и твой отец жизнью поплатился за это! Ступай прочь из моего дома! Завтра же я приму меры, чтобы ты ни гроша не получил из отцовского наследства. Устраивай свою жизнь как сумеешь, и пусть эта особа, дочь заклятого врага твоего отца, помогает тебе.

Мадам Рено повернулась и медленно, с мучительным трудом стала подниматься по лестнице.

Сцена была столь неожиданна и ужасна, что мы все стояли, точно громом пораженные. Жак, который и без того едва держался на ногах, пошатнулся. Мы с Пуаро бросились к нему.

— Ему совсем худо, — шепнул Пуаро, обращаясь к Марте. — Куда бы перенести его?

— Разумеется, к нам, на виллу «Маргерит». Мы

с матушкой станем ухаживать за ним. Бедный Жак!

Мы отвезли молодого человека на виллу «Маргерит». Он рухнул в кресло в полуобморочном состоянии. Пуаро пощупал его лоб и руки.

— У него жар. Столь продолжительное напряжение дает себя знать. А тут еще такой удар... Надо уложить его в постель. Мы с Гастингсом позаботимся, чтобы послали за доктором.

Появившийся вскоре доктор, осмотрев больного, заверил нас, что это всего лишь результат нервного перенапряжения. Тишина и полный покой, возможно, уже завтра принесут облегчение. Но следует оберегать больного от волнений, ибо в этом случае болезнь может принять дурной оборот. Желательно, чтобы ночью кто-нибудь подежурил у его постели.

Итак, сделав все, что было в наших силах, мы оставили Жака на попечение Марты и мадам Добрэй и отправились в город. Привычное для нас обеденное время давно миновало, и оба мы отчаянно проголодались. В первом же ресторане мы утолили муки голода превосходным омлетом, за которым последовал не менее превосходный антрекот.

— А теперь самое время подумать о ночлеге,

— сказал Пуаро, прихлебывая черный кофе, завершивший нашу трапезу. — Как насчет нашего старого друга «Отель де Бен»?

Недолго думая мы направились туда. Да, мосье могут быть предоставлены две отличные комнаты с видом на море. И тут Пуаро задал портье вопрос, немало меня удививший:

— Скажите, английская леди, мисс Робинсон, уже прибыла?

— Да, мосье. Она в маленькой гостиной.

— Ага!

— Пуаро! — воскликнул я, направляясь следом за ним по коридору. — Какая еще, черт побери, мисс Робинсон?

Пуаро одарил меня лучезарной улыбкой.

— Решил устроить ваше счастье, Гастингс.

— Но я...

— О господи, — сказал Пуаро, добродушно подталкивая меня в комнату. — Не думаете же вы, что я на весь Мерлинвиль раструблю имя Дьювин?

И правда, навстречу нам поднялась Сандрильона. Я взял ее руку в свои. Мои глаза сказали ей все остальное.

Пуаро кашлянул.

— Mes enfants[122], — сказал он. — В данный момент у нас нет времени на сантименты. Нам еще предстоит потрудиться. Мадемуазель, удалось ли вам сделать то, о чем я вас просил?

Вместо ответа Сандрильона вытащила из сумочки какой-то предмет, завернутый в бумагу, и молча протянула его Пуаро. Когда Пуаро развернул пакет, я вздрогнул — это был тот самый нож! Но ведь она, как я понял из ее письма, бросила его в море. Удивительно, до чего неохотно женщины расстаются со всякими пустяками, даже компрометирующими!

— Tres bien, топ enfant[123], — сказал Пуаро. — Вы меня очень порадовали. А теперь покойной ночи. Нам с Гастингсом надо еще поработать. Увидитесь с ним завтра.

— Куда же вы идете? — спросила девушка, и глаза ее расширились.

— Завтра вы обо всем узнаете.

— Куда бы вы ни шли, я с вами.

— Но, мадемуазель...

— Я сказала, я с вами.

Пуаро понял, что спорить бесполезно. Он сдал-

---

[122] Примечания: 122
Дети мои *(фр.)*.

[123] Примечания: 123
Очень хорошо, дитя мое *(фр.)*.

ся.

— Пусть будет по-вашему, мадемуазель. Правда, ничего интересного не обещаю. Скорее всего, вообще ничего не произойдет.

Девушка промолчала.

Минут через двадцать мы пустились в путь. Было уже совсем темно. В воздухе чувствовалась давящая духота. Пуаро повел нас к вилле «Женевьева». Однако, когда мы дошли до виллы «Маргерит», он остановился.

— Мне хотелось бы убедиться, что с Жаком Рено все в порядке. Пойдемте со мной, Гастингс. А вы, мадемуазель, пожалуйста, подождите здесь. Мадам Добрэй, может, чего доброго, оказаться не слишком любезной.

Отворив калитку, мы пошли по дорожке к дому. Я указал Пуаро на освещенное окно второго этажа. На шторе четко вырисовывался профиль Марты Добрэй.

— Ага! — воскликнул Пуаро. — Думаю, здесь-то мы и найдем молодого Рено.

Дверь отворила мадам Добрэй. Она сообщила нам, что Жак все в том же состоянии и что если мы пожелаем, то сами можем убедиться в этом. Вслед за нею мы поднялись в спальню. Марта Добрэй сидела у стола и шила при свете настоль-

ной лампы. Увидев нас, она приложила палец к губам.

Жак Рено спал тяжелым, беспокойным сном — голова его металась по подушке, лицо пылало жаром.

— Что доктор, он придет еще? — шепотом спросил Пуаро.

— Нет, пока мы не пошлем за ним. Но Жак спит, и это для него сейчас самое лучшее. Матап приготовила ему целебный отвар.

И она снова принялась за вышивание, а мы тихонько вышли из комнаты Мадам Доброй проводила нас вниз. Теперь, когда мне стало известно ее прошлое, я смотрел на нее со все возрастающим интересом. Она стояла перед нами, опустив глаза, и на губах ее играла легкая загадочная улыбка. Я вдруг почувствовал безотчетный страх перед нею. Такой страх наводит на нас ослепительно красивая, но ядовитая змея.

— Надеюсь, мы не слишком обеспокоили вас, мадам, — учтиво сказал Пуаро, когда она открывала нам дверь.

— Ничуть, мосье.

— Кстати, — сказал Пуаро, точно спохватившись, — мосье Стонор был сегодня в Мерлинвиле, не знаете ли?

Я не мог понять, с какой стати задал Пуаро этот вопрос, по-моему, совершенно лишенный всякого смысла.

— Насколько я знаю, нет, — сдержанно ответила мадам Добрэй.

— Не беседовал ли он с мадам Рено?

— Откуда мне знать, мосье?

— Действительно, — сказал Пуаро. — Просто я подумал, что вы, может быть, видели, как он проходил или проезжал мимо, только и всего. Покойной ночи, мадам.

— Отчего... — начал было я.

— Оставьте ваши «отчего», Гастингс. Придет время — все узнаете.

Вместе с Сандрильоной мы торопливо направились к вилле «Женевьева». Пуаро оглянулся на освещенное окно, в котором вырисовывался профиль Марты, склонившейся над вышиванием.

— Его, во всяком случае, охраняют, — пробормотал он.

Подойдя к дому, мы спрятались за кустами, слева от подъездной аллеи, откуда хорошо просматривался парадный вход, тогда как мы сами были надежно укрыты от посторонних взглядов. Дом был погружен в темноту, по-видимому, все уже спали. Окно спальни мадам Рено было как

раз над нами, и я заметил, что оно открыто. Пуаро не спускал с него глаз.

— Что нам предстоит делать? — шепотом спросил я.

— Наблюдать.

— Но...

— Не думаю, что в ближайшие час или два что-нибудь случится, но...

В этот миг раздался протяжный слабый крик:

— Помогите!

В окне на втором этаже, справа от входа, вспыхнул свет. Крик доносился оттуда. И мы увидели сквозь штору мелькающие тени, как будто там боролись два человека.

— Mille tonneres![124] — закричал Пуаро. — Должно быть, она теперь спит в другой комнате!

Он бросился к парадной двери и принялся бешено колотить в нее. Потом подскочил к дереву, что росло на клумбе, и ловко, точно кошка, вскарабкался на него. Я, разумеется, полез за ним, а он тем временем прыгнул в открытое окно. Оглянувшись, я увидел Далси позади себя.

— Осторожнее! — крикнул я

— Кому вы говорите! — откликнулась она. —

---

[124] Примечания: 124
Тысяча чертей! *(фр.)*

Для меня это детская забава.

Я спрыгнул в комнату, когда Пуаро дергал дверь, пытаясь ее открыть.

— Заперто с той стороны, — прорычал он. — Так скоро ее не высадишь!

Крики между тем становились все слабее. В глазах Пуаро я увидел отчаяние. Мы с ним налегли плечами на дверь.

В это время послышался спокойный негромкий голос Сандрильоны:

— Опоздаете. Пожалуй, только я еще успею что-то сделать.

Прежде чем я успел остановить ее, она исчезла за окном. Я бросился за ней и, к своему ужасу, увидел, что она висит, держась за край крыши, и, перебирая руками, продвигается к освещенному окну.

— Боже мой! Она разобьется! — закричал я.

— Вы что, забыли? Она же профессиональная акробатка, Гастингс. Само провидение послало ее нам сегодня! Об одном молю Господа — только б она успела! Ах!

Страшный крик разорвал тишину ночи в тот миг, когда Далси исчезла в проеме окна. Потом послышался ее уверенный голос:

— Ну нет! От меня не уйдешь — у меня желез-

ная хватка!

В тот момент дверь нашей комнаты осторожно отворилась, Пуаро, бесцеремонно оттолкнув Франсуазу, устремился по коридору к двери, возле которой толпились горничные.

— Дверь заперта! Заперта изнутри, мосье!

Из комнаты донесся глухой стук, точно упало что-то тяжелое. А в следующую минуту ключ повернулся, и дверь медленно отворилась. Сандрильона, белая как мел, пропустила нас в комнату.

— Жива? — спросил Пуаро.

— Да, я успела как раз вовремя. Еще немного, и было бы поздно.

Мадам Рено, полулежа в постели, задыхаясь, ловила ртом воздух.

— Едва не задушила, — чуть слышно прохрипела она.

Далси подняла что-то с пола и протянула Пуаро. Это была свернутая в рулон лестница из шелковой веревки, очень тонкой и прочной.

— Это чтобы спуститься из окна, пока мы стучали бы в дверь. А где она сама?

Далси посторонилась. На полу лежало тело, накрытое чем-то темным, лица не было видно.

— Мертва?

Девушка кивнула.

— Думаю, да. Должно быть, ударилась виском о каминную доску.

— Да кто же это? — крикнул я.

— Убийца мосье Рено, Гастингс, а если бы не мисс Дьювин, то и мадам Рено.

Совершенно сбитый с толку, отказываясь хоть что-нибудь понять, я опустился на колени и поднял ткань — на меня смотрело прекрасное мертвое лицо Марты Добрэй!

Глава 28
КОНЕЦ ПОЕЗДКИ

Воспоминания об остальных событиях этой ночи смешались в моей голове. Пуаро нетерпеливо отмахивался от моих настойчивых расспросов. Он, казалось, был целиком поглощен перепалкой с Франсуазой, которую осыпал упреками за то, что она не дала ему знать, когда мадам Рено переменила спальню.

Я схватил Пуаро за плечо и хорошенько тряхнул, рассчитывая хоть таким образом привлечь его внимание к своей скромной особе и заставить выслушать себя.

— Но вы же сами должны были знать это, — пытался я усовестить его. — Вы ведь сегодня специально приезжали сюда, чтобы повидать мадам Рено!

Пуаро соизволил наконец отвлечься на минуту от Франсуазы.

— Тогда ее просто выкатили на кровати в будуар рядом со спальней, — нетерпеливо бросил он мне.

— Но, мосье, — кричала Франсуаза, — ма-

дам перешла в другую комнату сразу же после той ужасной ночи! Разве могла она остаться в спальне, где все это случилось?

— Почему же вы мне не сказали? — надрывался Пуаро, стуча кулаком по столу и все больше распаляясь. — Почему, я спрашиваю вас... Почему?! Почему мне ничего не сказали? Вы просто выжили из ума! И Леони с Дениз тоже не лучше! Безмозглые курицы! Ваша тупость едва не стоила жизни мадам Рено! Если бы не эта отважная юная леди...

Он задохнулся от гнева и, не находя больше слов, бросился к Далси, которая стояла у постели мадам Рено, и с чисто галльским пылом схватил девушку в объятия. Признаюсь, я почувствовал при этом легкий укол ревности.

Из состояния заторможенности меня вывел властный окрик Пуаро, приказавшего мне тоном, не терпящим возражений, немедленно доставить к мадам Рено доктора, а затем вызвать полицию. И чтобы окончательно утвердить меня в сознании собственной никчемности, он добавил:

— Вряд ли вам стоит возвращаться сюда. Я слишком занят и не могу уделить вам внимания. Что же до мадемуазель Дьювин, то я хочу, чтобы она ненадолго осталась здесь в качестве garde-

malade[125].

Я удалился, стараясь, сколько возможно, сохранить видимость собственного достоинства. Выполнив поручения Пуаро, я вернулся в гостиницу. Я ничего не понял из того, что произошло. Ночные события представлялись мне фантастическим нагромождением каких-то кошмаров. Пуаро не стал отвечать на мои вопросы. Казалось, он их просто не слышит Обиженный и разозленный, я бросился в постель и заснул так, как может спать лишь безнадежно запутавшийся и смертельно усталый человек.

Проснувшись, я увидел, что в открытые окна льется солнечный свет, а подле меня сидит одетый, как на парад, улыбающийся Пуаро.

— Enfin[126]. Проснулся! Ну и соня вы, Гастингс! Ведь уже почти одиннадцать часов!

Я охнул, схватившись за голову.

— Какой страшный сон мне приснился! — сказал я. — Знаете, будто мы обнаружили труп Марты Добрэй в спальне мадам Рено, а вы будто сказали, что она убила мосье Рено.

— Это не сон. Все это было на самом деле.

---

[125] Примечания: 125
Сиделки *(фр.).*

[126] Примечания: 126
Ну, наконец-то *(фр.).*

— Но ведь мосье Рено убила Белла Дьювин!

— О нет, Гастингс, она никого не убивала. Она так сказала, да, но только для того, чтобы спасти от гильотины Жака Рено, которого она любит.

— Как?!

— Вспомните, что говорил Жак Рено. Они одновременно появились на месте преступления, и каждый из них заподозрил другого. Помните, девушка в ужасе посмотрела на него и с криком бросилась прочь. Потом она узнает, что его обвиняют в преступлении. Она не может этого вынести и берет вину на себя, чтобы спасти его от верной смерти.

Пуаро откинулся в кресле и знакомым жестом сложил вместе кончики пальцев.

— Это дело не давало мне покоя, — задумчиво продолжал он. — Меня не покидало чувство, что перед нами хладнокровное, тонко продуманное преступление, совершенное убийцей, который использовал (весьма ловко!) план самого мосье Рено и тем самым сбил полицию со следа. Талантливый преступник (помните, что я недавно говорил вам по этому поводу), как правило, поступает в высшей степени просто.

Я кивнул.

— Ну вот, в соответствии с этой теорией пре-

ступник должен был досконально знать все планы мосье Рено. А это сразу наводило на мысль о мадам Рено. Однако факты противоречили версии о ее виновности. Есть ли кто-то еще, кому могли быть известны планы мосье Рено? Да, есть. Марта Добрэй сама призналась, что подслушала разговор мосье Рено с бродягой. Если так, то она могла подслушать и другой разговор, тем более что мосье и мадам Рено столь опрометчиво обсуждали свои планы, сидя на скамейке подле сарая. Помните, вы и сами, сидя там, отлично слышали разговор Марты с Жаком.

— Но зачем было Марте убивать мосье Рено, если только она действительно убила его? — возразил я.

— Как зачем? А деньги? У Рено несколько миллионов, и после его смерти половина его огромного состояния (Марта и Жак были уверены в этом) должна перейти к сыну. Давайте посмотрим на сложившиеся обстоятельства глазами Марты Добрэй.

Она подслушивает разговор мосье Рено с женой. До сих пор он худо-бедно служил источником дохода для матери и дочери, но теперь он намерен ускользнуть из их сетей. Сначала, возможно, она хотела только помешать ему улизнуть. Но

потом ею овладела новая смелая мысль, которая ужаснула бы всякую другую девушку. Но ведь Марта — дочь Жанны Берольди! Она знает, что мосье Рено против их брака, что он непреклонен. Если Жак ослушается отца, он останется без гроша в кармане, что совсем не входит в планы мадемуазель Марты. И вообще, я сомневаюсь, была ли у Марты хоть капля чувства к Жаку. Она делала вид, что любит его, но на самом деле она холодна и расчетлива, как и ее мать. Подозреваю, кроме того, что она не была уверена, удастся ли ей удержать Жака. Ее красота ослепила, пленила его. Но если ее не будет рядом, — а она знала, что мосье Рено собирается надолго разлучить их, — он может охладеть к ней. Если же мосье Рено умрет и Жак унаследует половину его миллионов, свадьбу можно устроить не откладывая, тогда она сразу получит огромное богатство, а не жалкие несколько тысяч, которые удалось вытянуть из него. Она со своим незаурядным умом сразу поняла, как просто можно все сделать. Легко и просто. Рено продумал все обстоятельства своей мнимой смерти — ей остается только появиться в нужный момент и превратить фарс в жестокую реальность. И тут возникает второе обстоятельство, которое позволяет заподозрить

Марту Добрэй. Нож! Жак Рено заказал три ножа. Один подарил матери, второй Белле Дьювин, а третий, скорее всего, Марте Добрэй.

Итак, подводя итог, можно сказать, что против Марты Добрэй свидетельствуют четыре соображения.

Первое — Марта Добрэй могла подслушать мосье Рено, когда он открыл свой план жене.

Второе — Марте Добрэй смерть мосье Рено сулила прямые выгоды.

Третье — Марта Добрэй — дочь печально известной мадам Берольди, которая, по моему мнению, и прямо и косвенно виновна в смерти своего мужа, хотя роковой удар и был нанесен рукой Жоржа Конно.

Четвертое — Марта Добрэй — единственная, исключая самого Жака Рено, у которой наверняка мог находиться третий нож.

Пуаро замолчал и откашлялся.

— Конечно, когда я узнал о существовании Беллы Дью-вин, я понял, что и она тоже могла бы убить мосье Рено. Однако эта версия не удовлетворяла меня, ибо, как уже говорил вам, профессионал, каковым я себя считаю, предпочитает встретить достойного соперника. Но, что делать, приходится считаться с фактами. Правда,

маловероятно, чтобы Белла Дьювин разгуливала вокруг виллы с ножом в руках, но, несомненно, у нее могла возникнуть мысль отомстить Жаку. А когда она пришла и созналась в убийстве, казалось, все уже ясно. И все-таки... что-то меня беспокоило, mon ami, что-то было не так...

И тогда я снова шаг за шагом пересмотрел все дело и пришел к тому же выводу, что и прежде. Если не Белла Дьювин, то только Марта Добрэй могла быть убийцей. Но у меня не было против нее ни одной улики!

Тут вы как раз показали мне письмо мадемуазель Далси, и я понял, что надо делать. Первый нож украден Далси Дьювин и брошен в море, ибо она думала, что это нож ее сестры. А что, если это нож, который Жак подарил Марте Добрэй? Тогда нож Беллы Дьювин должен быть целехонек. Не посвящая вас в свои планы (не было времени на разговоры), я разыскал мадемуазель Далси, рассказал ей то, что счел необходимым, и попросил ее постараться найти нож среди вещей ее сестры. Представьте мою радость, когда она появилась здесь в качестве мисс Робинсон (как я и просил ее) с драгоценным подарком!

А тем временем я принял меры, чтобы заставить мадемуазель Марту пойти в открытую.

По моему настоянию мадам Рено отказалась от сына и объявила о своем намерении завтра же официально выразить свою волю, с тем чтобы лишить Жака даже самой незначительной доли наследства.

Признаюсь, то был отчаянный шаг, но совершенно неизбежный, и мадам Рено готова была пойти на риск. Правда, к несчастью, она даже не упомянула о том, что спит теперь в другой комнате. Вероятно, она сочла само собой разумеющимся, что мне это известно. Все случилось так, как я предвидел. Марта Добрэй предприняла последний дерзкий ход, чтобы получить миллионы Рено, и... проиграла!

— Чего я не в состоянии понять, — сказал я, — так это как она проникла в дом. Ведь мы ее не видели. Это просто немыслимо. Мы пошли к вилле «Женевьева», а она осталась дома. Как она могла опередить нас?

— О, в том-то и дело, что ее уже не было на вилле «Маргерит», когда мы уходили оттуда. Пока мы говорили с ее матерью в холле, она выскользнула через черный ход. Тут она меня «обставила», как сказали бы американцы!

— А как же тень на шторе? Мы же видели ее на пороге на виллу «Женевьева».

— Eh bien, у мадам Добрэй как раз хватило времени, чтобы взбежать по лестнице и занять место Марты.

— У мадам Добрэй?

— Ну да. Одна из них молода, другая — почтенного возраста, одна златокудрая, другая — темноволосая, но силуэты на шторе совершенно одинаковы, потому что в профиль мать и дочь удивительно похожи. Даже я ничего не заподозрил, старый болван! Думал, что у нас полно времени, что она попытается проникнуть на виллу «Женевьева» позже. Да, в уме ей не откажешь, этой прелестной мадемуазель Марте!

— Так она хотела убить мадам Рено?

— Конечно. Тогда все состояние перешло бы к Жаку. По замыслу Марты, это должно было выглядеть как самоубийство, топ ami! На полу рядом с телом Марты Добрэй я нашел подушечку, пузырек с хлороформом и шприц, содержащий смертельную дозу морфия. Теперь вы поняли? Вначале хлороформ, потом, когда жертва потеряет сознание, укол иглы. К утру запах хлороформа выветрится, а шприц будет лежать так, точно он выпал из руки мадам Рено. Что сказал бы наш доблестный мосье Отэ? «Бедная женщина! Что я говорил вам? Слишком большая радость ока-

залась непосильной для нее! Разве я не говорил, что нисколько не удивлюсь, если у бедняжки помутится рассудок. Настоящая трагедия это дело Рено!»

Однако, Гастингс, все пошло не так, как задумала мадемуазель Марта. Начать с того, что мадам Рено не спала, а ждала ее. Между ними начинается борьба. Но мадам Рено крайне слаба. У Марты Добрэй нет выбора. План с самоубийством провалился, но если Марта сможет своими цепкими руками задушить мадам Рено, бежать с помощью тонкой шелковой лестницы, пока мы пытаемся открыть дверь комнаты, и прежде нас вернуться на виллу «Маргерит», то будет трудно доказать ее вину. Однако она побеждена, и победитель не Эркюль Пуаро, а la petite acrobate[127] с ее железной хваткой.

Я размышлял над тем, что рассказал мне Пуаро.

— Когда вы впервые заподозрили Марту Добрэй, Пуаро? Когда она сказала, что слышала, как мосье Рено ссорился с бродягой?

Пуаро улыбнулся.

— Помните, мой друг, тот первый день, когда

---

[127] Примечания: 127
Маленькая акробатка *(фр.)*.

мы приехали в Мерлинвиль? И прелестную девушку, стоящую у калитки? Вы спросили, заметил ли я эту юную богиню, а я ответил, что заметил только девушку с тревожным взглядом. Такой она и представлялась мне все время с самого начала. Девушка с тревожным взглядом! О ком она беспокоилась?

Не о Жаке Рено, ибо тогда она еще не знала, что он был в Мерлинвиле накануне вечером.

— Кстати, — спохватился я, — как чувствует себя Жак Рено?

— Гораздо лучше. Он все еще на вилле «Маргерит». А мадам Добрэй исчезла. Полиция разыскивает ее.

— Как вы думаете, она была в сговоре с дочерью?

— Этого мы никогда не узнаем. Мадам из тех, кто умеет хранить тайну. И вообще сомневаюсь, что полиция нападет на ее след.

— А Жак Рено уже знает о?..

— Нет еще.

— Для него это будет страшным ударом.

— Разумеется. И все же, знаете, Гастингс, сомневаюсь, что его сердце безраздельно принадлежит Марте Добрэй. До сих пор мы думали, что Белла Дьювин — лишь легкое увлечение, а по-насто-

ящему Жак любит Марту Добрэй. А теперь я считаю, что все обстоит как раз наоборот. Марта Добрэй была необычайно хороша собой. Она поставила себе целью пленить Жака и преуспела в этом, но вспомните его странное поведение по отношению к его первой возлюбленной. Вспомните, ведь он готов был идти на гильотину, лишь бы не выдать ее Есть у меня надежда, что когда он узнает правду, то содрогнется от ужаса и чувство, которое он принимал за любовь, растает как дым.

— А что Жиро?

— А, этот... У него случился нервный припадок. Пришлось вернуться в Париж.

И мы оба рассмеялись.

Пуаро оказался настоящим пророком. Когда наконец доктор заверил нас, что Жак Рено достаточно окреп, Пуаро открыл ему страшную правду. Молодой человек был потрясен. Однако оправился он от этого удара скорее, чем можно было ожидать. Нежная забота мадам Рено помогла ему пережить эти трудные для него дни. Теперь мать и сын были неразлучны.

Но Жаку предстояло еще одно открытие. Пуаро сообщил мадам Рено, что проник в ее тайну, и убедил ее не оставлять Жака в неведении относи-

тельно прошлого его отца.

— Рано или поздно правда все равно выйдет наружу, мадам! Наберитесь мужества и расскажите ему все.

С тяжелым сердцем мадам Рено согласилась, и Жак Рено узнал из ее уст о том, что отец, которого он так горячо любил, всю жизнь скрывался от правосудия.

Пуаро предупредил вопрос, готовый сорваться с губ Жака Рено.

— Не беспокойтесь, мосье Жак. Никто ничего не узнает. Насколько я понимаю, я не обязан посвящать полицию в мои открытия. Я ведь расследовал дело в интересах вашего отца, а не полиции. Возмездие в конце концов настигло его, и неважно теперь, кто он — мосье Рено или Жорж Конно.

Разумеется, в деле Рено оставалось много загадок, которые ставили полицию в тупик, но Пуаро ухитрился так правдоподобно разъяснить их, что все сомнения понемногу рассеялись.

Вскоре после того, как мы вернулись в Лондон, я заметил, что каминную доску в комнате Пуаро украшает превосходно выполненная фигурка английской гончей. В ответ на мой вопросительный взгляд Пуаро кивнул:

— Mais, oui![128] Я получил свои пятьсот франков! Великолепный пес, правда? Я назвал его Жиро!

Несколько дней спустя нас посетил Жак Рено. Лицо его выражало решимость.

— Мосье Пуаро, я пришел проститься. Срочно отплываю в Южную Америку. Мой отец вложил в местную промышленность крупный капитал. Думаю начать новую жизнь.

— Вы едете один, мосье Жак?

— Со мною матушка и Стонор в качестве секретаря. Он любит колесить по свету.

— И больше никто?

Жак вспыхнул.

— Вы говорите о?..

— О девушке, которая столь преданно любит вас, что готова была отдать за вас жизнь.

— Разве я смею просить ее? — пробормотал молодой человек. — После всего, что было, мог ли я прийти к ней и... Боже мой, ну что я ей скажу? Мне нет оправдания!

— Les femmes...[129] У них на этот счет удивительный талант — они могут найти оправдание

---

[128] Примечания: 128
Ну да, конечно! *(фр.)*

[129] Примечания: 129
Женщины... *(фр.)*

чему угодно.

— Да, но... я вел себя как последний болван!

— Мы все порой совершаем непроходимые глупости, — философски заметил Пуаро.

Лицо Жака сделалось жестким.

— Тут совсем другое. Я — сын своего отца. Разве кто-нибудь, узнав об этом, согласится связать со мною свою жизнь?

— Да, вы — сын своего отца. Гастингс может подтвердить, что я верю в наследственность...

— Ну вот, видите...

— Нет, минутку. Я знаю одну женщину редкого мужества и выдержки, способную на великое чувство, готовую ради этого чувства пожертвовать собою...

Жак поднял взгляд. Лицо его просветлело:

— Моя матушка!

— Да. И вы — ее сын. Поэтому идите к мадемуазель Белле. Скажите ей все. Ничего не таите. Увидите, что она вам ответит!

Жак явно колебался.

— Идите к ней, идите не как мальчик, а как мужчина. Да, над вами тяготеет проклятье прошлого, но удары судьбы вас не сломили, и вы с надеждой и верой вступаете в новую и, несомненно, прекрасную пору жизни. Просите мадемуазель Беллу

разделить с вами эту жизнь. Вы любите друг друга, хотя, возможно, еще не осознаете этого. Вы подвергли свое чувство жестокому испытанию, и оно его выдержало. Ведь вы оба готовы были отдать жизнь друг за друга.

А что же капитан Артур Гастингс, смиренный автор этих записок?

Ходят слухи, что он вместе с семейством Рено обосновался на ранчо за океаном. Но чтобы достойно завершить это повествование, хочу вспомнить одно прекрасное утро в саду виллы «Женевьева».

— Я не могу называть вас Белла, — сказал я, — ибо это имя вашей сестры. А Далси звучит как-то непривычно. Так что уж пусть будет Сандрильона. Помнится, она выходит замуж за принца. Я не принц, но...

Она перебила меня:

— А помните, что Сандрильона ему говорит? «Я не могу стать принцессой, ведь я Золушка, бедная служанка...»

— Тут принц ее перебивает... — пустился я импровизировать. — Известно ли вам, что было дальше?

— Хотелось бы знать!

— «Черт побери», — говорит принц и целует

Золушку!

Я так вошел в роль принца, что немедленно последовал его примеру.